

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и
геохимии

А.М. БЛОХ

АРЕСТОВАННАЯ ГЕОЛОГИЯ

1949-1954

Научный руководитель академик Н.П. Лаверов

Рецензенты

академик Д.В. Рундквист

доктор геолого-минералогических наук А.А. Пэк

Москва, 2005

Об авторе

Блох Абрам Моисеевич
(22.2.1927-9.11.2014)

главный специалист ИГЕМ РАН,
доктор геолого-минералогических наук,
член-корреспондент РАЕН

А.М. Блох — выпускник МГРИ.
1951 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение.	3
Глава 1. Преддверие.	6
Глава 2. Заседание Политбюро и последовавший разгром Мингео.	21
Глава 3. Отзвуки производившихся арестов.	42
Глава 4. Геология под арестом.	67
Глава 5. Кто на очереди.	116
Глава 6. Реабилитация.	134
Приложения	
Приложение 1. Докладная записка А.Ф. Шестаковой гл. редактору газеты «Правда» о результатах поездки к Красноярский край с 25.09.1947 по 02.02.1948.	155
Приложение 2. Письмо президента АН СССР С.И. Вавилова и главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Топчиева председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину от 20.05.1949.	158
Приложение 3. Письмо академиков А.Г. Бетехтина, Д.С. Коржинского, Н.М. Страхова и Н.С. Шатского Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, от 09.04.1955	160
Приложение 4. Проект постановления собрания парторганизации ВСЕГЕИ, октябрь 1949.	162
Приложение 5. Письмо проф. В.М. Крейтера Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, 1955.	163
Приложение 6. Из переписки между Национальной академией наук США и лауреатом премии имени Уолкотта членом-корреспондентом АН СССР А.Г. Вологдиным.	164
Приложение 7. Сводный пофамильный список геологов, так или иначе упоминавшихся во время допросов (по протоколам 11-ти следственных дел, лично просмотренных автором полностью).	165
Список сокращений.	166

ВВЕДЕНИЕ

Слухи о начавшихся арестах виднейших представителей советской геологии дошли до автора, тогда студента 4-го курса Московского геолого-разведочного института, где-то перед отъездом в начале июня 1949 года на вторую производственную практику. Именую доходившую до меня информацию слухами потому, что никаких гласных заявлений и, тем более сообщений в прессе, не было в тот период времени и в помине. Впервые мы, студенты, более или менее внятно услышали о произошедшем в конце октября 1949 года, когда, после состоявшегося закрытого партийного собрания, для нас организовали собрание комсомольское (см. главу 3).

Человеческая драма, развернувшаяся и длившаяся до глубокого вечера на подмостках огромного амфитеатра аудитории № 20, перед глазами нескольких сотен ошеломленных студентов, не могла позабыться с годами. Поэтому, когда в начале 90-х годов раскрылись недоступные ранее для исследователя партийные архивы, первым делом, для которого я отправился туда, стал поиск документов, касавшихся арестов геологов и сопутствовавшего им разгрому Министерства геологии СССР.

Накопившиеся за несколько лет архивные выписки позволили подготовить для печати статью, которая летом 2000 г. была напечатана в газете «Поиск» (№ 31-32, с. 10). Материал этот попался на глаза директора ИГЕМ и вице-президента РАН Н.П. Лаверова, который в те печальные годы тоже был студентом и хорошо помнил о катаклизмах, в полной мере наложивших свой отпечаток на атмосферу в МГРИ и в МИЦМЗ.

Так в тематике ИГЕМ с ноября 2000 г. появилась тема, итогом которой и стала предлагаемая монография. Именно под эгидой ИГЕМ создалась завидная возможность, помимо материалов, разысканных в партийных архивах, детально ознакомиться в архиве ФСБ РФ со следственными протоколами и материалами по реабилитации всех 28-ми фигурантов сфабрикованного «дела геологов», за которым стихийно закрепилась дефиниция «Красноярского дела». Из них по 11 делам мной был просмотрен, с соответствующими выписками, весь имеющийся следственный материал, а по остальным 17-ти — только реабилитационная его часть, поскольку для ознакомления с протоколами следствия, по существующим требованиям, необходимо нотариально заверенное согласие на такой просмотр от кого-то из близких родственников фигурантов. По тем же требованиям, в случае если близких родственников на данный момент в живых нет, следственное дело также может быть выдано, но при наличии официально подкрепленного документа из учреждения, в штатах которого числился репрессированный ученый.

Перечислим фамилии репрессированных геологов, со следственными делами которых удалось ознакомиться полностью: И.К. Баженов, В.В. Богацкий, А.Г. Вологдин, И.Ф. Григорьев, В.Н. Доминиковский, В.К. Котульский, В.М. Крейтер, Б.К. Лихарев, М.П. Русаков, В.А. Хахлов, Я.С. Эдельштейн. По тем фигурантам, близкие родственники которых могли быть благополучно здравствовавшими, но их следов обнаружить не удалось, или они, по нравственным обстоятельствам, не захотели дать разрешение (таковых отказов было три), удалось ознакомиться лишь с реабилитационной частью их следственных дел. Она не несет на себе понятия «личной тайны», на ознакомление с которой посторонними лицами родственники вправе наложить запрет. Потому Управление регистраций и архивных фондов ФСБ РФ, в ответ на обращение научного руководителя настоящей работы академика Н.П. Лаверова, дало согласие на просмотр соответствующей части следственных дел.

И здесь автор считает себя обязанным особо подчеркнуть неизменно доброжелательное и заинтересованное отношение начальника Управления В.С. Христофорова и его помощника Л.И. Ермаковой к заявленной теме и безукоризненное исполнение, в рамках утвержденных правил, пожеланий руководства ИГЕМ РАН, связанных с ее выполнением.

Хотел бы отметить постоянное внимание к работе автора, проявлявшееся на протяжении всех пяти лет коллективом Института, в особенности со стороны членов-корреспондентов РАН В.И. Величина, Ю.Г. Сафонова, И.В. Чернышева, а также ученого секретаря А.Д. Бабанского. Благодаря последнему были, в частности, получены ценнейшие фактологические сведения, связанные с томскими архивами и Архивом Президента в Москве, а также нотариально заверенные согласия на ознакомление с материалами ФСБ РФ от родственников покойных профессоров Томского университета И.К. Баженова и В.А. Хахлова.

Так же испытываю потребность поблагодарить научного сотрудника Геологического музея им. В.И. Вернадского РАН доктора геол.-минер. наук Г.П. Хомизури, который нашел время для тщательного прочтения рукописи. В итоге им был сделан ряд важных дельных советов, которые автор принял к исполнению. Особенно важным для меня оказался совет ознакомиться и провести соответствующий анализ тех кардинальных изменений, которые претерпел в течение 1949 года состав редколлегии «Известий АН СССР, сер.-геол.», — по сути единственные для повременной печати того времени намеки на прошедшие в стране потрясения, которым тогда подверглась советская геологическая наука, и ее элитный корпус прежде всего.

Особая признательность — старшему научному сотруднику ИГЕМ О.А. Дойниковой, взявшей на себя труд расшифровки, с помощью современных методов исследования, минералогии и геохимии пресловутого «образца № 23», обнаруженного в 1947 году психически неуравновешенной корреспонденткой газеты «Правда» А.Ф. Шестаковой, который в немалой степени послужил спусковым крючком к фабрикация полтора года спустя «дела геологов». Осколок «образца № 23», ныне хранящегося в экспозиции Музея геологии Центральной Сибири в Красноярске, был предоставлен, по просьбе дирекции ИГЕМ и с согласия красноярского начальства, директором музея В.И. Совлуком. С ним и его коллегой О.Г. Греком с самого начала работы над темой у автора установились доверительные отношения, от которых в выигрыше оказались обе стороны.

И, наконец, почитаю за долг отметить определяющую роль в появлении настоящего труда научного руководителя темы и ее инициатора вице-президента РАН академика Н.П. Лаверова. Без его постоянного внимания и доброй заинтересованности автору не удалось бы получить в свое распоряжение львиную долю приводимого ниже фактологического материала, а дочери члена-корреспондента АН СССР А.Г. Вологодина, одного из фигурантов «дела геологов», — вернуть для хранения в семье дубликат медали Уолкотта, которая была присуждена отцу в 1947 году Национальной академией наук США и, будучи конфискованной при обыске 31.03.1949, впоследствии бесследно исчезла.

ЗаклЮчить свое введение к заявленной теме хотел бы следующим замечанием.

Конец 2-й мировой войны ознаменовался атомной бомбардировкой американцами двух японских городов. Это апокалиптическое событие параллельно озвучило начало наступления новой эры и в развитии академической науки. Все это подняло значимость геологии как науки на такую высоту, которая ей до первой декады 1945 года и присниться не могла.

Именно это обстоятельство имел в виду президент АН СССР С.И. Вавилов, сделав в первый день наступившего 1946 года в своем дневнике следующую запись: «Четыре главные науки сейчас: физика, химия, геология, биология».¹⁾

Казалось бы, в таком антураже престиж геологической науки, престиж ее кадров первой величины и, соответственно, создание ее знаковым представителям наиболее благоприятного климата для работы над Атомным проектом должно было стать первейшей задачей руководства страны. И такие шаги действительно были предприняты. Но параллельно, в соответствии с неистребимой спецификой тоталитарного сталинского режима, произошли события, которые в итоге привели к массовому избиению цвета отечественной геологии. Конкретно же — к возникновению сфальсифицированного

наверху так называемого «Красноярского дела». Разбору его и посвящена настоящая монография.

¹⁾ С.И. Вавилов. «Мысль о эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием» (Дневники 1939-1951 гг.). Вопросы истории естествознания и техники, № 2, 2004, с.31.

Глава 1 ПРЕДДВЕРИЕ

Первые отзвуки будущей драмы советской геологии, когда в течение двух месяцев 1949 года, с 31 марта по 31 мая, за решеткой оказались 27 ее представителей, от академиков до университетских кафедральных преподавателей и начальников полевых партий, можно датировать серединой 1944 года. Именно в то время собственный корреспондент газеты «Правда» по Красноярскому краю А. Ф. Шестакова¹⁾, юрист и экономист по образованию (так представляла себя она), впервые обратилась в ЦК ВКП(б) с жалобой на невнимание к ее рекомендациям по части оживления законсервированных медных рудников Минусинской котловины. Рентабельными они являлись в конце XIX — начале XX столетий, когда эти месторождения разрабатывались иностранными концессионерами, но утратили свою экономическую привлекательность в середине XX века, прежде всего, благодаря открытиям в 30-х годах новых богатейших месторождений меди и их успешному освоению в Казахстане и Средней Азии.

«Семь месяцев, — писала Шестакова секретарю ЦК Г.М. Маленкову 31 августа 1944 года, — бьюсь я как рыба об лед, с материалами, в которых дело касается не личных моих интересов, а сугубо стратегического сырья и в первую очередь важных месторождений медной руды, законсервированных в южной части Красноярского края... по причине их якобы малой перспективности и как не представляющих серьезного значения для медной промышленности СССР». Чтобы усилить политический пафос своего обращения, она напоминает адресату о времени, когда были прекращены эксплуатационные работы на минусинских рудниках. Произошло это, — констатировала она, — «еще во время орудования в советской цветной металлургии преступной банды изменника родины Пятакова²⁾. И, однако, с тех пор не только никем не оспаривается, но утверждается как "закон"». ³⁾

Беспокоила ее не только минусинская медь. Еще одним прогнозируемым металлом в пределах Минусинской котловины, по ее логике, стало олово, на наличие которого в форме крупных месторождений наталкивают многочисленные археологические находки древних бронзовых изделий по Енисею. Познакомилась она с ними по коллекциям знаменитого Минусинского краеведческого музея, основанного в 1877 г. и неоднократно отмечавшегося наградами на российских и зарубежных выставках, в том числе, во Флоренции, Чикаго и Париже.

Завершала свой экскурс в геологию «юрист и экономист» многозначительным риторическим вопросом: «... где искать объяснение и такому еще непостижимому факту: почему на всех ученых совещаниях, съездах и конференциях природные богатства этого края и особенно те, кои, как говаривали при Петре, до геологии, химии и горнозаводского дела касательство имеют, упорно замалчивались (подчеркнуто здесь и ниже автором письма — А.Б.) и даже сейчас замалчиваются, и Край (заглавная буква тоже авторская — А.Б.) этот в смысле оценки его богатств и достоинств ставится по отношению к советской власти в положение сказочной золушки, несправедливо обделяемой мачехой...» ⁴⁾

После этих экзерсисов Шестакова переключилась на компрометацию высоких чиновников того времени и начала со своего непосредственного начальника — главного редактора газеты «Правда» П.Н. Поспелова.

«Я умоляла товарища Поспелова, — писала она, — рассказать Вам о материалах, которые я привезла по природным богатствам Красноярского края, и в частности по его меднорудным месторождениям... Товарищ Поспелов, пообещав обязательно с Вами посоветоваться: как мне с материалами поступить, а заодно и показать переданные для Вас в качестве иллюстраций некоторые любопытные книги, поднятые мною из забвения, своего слова не сдержал и поставил меня перед Вами совершенно незаслуженно и несправедливо в очень некрасивое положение. Он не показал Вам даже таких государственно важных книг, как труды крупнейшего русского промышленного и

общественного деятеля, замечательного патриота и неповторимого в своем роде русского геолога-самородка Михаила Константиновича Сидорова. Книги этого геолога в прошлом веке скупались иностранцами и уничтожались (!? — А.Б.), а когда в России победила Советская власть, их постарались упорно замолчать и корыстно скрыть от Советского Правительства».⁵⁾

Разделавшись с Пospelовым, попутно чуть не по-матерински похлопав его по плечу, что, мол, «он не виноват, получив от природы удивительно робкий характер»,⁶⁾ она перешла к характеристикам главного своего визави («... я в отчаянии ушла от Председателя Геолкома товарища Малышева, бессильная привлечь его личное внимание к этому району...»⁷⁾) — председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР⁸⁾ И.И. Малышева.

«По природным богатствам Красноярского края я сделала попытку применить обычный свой метод работы. Ознакомив товарища Пospelова со всеми материалами в черновых своих записях, набросках и документах, я помчалась в Геолком, к товарищу Малышеву. Я надеялась, что, показав Председателю Геолкома все материалы, не только не встречу возражений, но заручусь поддержкой такого человека, специальное мнение которого будет для товарища Пospelова весомым и облегчит ему доклад моих соображений в соответствующих инстанциях. В Геолкоме я, к сожалению, получила неожиданное «крушение», притом такое и тогда, когда была уже в конце плодотворного завершения своих изысканий».⁹⁾

И далее: «В Геолкоме я была два раза. Оба раза с разрешения, а вернее по поручению товарища Пospelова, как я и представлялась товарищу Малышеву. Первый раз — в начале декабря 1943 г., а второй раз в феврале 1944 г. Я не хочу быть необъективной к товарищу Малышеву только потому, что сейчас мне и очень горько и обидно, и скрыть его радушие ко мне в декабре и рассказать только о его сухости и даже враждебности ко мне в феврале 1944 г., когда товарищ Малышев разговаривал со мной так, словно я не об интересах своего народа и своего государства пеклась, а рассчитывала сама поживиться минусинской медью...».¹⁰⁾ «Неужели только потому, что не за деньги и не за какие-либо другие блага, а исключительно из чувства долга перед своей партией и лично перед товарищем Сталиным я терпеливо собрала и проверила по медным месторождениям Красноярского края все опубликованные в печати материалы, начиная с результатов экспедиций, посылавшихся сюда Петром Великим, и кончая последними сведениями лета 1931 г....»¹¹⁾

Письмо Шестаковой, после ознакомления с ним в секретариате Маленкова, было передано 18.08.1944, для дальнейшего прохождения, в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а оттуда направлено на рассмотрение в Комитет по делам геологии. Три месяца спустя, 27.10.1944, председатель Комитета И.И. Малышев направил на имя заведующего отделом науки Агитпропа С.Г. Суворова свой ответ. В письме он отмечал, что приводимые журналисткой сведения о запасах минусинской меди не соответствуют действительности. Из-за их незначительных размеров и низких содержаний металла «промышленность не считала и не считает в настоящее время целесообразным разработку минусинских месторождений меди». Обращалось внимание адресатов на то, что Шестакова не учитывает в своих настояниях главного — «что древние выработки шли главным образом кустарными методами и ... брали обогащенные участки верхней зоны месторождений, наиболее богатой медью», а нечто подобное для современной практики промышленного освоения подземных богатств абсолютно неприемлемо.

В следственном деле И.Ф. Григорьева, арестованного 31 марта 1949 г. в должности директора ИГН АН СССР, имеется запись о том, что И.И. Малышев осенью 1946 г. рассказывал ему о претензиях Шестаковой. Вот как это «признание» во вредительской деятельности изложено в протоколе допроса от 12.05.1949:

«... в разговоре с Малышевым она, сославшись на собранные материалы, указала на слабое использование естественных богатств края, в частности медных месторождений.

В этой связи я должен заявить, что *вполне справедливо утверждение Шестаковой, что медные месторождения разрабатывались до революции* (курсив мой — А.Б.). Но следует учесть, что их масштабы оказались незначительными, намного меньшими по сравнению с выявленными уже за последний период месторождениями Блява на Южном Урале, Учалы и Бурибай в Башкирии».¹²⁾

Противоречивость зафиксированной на бумаге фразы для профессионала видна невооруженным глазом. Но она не известна допрашивавшему Григорьеву заместителю начальника Следчасти по особо важным делам Л.Л. Шварцману — профессионалу в иных сферах деятельности. Не известна потому, что подследственный убедительно разъяснил, отчего эксплуатация минусинской меди стала бы в тот момент безумной тратой народных средств, то есть антигосударственным актом, а не наоборот...

Коснувшись прогноза корреспондента «Правды» по части олова в Красноярске, Малышев констатировал, что «геологическая служба последние десять лет уделяла чрезвычайно много внимания поискам олова. Однако олова в Минусинском районе пока не обнаружено. Наличие даже большого количества предметов из бронзы не является доказательством присутствия олова именно в этом районе. Это олово в очень незначительном количестве могло быть привезено и из других районов».¹³⁾

Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров в записке от 16.12.1944 проинформировал Маленкова о письме Малышева и сообщил, что Шестакова вызывалась в Агитпроп и ознакомилась с полученным от геологов ответом.¹⁴⁾ В тот же день 16 декабря откомментированная здесь переписка была сдана в архив, что для практики канцелярского делопроизводства означало окончательное завершение рассмотрения соответствующего вопроса.

Но не так восприняла свое поражение сама Шестакова. Три месяца спустя, 16 марта 1945 г., на Старую площадь приходит ее новое письмо на имя руководителя секретариата и секретаря ЦК Маленкова. Оно переполнено малоконтролируемыми эмоциями и обвинениями в адрес всех, кто имел касательство к рассмотрению ее предыдущего письма в ЦК, подчас на уровне политического доноса. Приведем одну такую фразу: «Не могут быть судьями по моей работе, товарищ Маленков, и некоторые другие более маститые, и действительно знатоки Красноярского края, делающие сейчас вид, что «Минусинская проблема»¹⁵⁾ их не касается — в уверенности, что и на этот раз будет отведено внимание от этого лакомого кусочка земли, который в его скрытой сущности с таким упорством охраняется от советского правительства. Для кого? Видимо, для германской фирмы *Boget*¹⁶⁾ и некоторых родственных ей по духу англо-американских миллионеров, больших и давиших (так в тексте — А.Б.) интересантов этого уголка нашей родины!»¹⁷⁾

«Свою работу в Красноярском крае я выстрадала, товарищ Маленков, — в завершение своего обращения взывает Шестакова. — Я вложила в этот труд не только свое сердце, но и все свои знания», что «дает мне право, и возможность, не бахвалясь, а по-честному считать себя компетентной в вопросе, по которому осмелилась Вас беспокоить». Но призывы эти уже никого на Старой площади не тронули. Ресурсы убеждения человека с явно неадекватным восприятием реальной действительности,¹⁸⁾ лишенного способности воспринимать аргументы собеседника, представились там полностью исчерпанными. Поэтому второе ее письмо осталось практически безответным, без каких-либо резолюций на нем. Оно не направлялось, как первое, для сведения в Геолком и распоряжением Д.М. Суханова, помощника Г.М. Маленкова, 26.12.1945 было переправлено в архив.

Потерпев в очередной раз сокрушительное поражение¹⁹⁾, прежние приоритеты она передвинула на второй план и сосредоточилась на поиске новой ниши для приложения своей болезненно бурной энергии. И оперативно обнаружила ее. Состояла она в проблеме поисков радиоактивных месторождений в той же Минусинской впадине.

«У проблемы этой в Сибири имелась соответственная завязка, датируемая началом XX столетия. Первым сигналом стала краткая информация, опубликованная в

ведомственном журнале министерства путей сообщения в 1905 г., об обнаружении в Прибайкалье, близ р. Слюдянки, при сооружении туннеля Кругобайкальской железной дороги местонахождения радия, только недавно открытого французскими физиками Пьером и Марией Кюри.²⁰⁾ В дальнейшем на Слюдянке побывало несколько групп геологов. Факт находки радиоактивности подтвердили такие авторитетные минералоги, как В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман и др., а отобранные образцы в дальнейшем подверглись анализу также в Парижской академии наук и дали, по информации томского журнала «Горные и золотопромышленные известия», «блестящие результаты».²¹⁾

Особенно много сведений о прибайкальной радиоактивности появилось в центральной и сибирской ведомственной прессе перед началом 1-й мировой войны, в 1914 году. Именно тогда обнаружилась и ее природа, которая оказалась связанной с присутствием во вмещающей породе минерализации ортита, монацита, торионита и пр.²²⁾

К тому же 1914 году относятся и первые сведения о радиоактивности сиенитов в Минусинской впадине. Связаны они с именем рудознатца И.Г. Прохорова, жителя деревни Казанско-Богородицкое Кнышинской волости Минусинского уезда, переименованной в советские времена в Тагашет. Как будет показано ниже, правдоподобие очень многих утверждений Прохорова вызывает глубокие сомнения, но некоторые сведения заслуживают внимания. Прежде всего, информация об исследованиях, проведенных в 1914 г., по наводке рудознатца, норвежским инженером Гансом на предмет обнаружения радиоактивности в щелочных сиенитах горы Беси-Детловской Тагашетского массива, близ с. Курагина. Об этом упомянул в своем обзоре о результатах поисков и разведок руд редких и цветных металлов в Алтае-Саянской системе, на проходившей в 1939 г. в Томске геологической конференции по производительным силам Сибири, К.С. Филатов²³⁾, впоследствии один из фигурантов сфабрикованного в 1949 г. «дела геологов». «Результаты работ Ганса опубликованы не были, — говорил далее Филатов, — и лишь в 1931 году по инициативе И.Г. Прохорова было начато снова изучение месторождения пегматитов г. Беси-Детловской».

Работы там производились силами Минусинской базы Западно-Сибирского геологического треста в Томске. Техноруком ее был упомянутый Филатов, а консультантом — И.К. Баженов, в будущем профессор Томского университета, также арестованный по тому же «делу геологов» в 1949 г. Они продолжились в 1932 г., но положительных результатов не дали. Это уже в наши дни было подчеркнуто авторами монографии об истории открытия и освоения Ирбинского железорудного месторождения В.Т. Посоховым и Н.В. Толстихиным: «... ввиду большой удаленности партии от треста, перебоев со снабжением и отсутствия ассигнований на разведку, а также очевидной неперспективности месторождения в 1932 г. она (база — А.Б.) ликвидирована... Настойчивость И.Г. Прохорова привела к продолжению разведки Тагашетского месторождения, порученной в 1936 г. Западно-Сибирскому отделению «Союзредметразведки»... Проведенные работы вновь убедительно подтвердили бесперспективность месторождения в связи с разобщенностью и небольшими запасами полезного ископаемого».²⁴⁾

Как отметили ниже те же Посохов и Толстихин, Прохоров воспринимал все проводившиеся разведки на юге Красноярского края и «заклучения о непромышленном характере рудопроявлений ошибочными» и постепенно «вошел в конфликт с местными геологами».²⁴⁾ Этот конфликт и вывел Прохорова на Шестакову, которую он проинформировал по части «сокрытия» месторождений радиоактивного сырья в Минусе местной геологической службой.

Конкретизировать сведения, излагаемые Посоховым и Толстихиным, включая их сообщение о работах 1936 года, проводившихся по настоянию Прохорова, позволяет записка первого секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) А.Б. Аристова и главного редактора «Правды» Н.П. Поспелова на имя Сталина. Она датирована 22.03.1949 и имеет заголовок «О важных месторождениях урановых минералов в Красноярском крае и

причинах задержки их разработки». Записка является как бы сопроводительной к многостраничной справке А.Ф. Шестаковой на имя вождя касательно района рудника Юлия.

Упомянутые документы ныне хранятся в Архиве Президента, сопровождаясь распоряжением Сталина от 25.03.1949 об их рассылке членам Политбюро ЦК, а также министрам МГБ В.С. Абакумову, МВД С.Н. Круглову и геологии И.И. Малышеву, заместителю председателя Комиссии партконтроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятову, заместителю председателя СМ СССР И.Т. Тевосяну, и кроме того, — руководителю ГУЛАГа генерал-майору П.А. Захарову, который, после снятия с должности Малышева, будет назначен 11.04.1949 министром геологии. Под перечислением адресатов — краткая запись: «Прошу обратить внимание. Сталин».

Так вот, из записки Аристов и Пospelова мы документированно узнаем, что еще задолго до появления Шестаковой в редакционном коллективе «Правды» туда неоднократно адресовался Прохоров. Период его настойчивых обращений в первую газету страны авторы записки датируют 1929-1936 гг., уважительно представляя настырного информатора «членом партии, красным партизаном из Красноярского края». В письмах, сообщают далее они, «красный партизан» утверждал, «что им были найдены образцы минералов, содержащих уран, и что на его находки не обращается должного внимания. Редакция направляла эти письма в соответствующие организации, посылались геологические партии в этот район. Но партии эти давали заключение, что данные месторождения якобы не представляют промышленного интереса и поиски в этом районе прекращались».

Далее они информируют Сталина об эпизоде, о котором также сообщили в 1999 г. в своей монографии Посохов и Толстихин, а именно о приглашении Прохорову в 1946 году приехать в Москву в качестве гостя редакции газеты «Правды». И далее, в изложении Аристов и Пospelова, следуют уже упоминавшиеся рассказы рудознатца о его встречах с Марией Кюри, на которых мы более подробно остановимся ниже.

Еще более безответственным, заведомо лживым, следует рассматривать утверждение авторов записки, подготовленной для высшего лица государства, о пресловутом «образце № 23», найденном осенью 1947 г. Шестаковой на дворе Минусинского краеведческого музея (см. приложение 1). В записке своей они утверждают, да еще со ссылкой на члена-корреспондента АН СССР К.А. Ненадкевича, что образец этот является «исключительно богатым по урану», тогда как на самом деле содержание урана в нем не превышало первых сотых долей процента.

Заключительная часть цитируемой записки, объективно предопределившей личностный контингент взятых под стражу полторы недели спустя первых жертв сфабрикованного «дела геологов», начинается риторическим вопросом двух высокопоставленных партчиновников: «Какова политическая физиономия этих людей и для кого они *прячут* (курсив мой — А.Б.) природные богатства Красноярского края, скрывая их от советского государства...». И начинают они свой мартиролог со старейшины отечественной геологии Я.С. Эдельштейна, который, «числящийся заслуженным деятелем науки, монополизировал до последнего времени исследование радиоактивных месторождений юга Красноярского края и создал целую школу своих единомышленников (Вологдин, Лабазин, Билибин и др.). В 1925-26 гг. Эдельштейн по поручению металлической секции Геолкома, возглавлявшейся Котульским, активным участником «Промпартии», провел на территории юга Красноярского края (бывший Минусинский уезд) исследование месторождений радиоактивных руд как начальник Минусинской радиевой партии...»

«Григорьев в 1918 году перешел вместе с Котульским и членом ЦК партии эсеров Болдыревым линию фронта на сторону белых и выполнял ряд заданий иностранных концессионеров, в частности английских концессионеров на Алтае...»

«К числу людей, которым должны быть известны радиоактивные месторождения Красноярского края, относится и академик Баландин, сын известной красноярской миллионерши...»²⁵⁾

Завершалась записка несколькими пунктами конкретных предложений — о создании политотделов «в крупных экспедициях и разведочных партиях», что и было исполнено в том же 1949 году, о необходимости «широко привлекать кадры поисковиков-разведчиков из местного населения» и т.д. Но особенно зловеще звучал пункт 2: «Необходимо было бы подвергнуть проверке кадры геологов, особенно участников радиевых экспедиций в прошлые годы, а также работников соответствующих институтов (Радиевого Института, ЦНИГРИ и др.)».

То есть по гамбургскому счету оба подписанта, только по одному этому документу, предстают перед Историей в качестве прямых пособников и соучастников вакханалий сталинских репрессий. Причем оба они, без сомнения, внутренне отлично это понимали — уж после реабилитации в 1954 году жертв «Красноярского края» во всяком случае... Не потому ли, когда, по свидетельству академика А.Н. Яковлева, Пospelову, к тому времени доросшему до кресла секретаря ЦК по идеологии, поручили составление первого варианта доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», готовившегося для зачитания 25.02.1955 на закрытом заседании XX съезда КПСС, он в подготовленном тексте постарался «найти оправдания преступлениям, показать некую "историческую неизбежность", "вынужденность" репрессий. Повторялся набор клише об обострении классовой борьбы, капиталистическом окружении, существовании подполья (имея в виду в том числе, надо думать, и "вредителей-геологов" — А.Б.), стремлении противников Сталина реставрировать капитализм»...²⁶⁾

В справке Шестаковой, сопроводительным документом к которой являлась записка Аристова и Пospelова, к фамилиям И.Ф. Григорьева, В.К. Котульского и Я.С. Эдельштейна, ранее упомянутым ими, добавились еще несколько из тех, за кем пришли ночью 31 марта 1949 г. Среди них И.К. Баженов, В.Н. Доминиковский, О.К. Полетаева, В.Д. Томашпольская, то есть все те, кто в начале 30-х годов работали в районе Юлия. Кроме этих упомянула она и о других, которых взяли в апреле 1949 года — К.С. Филатова, Л.И. Шаманского. Еще двое, главный геолог Красноярского геолуправления А.А. Предтеченский и главный инженер Н.Ф. Рябоконт, упоминаются в том письме вполне нейтрально, в качестве помощников, которые консультировали ее «в оценке некоторых вопросов» геологии района Юлии. Но и они в итоге оказались за решеткой — первый 10.05.1949 и второй 16.06.1951.

Припомнила она в многословной реляции арестованного в 1933 году технического руководителя геолого-разведочных работ на медных месторождениях юга Красноярского края В.С. Домарева. Присовокупив к тому, что «все первичные материалы разведок 1929-1932 гг. поступили на "ревизию" старейшим "волкодавам" Сибирского геолкома проф. Баженову и Шаманскому».

Однако вернемся к рудознатцу Прохорову, а конкретно к посещению им столицы весной 1946 года. В упоминавшейся выше монографии В.Т. Посохова и Н.В. Толстихина вслед констатации об этом правдинском приглашении следует сногсшибательная новелла.

«В конце мая 1946 г. он был принят в Кремле И.В. Сталиным. В краткой беседе был поднят вопрос о больших богатствах нашего района, о неоткрытых подземных кладовых, которые прогнозировались на основании многочисленных наблюдений И.Г. Прохорова. В конце беседы он убеждал Сталина в правильности идеи строительства железнодорожной ветки Абакан-Тайшет, а не Абакан-Нижеудинск, т.е. с приближением ее к уже известным месторождениям полезных ископаемых».²⁴⁾

Конечно, история с приемом Сталиным минусинского рудознатца — стопроцентная выдумка. В настоящее время опубликованы журналы списков всех

посетителей кремлевского кабинета Сталина, и фамилии Прохорова среди многих сотен лиц, встречавшихся с вождем, нет.²⁷⁾

И это — не единственная выдумка амбициозного рудознатца. Столь же лживы его рассказы о личной встрече с Марией Кюри в 1914 г. и о последовавшей переписке с ней во время пребывания в немецком плену в 1916 году.²⁸⁾ Во всем этом, к слову, сомневаются и упомянутые авторы монографии.²⁹⁾

В 1963 году историк естествознания О.А. Старосельская-Никитина опубликовала в своей монографии письмо Прохорова, отправленное им в 1956 году в ЦК КПСС; копию этого послания она получила от родных Ивана Григорьевича уже после кончины последнего. То есть даже полная реабилитация всех фигурантов «Красноярского дела» за два года до его очередной информации в столицу, не зная о которой заведомо не мог, не остановила его, и он, с настойчивостью шизофреника, продолжал лелеять в себе фантазии, ставшие частью его больной натуры.

«...В один из приездов в 1914 г. в Красноярск ... я неожиданно познакомился с очень простой и, прямо можно сказать, душевно-внимательной к простым людям женщиной. Вокруг нее все в конторе «Разведчик» ходили на цыпочках. Мне сказали многозначительно и даже внушительно: «Это — великая ученая. Ее знает весь мир, так как она открыла радий. Она посмотрит ваши образцы и даст им оценку. Выше этой оценки ничего уже не может быть!». Забрав у меня камни, инженеры конторы «Разведчик» хотели меня удалить из зала, где у столика, заваленного образцами Минусинского уезда, сидела внимательно рассматривавшая и замерявшая их на своем электроскопе Мария Кюри. Я был в таежной одежде, болотных сапогах, издававших резкий неприятный запах, и понимал, что, конечно, нарушаю обстановку торжественного приема такой действительно великой ученой. Мария Кюри,... заметив, что меня выпроваживают из зала, очень благородно и в то же время очень настойчиво запротестовала, требуя, чтобы я ... лично прослушал ее мнение об образцах, найденных нашей Казанско-Богородицкой артелью, а также и ее лекцию о радии и о будущем радиоактивных минералов...

Минусинский уезд Енисейской губернии Мария Кюри, рассмотрев все образцы, ... назвала в 1914 г. «мозгом высокорadioактивных тел», скрывающимся под древним теменем Азии, как эту территорию Сибири до революции называли все геологи... Этому горному району Сибири предстоит великое будущее в смысле добычи здесь со временем драгоценного радия и других, пока еще неизвестных человечеству радиоактивных элементов, ясно здесь устанавливаемых по образцам, ею просмотренным... Лично я, как председатель Казанско-Богородицкой поисковой артели, прослушав лекцию Марии Кюри и получив от нее на память ее труды, напечатанные в то время и по-русски, а также ее парижский адрес для переписки и сердечное пожелание не бояться трудностей и овладевать наукой, которая должна принести счастье и долголетие человечеству, в знак великой благодарности отправил великой ученой в Париж тоже самые лучшие образцы, какие только находила наша артель в Саянских горах».³⁰⁾

Вообще-то легенда о посещении М. Кюри Сибири в 1914 г. возникла, конечно, не на пустом месте и, тем более, не по почину имевшего начальное образование Прохорова. Слухи эти, скорее всего, обязаны были путанице, возникшей при цитировании в других изданиях информации, которая появилась как раз в том же году в июньском номере уже упоминавшегося²¹⁾ томского специализированного журнала. Звучало это сообщение дословно так: «Как сообщает «Г. Л.», на Байкал выезжает экспедиция, состоящая из трех инженеров во главе с директором института m-me Кюри Жильбером для разведок месторождения урановой руды на площадях, принадлежащих г. Кузьмину и К°. Площади оценены в три миллиона рублей. Анализы урановой руды, произведенные в парижской академии, дали блестящие результаты». В справочнике же «Библиография Бурят-Монголии»²²⁾ приводимый выше текст трансформировался в следующий: «Информация: выезд на Байкал экспедиции во главе с Кюри для разведок урановой руды; оценка

принадлежащей им площади и анализ руды, произведенный Парижской академией» (с. 185, пункт 920).

Но даже поездка Жильбера с двумя коллегами едва ли могла состояться: во всяком случае, следов пребывания их на Байкале обнаружить в литературе не удалось. В первоисточнике ²¹⁾ о выезде экспедиции говорилось в будущем времени (глагол «выезжает»). То есть трое французских инженеров (сама Кюри, нелишне добавить, под категорию инженера подойти никак не могла, в том числе, и как выпускница Сорбонны), действительно могли готовиться к поездке на Байкал, но с выездом не ранее конца июля — начала августа 1914 г. Потому что в июне того года завершалось строительство нового здания Института радия имени М. Кюри, а его торжественное открытие состоялось в середине июля.³¹⁾ Не контролировать ход завершающихся строительных работ, а тем более не участвовать в церемонии передачи строителями сооруженного здания его владельцам директор института никак не мог.

А две недели спустя после торжественного открытия, 1 августа 1914 года, началась 1-я мировая война. С первых дней Париж оказался под реальной угрозой оккупации успешно продвигавшимися на запад немецкими войсками. Какие уж тут поездки на Байкал...

Выход Шестаковой на Прохорова мог состояться, скорее всего, где-то на рубеже 1945-1946 годов, то есть после атомных бомбардировок американцами в августе 1945 г. японских городов Хиросима и Нагасаки, когда в Советском Союзе развернулись масштабные работы по созданию собственной атомной бомбы, а для геологической службы страны проблема поисков промышленных месторождений урана приобрела первостепенное значение. Узнать о нем и о его *idée fixe* по части «богатых месторождений урановой смолки на юге Красноярского края» она могла от ветеранов «Правды», помнивших о приходивших в редакцию в 1929-1936 гг. письмах минусинского рудознатца. Да и приглашение его в Москву в апреле 1946 г. тоже могло пройти не без ее активного личного участия.

Одним из свидетельств таких контактов — многословный опус на 76 машинописных листах, предназначавшихся для секретаря ЦК А.А. Кузнецова, курировавшего тогда в ЦК ВКП(б) урановую тематику. Письмо сопровождалось сопроводительной запиской главного редактора «Правды» П.Н. Поспелова, датированной 19.11.1946; оба документа ныне хранятся в Архиве Президента РФ. Если иметь в виду, что все ее послания 1944-45 гг., адресовавшиеся в Комитет по делам геологии, касались только меди и бронзы и об уране в них не было ни слова, а стаж Прохорова по этой части исчислялся едва не четвертью века, то сведения об урановой житнице на юге края могли дойти до нее, повторимся, не ранее последних месяцев 1945 года. А когда дошли, она со свойственной ей истовостью принялась за поиск конкретных «врагов народа», скрывающих от советского правительства давно известные им залежи минусинской смолки.

Заголовок опуса — более чем информативен. Звучит он так: «Об умышленном сокрытии группой работников Министерства геологии СССР и Академии наук СССР некоторых государственно важных месторождений радиоактивных руд». И это — в тот момент, когда огромные ресурсы разрушенной войною страны были брошены на овладение энергией атома!..

Хваткости журналистки нельзя не подивиться. За какие-то полгода она сумела не только ознакомиться с геологическим миром Москвы и Ленинграда, но и разобраться с взаимоотношениями внутри этого мира и набрать требовавшийся ей для правдоподобия «компромат». Мы, конечно, опустим многие фамилии, которые фигурировали в ее опусе в качестве «свидетелей» припрятывания урановой смолки. Подчеркнем лишь, что она своей неумностью прямо-таки на ходу урвала у спарринг-партнера, «красноярского партизана» Прохорова его кусок хлеба, коим тот десятилетиями привлекал к себе незаслуженное внимание.

Центральным субъектом для ее облавы уже в 1946 году стал главный геолог Первого главка Мингео СССР, будущий директор ИГН АН СССР И.Ф. Григорьев. Одному ему она посвятила 42 машинописных листа своих безграмотных рассуждений. Тут и выдумки о переходе им, вместе с «правым эсером А.К. Болдыревым», линии фронта при выезде в 1918 г. из Томска на Алтай на полевые работы, и фантазии по части тайных хищнических разработок в Минусинском уезде богатых урановых руд, известных Григорьеву, на тех площадях, которые «в Царской России Правительствующий Сенат "закрывал"». Не позабыла, с голоса Прохорова, развить также тему Марии Кюри, «давшей миру технологию извлечения радия из иохимстальской урановой руды и рекомендовавшей копнуть и на Минусе, как это в свое время было сделано в Иохимстале...»

Не позабыла она донести секретарю ЦК, к тому же отвечавшему не только за урановую отрасль, но и за кадры вообще, что Григорьев «выдвигается сейчас в академики». Тему академических выборов, в меру возможностей, но весьма охотно, развил ее шеф Поспелов, доносно акцентируя внимание секретаря ЦК Кузнецова именно на этом моменте. Предстоявшей выборной процедуре он посвятил пятый пункт записки:

«5. Выдвинутых кандидатов-геологов на предстоящие выборы в АН СССР следовало бы также критически оценить, так как обращает внимание тот факт, что почти вся группа подвизалась у Колчака, обслуживая иностранных концессионеров и инвесторов в Сибири.³²⁾ В неблагоприятном свете выглядят они, поскольку *скрывают правду* (курсив мой — А.Б.) о радиоактивных месторождениях в Сибири. Трудно рассчитывать, что такая специфическая группа способна двигать советскую науку на уровне задач и в нужном нам направлении»...

Не ограничившись советскими временами, Шестакова простерла свои изыски и на дореволюционные годы. О злонамеренном сокрытии минусинских месторождений радиоактивных руд она проинформировала, в частности, высшее руководство страны в упомянутой выше докладной записке от 12.05.1949: «Наличие радиоактивных элементов на собственно (медном — А.Б.) руднике Юлия установлено специальными исследованиями уже в 1907 г.³³⁾ Опробование производилось в шахте № 9, а также во вспомогательной шахте к № 9. Эта часть месторождения вместе с шахтой № 9 *вредительски* (курсив мой — А.Б.) выведена из строя в 1914 г.»³⁴⁾

Не отставал в меру возможностей в безграмотных инсинуациях Шестаковой и Прохоров. В материалах следствия по «Красноярскому делу» удалось обнаружить эпизод, косвенно свидетельствующий о том, что рудознатец подкреплял, при необходимости, шестаковские писания, в том числе, и собственной подписью. В следственном деле В.В. Богацкого, одного из фигурантов сфабрикованного дела геологов, имеется его жалоба в адрес Прокуратуры СССР от 16.06.1953 г., в которой, в частности, им отмечено, что «мне все же удалось выяснить, что основанием для ареста и обвинения меня во вредительстве был ... какой-то акт о якобы преступной работе геологов Красноярского геологического управления, ... составленный, как это ни странно, журналисткой (А. Шестаковой) и археологом (фамилии не помню)».³⁵⁾

Какой такой «археолог» мог соучаствовать с Шестаковой в этих преступных деяниях? Немалый массив просмотренных архивных и опубликованных материалов позволяет разглядеть, с немалой долей вероятности, в «археологе» лишь одного человека — рудознатца Прохорова...

Если отбросить бредовые подозрения геологов в их повальной злонамеренности, то основания для надежд на выявление в Минусе, в процессе профессионально поставленных поисковых работ, интересных для дальнейших оценок месторождений урана все же имелись. Конечно, не в высокотемпературных пегматитах Тагашетского массива; мировой опыт уже в те годы подсказывал, что поиски в них промышленных залежей радиоактивных руд малоперспективны.

Иное дело с наложенными уран-ванадиевыми концентрациями, которые в 1920 году обнаружил и в меру возможностей того времени диагностировал С.М. Курбатов из Томска. Приурочивались они к контакту вмещающих минерализацию темных известняков и прорывающих последние диабазов. Географически месторождение располагалось на правом берегу р. Большая Ерба в 12-15 верстах к югу-востоку от рудника Юлия и в трех верстах к югу от деревни Потехино. Сама минерализация визуально представлялась чешуйчатыми канареечно-желтыми образованиями, заполнявшими ветвящиеся тонкие трещинки и не менее тонкие пустотки в массе кальцио-фольбертита, и напоминала уран-ванадиевую минерализацию типа тюямунита из месторождения Тюямуюн в Узбекистане.

Завершая статью, С.М. Курбатов резюмировал, что «известняки, которым подчинено описанное месторождение, имеют... широкое распространение и что выходы диабазов, прорывающих их, весьма многочисленны... не исключается возможность нахождения в этом районе других аналогичных месторождений урано-ванадиевых минералов». И далее: «только более тщательная и глубокая разведка описанного месторождения покажет, может ли оно иметь какое-либо промышленное значение».³⁶⁾

...Мог ли кто подумать, что 27 лет спустя, 6 октября 1947 года, в рамках начавшихся по всей стране массовых поисков урана, включавших сплошной промер радиометром всех музейных геологических и минералогических коллекций, в знаменитом Минусинском краеведческом музее из полусгнившего старого ящика, хранившегося, вместе с десятками других, под открытым небом на музейном дворе, выпадает образец без этикетки, но с сохранившимся на нем номером 23, который при промере покажет высокую радиоактивность. И все это произойдет в присутствии неутомимой Шестаковой. Которая, как она утверждала в докладной записке от 18.05.1949, «подробно зафиксировала все обстоятельства, при которых были найдены прятавшиеся от государства серьезные результаты разведок, проведенных на юге Красноярского края...»³⁷⁾

Круги от скандальной находки Шестаковой, возможно, задели косвенно и В.М. Крейтера. Основанием для подозрений служит датированная история с инициативой дирекции Московского геолого-разведочного института, чьим ведущим ученым являлся Владимир Михайлович, представить его в связи с предстоящим 05.11.1947 50-летним юбилеем, к правительственной награде — ордену Трудового Красного Знамени. Представление это было подписано директором МГРИ Ф.В. Котловым в июле 1947 года и, в соответствии с утвержденным регламентом, направлено в Министерство высшего образования СССР для дальнейшего прохождения.

В представлении юбиляр справедливо рекомендовался как безусловно заслуженный ученый. Он и известный «знаток геологии, разведки и промышленной экспертизы месторождений полезных ископаемых», давший «впервые научное обоснование поисков и разведок», которое «значительно глубже аналогичных работ ученых Америки и Европы», и лекции его «пользуются исключительным успехом у студенческой аудитории», и что именно им «впервые разработана методика дробового бурения, внедрена в практику и дала многомиллионную экономию валюты»³⁸⁾ (благодаря использованию взамен алмазного бурения, коронки для которого приходилось закупать за рубежом — А.Б.).

Министерство, опять же в соответствии с существовавшими правилами, по цепочке ознакомила с документом МГРИ другие заинтересованные организации. Уже 28 августа инициативу МГРИ безоговорочно одобрил министр цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, 17 сентября свою поддержку высказало руководство Московского института цветных металлов и золота, в котором Крейтер по совместительству, также с 1932 года, читал свой курс лекций. 27 октября свое согласие высказал профсоюз высшей школы и научных заведений. Получив перечисленные ходатайства, свое положительное представление 15 ноября направил в адрес заместителя председателя СМ СССР К.Е. Ворошилова министр высшего образования С.В. Кафтанов, а 3 декабря тому же адресату пошло письмо с такой же положительной реакцией за подписью руководителя

Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Д.Т. Шепилова. Ворошилов долго ждать себя не заставил и 18 декабря проинформировал секретаря ЦК по кадрам А.А. Кузнецова, что со своей стороны поддерживает просьбу Кафтанова и просит «рассмотреть ходатайство о награждении профессора Крейтера В.М. орденом Трудового Красного Знамени».³⁹⁾

На этой ноте ноктюрн с пожалованием Крейтеру правительственной награды обрывается. Обрывается на целых тринадцать месяцев! Последний лист 25-ти страничного архивного дела, датированный 15 февралем 1949 года, адресован руководителю Секретариата ЦК Г.М. Маленкову. В нем второе, после Сталина, лицо государства извещается, что все ранее подготовленные материалы, связанные с прошением о награждении Крейтера орденом, «в феврале 1949 года (то есть в пределах прошедших двух недель месяца — А.Б.)... из Техсекретариата Оргбюро ЦК ВКП(б) возвращены Отделу пропаганды и агитации для повторного рассмотрения. В связи с тем, что после возбуждения ходатайства... прошло более года и что дата рождения В.М. Крейтера отмечалась Геолого-разведочным институтом, Отдел пропаганды и агитации... считает нецелесообразным возвращаться в этому вопросу...»⁴⁰⁾

Одним из двух подписантов этого примечательного документа был не кто иной, как уже упоминавшийся А.А. Кузнецов. Тот самый, к кому в декабре 1947 года как секретарю ЦК ВКП(б) по кадрам адресовался по поводу ордена Крейтеру Ворошилов и который тогда никак не отреагировал на полученное представление. Теперь же, в феврале 1949 года, он подписывал упомянутую бумагу уже в ранге заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации, будучи незадолго до того, 28.01.1949, снятым на пленуме ЦК ВКП(б) с должности секретаря и передвинутым на несколько ступеней вниз в цековской иерархической пирамиде. Падение его продолжилось 07.03.1949, когда он был выведен из состава ЦК, а 13.08.1949 арестован в кабинете Маленкова, оказавшись фигурантом сфабрикованного Сталиным «Ленинградского дела», которое завершилось для него 01.10.1950 расстрельным приговором.⁴¹⁾

Но полтора года назад он еще был в полном фаворе и в пересудах даже рассматривался в качестве одного из возможных кандидатов на место дряхлеющего вождя. Помимо кадровых вопросов в 1945 году ему было передано курирование в ЦК ВКП(б) также всего того, что касалось проблем взявшего в том году старт атомного проекта. Потому именно к нему и адресовалась Шестакова в ноябре 1946 г. с упомянутым выше доносом на «геолого-вредителей». И, возможно, именно его одним из первых она проинформировала год спустя о своей скандальной находке в октябре 1947 г. во дворе Минусинского краеведческого музея выпавшего из ветхого ящика пресловутого «образца № 23».

Однако дело было не только и не столько в Шестаковой. 1947 год остается в истории нашего государства еще и как год старта очередного похода власти против интеллигенции страны — первого после победного завершения Великой Отечественной войны. Поводом для того стало сфальсифицированное лично Сталиным «дело Ключевой и Роскина».⁴²⁾ Именно с этого «дела и началась череда шумных пропагандистских походов против «низкопоклонства перед западной наукой и техникой», «антипатриотов» и прочих. Одной из жертв этого инспирированного очередного шабаша стала отечественная геология.

После состоявшегося в Министерстве геологии партийного собрания, посвященного зачитыванию «Закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина»⁴³⁾ и его обсуждению, на Старой площади была подготовлена соответствующая «Справка» присутствовавшего на собрании инструктора Управления по проверке парторганов ЦК некоего Радченко, датированная 19.09.1947. В записке своей он в жесткой форме давал оценку «факторов низкопоклонства», которые якобы «широко распространены среди геологов». И далее развивает свою мысль: «В трудах по геологии широко применяется иностранная терминология,... в некоторых

исследованиях, изданных на русском языке, резюме пишутся только на английском языке. На русских геологических картах аннотации и обозначения пишутся на иностранных языках.... В специальной литературе поддерживается созданная за границей лживая «теория» о том, что культуру горного дела на территориях нашей страны создало финское чудское племя. Эта явная чушь в Большой Советской энциклопедии преподносится как достоверная истина».⁴⁴⁾

Констатация эта не прошла мимо Управления кадров ЦК, возглавлявшегося тогда упомянутым выше секретарем ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецовым. В подготовленной для него записке «О недостатках в работе Министерства геологии», которую подписал заведующий отделом Управления М. Медведев, было заявлено о существовании в среде геологического корпуса страны «чувства приниженности и проявления преклонения перед иностранщиной». Датирован этот документ 17 декабря 1947 года.⁴⁵⁾

Однако не только об этом проинформировал партчиновник своего шефа. В подготовленной объемистой записке содержались также многочисленные факты объективных несоразностей, которые не могут не сопутствовать реальным условиям ведения геолого-разведочных работ, да еще в сложнейших климатических условиях Сибири и полного бездорожья. Кроме того автор записки злонамеренно, в духе того времени, возводил в степень факты неорганизованности, развала дисциплины при перебазировании на новые участки геолого-разведочных работ, разгильдяйства и т.п. В числе конкретных объектов охаивания в записке была названа, среди прочих, и Нижне-Ангарская партия Красноярского геолуправления, оба руководителя которой — начальник П.И. Дмуховский и старший геолог и техрук В.В. Богацкий — полтора года спустя оказались за решеткой в качестве фигурантов «Красноярского дела».

Записка завершается грозной констатацией: «Вследствие того, что политико-воспитательная работа в геологических коллективах находится на низком уровне, марксистско-ленинская учеба запущена, приобретает влияние *чуждая идеология*» (курсив мой — А.Б.).⁴⁶⁾

Оттого и не отреагировал положительно секретарь ЦК на ходатайство Ворошилова о награждении геолога Крейтера орденом. Уж больно не ко времени положили бумагу эту ему на стол — 18 декабря, то есть на другой день после погромной эпistolы его первейшего помощника по цеховскому управлению кадров...

Конечно же, элементы истинности имелись в письме В.М. Крейтера на имя секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в котором он возложил «огромную долю ответственности... за тюремное заключение и смерть геологов» на психически неуравновешенную правдинскую журналистку (см. приложение 5). Но главное все же было не в ней, потому что шестаковские доносы конца 1947 — начала 1948 годов уже ложились на хорошо подготовленную почву, вспаханную и унавоженную предварительно совсем иными пахарями — профессионалами своего дела. К коим прямого отношения она иметь не могла. По причине не той высоты ее полета.

А действенная подготовка будущего «Красноярского дела» развернулась, скорее всего, в МГБ именно с конца 1947 или самого начала 1948 года...

И в качестве заключающего вступления к следующей главе 2, содержащей фактологический материал о трагичном для советской геологии заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 30 марта 1949 года, приведем некоторые сведения, касающиеся участия советской делегации в работе XVIII сессии Международного геологического конгресса, которая состоялась в июле-августе 1948 года в Лондоне.

Первоначально постановлением СМ СССР от 13 июля 1948 г. за № 2560-1054с «Об участии советских геологов в работе XVIII сессии Международного геологического конгресса в Лондоне», предварительно согласованным с соответствующими структурами секретариата ЦК ВКП(б), были делегированы на конгресс следующие лица: руководитель делегации В.В. Белоусов, его заместитель В.И. Бирюков и члены Ю.А. Билибин,

А.Н. Заварицкий, Д.С. Коржинский, Е.О. Погребницкий, В.И. Смирнов, Н.С. Шатский, С.А. Кашин, И.Д. Рожанский и Е.А. Тарабрин.⁴⁷⁾

Но уже несколькими днями спустя на Старой площади готовится новый проект постановления секретариата ЦК «в частичное изменение постановления Совета министров СССР от 13 июля 1948 г.». В списке членов делегации вместо девяти фамилий остаются шесть. В правой же части бланкового листа от руки написано: «а т.т. Смирнова В.И., Заварицкого А.Н. и Шатского Н.С. на геологический конгресс не посылать, ввиду выполнения ими срочных заданий по их основной работе».⁴⁸⁾

На этом «частичное изменение» списка не завершается. Через какое-то время перечеркнутыми оказываются и фамилии оставшихся шести делегатов. Разрешение же на выезд на конгресс получают лишь В.В. Белоусов и присматривавший за ним В.И. Бирюков, что фиксируется постановлением секретариата ЦК от 26 июля 1949 г., протокол 359, пункт 19,⁴⁹⁾ а 30 июля, когда работа сессии конгресса уже в разгаре, утверждается решением Политбюро ЦК, протокол 65, пункт 8. Под решением — факсимильная подпись И.В. Сталина.

Заметим попутно, что трое блестящих представителей отечественной геологической науки, у которых неожиданно обнаружились не терпящие отлагательств «срочные задания», год спустя оказались на острие шельмования при обсуждениях на разного рода собраниях последствий произошедших в марте-мае 1949 г. арестов геологов. Заварицкий же удостоился еще и опасного внимания самого вождя. (см. главу 2).

Примечания к главе 1

¹⁾ А.Ф. Шестакова была назначена спецкором «Правды» по Красноярскому краю в марте 1942 г.; см.: РГАСПИ, фонд 17, опись 125, ед. хр. 276, л. 59.

²⁾ Г.Л. Пятаков — один из близких сподвижников В.И. Ленина, редактировавший в эмиграции вместе с ним журнал «Коммунист». После 1917 г. — крупный хозяйственник, занимавший ключевые посты в ВСНХ и наркомате тяжелой промышленности СССР, в котором с 1932 по 1934 гг. являлся первым заместителем наркома. Именно в этот промежуток времени все внимание руководства наркомата сосредоточилось на быстрейшей разведке и строительстве горно-металлургических комбинатов на богатых медных месторождениях в Бляве Оренбургской обл., Джезказгане и Коунраде в Казахстане и др., конкурировать с которыми месторождения в Минусинской впадине было не по силам. В 1936 г. Пятаков был арестован и в качестве одного из главных обвиняемых на сфабрикованном Сталиным процессе «Параллельного антисоветского троцкистского центра» в 1937 г. приговорен к расстрелу и казнен 01.02.1937. Расправа с Пятаковым стала одной из последних капель в противостоянии со Сталиным наркома НКТП СССР и члена политбюро ЦК ВКП(б) Г.К. Орджоникидзе; 18.02.1937 он покончил с собой.

³⁾ РГАСПИ..., л. 28, 29.

⁴⁾ Там же, л. 41. Уместно здесь подчеркнуть, что заковыченные фразы, приводимые здесь и на последующих страницах, цитируются строго по оригиналу — с сохранением, в том числе, имеющихся ошибок и опусок их авторов.

⁵⁾ Там же, л. 46.

⁶⁾ Там же.

⁷⁾ Там же, л. 41.

⁸⁾ С 1946 г. — Министерство геологии СССР.

⁹⁾ РГАСПИ..., л. 46, 47.

¹⁰⁾ Там же, л. 48.

¹¹⁾ Там же, л. 52. Разведки геолого-поисковых партий Хакасско-Минусинской базы Западно-Сибирского геологического управления (ЗСГУ) в районе законсервированного Юлинского медного рудника в период 1931-32 гг. проходили при консультации со стороны профессора И.К. Баженова, арестованного 31.03.1949 в числе первых девяти фигурантов «дела геологов». Кроме него среди упомянутой девятки оказались, наряду с академиками А.А. Баландиным и И.Ф. Григорьевым и членом-корреспондентом АН СССР А.Г. Вологдиным, непосредственно работавшие в те времена в районе рудника Юлия и деревни Потехино О.К. Полетаева и В.Д. Томашпольская, на момент ареста скромные труженики на ниве геологии; первая — ст. палеонтолог ЗСГУ и вторая — ассистент кафедры геологии Томского политехнического института.

¹²⁾ Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 98.

¹³⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 125. ед. хр. 276, л. 71 (с оборотом).

¹⁴⁾ Там же, л. 72, 73.

¹⁵⁾ Так называлась статья А.Ф. Шестаковой, опубликованная на страницах газеты «Правда» 03.03.1945 под псевдонимом «А.Ф. Сидоров». Второе письмо на имя Г.М. Маленкова^{*)} было направлено сразу после публикации, а вырезка из газеты использована в качестве текстового приложения к письму.^{**)} В самом письме она подчеркнула, что посредством правдинской публикации она «направила в адрес этих «знатоков» Красноярского края вопрос в упор, не ответить на который они не имеют права, если служат интересам нашего народа, а не германским фирмам».^{***)} Под «германскими фирмами» она подразумевала фирму Вогау, которая владела до революции концессией на разработки рудных месторождений в Минусинской котловине.

^{*)} Там же, л. 74-77.

^{**)} Там же, л. 78.

^{***)} Там же, л. 75.

¹⁶⁾ Пример полной безответственности журналистки, формировавшей свои обвинения в то время, когда продолжалась еще война с нацистской Германией, представляя тем самым своих оппонентов как скрытных пособников еще не разбитого внешнего врага...

¹⁷⁾ Там же, л. 76.

¹⁸⁾ В начале 90-х гг. пришлось услышать от главного геолога Красноярского геолуправления М.Л. Шермана, что в 1954 г., после реабилитации геологов, попавших за решетку прежде всего по вине Шестаковой, руководство края попыталось привлечь ее к уголовной ответственности «за клевету». Но сделать это не удалось — в ответ была предъявлена справка, что она состоит на учете в неврологическом диспансере.

¹⁹⁾ Одним из таких поражений стал для нее в 1938 г. вынужденный уход из Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП(б), где, по ее словам, выполняла «научно-исследовательского характера работу над первоисточниками и текстами для краткого курса «Истории ВКП(б)».^{*)} Первостепенную роль в ее уходе тогда сыграли ее неуживчивость в коллективе и патологическая способность создавать вокруг себя скандальные ситуации.

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 125, ед. хр. 276, л. 28.

²⁰⁾ Место добычи радия на Кругобайкальской железной дороге. «Железнодорожное дело», № 32, 1905, с. 364.

²¹⁾ «Горные и золотопромышленные известия», № 12, 1914, с. 257.

²²⁾ Библиография Бурят-Монголии за 1890-1936 гг. Том 1. Естествознание (под редакцией академика В.А. Обручева и др). Москва, издательство АН СССР, 1939, с. 184, 185.

²³⁾ К.С. Филатов. Краткий обзор результатов поисков и разведок руд редких и цветных металлов в Алтае-Саянской системе. Труды научной конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири. Том 2, с. 6, 7. Томск, издательство «Красное знамя», 1940.

²⁴⁾ В.Т. Посохов, Н.В. Толстихин. Трудный путь к железу Ирбы. Красноярск, 1999, с. 24, 25.

²⁵⁾ Отец А.А. Баландина умер в августе 1919 года, и его дело унаследовала и успешно развивала вплоть до национализации, мать. Отсюда дефиниция в письме двух партфункционеров об «известной красноярской миллионерше»

²⁶⁾ А.Н. Яковлев. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль, Верхне-Волжское изд-во, 1994, с. 154, 155.

²⁷⁾ «Исторический архив», № 4, 1998. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Алфавитный указатель.

²⁸⁾ Из обзорного выступления К.С. Филатова на конференции в Томске 25.06.1939: «В 1916 г. И.Г. Прохоров, находясь в Германии в плену, сообщил письмом в Париж об этих работах (работах норвежского инженера Ганса по изучению радиоактивности пегматитов из щелочных сиенитов Тагашетского массива — А.Б.) Мари Кюри-Складовской». И далее: «... администрация лагеря для военнопленных, ... узнав о письме на имя Кюри о подозреваемом ради, сообщила об этом в один из специальных германских журналов, причем журнал этот сразу же поместил заметку об открытии радиевых руд^{*)} в Восточном Саяне».^{**)}

^{*)} На допросе 14.04.1949 профессор Томского университета И.К. Баженов, коллега К.С. Филатова по работам на Тагашетском массиве в начале 1930-х гг., говорил уже не о немецком, а о французском журнале, статью в которой о повышенной радиоактивности тамошних сиенитов якобы поместила сама М. Кюри (Следственное дело Р24297; архив ФСБ РФ). Однако в библиографических списках ее публикаций такую статью обнаружить не удалось.

^{**)} Труды научной конференции..., с. 6, 7; см. также примечание 23.

²⁹⁾ Посохов, Толстихин, с. 25, 26.

³⁰⁾ А.О. Старосельская-Никитина. История радиоактивности и возникновения ядерной физики. Москва издательство АН СССР, с. 140-142. Особенно в опубликованной эпистоле восхищают откровения ее автора, влагаемые им в уста выпускницы физического факультета Сорбонны, о «древнем темени Азии», которое покрывает «высокорadioактивные элементы» Минусинского уезда, и последовавшее вослед уточнение, что именно так называли геологи «эту территорию Сибири до революции» (!?)...

³¹⁾ Ева Кюри. Мария Кюри. Москва, издательство «Атомиздат», 1973, с. 261, 262.

³²⁾ В 1946 г. призыв Поспелова критически отнестись к контингенту лиц, выдвинутых на имевшиеся вакансии академиков и членов-корреспондентов АН СССР по Отделению геолого-географических наук, не сработал. Академиками в те выборы стали как И.Ф. Григорьев, так и В.Д. Наливкин,^{*)} не скрывавший впоследствии своих чувств в связи с прошедшими в 1949 г. арестами коллег по науке. В числе избранных членами-корреспондентами оказался А.Г. Бетехтин, находившийся в 1949 г. на краю ареста (см. главу 5), а также Ю.А. Билибин,^{**)} фамилия которого не раз поминалась Шестаковой в ее доносных записках во власть. В 1946 г. стал также академиком по Отделению химических наук А.А. Баландин, тоже поминавшийся той же Шестаковой как человек, знающий, где на юге Красноярского края лежат горы урановой смолки, но стерегущий их от «советского правительства».

Правда, не прошел в академики Я.С. Эдельштейн, но отнюдь не по причине предостережений со стороны Поспелова и Шестаковой. Баллотировался он как один из виднейших представителей отечественной геологической науки, не будучи членом-корреспондентом, а подобные скачки через степень допускались на выборах лишь в исключительных случаях. Когда, например, в том же 1946 г. речь шла о гениальном Л.Д. Ландау или, напротив, о функционере, пример которому — заместитель министра высшего образования А.В. Топчиев, ставшим академиком сразу после избрания его, по постановлению секретариата ЦК ВКП(б), главным ученым секретарем Президиума АН СССР; голосование при этом происходило вне выборной кампании, на летней сессии АН СССР 1949 г., притом на безальтернативной основе.

^{*)} «Известия», 01.12.1946, с. 2.

^{**)} Там же, 05.12.1946, с. 3.

³³⁾ Никаких печатных материалов о наблюдениях 1907 г. обнаружить не удалось. Сотрудник Томского университета С.М. Курбатов, специально занимавшийся в 1919-1920 гг. ревизией обнаруженных ранее точек повышенной радиоактивности в Минусинском уезде с помощью прибора, приспособленного для этой цели профессором университета П.П. Орловым, о работах 1907 г. на руднике Юлия не упоминал.^{*)}

^{*)} С.М. Курбатов. Новое месторождение соединений урана и ванадия в Минусинском уезде Енисейской губернии. Известия РАН, 1925, с. 315-322.

³⁴⁾ Из докладной записки А.Ф. Шестаковой И.В. Сталину, Л.П. Берии и Г.М. Маленкову от 12.05.1949, л. 8; документ предоставлен директором Музея геологии Центральной Сибири В.И. Совлуком из архивных фондов Музея.

³⁵⁾ Следственное дело РЗ В.В. Богацкого, л. 472.

³⁶⁾ С.М. Курбатов, с. 322.

³⁷⁾ Из докладной записки А.Ф. Шестаковой от 18.05.1949, л. 3; см. также приложение 1.

³⁸⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 125, ед. хр. 497, л. 307-311.

³⁹⁾ Там же, л. 292.

⁴⁰⁾ Там же, л. 316.

⁴¹⁾ К.А. Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, изд-во «Вече», 2000, с. 252.

⁴²⁾ См., например: В.Д. Есаков, Е.С. Левина. Дело «КР» (из истории гонений на советскую интеллигенцию). «Кентавр», № 2, 1994; А.М. Блох. Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Москва, изд-во «Физматлит», 2005, с. 318-321.

⁴³⁾ Полный текст «Закрытого письма ЦК ВКП(б)» опубликован в журнале «Кентавр», № 2, 1994, с. 65-69.

⁴⁴⁾ Чтобы подкрепить свои науськивающие рассуждения соответствующей цитатой, он не остановился перед прямым подлогом, "ссылаясь" притом на несуществующую цитату в БСЭ. Чтобы не казаться голословным, приведем оба текста.

Радченко: «Следы горных выработок, — говорится в энциклопедии, — так называемых чудских, известны в пределах Европейской части, Урала, Сибири и т.д. Это свидетельствует о том, что финны были основоположниками горного дела и поставили это дело на территории Советского Союза».^{*)}

БСЭ, 1-е издание, т. 17, столбец 756: «Так, остатки "чудских копей" (на Урале и в Сибири) свидетельствуют о развитии горного промысла у финских племен ("чуди", как их называют русские источники), остатки печей для плавления руд указывают на знакомство этих племен уже в доисторические времена с примитивной обработкой металлов».

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 117, ед. хр. 914, л. 58, 59.

⁴⁵⁾ Там же, ед. хр. 988, л. 120.

⁴⁶⁾ Там же, л. 121, 122.

⁴⁷⁾ В генеральном каталоге ИГЕМ РАН указаний на наличие опубликованных научных статей И.Д. Рожанского и Е.А. Тарабрина нет. Скорее всего речь тут идет о сотрудниках надзорных органов, которых предполагалось направить в Лондон для контроля членов делегации, в помощь «заместителю руководителя делегации» «В.И. Бирюкову, фамилия и инициалы которого среди авторов статей 1930-40-х годов также не обозначилось...

⁴⁸⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 118, ед. хр. 100, л. 63.

⁴⁹⁾ Там же, л. 62.

Глава 2

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО И ПОСЛЕДОВАВШИЙ РАЗГРОМ МИНГЕО

30 марта 1949 года в 10 часов утра,¹⁾ непривычно рано для образа жизни Сталина, у которого рабочий день, как правило, начинался со второй его половины и продолжался до глубокой ночи, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Председательствовал сам генеральный секретарь ЦК и председатель СМ СССР И.В. Сталин, а не руководитель Секретариата ЦК Г.М. Маленков, как обычно.

Объяснить это можно только одним, что вождь был лично заинтересован в вопросе, который стоял на повестке дня. А вопрос этот, запрототолированный под № 98, звучал так: «Сообщение т.т. Шестаковой и Пospelова о состоянии геологических разведок в Красноярском крае».

На упомянутом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу № 98 было зафиксировано два пункта решения:

«1. Поручить Комиссии в составе т.т. Берии (председатель), Молотова, Микояна, Шестаковой, Пospelова, Тевосяна, Круглова, Абакумова, Захарова с привлечением работников из Министерства геологии рассмотреть вопросы:

а) о положении дел в Министерстве геологии и о мерах улучшения работы Министерства геологии;

б) о геологических разведках на юге и севере Красноярского края;

в) о работе Министерства государственной безопасности по вскрытию вредителей в геологии и, в частности, в Красноярском крае.

Срок работы 10 дней. Первый доклад представить через 2-3 дня.

2. Обязать т. Малышева представить письмо с объяснением по поводу записки т.т. Пospelова, Аристовой и Шестаковой о работе геологов в Красноярском крае и т. Тевосяна — по эксплуатации полиметаллических руд в Красноярском крае».²⁾

Заседанию этому предшествовала адресованная Сталину обширная докладная записка А.Ф. Шестаковой в сотню страниц объемом, с приложением геологических карт и другого иллюстративного материала. Записка датирована 1 марта 1949 г. После ознакомления с нею Сталина она была направлена для принятия мер первому секретарю Красноярского крайкома ВКП(б) А.Б. Аристову и главному редактору «Правды» П.Н. Пospelову. Их совместная ответная записка, подготовленная для вождя и подписанная 22 марта, уже в заголовке несла на себе черты абсолютной безответственности: «О важных месторождениях урановых минералов и причинах задержки их разработок». Будто месторождения эти должным образом уже разведаны и переведены в разряд промышленных объектов, и дело лишь за тем, чтобы преодолеть злонамеренно вредительское сопротивление группы геологов.

По прочтении этого документа Сталин 25 марта распорядился ознакомить с ним всех членов Политбюро ЦК ВКП(б), что и было исполнено. Ныне эта записка, со всеми высокопоставленными росписями, хранится в архиве Президента РФ под шифром: фонд 3, опись 46, ед. хр. 175, дело 31-П/г 2-а/4

В сталинские времена стенограммы заседаний Политбюро, как, впрочем, и Секретариата ЦК, как правило, не велись. Во всяком случае, в Российском государственном архиве социально-политических исследований (РГАСПИ), бывшем партийном архиве ЦК ВКП(б), в котором собраны документы до начала октября 1952 г., когда решением XIX партийного съезда ВКП(б) была переименована в КПСС, таких стенограмм нет.

Однако интересующимся тем, что же все-таки происходило 30 марта 1949 г. на заседании Политбюро, в этом плане повезло. И благодарить за это следует одного из ключевых участников заседания и одного из предварительно назначенных докладчиков — главного редактора «Правды» П.Н. Пospelова. Его журналистский порыв сохранить какой-то след от происходившего под сводами помпезного зала на Старой площади

позволяет нам сегодня осязаемо прикоснуться к разворачивавшейся драме и непосредственно окунуться в атмосферу, в которой готовилось очередное преступление — аресты уже на следующий день ни о чем не подозревавших блестящих представителей советской геологии и, вслед тому, разгром эффективно работавшей геологической отрасли народного хозяйства страны.

Заметки, которые скорописью карандашом делал Поспелов, писались на вырванных блокнотных листах формата А-4. Какие-то слова из его записей расшифровке не поддались. В приводимом ниже тексте этих записей то, что разобрать не удалось, заменялось на троеточие. Как правило, речь идет при этом об одном каком-нибудь слове или названии, иногда двух-трех — но не более. Заполняемость листов разная. Иногда на одном листе всего несколько строк; например листы 236 и 243. Иногда же лист заполнялся достаточно плотно.

л. 235	т. Малышев	30 марта 1949 года
	Вместе с геологом были рабочие (Смирнов).	
	Ни одного месторождения, где бы можно было ставить эксплуатацию, в Красноярском крае нет.	
	Юлинское месторождение — пока что запасы незначительны.	
	По ангарскому железу — в записке (Шестаковой от 01.03.1949 — А.Б.), де, неправильно указывается насчет инициативы Крайкома.	
	Свинцовых крупных месторождений нет.	
л. 236	Сорское месторождение (молибдена — А.Б.). Запасы около 10000 тонн.	
	Более разведовано Сорское месторождение.	
	Работа не очень ... пока поставлена.	
л. 237	Месторождение ... плоховато, маленькое, незначительное.	
	Пишут, что якобы пора строить (наверно, упущено слово «рудник» — А.Б.), что крупным месторождением считать нельзя.	
	Мне кажется, что эти образцы с Абаканского месторождения.	
	По полиметеллам эксплуатационных работ нет.	
л. 238	В.[опрос] Эдельштейн — где работает теперь?	
	В. Доминиковский?	
	О.[ответ] ... и Мюхертер — выехал в Америку (т. Абакумов).	
	Томашпольская.	
	М.[аленков] Со стороны ... данными не знаком.	
л. 239	т. Горюнов	
	Заключение по образцу —	{ Почему?
40 метров
Кюри говорила другое
	Эти образцы...	
	Этот образец (23) представляет интерес	
	Все месторождения при ... может (так в тексте — А.Б.) оказаться промышленными!	{ Широкие десятые доли %
= % —
	Аналог образца (23)	
	(по словам Ненадкевича)	
	2) Пере... Сорского месторождения	
	3) Юлия — два миллиона убухали — но свинцовый рудник обошли	
л. 240	Месторождение урановое	
	35 метров — максимум.	
	... осени 1949г.	
	Узнали только из записки (Шестаковой — А.Б.)	
	Эдельштейн занимается геоморфологией и редактированием томов «Геологии» (многотомное издание «Геология СССР» — А.Б.)	
л. 241	т. Сталин — Почему из разных районов набрасывались на юг	

- Красноярского края?
т. Сталин. В записке пишется, что приезжали, образцы забирали, отправляли в Америку.
Малышев. До 1930 г. (это делалось)
т. Сталин. За все годы отвечаете.
- л. 242 т. Сталин. Документ (докладная записка Шестаковой от 01.03.1949 — А.Б.) бьет вас в лицо.
Юлия
Малышев
Лабазин... Алтайского района.
т. Сталин. Уркарт открыл Алтай.
Вопрос т. Сталина начальнику ГБ Красноярского края:
- Материалы не от вас попали к корреспонденту «Правды»?
- Нет. Узнал в начале марта. Глубоко и серьезно начали заниматься только теперь.
- л. 243 ...месторождение
Сорское месторождение
- л. 244 Заключение товарища Сталина
Где сейчас главная опасность?
О честных дураках и слепцах
От таких честных людей, но слепых, может погибнуть наша страна...
Вот враг... (в современной обстановке).
Хвост вредителей, оказались хвостом вредителей...
Разве медведь (из крыловской басни) не был честным?
Честные люди, но слепые дураки, отдают практическое руководство в руки Григорьевых, Эдельштейнов, колчаковцев и т.п.
- л. 245 Как быть с районом? Абакан.
Передать ... организации Юг Красноярского края и Ангари передать ... организации.
Выделить разведку из системы Геолкома и ...
Все это вместе объединить в одну организацию
Создать такую организацию, как в Норильске — МВД — они хорошо работают.
- л. 246 ...чекистов молодых побольше дать.
Убили нашего чекиста Домарева. Преследуют наших людей (Шкирятова и других). Чека молчит.
Враги делают свою политику руками наших дураков (вот таких людей — Малышев, Горюнов).
Кто эти резолюции (что в Красноярском крае ничего нет) писали? Они? — Нет, их рукой враги руководили.
Почему все эти дела рассказывает корреспондент, а не чекист?
- л. 247 Без комиссии не обойтись.
Поспелова, который не закончил свою речь, тоже надо ввести в комиссию.
Сроки комиссии 10 дней.
Первый доклад — через 2-3 дня.
1. Положение дел в Министерстве геологии.
2. Положение дел в ... (так в оригинале — А.Б.).
Вносится предложение о награждении тов. Шестаковой. Тов. Шестакова заслуживает этого (но это потом, обдумаем как лучше сделать).
- Много страдала (реплика Поспелова). — Профессия такая (товарищ Сталин).
Объяснение должен представить Малышев в письменном виде.

- л. 248 т. Поскребышев 1/IV
Поручение. Напечатать 3 экземпляра записки по Сорскому и Маинскому месторождениям (можно без даты).
- Послать т. Берия.

Ниже, для облегчения восприятия записей Пospelова, приведем наш краткий комментарий к ним.

- л. 235 Ремарка Пospelова о «рабочих», прибывших на заседание Политбюро вместе с «геологом», то есть министром геологии И.И. Малышевым, с упоминанием в скобках некоего Смирнова малопонятна. Если при этом имелись в виду сопровождавшие министра члены коллегии Министерства (как бы на положении рабочих консультантов при его выступлении), то тогда, скорее всего, речь шла о заместителе министра В.И. Смирнове.

- л. 237 Первые две фразы, наверно, являлись продолжением фраз о Сорском месторождении на л. 236.

- л. 238 Упомянутые здесь Сталиным Я.С. Эдельштейн, В.Н. Доминиковский из Ленинграда и В.Д. Томашпольская из Томска были арестованы в ночь с 30 на 31 марта 1949 г. Одновременно были взяты еще шесть человек в Москве и Томске: И.К. Баженов, А.А. Баландин, А.Г. Вологдин, И.Ф. Григорьев, О.К. Полетаева и Ю.М. Шейнманн.

Сидней Мюхертер, горный инженер из США, в сопровождении жены и переводчика в июле 1930 г. побывал на Юлинском медном руднике, когда в том районе работала экспедиция Всесоюзного НИИ цветных металлов под руководством В.С. Домарева. Начальником Юлинской геолого-поисковой партии этой экспедиции Домарев назначил молодого сотрудника ВСЕГЕИ В.Н. Доминиковского, которому поручил опекать американца во время пребывания его на Юлии. Мюхертер набрал на руднике пять ящиков образцов руд и вмещающих пород. Доминиковский помог упаковать их и отвез для сдачи в багаж на железнодорожную станцию Шира.^{*)} Упомянутая Сталиным В.Д. Томашпольская тоже работала в том году в районе рудника от партии Западно-Сибирского геологического управления. Взятая в скобки фамилия министра госбезопасности В.С. Абакумова свидетельствует, видимо, что отвечал Сталину на поставленные вопросы он. То есть мероприятия, связанные с арестом первой группы геологов, включавшей двух академиков И.Ф. Григорьева и А.А. Баландина и члена-корреспондента А.Г. Володина, были подготовлены МГБ СССР еще за несколько дней (или недель?) до заседания Политбюро. На заседании 30 марта дана лишь окончательная санкция на их проведение.

^{*)} Следственное дело В.И. Доминиковского Р24207, л. 50-64. Архив ФСБ РФ. В отдельном конверте лежит изъятая при обыске фотография С. Мюхертера, подаренная в 1930 г. Доминиковскому (л. 68).

- л. 239 Судя по фразам, приводимым из выступления первого заместителя министра С.В. Горюнова, ему в Мингео было поручено информировать членов Политбюро о радиоактивных проявлениях на юге Красноярского края. Дважды упомянутый образец № 23 — это тот образец, который осенью 1947 г. Шестакова обнаружила выпавшим из одного из старых ящиков, хранившихся много лет под открытым небом во дворе Минусинского краеведческого музея. Выпал он при переносе ящиков в помещение, где производился массовый радиометрический промер всего каменного материала музея. Образец тот, естественно, оказался без этикетки с указанием места его отбора, а номер был зафиксирован на капле белой краски. При промере в образце была отмечена повышенная

активность. Это позволило Шестаковой сделать вывод о злонамеренном сокрытии геологами урановых месторождений в регионе, о чем и сообщила в своей докладной записке. Член-корреспондент АН СССР К.А. Ненадкевич, которому был передан образец для изучения, определил его как близкий по составу к тюямуниту из уранового месторождения Тюямун в Узбекистане. В настоящее время злополучный образец № 23 хранится в Красноярском музее геологии Центральной Сибири.

Справа, за первой фигурной скобкой, обозначены вопросы и суждения по ходу доклада Горюнова; скорее всего, они принадлежали Шестаковой. «40 метров» — это, видимо, суждение о глубине залегания промышленных урановых руд, а фраза о Марии Кюри однозначно связана с информацией, полученной от И.Г. Прохорова (см. главу 1). Ей же, скорее всего, принадлежали фразы, зафиксированные на том же л. 239 ниже третьей фразы Горюнова, а также за второй фигурной скобкой в правой части места. Фразы те содержат сверхоптимистические надежды правдинской журналистки на наличие высоких концентраций урана в прогнозируемой ею руде, лежащей на глубине 40 м (л. 239) или даже «35 метров — максимум» (л. 240).

л. 240

Перебила Шестакова сообщение Горюнова, надо думать, по собственной инициативе и спонтанно. Горюнов же заканчивал свое выступление уже после того, как его визави высказала все, что хотела сказать о геологах, злостно скрывающих хорошо известные им и лежащие почти на поверхности промышленные запасы уранового сырья. Ей же на данном листе принадлежат три заключающие фразы, а две последние — уже Горюнову, завершавшему выступление справкой об Эдельштейне, которую потребовал Сталин (л. 238).

л. 241

Второй вопрос Сталина явно связан с поездкой в 1930 г. на Юлинский рудник С. Мюхертера и отправкой в США отобранного им в выработках законсервированного рудника каменного материала. Первый же вопрос, возможно, относится уже к 1937 г., когда Минусинскую впадину посетила группа экскурсантов из участников проходившей в Москве XVII сессии Геологического конгресса. В подборке образцов кембрийских известняков, по просьбе руководителя группы А.Г. Вологодина, ему помогла находившаяся там же с группой студентов Томского политехнического института В.Д. Томашпольская.^{*)} За что и удостоилась особого упоминания вождем (л. 238) и, как следствие, первоочередного ареста в ночь с 30 на 31 марта 1949г.

^{*)} Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 348-354 и т. 2, л. 163-166. Архив ФСБ РФ.

л. 242-243

Первая, зловеще звучащая, фраза Сталина обращена к руководству Мингео.³⁾ Упоминание о двух рудных месторождениях из Минусинской впадины, вероятно, связано с обращением к руководителю краевого УМГБ и его ответом по части «глубокого и серьезного начала» чекистских проверок обвинений Шестаковой. Началась эта проверка, возможно, с просмотра архивной геологической документации по тем месторождениям, которые зафиксировал Пospelов на л. 243.

Не очень ясно, в связи с чем и кем упомянут на л. 242 проф. Г.С. Лабазин из ВСЕГЕИ, специалист по региональной металлогении, особенно по полиметаллам, работал на Алтае, в Вост. Забайкалье. Репрессиям не подвергался ни до «Красноярского дела», ни во время его. Возможно, как и его учитель акад. А.Н. Заварицкий, он был поставлен на очередь?.. (см. главу 5).

л. 244

Упомянутые во множественном числе И.Ф. Григорьев и 80-летний

Я.С. Эдельштейн менее чем через сутки будут арестованы. Под «колчаковцами» подразумевается группа геолкомовских геологов, выехавшая в июне 1918 г. на полевые работы из Петрограда в Сибирь и оказавшаяся на территории, занятой белогвардейской армией А.В. Колчака. В эту группу, помимо Эдельштейна, входили И.Ф. Григорьев, В.К. Котульский и др. Осенью 1918 г. был сформирован Сибирский геолком, одним из директоров которого стал знаток геологии Сибири Эдельштейн. Кроме того под дефиницию «колчаковцев», вместе с Григорьевым, попадали еще двое человек, сотрудничавших в «колчаковском» Геолкоме и арестованных 31.03.1949 — сибиряки И.К. Баженов и А.Г. Вологдин.

л. 245

Во исполнение этого поручения 11.04.1949 было подписано постановление СМ СССР № 1409-506, а 16.04.1949 — приказ № 06349 по МВД СССР об организации Главного управления по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае (Енисейстрой) с местопребыванием в Красноярске. Начальником Енисейстроя был назначен зам. министра МВД СССР и, до того, начальник Норильского управления исправительно-трудовых лагерей и комбината генерал-майор А.А. Панюков. До формирования Енисейстроя он курировал, кроме того, как замминистра, предприятия Дальстроя и строительно-эксплуатационное управление № 11, занимавшееся добычей тория (монацита) в Алданском районе Якутии (знаменитый ИТЛ Васильевка на Амуро-Якутском тракте между Чульманом и Алданом).

На основании постановления от 14.04.1949 из ведения министерств геологии и металлургической промышленности и Академии наук Енисейстрою были переданы геолого-поисковые и разведочные организации, экспедиции и партии, предприятия и строительства, находившиеся «в южных районах Красноярского края». По приказу МВД СССР от 16.04.1949 было предписано организовать Особое техническое бюро и привлечь туда «крупных специалистов-геологов, горняков и металлургов из числа осужденных, находящихся в лагерях и колониях МВД». 22.08.1949 появляется приказ по МВД СССР № 00800, которым, в частности, предусматривается создание в Красноярске «тюремь специального назначения с лимитом наполнения до 300 человек» для содержания специалистов—заклученных.*)

*) «Свободная мысль», № 3, 2001, с. 116.

л. 246

Здесь более всего интригует упоминание Сталиным некоего «нашего чекиста» Домарева; фамилия такая, как известно, встречается сама по себе достаточно редко. Загадка в том, что сотрудник Всесоюзного НИИ цветных металлов в Ленинграде Владимир Сергеевич Домарев (не путать с младшим братом Виктором, тоже известным геологом-рудником, благополучно дожившим до 86 лет) был хорошо известен в среде сибирских геологов как одна из ключевых фигур в изучении минусинских рудных проявлений в 20-30-х гг. Он многократно упоминался в этой связи и в показаниях В.Н. Доминиковского, работавшего под его началом после окончания Горного института в 1930 г.*) В справке по архивному делу № 266528 Т-64, датированной 03.12.1949 следователем капитаном Тельновым и подшитой к делу Доминиковского, отмечалось, что «Домарев в 1932 г., будучи враждебно настроенным к советской власти, вошел в антисоветскую террористическую организацию, созданную разведывательными органами Германии. Со своими сообщниками Домарев

обсуждал методы борьбы против советской власти и одобрял террор над руководителями ВКП(б) и Советского Правительства. 23 мая 1937 года выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР Домарев приговорен к 10 годам ИТЛ с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества и с поражением политических прав на 5 лет». После истечения срока заключения оставался в Норильске, занимая должность главного инженера. Жил в служебном кабинете, где находился сейф, о содержимом которого в лагере ходили разные слухи. Ночью 22.04.1947 группа уголовников, предварительно связав сторожа, ворвалась в кабинет и потребовала от Домарева ключи. Получив отказ, зверски расправилась с ним.^{**)}

Устное упоминание Сталиным фамилии Домарева нашло свое продолжение в тексте принятого две недели спустя постановления СМ СССР от 11.04.1949 № 1409-506сс, хранящегося ныне в Архиве Президента. В приложении к постановлению эта фамилия уже упоминается с инициалами, что не оставляет сомнений в идентичности того, кто упоминался на заседании Политбюро и кто в 20-30-х гг. работал на юге Красноярского края:

«11. Обязать МГБ СССР (т. Абакумов)...

д) Специально расследовать убийство горного инженера Домарева В.С. и о результатах доложить Правительству».

Явным отзвуком этого предписания стали допросы вторично арестованного 30.03.1949 Ю.М. Шейнманна, который до весны 1947 г. пребывал в качестве спецпоселенца в Норильске и был дружен с Домаревым. Как отметил он в прошении о реабилитации от 21.08.1953, «мне пытались поставить в вину убийство моего приятеля геолога В.С. Домарева, зверски зарезанного бандитами...^{***)}

^{*)} Следственное дело В.Н. Доминиковского Р24207, л. 39-64.

^{**)} Там же, л. 242, 243; см. также сб. «Репрессированные геологи». Москва-С.Петербург, 1999, с. 117.

^{***)} Следственное дело Ю.М. Шейнманна Р28, т. 2, л. 426.

В предпоследней фразе о «резолуции (что в Красноярском крае ничего нет)» Сталин подразумевал письмо И.И. Малышева Г.М. Маленкову от 27.10.1944 в ответ на докладную записку А.Ф. Шестаковой от 31.08.1944 (см. главу 1).

л. 247

Эта комиссия и была утверждена на том же заседании Политбюро в количестве девяти человек; председателем комиссии назначен Л.П. Берия; полный ее список уже приводился выше.

Снисходительная фраза Сталина по поводу включения Пospelова в комиссию связана с тем, что по предварительной повестке дня заседания Политбюро основными докладчиками числились Пospelов и Шестакова. Судя по реплике вождя, Пospelову он не дал завершить выступление и вызвал на трибуну Шестакову. Последняя же, как видим, не только полностью использовала свое время на трибуне, но и не раз подавала голос с места при выступлениях представителей Мингео (см., например, л. 239, 240)

Упомянутая комиссия Политбюро приступила к занятием в тот же день 30 марта, с последовавшими выездами в здание Мингео на Большой Грузинской. Уже неделю спустя, в апреле, по ее представлению утверждается Бюро по металлургии и геологии во главе с зам. председателя СМ СССР В.М. Молотовым. На вновь образованную структуру возлагается обязанность непосредственного руководства группой министерств,

занимавшихся разведкой, добычей и переработкой твердых полезных ископаемых: металлургической промышленности, строительства предприятий тяжелой индустрии и геологии.⁴⁾

11 апреля доходит очередь до кадровых решений в Мингео. И.И. Малышев освобождается от обязанностей министра геологии, а генерал-майор МВД СССР П.А. Захаров, недавний начальник главного управления лагерей горно-металлургической промышленности МВД, сменяет его на этом посту.

В тот же день, точнее вечер, 11 апреля Сталину в его кремлевском кабинете было доложено о результатах кадровых перестановок в Мингео и о формировании, по его указанию, нового объединения, по примеру Норильскстроя, названного Енисейстроем или, если подробнее, — Главным управлением по разведке и эксплуатации предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае МВД СССР, с местопребыванием в Красноярске.

Аудиенция длилась, как зафиксировано в списках посетителей вождя, десять минут, с 21³⁰ до 21⁴⁰. Присутствовали при докладе семь человек: оба силовых министра — МГБ В.С. Абакумов и МВД С.Н. Круглов, назначенный, по совместительству, начальником Енисейстроя заместитель министра МВД А.А. Панюков, недавний начальник Норильскстроя, а также новый министр геологии П.А. Захаров и трое его заместителей — С.В. Горюнов, Н.М. Силуянов, В.И. Смирнов.⁵⁾

Месяц спустя Секретариат ЦК принимает постановление от 19.05.1949, в котором предписывается секретарю ЦК П.К. Пономаренко в двухдневный срок рассмотреть предложение нового министра об унаследованных им после Малышева своих заместителях и членах коллегии Мингео и подготовить предложения для внесения в Политбюро.⁶⁾ 3 июня список новых назначенцев принимается секретариатом ЦК и передается на утверждение Политбюро. Из шести прежних заместителей министра сохранили свои места лишь двое — С.В. Горюнов и В.И. Смирнов, а двое бывших замов, С.А. Ершов и Г.К. Лукьянов, остаются в членах коллегии министерства. Правда, Горюнов при прошедших пертурбациях лишается кресла первого зама.⁷⁾ Большая часть новых заместителей, включая первого зама Н.М. Силуянова, как и сам министр, — выходцы из МВД СССР.

Тем же постановлением Совета Министров СССР от 11.04.1949 в системе МВД СССР, повторимся еще раз, было создано объединение Енисейстрой, по подобию давно функционировавших Норильскстроя на севере Красноярского края и Дальстроя на Колыме. На выделенной территории южной части Красноярского края тем же постановлением ему были переданы «все геолого-поисковые работы по цветным и редким металлам». Для осуществления же поставленных задач в пункте 2 приложения к цитируемому постановлению Енисейстрою предписано было достаточно экзотичное для правительственных постановлений повеление «при осуществлении задач... широко привлекать проверенных геологов, местных старателей и разведчиков, хорошо знающих Красноярский край и его богатства...» И затем следует перечисление конкретных фамилий лиц, на которые следует опираться в первую очередь: «...геолога Медведкова и известных в крае рабочих-первооткрывателей Прохорова, Широкова и Серебrenикова. Для повышения знаний старателей, поисковиков и разведчиков из местного населения создать школу рудознатцев, не ограничивая прием в нее ни возрастом, ни образовательным цензом». Ну и, естественно, создать «для работ по разведке, строительству и эксплуатации месторождений цветных и редких металлов необходимое количество исправительно-трудовых лагерей и спецпоселков», причем «допустив привлечение к работе... крупных специалистов, горняков и металлургов из числа осужденных, находящихся в лагерях и колониях».

Не позабыли составители рецензируемого постановления позаботиться и собственно о науке. Именно здесь, пунктом 7 приложения к постановлению, Президиум АН СССР обязывался «в декадный срок предоставить в Совет Министров СССР отчет о

работе Московского института геологических наук», а последующим пунктом 8, «в связи с тем, что к издаваемым Министерством геологии СССР трудам "Геология СССР" были привлечены в качестве авторов и редакторов Эдельштейн, Вологдин и др., обязать министра геологии т. Захарова издание этой работы приостановить, пересмотреть уже напечатанные тома и представить в Совет Министров СССР свои предложения о порядке выпуска в дальнейшем трудов "Геология СССР"». Отдавая положенное продолжавшей бушевать в стране пропагандистской кампании «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом», тем же пунктом 8 впредь запрещено Мингео и Академии наук, «а также другим министерствам и ведомствам издавать геологическую литературу с аннотациями на иностранных языках»...⁸⁾

Чистка рядов руководящего состава министерства продолжалась до конца августа 1949 г.: 25 июля заменяются на новых прежние начальники и главные инженеры главков и начальники управлений Мингео,⁹⁾ 5 августа переутверждаются начальники и главные инженеры территориальных геологических управлений,¹⁰⁾ а 12 августа увольняется начальник главка горно-металлургических вузов Министерства высшего образования С.К. Кончев. В тот же день лишается кресла заместителя министра С.В. Горюнов, которого Сталин 30 марта отнес, вместе с Малышевым, к категории «честных дураков», и переводится на второстепенную должность начальника техуправления Мингео.¹¹⁾

Таким образом, к концу августа из прежнего состава главного штаба Мингео в итоге сохранил свое место лишь В.И. Смирнов, в будущем академик АН СССР и заведующий кафедрой Московского университета. Этот факт вызывал в геологическом сообществе многочисленные пересуды не только в те черные месяцы, но и многие годы, даже десятилетия спустя. Пересуды эти, естественно, были не в пользу Владимира Ивановича. Сегодня, когда раскрылись для исследователя массивы ранее секретной документации высших партийных органов, можно смело взять под защиту имя видного геолога-рудника, который в данном случае не был замешан ни в каких доносах на своих коллег и, тем более, в их арестах. А объяснение тому, что его счастливо миновали грозы 1949 года, бушевавшие под сводами Мингео, можно найти лишь в благожелательном отношении к нему и его организационно-научной эрудиции ряда влиятельных покровителей среди высших правительственных чиновников, прежде всего, хорошо его знавшего заместителя председателя СМ СССР И.Ф. Тевосяна.

Доносные письма на него пошли в ЦК ВКП(б) почти сразу после того, как стало ясным, что он остается заместителем министра. Первое такое письмо было написано одним из сотрудников ВИМС уже 26.06.1949. Еще три фигуранта, включая недавнего члена коллегии Мингео, который был уволен 03.06.1949 и отправлен на периферию, продолжали настаивать на изгнании Смирнова из министерства и в 1950 году. Конец этим эпистолярным упражнениям положила записка на имя руководителя Секретариата ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, подписанная 30.08.1950 секретарем ЦК П.К. Пономаренко, зампредсовмина И.Ф. Тевосяном и министром геологии П.А. Захаровым. В ней отмечалось, что «при смене старого руководства Мингео... вопрос о т. Смирнове обсуждался, и т. Смирнов был оставлен на работе заместителя министра и назначен начальником Главного геолого-разведочного управления, связанного с проблемой специальных металлов» (т.н. Первый главк по поискам и разведкам урана — А.Б.). Потому, отметили в заключении высокопоставленные подписанты, «считаем, что решение Правительства об оставлении т. Смирнова заместителем министра геологии пересматривать нецелесообразно»...¹²⁾

Между тем Шестакова, вдохновленная своим бенефисом в присутствии вождя, уже 12 мая вновь обращается наверх с очередным пространственным посланием — в адрес Сталина, Берии и Маленкова и претенциозно названным ею «О предполагаемом районе месторождения, откуда происходит образец № 23 и где искать его аналоги». К четырем его экземплярам она 18 мая добавляет еще четыре выписки на 19 листах, ксерокопии которых были переданы нам директором Музея геологии Центральной Сибири в

Красноярске В.И. Совлуком.¹²⁾ «Страстное мое желание, чтобы это месторождение...¹³⁾ было найдено уже в этом году, побудило меня, несмотря на нездоровье, восстановить в памяти до мельчайших подробностей всю обстановку, при которой эта находка произошла», — писала она, имея в виду фигурировавший на заседании Политбюро «образец № 23».

Как и ее объемная Справка от 01.03.1949, этот документ также был подкреплён сопроводительным письмом, датированным 15.05.1949. Подписал его непосредственный начальник Шестаковой П.Н. Пospelов; оба документа ныне хранятся в Архиве Президента РФ. По мнению шефа газеты «Правда», «выводы записки убедительно подтверждаются рядом фактических материалов, которые даны в приложениях к ней». И далее следует примечательный экзерсис редактора главной газеты страны: «К печатным же изданиям, авторами которых являются такие лица, как Григорьев, Эдельштейн, Вологдин и другие, обязательно нужно дать хотя бы краткие рецензии, поскольку эти авторы писали так *хитро и запутанно* (курсив мой — А.Б.), что правильно их понимать можно только владея определенным ключом к их геологическим построениям и данным». Видимо, член-корреспондент, а с 1953 г. академик АН СССР Пospelов только сейчас наконец-то сообразил, что профессиональная литература предназначается, прежде всего, для профессионалов, а не для расхожего чтения. Хотя и после этого озарения необходимых выводов для себя сделать не удосужился...

Продолжая повествование, автор записки Шестакова отмечает, что образец № 23 «выпал 6 октября 1947 года при переноске в подвал № 1 найденных мною в одном из углов двора Минусинского музея... почти сотни ящиков коллекций и проб», которые принадлежали «37 геолого-разведочным и поисковым партиям»;¹⁴⁾ о причине переноски осенью 1947 г. ящиков с каменным материалом, много лет складированных под открытым небом на территории музея, см. в данной главе в комментарии к л. 239 хранящихся в РГАСПИ блокнотных записей гл. редактора газеты «Правда» П.Н. Пospelова.

Упоминая о своем посещении той же осенью 1947 г. «больного первооткрывателя Тагашетского месторождения радиоактивных руд И.Г. Прохорова», она одновременно информирует высшую власть об еще одной встрече, состоявшейся в тот же день и в той же деревне. Что «к нему (к Прохорову — А.Б.) в избушку зашел побеседовать со мной житель, более чем 80-летний старик» и что «он спросил меня: не знаю ли я, как человек ученый, почему американцы собирались ... покупать у царского правительства нашу Торгашинскую гору,... да только царское правительство, жадное до иностранцев, на этот раз ... даже за большие деньги не согласилось продать Торгашино». Далее она делится с тремя адресатами докладной записки собственными соображениями: «Факт этот я взяла на заметку и сейчас имею право (!? — А.Б.) утверждать о прямой его связи с увлечениями члена-корреспондента Вологодина карстовыми явлениями в районе Торгашино и далее по всему "закрытому" правобережью Енисея».¹⁵⁾ Прекрасно зная, что А.Г. Вологдин полтора месяца находится за решеткой и подвергается массированным допросам.

Уже на втором допросе, состоявшемся 12.04.1949, следователь по особо важным делам подполковник А.П. Леонов задал ему лобовой вопрос: «Вы занимались сокрытием месторождений, богатых полезными ископаемыми, в том числе активных минералов. Рекомендую показывать правду». В своем ответном показании подследственный и огласил требуемую от него правду: «Геолого-поисковые работы я проводил в Красноярском и Западно-Сибирском краях, Таджикистане и Киргизии. Особенно хорошо мне известен Красноярский край. Я считался знатоком этого района. Однако,... начиная с 1920 г. и до последних дней, мною ни разу не были обнаружены урановые или иные руды с активными элементами».

В конце того же допроса, длившегося с 14-ти до 3 часов ночи следующего дня, при перерыве с 18 до 23 ч., следователь вновь возвращается к «сокрытию» урановых месторождений: «О наличии районов с радиоактивными минералами вам известно и из других источников. Не пытайтесь скрывать». И сломленный ученый, возможно, как раз

после упомянутого пятичасового перерыва, когда обычно и применялись те самые «недозволенные методы дознания», о которых Вологдин писал в ЦК КПСС из Магадана 15.08.1953,¹⁶⁾ начал подписывать все, что включалось в протокол следователем и его начальством.

В данном конкретном случае он в три часа ночи удостоверил собственной подписью такой диалог с его «признательным заявлением»:

— Выходит, вы из нескольких источников (имеются в виду заявления местных рудознатцев, по типу заявок И.Г. Прохорова — А.Б.) были осведомлены о наличии урановых смолистых руд, однако, в антисоветских целях не предприняли решительных мер к проверке заявок.

— Признаю себя виновным, что, несмотря на сигналы о наличии в Красноярском крае урановых смолистых руд, я, выезжая туда, не предпринимал мер для проверки сообщений.¹⁷⁾

В итоге последовавшие в 1950-53 гг., в рамках специально организованного для этой цели Енисейстроя, масштабные поиски «смолистых» урановых руд, по терминологии Шестаковой, или того, о чем твердил Прохоров, жульнически привлеки себе в союзники не ведавшую о том Марию Кюри, — «радиоактивное орудение» в пегматитах Тагашетского массива, завершились легко предсказуемым полным провалом. Это было констатировано созванным в конце 1953 г. совещанием Специального, то есть уранового управления Енисейстроя МВД СССР, которое проходило под председательством заместителя начальника объединения генерал-майора С.Е. Егорова, в присутствии приглашенной для того А.Ф. Шестаковой. Стенограмму заседания вел ученый секретарь уранового управления, ныне здравствующий Мавр Николаевич Добровольский, который и поведал о том 13.05.2003 приехавшему в Красноярск автору.

На заседании главный геолог Спецуправления В.И. Красников обвинил Шестакову в безграмотных претензиях в адрес геологической службы края, некорректном использовании устаревших геологических материалов по части промышленной значимости известных в регионе месторождений цветных металлов и т.п. Шестакова бурно защищалась, не избегая при этом матерщины.¹⁸⁾ Совещание приняло решение о свертывании поисков в Минусинской впадине промышленных залежей урановых руд, за отсутствием научно-производственных свидетельств их наличия в регионе.

В итоге единственной реальностью во всей этой афере оказался пресловутый «образец № 23», подобранный Шестаковой в октябре 1947 г. во дворе Минусинского краеведческого музея. По свидетельству М.Н. Добровольского, для установления минерального состава образца в Красноярск в 1949 г. был направлен член-корреспондент АН СССР К.А. Ненадкевич — первооткрыватель в 1912 г. ванадата урана на первом для России урановом месторождении Тюямуюн, обнаруженном в Туркестанском крае Империи в 1902 году. Вывод ученого был однозначен — тюямунит.

М.Н. Добровольский высказал в беседе также предположение, что, поскольку в каталогах музея образец не числился, можно ожидать, что его злонамеренно подбросили Шестаковой.¹⁹⁾ Но сегодня версия эта не выдерживает критики. Каменный материал, хранившийся в ящиках в музейном дворе, музеем не принадлежал и временно складировался на нем по договоренности с руководством музея. Принадлежал же он поисковым партиям и экспедициям, работавшим в регионе в 30-40-х годах и предназначался для последующей камеральной обработки, а не для музейных экспозиций. Потом же, в текучке будней и реорганизаций, перманентно лихорадивших геологическую службу, ящики эти так и остались невостребованными, постепенно разваливаясь под дождем и снегом. Таким образом, валявшийся на земле образец, оказавшийся в итоге радиоактивным, действительно выпал, наряду с другими, из полуразвалившихся ящиков при переносе их в помещение, где производился поголовный радиометрический промер всего каменного материала, имевшегося на территории музея.

Как будет показано ниже, активная составляющая образца № 23 действительно принадлежала туюмуниту, что еще в 1949 г. уверенно констатировал К.А. Ненадкевич (см. в данной главе комментарий к л. 239 из архивных записей П.Н. Поспелова; РГАСПИ, фонд 629, опись 1, ед. хр. 95а, часть 2). Но к месторождению Туюмунь эта урановая минерализация отношения не имела.

Она была обнаружена еще без малого за три десятка лет до предпринятого осенью 1947 г. сплошного радиометрического опробования каменного материала из экспозиций и запасников Минусинского музея. Первооткрывателем ее стал профессор Томского университета (с 1917 по 1922 гг.) С.М. Курбатов, проводивший в 1919 и 1920 гг. систематические минералогические исследования по левому берегу Енисея в зонах контакта кристаллических горных пород с известняковыми толщами. Весь собранный каменный материал, весом до 40 пудов, затем исследовался на радиоактивность по методу наведенной активности Эльстера-Гейтеля на приборе, приспособленном для опробования всей массы штуфов горных пород коллегой Курбатова по университету П.П. Орловым. Результаты исследований были опубликованы в 1925 г. в таком авторитетном журнале как «Известия РАН», по представлению академика А.Е. Ферсмана.²⁰⁾ Трудно усомниться в том, что К.А. Ненадкевич не знал об этой публикации и не указал в своем заключении для Енисейстроя о вероятном местонахождении безадресного образца № 23. Что под корень подрубало наветы о злостном сокрытии геологами урановых месторождений «от советского правительства».

Штуф с туюмунитовой минерализацией был обнаружен Курбатовым на разведочном полигоне близ деревни Потехино, на правом берегу р. Большой Ербы. Там в 1916 г. заводоуправлением медного рудника Юлия были пройдены в девонских толщах четыре закопушки глубиной до 1,5 м: две в известняках, одна в кремнистой породе и последняя — в битуминозном известняке, подвергшемуся слабому окремнению. Именно в штуфе из этой выработки и обнаружилась наибольшая радиоактивность и, при последовавших минералогических исследованиях, — туюмунитовая минерализация в форме почковидных стяжений ярко канареечно-желтого цвета и небольших розеток из скорлуповатых чешуек желтого цвета с сильным перламутровым блеском.²¹⁾

Наивно предполагать, что Курбатов был последним, кто посетил в 1919-1920 гг. упомянутые выработки 1916 г. В том же районе в те же годы, вплоть до 1926 г., работал маститый геолкомовец Я.С. Эдельштейн, а до него и другие исследователи; упомянул он об этом при допросе 27.07.1949: «Горные породы повышенной радиоактивности я наблюдал в трех км от с. Потехино на склоне Лощёнкава Лога (месторождение фольбортита, исследованное Ю.А. Билибиным, Г.С. Лабазиным и др.)». ²²⁾ Невозможно, в частности, себе представить, чтобы мимо них могли прийти поисковые партии Минусинского геолого-разведочной базы Западно-Сибирского геологического управления, активно работавшие в регионе в 1930-31 гг. Скорее всего ей и принадлежала часть складировавшихся во дворе музея ящиков с каменным материалом, в одном из которых оказался пресловутый образец № 23. Тем более, что вскоре после 1931 года геолого-разведочная база была расформирована, со всеми ожидаемыми негативными последствиями таких административных решений...

То есть геологи хорошо знали в 20-х годах о потехинской фольбортитовой минерализации, но одновременно трезво отдавали себе отчет о ее бесперспективности для масштабных разведок.

Все это в спокойной рабочей обстановке несложно было установить в ту же осень 1947 года и, с учетом наличия в статье конкретного адреса находки, оперативно провести на месте, уже будучи вооруженными современной для тех лет радиометрической аппаратурой, необходимую ревизию. Но не этот разумный подход к находке владел умом психически неуравновешенной Шестаковой, воспринимавшейся окружающими в роли полномочного представителя ЦК ВКП(б).²³⁾ Владели ею совершенно иные императивы —

«поиск врага», а врагом для нее прежде всего являлась геологическая служба — как на месте, так и в Москве. И произошло то, что должно было произойти...

А как все это происходило в натуре, красочно изложила сама же Шестакова — в докладной записке П.Н. Поспелову, датированной 25.02.1948, и в подготовленной ею же «Справке», видимо предназначавшейся, в качестве документа, для заседания Политбюро. Конкретной даты на «Справке» нет, а указан лишь календарный диапазон (Красноярск — Москва, октябрь 1948 — март 1949), в течение которого она составлялась.

В настоящее время образец № 23, побывавший в руках членов Политбюро на заседании 30.03.1949 и, возможно, председательствовавшего на нем Сталина, давшего в тот день отмашку министру МГБ В.С. Абакумову на начало арестов геологов, хранится в экспозиции Музея геологии Центральной Сибири в Красноярске. По просьбе дирекции ИГЕМ РАН небольшая его часть была отколота и передана в Институт для проведения минералогического изучения с помощью современных методов исследования. Изучение это проводила старший научный сотрудник ИГЕМ кандидат геолого-минералогических наук О.А. Дойникова на сканирующем электронном микроскопе JSM 5300 (Япония), оснащенный энергодисперсионным аналитическим спектрометром Link ISIS (Великобритания).

Визуально образец № 23 представляет собой тесную ассоциацию канареечно-желтого тюямунита и темно-зеленого мелкозернистого кальциофольбортита (тангеита) с редкими, очень мелкими, выделениями алюмосиликатной фазы. Тюямунит по преимуществу представлен пластинчатыми или листоватыми микрокристаллами величиной до 10 мкм и толщиной менее 1 мкм, которые равномерно прорастают («пропитывают») основную зеленую массу тангеита. Существенно реже тюямунит образует мономинеральные прожилки толщиной в доли мм. По соотношению атомных количеств основных элементов в составе минерала $\text{Ca:U:V} \sim 1:2:2$ (по результатам трех анализов) можно уверенно диагностировать тюямунит, идеальная формула которого $\text{Ca}(\text{UO}_2)_2(\text{V}_2\text{O}_8) \times 5-8\text{H}_2\text{O}$.

Вмещающий тангеит, представленный в образце преимущественно микрозернистой (доли мкм) массой, реже лучистыми сферолитоподобными выделениями, также по составу отвечает идеальной формуле этого минерала — ванадату Са и Си (кальциофольбортиту) $\text{Ca Si}(\text{VO}_4)(\text{OH})$.

Проведенная тончайшая диагностика радиоактивной минерализации из безадресного образца, выпавшего из ящика при его переносе, лишь уточнила сделанный 80 лет назад С.М. Курбатовым вывод. Сделан он был с помощью количественного микрохимического анализа в лаборатории Ленинградского радиевого института для отобранного с помощью иглы канареечно-желтого материала; при этом загрязнявшие отборку примеси аллофана, опала и Fe-оксида («бурого железняка») были исключены путем последовавшего пересчета.²⁴⁾

И, возвращаясь к давно минувшим временам, лишний раз приходится убеждаться, насколько опасен для общества воинствующий непрофессионализм при власти. Как просто профессионалу было бы в считанные дни найти ответ на вопрос о природе и местоположении неожиданной радиоактивной находки на музейном дворе. Избежав, тем самым, той драмы, что потрясла на исходе сталинской эры огромный коллектив честных тружеников геологического корпуса страны и исковеркала жизнь десяткам блестящих его представителей, шестеро из которых не дожили до реабилитации, и их родным и близким...

Теперь самое время вернуться к работам 1919-1920 г., предпринятым Томским университетом и напрямую ориентированным на поиск радиоактивного оруденения в Минусинской впадине. Судьба распорядилась так, что одним из сотрудников поискового отряда С.М. Курбатова стал студент университета А.А. Баландин, впоследствии выдающийся химик-органик, академик АН СССР, лауреат Сталинской премии 1946 года, один из самых талантливых учеников академика Н.Д. Зелинского.

Сам Курбатов, выпускник Санкт-Петербургского университета по кафедре минералогии 1905 года, затем магистр и в 1917 г. — профессор, в том же году переехал на свободную вакансию в Томск. По завершении отчета о полевых работах в Минусинской впадине в 1922 г. он вернулся в Петроград на родную кафедру и более контактов с Сибирью не имел. Это и спасло его от репрессий 1949 года.

Тяжелее пришлось его бывшему практиканту-коллектору. Уроженец г. Енисейска, сын крупного сибирского промышленника — владельца Черновских угольных копей близ Абакана и других предприятий, национализированных в 1919 году, он посчитал за лучшее покинуть Сибирь и в том же 1922 г., как и Курбатов, перебрался на запад. На следующий год он завершил образование на химическом факультете Московского университета под руководством академика Зелинского, а в 1927 г. вновь вернулся, в качестве преподавателя, на ту же кафедру. В 1934 г. ему присваивается ученое звание профессора, а в следующем 1935 г. Зелинский приглашает его, по совместительству, на должность профессора и заведующего лабораторией созданного в том же году Института органической химии АН СССР. В 1936 г. ему присуждается академическая премия имени Д.И. Менделеева за создание мультиплетной теории катализа, широко применяемой в кинетике каталитической гидрогенизации.

И в том же 1936 году Баландин становится жертвой развернувшейся в стране «охоты на ведьм». Ему предъявляется смехотворное обвинение в участии с двумя студентами в подготовке покушения на Сталина, причем его роль заключалась якобы в изготовлении взрывчатого вещества для передачи его будущим террористам. В итоге он приговаривается в январе 1937 г. Особым Совещанием при НКВД СССР «как социально опасный элемент к 5 годам ссылки в Оренбург».

Абсурдность обвинения была настолько очевидна, что, благодаря обращениям Н.Д. Зелинского к верховным властям, после ареста наркома НКВД Н.И. Ежова и назначения на его место 25.11.1938 Л.П. Берии, сопровождавшимся недолгим периодом освобождения небольшого числа невинно осужденных, Баландин в мае 1939 г. возвращается в Москву. Но протоколы допросов остаются. Остаются и сделанные им показания об участии в 1919-1920 гг. в поисках радиоактивных месторождений в Минусинской впадине.

Вначале представлялось, что именно протоколы допросов 1936 г., в которых несомненно имелись сведения о его участии в течение двух полевых сезонов в работах партии Курбатова, не были секретом для абакумовских следователей, когда весной 1949 г. на Лубянке развернулась подготовка к первым арестам геологов. Однако ознакомление с хранящемся в Архиве Президента многостраничным письмом Шестаковой Сталину от 1 марта 1949 г. заставило отказаться от такой гипотезы.

Узнали на Лубянке в 1949 г. об участии Баландина в полевых работах Курбатова не из своих архивных дел. Узнала о том все та же неугомонная Шестакова, просматривая геологическую фондовую документацию, касавшуюся интересующего ее региона. О его первом ареста она, судя по всему, не ведала, но зато достоверно ознакомилась с социальным происхождением нынешнего академика — сына богатого сибирского предпринимателя. Более подходящую для себя кандидатуру на роль «вредителя», соучастника сокрытия «от советского правительства» промышленных урановых залежей на юге Красноярского края, трудно было придумать. В итоге фамилия тогдашнего студента-практиканта заняла достойное место в подготовленном ею списке «геологов-вредителей» в том самом письме от 1 марта. О котором вождь четыре недели спустя на заседании Политбюро эмоционально упомянет, обращаясь к министру геологии Малышеву, что «документ бьет вас в лицо»...

В постановлении на арест, состоявшийся 01.04.1949, указывалось, что «Баландин изобличается во вредительской деятельности в области геологии и преступном укрывательстве месторождений ископаемых (так в тексте — А.Б.) в Красноярском крае и Западной Сибири».²⁵⁾

Уже при первых встречах следователю стало очевидно, что произошла накладка. На обвинение, что подследственный соучаствовал в сокрытии «от советского правительства богатства края», тот отвечал, что «мы осматривали камень в отвалах. В этих условиях нельзя найти новые месторождения». На последовавший же вопрос, отчего именно ему поручили полевые исследования радиоактивности в окрестностях действовавших и законсервированных медных рудников Юлия, Улень и др., разъяснил, что при обучении в Томском университете был прикреплен к лаборатории профессора неорганической химии П.П. Орлова, который «и рекомендовал меня Курбатову. Орлов — один из первых ученых в области радиоактивности по изучению природных ресурсов Сибири, главным образом минеральных вод».

Как показывал 10.02.1954 бывший заместитель начальника Следчасти по особо важным делам Л.Л. Шварцман, арестованный, наряду с министром Абакумовым и рядом его заместителей, в процессе очередной сталинской чистки МГБ, «я дважды докладывал Абакумову, что Баландин никакого отношения к геологии не имеет, вредительством в этой области не занимался... Мое мнение по делу Баландина... заключалось в том, что его следовало бы освободить, тем более что он страдал до ареста глухотой, а сам являлся специалистом в химии».²⁶⁾

Освободить Баландина не освободили, но обвинение все же переквалифицировали на прежнее, которое было прекращено в 1939 году за недоказанность преступления. Постановление о переквалификации было принято 12.04.1949, однако и впоследствии следователи упорно возвращались к проблемам минусинского урана. Так 25.04.1949 подполковник Седов, неожиданно прервав допрос по части подготовки террористического акта против вождя, вновь вернул подследственного в 1919 год. И снова тот убеждает, что «ни в одном случае высокой радиоактивности не было найдено», а в ответ слышит выкрик: «Вы показываете неправду!» А 16.11.1949 другой следователь, майор Рубцов, вдруг начинает интересоваться работой Баландина в преддипломный период в Радиевом институте в Петрограде под руководством академика В.Г. Хлопина.

В итоге в тот же день 28.10.1950 Особое Совещание при МГБ СССР, одновременно с группой геологов, осудило и его. Но, по сравнению с ними, смягчило приговор, осудив его лишь на 10 лет заключения с использованием по специальности в Норильлаге МВД СССР. Там он и трудился с номером на спине «в опытно-металлургическом цехе, занимаясь научно-исследовательской деятельностью в области гидрометаллургии».²⁷⁾

Но и в этот раз Зелинский не оставил в беде любимого ученика. Он дважды, в 1951 и 1953 гг., обращался в верха с настояниями о возвращении его в Москву.²⁸⁾ В 1951 г. ходатайство осталось без последствий, а вот в 1953 г., уже после смерти вождя, дало быстрый эффект. Уже 12 мая 1953 г. постановлением Особого Совещания при МВД СССР ученый был реабилитирован и из-под стражи освобожден;²⁹⁾ на год раньше геологов, своих товарищей по несчастью. И не только освобожден, но и награжден в том же 1953 высшей наградой страны — орденом Ленина...

История с Баландиным оказалась не первой, когда выдающихся ученых из смежной области знаний заподозревали во вредительстве на ниве геологии. Пример тому — арест в 1937 году В.А. Фока, физика с мировым именем. Буквально спас его, по свежим следам, от осуждения П.Л. Капица. Узнав о случившемся в тот же день,³⁰⁾ он оперативно направил свои письма в адрес И.В. Сталина и заместителя председателя Совнаркома и председателя Госплана СССР В.И. Межлаука. Обращаясь к последнему, он, в частности, проинформировал адресата, что, по слухам, «его привлекли в связи с каким-то крупным вредительством, получившимся в результате недобросовестно проведенной геологической электроразведки. Фок дал какие-то теоретические формулы», которые «люди... неправильно использовали». Межлаук отнесся к сигналу Капицы предельно ответственно и немедленно поставил в известность председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова. Уже 15.02.1937, десять дней спустя после ареста, Фока доставили из Ленинграда в Москву — в кабинет наркома НКВД Н.И. Ежова, где он был немедленно освобожден из-под

стражи. По записи, составленной, по памяти, самим Владимиром Александровичем, Ежов ему заявил: «... Вы человек ученый, кругом не смотрите, а вокруг вас всякая шпана (подразумеваю тут, надо думать, геологов — А.Б.). Так вот от нее — подальше...»³¹⁾

Беспардонное отношение Сталина и его опричников к выдающимся отечественным ученым зиждилось, так сказать, на сугубо теоретической платформе. Благодаря сохранившимся дневниковым записям президента АН СССР С.И. Вавилова имеется возможность процитировать одно из высказываний вождя, сделанное в узком кругу слушателей. Как записал Сергей Иванович 25.01.1946, тот во время приема в Кремле позволил себе возвестить, что, оказывается, «гениев не бывает, их выдумали, влияет обстановка, условия»...³²⁾ А «обстановка, условия», если попытаться откомментировать эти слова, прозвучавшие как раз в Татьянин день — в традиционный праздник московской интеллигенции, целиком создаются волею вождей и их окружающих вождят...³³⁾

Перед тем как перейти в последующих главах собственно к делам репрессированных геологов — фигурантов «Красноярского дела», и ко всему тому, что в обществе сопровождало происшедшие аресты, приведем полный список репрессированных по этому делу и даты их ареста (табл. 1).

Общее число фигурантов, завязанных на «Красноярском деле», составило 27 человек. Эта цифра совпадает с той, которую называл при допросе 10.02.1954 бывший заместитель начальника Следчасти по особо важным делам полковник Л.Л. Шварцман. Все они подверглись арестам в период между 31 марта и 31 мая 1949 г. При этом 31 марта и 1 апреля было арестовано девять человек и с 7 по 20 апреля — пять. Десять человек оказались за решеткой между 10 и 17 мая и троих «добрали» 21 и 31 мая.

Наибольшее число арестантов дал Томск — девять человек, а с Баландиным, который неожиданно попал в компанию геологов из-за участия в полевых работах как раз на правах практиканта Томского университета, десять. На втором месте оказался Ленинград с шестью арестованными. Если же к ним добавить москвичей А.Г. Вологодина, И.Ф. Григорьева и В.М. Крейтера, начинавших геологическую карьеру в Красноярском крае сотрудниками Геолкома, и М.П. Русакова, арестованного в Алма-Ате и тоже работавшего в 20-30-х гг. в том же Геолкоме, то окажется, что именно на эти два геологических центра пришелся основной удар, нанесенный органами сталинской госбезопасности по лучшим кадрам геологической службы страны.

Почти восемь месяцев спустя после осуждения упомянутой группы геологов был арестован в Туве главный инженер Красноярского геологического управления, а последние несколько лет начальник Улугхемской геолого-разведочной партии треста «Востсибуглеразведка» Н.Ф. Рябоконт. Дополнительную «зачистку» МГБ почло за нужное произвести после совокупного просмотра протоколов допроса уже осужденных геологов. В отличие от последних в Москву Рябоконт не этапировали, а осудили в Красноярске и оттуда же направили к месту заключения.

Таблица 1.

Сводная таблица сведений о фигурантах «Красноярского дела» 1949-50 гг.

1	2	3	4	5
	Фигуранты «Красноярского дела»	Место ареста	Дата ареста	Занимаемое положение на момент ареста
1	Баженов Иван Кузьмич	Томск	31.03.1949	Профессор, зав. кафедрой Томского университета
2	Баландин Алексей Александрович	Москва	01.04.1949	Академик, заведующий лабораторией Института органической химии АН СССР
3	Богацкий Вячеслав Вячеславович	Пос. Усово Удере́йского района Красноярского края	12.05.1949	Ст. геолог Нижне- Ангарской экспедиции Красноярского геологического управления
4	Булынников Александр Яковлевич	Томск	20.04.1949	Профессор, зав. кафедрой Томского университета
5	Верещагин Владимир Николаевич	Ленинград	10.05.1949	Ст. научный сотрудник ВСЕГЕИ
6	Вологдин Александр Григорьевич	Москва	31.03.1949	Член-корр. АН СССР, профессор Палеон- тологического института АН СССР
7	Григорьев Иосиф Федорович	Москва	31.03.1949	Академик, директор ИГН АН СССР
8	Дмуховский Порфирий Иванович	пос. Сарали, Хакасская АО	17.05.1949	Начальник смены шахты Саралинского поискового управления треста «Хакассзолото»
9	Доминиковский Виктор Николаевич	Ленинград	31.03.1949	Ст. научный сотрудник ВСЕГЕИ
10	Коган Наум Яковлевич	Красноярск	11.05.1949	Гл. инженер Красноя- рской геологоразведочной партии треста «Востсибуглеразведка»
11	Котульский Владимир Климентьевич	Ленинград	10.05.1949	Заведующий научной частью института «Гипроникель»
12	Крейтер Владимир Михайлович	Москва	21.05.1949	Профессор Московского института цветных металлов и золота
13	Кучин Михаил Петрович	Томск	20.04.1949	Профессор Томского университета
14	Лихарев Борис Константинович	Ленинград	13.05.1949	Профессор, ст. научный сотрудник ВСЕГЕИ
15	Полетаева Ольга Константиновна	Томск	31.03.1949	Ст. палеонтолог Зап.- Сибирского геологи- ческого управления

1	2	3	4	5
16	Предтеченский Андрей Александрович	Красноярск	11.05.1949	Гл. геолог Красноярского геологического управления
	Фигуранты «Красноярского дела»	Место ареста	Дата ареста	Занимаемое положение на момент ареста
17	Русаков Михаил Петрович	Алма-Ата	30.05.1949	Академик АН Казахской ССР, заведующий сектором металлов КАН
18	Рябоконт Николай Фролович	Улуг-Хем, Тувинская АО	16.06.1951	Начальник Улугхемской геологоразведочной партии треста «Востсибуглеразведка»
19	Скуратов Георгий Михайлович	Красноярск	11.05.1949	Начальник партии № 24 Калининской экспедиции Первого главка Мингео СССР
20	Сперанский Борис Федорович	Томск	11.05.1949	Доктор геол.-минер. наук, начальник экспедиции Зап.-Сиб. филиала АН СССР
21	Тетяев Михаил Михайлович	Ленинград	10.05.1949	Профессор и декан геолого-разведочного факультета Ленинградского горного института
22	Томашпольская Веля Даниловна	Томск	31.03.1949	Ассистент кафедры общей геологии Томского политехнического института
23	Филатов Константин Сергеевич	Томск	21.05.1949	Гл. инженер треста «Запсибметаллгеология»
24	Хахлов Венедикт Андреевич	Томск	20.04.1949	Профессор, зав. кафедрой Томского университета
25	Шаманский Лев Иосифович	Иркутск	07.04.1949	Кандидат геол.-минер. наук, зав. кафедрой Иркутского горно-металлургического института
26	Шахов Феликс Николаевич	Томск	20.04.1949	Профессор Томского политехнического института
27	Шейнманн Юрий Михайлович	Москва	31.03.1949	Гл. геолог Тувинской аэрогеологической экспедиции треста «Аэрогеология» Мингео СССР
28	Эдельштейн Яков Самойлович	Ленинград	31.03.1949	Профессор, ст. научный сотрудник ВСЕГЕИ

Примечания к главе 2

¹⁾ Запись в блокноте гл. редактора газеты «Правда» П.Н. Поспелова: «30/III, т. Поскребышев^{*)} 9 ч. 20м. В зале заседаний ПБ^{**)} — быть 9 ч. 45 м..^{***)}

^{*)} А.Н. Поскребышев, личный секретарь И.В. Сталина.

^{**)} Политбюро.

^{***)} РГАСПИ, фонд 629, опись 1, ед. хр. 95 а, часть 2, л. 234.

²⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 163, ед. хр. 1522, л. 21.

³⁾ Рассуждения о «честных дураках» Сталин продолжил некоторое время спустя в своем кремлевском кабинете, куда был вызван Малышев, просидев перед тем три дня на Лубянке в качестве арестованного. Как рассказывал мне сын Ильи Ильича В.И. Малышев, вызволил его оттуда Сталин и заявил: «Мы знаем, что вы из рабочих,^{*)} но окружили себя врагами. И за это будете наказаны. Есть решение о сооружении комбината в Череповце. Для него нужна железная руда. Нужна поблизости. Выезжайте в Петрозаводск, организуйте геологическое управление. На должность едете без права возврата в Москву». В заключение предупредил: «Не найдете руду — пеняйте на себя».

После аудиенции вместо Карелии Ильи Ильич с обширнейшим инфарктом на полгода угодил на больничную койку. По выздоровлении, тем не менее, сталинскую установку выполнил, и промышленное железорудное месторождение было открыто и разведано. Это — ныне знаменитая Костомукша. 10.11.1951 Малышев позволил себе обратиться к Маленкову с личным письмом. В нем напомнил, что сумел за прошедшие два с половиной года не только организовать на пустом месте эффективно действовавшее Северо-Западное геологическое управление, но и создать сеть геолого-разведочных экспедиций. Однако практическое руководство ими требует частых выездов на место их работ и «после поездок в полевые экспедиции часто выхожу из строя». Потому попросил предоставить ему другую работу, тем более что в Москве «семья, и дети учатся в ВУЗе и школе г. Москвы.^{*)} В просьбе тяжело больного человека секретариат ЦК отказал, с полуиздевательской формулировкой, что «на 1952 год предусмотрено расширение геолого-разведочных работ.^{***)} К семье он вернулся лишь после смерти Сталина, перенеся перед этим второй инфаркт.^{****)}

^{*)} Имелось в виду, что Малышев вышел из семьи рабочего. По части же "детей рабочих" у вождя сформировалась устойчивая позиция, которой он неизменно придерживался. Ее, в частности, зафиксировал в дневниковой записи известный дипломат В.С. Семенов, оказавшийся приглашенным на одну из ночных посиделок на Ближней даче Сталина в Кунцево: «Я вспоминаю разговор со Сталиным на даче в 1952 г. в присутствии Молотова и др. членов политбюро. Сталин говорил: "Я знаю, вы сын рабочего. Старые представления о рабочих нам пришлось менять после Октября... Рабочий показал себя как великолепный разрушитель старого общества, но для строительства нового общества ему не хватало нужных знаний... Нам пришлось опираться на детей рабочих, а также крестьян, давать им знания... Настоящие руководители строительства вышли из детей рабочих, на них мы и опирались... Поэтому упрощенные взгляды приходится изменять. Но связь с классом как ведущей силой при этом остается"»; "Новая и новейшая история", 2004, № 4, с. 131, 132.

^{**)} РГАСПИ, фонд 17, опись 119, ед. хр. 609, л. 64.

^{***)} Там же, л. 65.

^{****)} См. также «Поиск» № 31-32, 2000, с. 10.

⁴⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 163, ед. хр. 1522, л. 29, пункты 131 и 132.

⁵⁾ «Исторический архив», № 5-6, 1996, с.52.

⁶⁾ РГАСПИ, опись 116, ед.хр.434, л. 74.

⁷⁾ Там же, ед. хр. 436, л. 10.

⁸⁾ Впрочем запрет на публикацию английских резюме во всех научных и научно-технических изданиях страны был установлен постановлением секретариата ЦК ВКП(б) еще с сентября 1947 г.,^{*)} почти за два года до подписания рассматриваемого совместного постановления. Содержавшееся в нем подтверждение такого запрета лишь расширял ареал его применения также на выходившие в стране монографические издания.

^{*)} В.Д. Есаков, Е.С. Левина. Дело «КР» (из истории гонений на советскую интеллигенцию). «Кентавр», № 3, 1994, с. 116.

⁹⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 116, ед. хр. 447, л. 52,53.

¹⁰⁾ Там же, ед. хр. 450, л. 39.

¹¹⁾ Там же, ед. хр. 452, л. 11,20.

¹²⁾ Там же, опись 119, ед. хр. 14, л. 150,151.

¹³⁾ Выписка из докладной записки о предполагаемом районе месторождения, откуда происходит образец № 23 и где искать его аналогов (падежное окончание — на совести автора документа - А.Б.).

¹⁴⁾ Выписка..., л. 2; о всех перипетиях, связанных с находкой образца № 23, в изложении Шестаковой, см. также в приложении 1.

¹⁵⁾ Там же, л. 12-13.

16) «Следователь ... сразу повел дело по линии самообвинения, саморазоблачения арестованного, начав следствие с применением холодного, ледяного карцера Сухановки^{*)}, где нужно было стоять в раздетом состоянии».^{**)}

^{*)} Самая страшная тюрьма МГБ в зданиях бывшего монастыря близ ст. Новоигреево.

^{**)} Следственное дело А.Г. Вологодина Р24208, т. 2, л. 307-318. Центральный архив ФСБ РФ.

17) Следственное дело..., т. 1, л. 40-48.

18) Психическая неадекватность образа мыслей и поведения Шестаковой, ее патологическая заикленность на «поиске врага» рельефно отразилась в заключительном абзаце письма от 12.05.1949. Обращаясь к высокопоставленным адресатам с пожеланием разрешить ей «доработать эти районы и предоставить Вам литературно оформленные материалы дополнительно», просьбу эту подкрепляет тем, что она «коммунистка и мать единственного ребенка». И далее: «Он у меня — мальчик и ему 17 лет. Я отдаю себе отчет, что с ним будет, что будет с нашими людьми и нашими городами, если нам навяжут людоеды из Уоллстрита новую войну»...

19) Нечто подобное поведал мне в 1958 г. П.В. Радионов, бывший в 1949 г. начальником производственно-технического отдела Первого главка Мингео, то есть лицом достаточно информированном по части происходивших тогда событий. Именно от него я впервые услышал о Шестаковой и о безадресном урановом образце из Минусинского музея. По его словам, впоследствии выяснилось, что образец был родом из Тюямуяна и попал в Красноярский край неизвестно как. Эту версию, со ссылкой на П.В. Радионова, использовал и я в статье, опубликованной в 2000г. газетой «Поиск», № 32-33, с. 10.

20) С.М. Курбатов. Новое месторождение соединений урана и ванадия в Минусинском уезде Енисейской губернии. Известия Российской академии наук, 19, № 9-11, 1925, с. 315-322.

21) Там же, с. 319.

22) Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 109. Там же Ю.А. Билибина и Г.С. Лабазина упоминали, в связи с фольбогитовой минерализацией, И.К. Баженов и Ф.Н. Шахов.^{*)} В записи следователя Г. Шиловского «признания» Шахова, в частности, звучали так: «Будучи убежден (?! — А.Б.), что геолог Лабазин ошибочно дал отрицательную оценку урансодержащих охристых пород в районе Потехина, я как консультант не предлагал запроектировать там поисково-разведочные работы». Приводимая фраза скорее всего целиком принадлежала творческому порыву следователя, поскольку бесперспективность оруденения была очевидной. Имея в виду, что изучалась эта точка, помимо названных лиц, и другими исследователями, в том числе упомянутым С.М. Курбатовым (см. также главу 1 и примечания 33 и 37 к ней).

^{*)} Следственное дело Р24297 И.К. Баженова, л.50-51, 120-124.

23) Уважительно-почтенный взгляд на Шестакову как посланца от высшей власти сохранился местами и по сей день. Вот один из примеров такого рода: «Как известно, с 25 сентября 1947 г. по 2 февраля 1948 г. в Красноярском крае и, в частности, в Минусинске была в командировке специальный корреспондент газеты «Правда» А.Ф. Шестакова с неограниченными полномочиями по оценке работ, связанных с развитием сырьевой базы нашего края».^{*)}

^{*)} В.Т. Посохов, Н.В. Толстихин. Трудный путь к железу Ирбы. История Ирбинского железного рудника 1734-1999гг. Красноярск, 1999, с. 25.

24) Изв. РАН, 19, № 9-11, 1925, с. 320-321.

25) Следственное дело А.А. Баландина Р24199, л. 187.

26) Следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 332-337.

27) Следственное дело А.А. Баландина Р24199, л. 188.

28) Оба письма Н.Д. Зелинского, от 26.06.1951 И.В. Сталину и от 24.04.1953 Л.П. Берии, опубликованы в сборнике «Александр Александрович Баландин. Очерки. Воспоминания. Материалы». Москва, издательство «Наука», 1995, с. 262-264.

29) Следственное дело А.А. Баландина, л. 190.

30) По воспоминаниям Н.В. Фок, дочери ученого, в день ареста отца 05.02.1937 мать позвонила другу семьи академику А.Н. Крылову и произнесла, перед тем как положить трубку: «Владимир Александрович к вам сегодня обедать не придет».^{*)} Одной этой фразы Александру Николаевичу и находившемуся в тот момент в гостях его зятю П.Л. Капице хватило, чтобы понять сокровенный смысл сказанного.

^{*)} В.Д. Есаков, П.Е. Рубинин. Капица, Кремль и наука. Том 1. Создание Института физических проблем 1934-1938. Москва, изд-во «Наука», 2003, с. 515, 516.

31) Там же, с. 517, 519.

32) С.И. Вавилов. «Мысль о эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием» (Дневники 1939-1951 гг.). Вопросы истории естествознания и техники, № 2, 2004, с. 32.

33) Приводимое высказывание вождя уместно проиллюстрировать выпиской из одного архивного документа секретариата ЦК ВКП(б), датированного 09.08.1947, то есть по времени появившегося на свет полутора годами позже. В записке из Управления кадров на имя секретаря ЦК А.А. Кузнецова по поводу «недостатков и ошибок журнала "Социалистическая законность" за 1946 и январь-июль 1947 гг.» в частности сообщается, что «в № 6 за 1946 год в статье 3. Черниловского высказана явно вредная, заимствованная у буржуазных реакционеров мысль о том, что "ученый не ремесленник, для научной работы

требуются определенные врожденные качества". Ошибочность этого высказывания совершенно очевидна...»^{*)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 117, ед.хр. 900, л. 2-6.

Глава 3

ОТЗВУКИ ПРОИЗВОДИВШИХСЯ АРЕСТОВ

В настоящей главе излагаются сведения, почерпнутые из архивных стенограмм партийных собраний, проводившихся в 1949-50 гг. в академических и учебных заведениях, которых непосредственно коснулись прошедшие в марте-мае 1949 года аресты. Симптоматично, что далеко не по всем упомянутым организациям такие стенограммы, в крайнем случае, хотя бы краткие протоколы собраний или заседаний партбюро, удалось обнаружить. Например, таковых не оказалось в архивах Томского обкома ВКП(б). Хотя именно на Томск пришлась основная волна арестов 1949 года; треть попавших за решетку фигурантов «Красноярского дела» жили и работали в этом научном центре Зап. Сибири.

По словам ученого секретаря ИГЕМ РАН А.Д. Бабанского, взявшего на себя труд просмотра документации из томских архивов, единственным косвенным свидетельством происшедшего можно считать лишь факт исчезновения после 31.03.1949 из протоколов заседаний партбюро Томского университета фамилии проф. И.К. Баженова, до того состоявшего членом партбюро. В остальном же — полный молчок.

Аналогичная ситуация наметилась и для документации из партийных архивов Красноярского крайкома ВКП(б). При просмотре ее, по нашей просьбе, директором Музея геологии Центр. Сибири В.И. Совлуком у него сложилось впечатление, что подобные «дыры», повторяющиеся не только в документах Геологического управления, но и в архивных делах других организаций Красноярского края, которые были просмотрены им заодно, скорее всего, связаны с намеренным изъятием, по команде сверху, и последовавшим уничтожением соответствующих протоколов собраний 1949 года. Если это действительно так, то наиболее вероятная дата проведения такой «чистки» — 1954 год, после реабилитации фигурантов «Красноярского дела». Дабы не оставить следов для будущих поколений о происходивших постыдных шельмованиях честных тружеников — гордости края и своей родины...

І. Академия наук СССР

Арест академика Иосифа Федоровича Григорьева, директора ИГН АН СССР, предназначавшегося, по сценарию МГБ СССР, на роль «главаря группы геологов-вредителей», произошел в ночь на 31 марта 1949 года. Произошел с очевидными нарушениями Уголовного кодекса СССР, требовавшего предварительной санкции на арест со стороны прокурора. Такое согласие было дано более суток спустя — 1 апреля, да и постановление на арест министр госбезопасности В.С. Абакумов утвердил лишь днем 31 марта, когда арестант уже находился на Лубянке, во внутренней тюрьме.¹⁾

В манере тех времен никакого официального или полуофициального сообщения о столь форс-мажорном происшествии не появилось не только в средствах массовой информации, но даже в учреждении, которое возглавлял арестованный. Конечно, секретом оно не осталось, но информация о нем черпалась преимущественно из досужих пересудов, обраставших подчас фантастическими подробностями и выводами. Единственным, из обнаруженных нами, документальным свидетельством оперативной информации о случившемся стал протокол № 22 заседания партбюро ИГН, состоявшегося 2 апреля 1949 г., то есть через два дня после ареста. Приведем полностью текст этого документа, ныне хранящегося в Центральном архиве общественных движений Москвы, бывшем архиве Московского горкома ВКП(б)-КПСС (ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед. хр. 7, л. 191);.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: К.Р. Чепиков, С.А. Кашин, В.И. Данчев, А.Л. Яницкий, А.А. Якшин, В.А. Невский, Т.Н. Шадлун, С.Д. Попов, И.И. Катушенков.

Повестка дня:

Информация секретаря Партбюро т. Чепикова.

СЛУШАЛИ: — Информацию Секретаря Партбюро т. Чепикова.

ПОСТАНОВИЛИ: В связи с изъятием ^{а)} органами Государственной Безопасности директора Института Григорьева считать необходимым:

1. Провести в партийном порядке просмотр кадров Института.
2. Организовать через цеховые партийные организации просмотр тематики Института.

3. Провести до 10 апреля общее партийное собрание.^{б)}

^{а)} Поверх этого слова в машинописном исполнении вписано от руки: «арестом».

^{б)} Постановление партбюро о созыве до 10 апреля партийного собрания продолжения не имело вследствие запрета, наложенного на его проведение райкомом ВКП(б).

Планировавшееся общее партийное собрание состоялось лишь два с половиной месяца спустя и длилось три дня, с 14 по 16 июня. Проволочка с его созывом не прошла незамеченной. Докладчику, секретарю партбюро К.Р. Чепикову, выступавшему с отчетным докладом о работе партячейки в период с 15 мая 1948 по 14 июня 1949 г., сразу же был задан лобовой вопрос: «Почему после ареста директора Института Григорьева не было созвано партийное собрание?» Ответом стал маловразумительный набор слов: «По предложению Комиссии²⁾ обсуждения были проведены по цеховым организациям. Партбюро ждало выводов Комиссии и откладывало общее собрание». В том же ключе прозвучал и ответ на тут же последовавший еще один вопрос — в чем заключалась вражеская деятельность Григорьева: «Все что я мог сказать, сказано в докладе»...³⁾

Уместно отметить, что в Палеонтологическом институте АН СССР, сотрудником которого являлся член-корреспондент А.Г. Вологдин, вопрос о судьбе созданной им лаборатории древнейших организмов оказался на рассмотрении партийного собрания уже 27 апреля, менее чем через месяц после его ареста. В итоговом постановлении партийцы, как и следовало ожидать, не обошлись без ритуальной риторики в адрес дирекции института. Ей было указано на «неправильное отношение... к лаборатории, ... имевшее место до 1949 г.», которое затрудняло контроль за деятельностью Вологодина (!? — А.Б.) и т.п. В заключение собрание приняло решение создать комиссию «для обследования деятельности Вологодина в качестве заведующего лабораторией и для проверки его работ», а заодно согласиться с мнением дирекции об увольнении из института ближайшего сотрудника Вологодина М.А. Мессинёву «ввиду невозможности ее использования в Палеонтологическом институте».⁴⁾ Читать сегодня эту абракадабру без грустной улыбки невозможно, поскольку разрабатывавшийся в ПИНе метод идентификации ископаемых бактерий ныне во всем мире является повседневной практикой палеомикробиологических исследований ...

В тот же день 12 мая, которым датирована «Докладная записка о результатах обследования Института геологических наук АН СССР» за подписями председателя Комиссии академика П.П. Ширшова и пяти ее членов,⁵⁾ состоялось закрытое заседание Президиума АН СССР в расширенном составе,⁶⁾ общее число его участников составило 25 человек.⁷⁾

Цитировать объяснительную часть принятого 12 мая постановления Президиума АН СССР бессмысленно — она наполнена штампованными бездоказательными обвинениями и столь же фантастическими констанциями. Приведем для примера лишь одну подобную фразу, с которой начинается этот достопамятный документ, появившийся на свет, как и предшествовавшая ему докладная записка комиссии, под грифом «Совершенно секретно»: «Заслушав доклад председателя комиссии Президиума АН СССР академика Ширшова П.П., ... Президиум АН СССР констатирует, что вражеские антигосударственные действия б. директора Института И.Ф. Григорьева, при попустительстве членов дирекции Кашина С.А., Шатского Н.С., Саукова А.А., а также руководства Бюро ОГГН (то есть прежде всего А.Н. Заварицкого — А.Б.), привели к развалу крупного центра отечественной геологической науки».^{7**)}

Невольный, к тому же малопредсказуемый, парадокс состоял в том, что почти шесть лет спустя, 09.04.1955, в письме в адрес первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева

(приложение 3) четыре академика из ИГН АН СССР (А.Г. Бетехтин, Д.С. Коржинский, Н.М. Страхов и Н.С. Шатский), вынужденные «обратить внимание на крайне неблагоприятное положение,... создавшееся за последние годы» в Институте и Отделении, оценили это положение примерно в тех же формулировках, но направленных на этот раз в обратный адрес. Одним из главных виновников того, что «Институт геологических наук, как высшее научное учреждение в СССР, потерял свое значение»,⁸⁾ они посчитали К.А. Власова, одного из членов Комиссии 1949 года и ораторов на заседании президиума академии 12.05.1949, который вслед был назначен президиумом АН СССР заместителем директора института. Вскоре он пересел в кресло ученого секретаря президиума, затем стал заместителем главного ученого секретаря и вдобавок, в 1953 г., получил место директора вновь организованной Лаборатории минералогии и геохимии редких элементов, через три года преобразованной в самостоятельный академический институт ИМГРЭ.

Привлекает внимание заключительный пассаж в постановлении Президиума АН СССР, практически дословно позаимствованный из заключения комиссии П.П. Ширшова. Новому руководству ИГН было предложено «организовать и закончить в месячный срок полную ревизию всех отчетов, коллекций и других материалов экспедиций, непосредственно возглавлявшихся бывшим директором Института И.Ф. Григорьевым, в целях выявления скрытых Григорьевым материалов по оценке месторождений полезных ископаемых».⁹⁾ Тем самым бредовые подозрения о злонамеренном сокрытии ископаемых богатств, родившиеся в голове психически неуравновешенной зачинщицы погрома в советской геологии А.Ф. Шестаковой и поддержанные на заседании Политбюро, благополучно переключались в документы главного штаба науки великой страны и были скреплены подписями ведущих ученых мужей...

Через неделю после обсуждения на президиуме, тщательно отредактированное письмо было направлено 20.05.1949, за подписями С.И. Вавилова и А.В. Топчиева, в адрес председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина. Важность этого примечательного документа для рассмотрения темы трудно переоценить, потому полный текст документа приводится в качестве приложения 2. Но еще большую ценность для истории представляют имеющиеся свидетельства предельно внимательного его прочтения, с разноцветными карандашами в руке, самим адресатом.

На пяти страницах текста можно выделить шесть вариантов подобных карандашных свидетельств:

1. подчеркивание горизонтальной линией текстовых фраз (или частей их) красным карандашом;
2. то же, но синим карандашом;
3. отметка вертикальной линией по левому полю листа отдельных абзацев (или части их) синим карандашом;
4. то же, но сдвоенными линиями (знак особого внимания) красным карандашом;
5. нумерация (опять же, как знак особого внимания) перечисляемых в документе типов месторождений, которые якобы скрывались арестованными геологами от советского правительства;
6. и, наконец, самое главное — возникавшие у адресата вопросы по ходу чтения, которые он записывал красным карандашом на левом поле листов, и одна рекомендация подписантам, последняя в ряду записей, с указанием стрелкой и галочкой того места в прочитанном тексте, к которому указание это относится.

Само письмо составлено в предельно жестких тонах, естественно, вне рамок презумпции невиновности. Составлено явно не теми, кто его подписывал, а скорее всего кем-то из тех, кто состоял в членах упоминавшейся Комиссии. Оспаривать те или иные формулировки в тексте документа бессмысленно; их полная некорректность очевидна. А вот привлечь внимание сегодняшнего читателя к содержащимся в нем отдельным высказываниям, особенно принадлежавшим Сталину, более чем необходимо.

Чего стоит, например, такое высказывание, удовлетворенно подчеркнутое вождем красным карандашом, а затем им же подкрепленное синей линией поперек двух абзацев. Сообщая, что на дату 10.05.1949 (напомним, что документ Комиссии датирован 12.05.1949) в институте числилось 3 академика, 12 членов-корреспондентов, 48 докторов и 88 кандидатов наук, а также 97 младших научных сотрудников, а «враг народа Григорьев засорил институт людьми, сомнительными в политическом и деловом отношении», составитель письма далее переходит на банально доносный стиль изложения: «Выборы геологов в состав академиков и членов-корреспондентов АН *направлялись* (курсив здесь и далее мой — А.Б.) таким образом, чтобы среди этой высшей категории научных сотрудников Института не оказалось ни одного члена ВКП(б). Совершенно недостаточной является партийная прослойка среди докторов наук и научных сотрудников Института. В Институте много работников чуждого социального происхождения и лиц, бывших на временно оккупированной немцами территории» (Приложение 1, л. 2).

Далее еще три констанции, удостоившиеся карандашных отметок вождя: «... дирекция Института пыталась сорвать работы Среднеазиатской экспедиции по изучению месторождений урана, тория и др. редких элементов, работы по изучению газоносности каменноугольных месторождений, изучение железорудных месторождений на Приполярном Урале и др.». «Руководство Института всячески тормозило развитие наиболее прогрессивных отечественных школ и направлений... Общая обстановка в Институте была весьма тяжелой, критика не допускалась и обычно пресекалась в самой грубой форме...». «Взаимоотношения Института с Министерством геологии СССР ... подменялись личными связями б. директора Института Григорьева и его заместителя Кашина с б. министром геологии И.И. Малышевым», и т.д. и т.п. (там же, л. 3).

По результирующей части письма у Сталина возник ряд вопросов. Первый ее пункт, в котором сообщалось о решении закрытого заседания Президиума снять с работы всех трех заместителей директора по науке С.А. Кашина, Н.С. Шатского и А.А. Саукова, породил вопрос «А куда переведены?» (там же, л. 4).

Наибольшее число ремарок со знаком вопроса оказалось на последнем, пятом, листе документа. Перечислим эти вопросы, сопроводив их напрашивающимися комментариями. Предварим, однако, это перечисление своим замечанием, которое коснется написания Сталиным первого вопроса на данном листе. Слово «разсмотреть» через букву «з» — не ошибка вождя, а оставшаяся с юных лет привычка; так писали в соответствии с существовавшими правилами орфографии, до введения в жизнь орфографических реформ вскоре после революции 1917 года.

1. «Разсмотрели уже?» — Вопрос вызван пунктом 4 результирующей части документа, в котором сообщалось, что «новый план Института будет утвержден не позднее 1 июля», и отражает нетерпение вождя по части «наведения порядка» в институте; дата отправки в его адрес рецензируемого документа 20 мая, то есть времени до обусловленного срока — почти полтора месяца.

2. «А где ак. Заварницкий?» Вопрос этот, касающийся, естественно, академика-секретаря АН СССР А.Н. Заварицкого, звучит достаточно зловеще. Подбор фигурантов, в рамках сфабрикованного, при деятельном участии Сталина, «дела геологов», еще не завершился. Только 21 мая будет арестован В.М. Крейтер, ставший в итоге, вслед И.Ф. Григорьеву, второй ключевой фигурой в задуманном судебном процессе, а 30 мая — М.П. Русаков, тоже лицо достаточно авторитетное; из него, к слову, при допросах настойчиво выбивали показания против Заварицкого. Но в тот раз все обошлось «малой кровью». Полторы недели спустя после даты отправки рассматриваемого письма, 03.06.1949, секретариат ЦК ВКП(б) принимает постановление о снятии Заварицкого с занимаемой в Президиуме АН СССР административной должности и замене его на этом посту акад. Д.С. Белянкиным, а на следующий день оно утверждается Политбюро. Принятию решения предшествовала записка руководителя Отдела пропаганды и агитации

Д.Т. Шепилова на имя Сталина, в которой констатировалось, что Заварицкий «со своими обязанностями по руководству Отделением не справился. Это показали последние события в области геологической науки, а также результаты обследования Института геологических наук».¹⁰⁾ Тем не менее, угроза ареста продолжала висеть над Заварицким вплоть до смерти Сталина, когда история страны претерпела крутой вираж. Как будет показано в главе 5, его фамилия неоднократно упоминалась в следственных делах фигурантов сфабрикованного «Красноярского дела», а следователь по особо важным делам капитан Тельнов, ссылаясь на показания арестованного М.П. Русакова, от которых тот впоследствии отказался, выделил следовательские материалы на Заварицкого в отдельное производство и направил их 01.04.1950 для возбуждения дела в 5-е управление МГБ СССР.¹¹⁾

3. «Уже было проведено обсуждение?» Здесь вождь отреагировал на высказанное президиумом АН СССР суждение по части отмеченных случаев отсутствия государственного планирования научных работ, «отрыва от интересов народного хозяйства» и прочих грехов, касавшихся и других академических учреждений.

Последний сталинский автограф, уже без знака вопроса, относился к высказанной в письме просьбе «разрешить провести (между этими словами поставлена Сталиным галочка, подсказывающая, к какой части текста относится его указание — А.Б.) в мае с.г. обсуждение на закрытых заседаниях... постановления Президиума АН СССР от 19 мая с.г. ...» Запись же его звучит так: «Разрешение не требуется (так в тексте — А.Б.), — это обязанность президиума».

Многу были просмотрены в Центральном архиве общественных движений Москвы (ЦАОДМ) протоколы и стенограммы партийных собраний, помимо ИГН АН СССР, еще по другим академическим институтам, так или иначе соприкасавшимся с геологической тематикой (нефти, океанологии, органической химии, кристаллографии и почвенным), но следов обсуждения происшедших в геологии арестов обнаружить не удалось. Не считая, естественно, Палеонтологического института, которого эти аресты коснулись непосредственно: вопрос об аресте А.Г. Вологодина возник там на партсобрании еще 27 апреля, а 1 июня, по заслушанному докладу специально созданной партбюро комиссии, возглавлявшейся В.Е. Руженцевым, было принято специальное постановление.¹²⁾

Общее закрытое партийное собрание в ИГН состоялось почти месяц спустя после даты отправки руководством президиума АН СССР письма в адрес Сталина и длилось, как упоминалось выше, три дня — с 14 по 16 июня. Присутствовали на собрании 107 членов и кандидатов в члены ВКП(б), в том числе представители от райкома и горкома ВКП(б) и инструктор отдела кадров ЦК ВКП(б) Ив. Ф. Григорьев. Формальным поводом для собрания был отчетный доклад партбюро института за период с 15 мая 1948 г. по 14 июня 1949 г. и выборы нового состава партбюро. Однако главной темой для обсуждения стали, естественно, произошедшие в институте события.

Редкий из ораторов, особенно в первый день собрания, не помянул недобрым словом недавнего руководителя Института. Не называя в данном случае, по этическим соображениям,¹³⁾ фамилий выступавших, отмечу лишь, что о некоторых из них, за семь месяцев до июньского партсобрании, Иосиф Федорович упоминал на расширенной сессии Ученого совета ИГН: «Никто из нас, конечно, не требует выдвигать проблемы, неразрешимые на данной стадии состояния геологических и смежных наук. Но ряд товарищей считают, по-видимому, что нахождение в Институте вполне оправдывается проведением трафаретных исследований. Этот вопрос дирекция ставила перед рядом товарищей и перед их руководителями при переаттестации сотрудников...», и далее шло перечисление конкретных фамилий.¹⁴⁾

Приведем несколько фраз из стенографических записей:

«Пятилетний план (Института — А.Б.) был составлен при ближайшем участии акад. С.С. Смирнова. Реализация же плана руководилась врагом народа Григорьевым. ...Мы, особенно научная часть партийной организации, проглядели выхолощивание плана

на ходу. Мы благодушно относились к "теории" о том, что Академия наук — только для теории» (ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед. хр. 7, л. 13).

«Деятельность Григорьева явно вредительская, но он — вредитель очень умный и хитрый. Деятельность его была завалирована. Что его выдавало как вредителя? Организация разбухшего аппарата, срыв тем, связанных с промышленностью и практикой, зажимы критики и самокритики... Дирекцию и, в особенности, ее партийную часть Григорьев подчинил вредительской деятельности» (там же, л. 14).

«В области спецтематики (урановой геологии — А.Б.) была тенденция со стороны Григорьева компрометировать всю работу Средне-Азиатской экспедиции и в первую очередь начальника этой экспедиции А.А. Саукова» (там же, л. 26).

«Придя в Институт, в силу своей шпионской и предательской деятельности, он не задумался о перестройке Института, а исходил из принципа: «Чем хуже, тем лучше»,... еще больше усугублял разобщенность и направлял деятельность Института на малоактуальные темы, а партийная часть дирекции... оказалась на поводу у таких людей, как Григорьев ... Григорьев как враг народа не мог не знать, что Институт засорен кадрами по своему социальному положению. Достаточно привести пример по минералого-геохимическому сектору, где из 23 старших научных сотрудников 12 относятся к дворянам, лицам духовного происхождения, бывшим в плену и т.д. Эта ... прослойка имела всегда заступников со стороны академиков и таких типов, как Григорьев» (там же, л. 28, 29).

Попытка Г.С. Грицаенко привлечь внимание участников собрания к более актуальной проблеме по части «большой засоренности в личном составе» Института кадрами с низкой научной отдачей, которая для коллектива «более серьезна, чем засоренность по социальному происхождению» (л. 16), положительного отклика в зале не нашла, а, наоборот, позволила члену партбюро А.А. Якжину охарактеризовать ее выступление как «совершенно неудачное» (л. 21). Отсутствие же следов внешней поддержки этим отчаянно смелым словам, которые Галина Савиновна бросила в парализованную страхом аудиторию, лишний раз подтвердило глубинную справедливость максимы, высказанной впоследствии польским интеллектуалом Чеславом Милошем. В Нобелевской лекции, прочитанной в 1980 году, он отметил, что «в зал, где присутствующие единодушно поддерживают обет молчания, одно слово правды звучит как пистолетный выстрел».¹⁵⁾ Но не более...

Не приминули некоторые из выступавших пнуть вдогонку только что снятого с поста академика-секретаря А.Н. Заварицкого. Например, так: «Я выступал с указанием на историю деятельности Заварицкого,... но бюро и, в частности, Чепиков (секретарь партбюро ИГН — А.Б.) не поддерживали меня» (л. 25). Или в таком антураже (л. 35): «Нам сопротивляются крупные ученые: академик Заварицкий в своем введении в книгу «Гора Магнитная»¹⁶⁾ пишет, что революция разрушила культуру и науку».¹⁷⁾ И далее: «Сопротивление перестройке нашей науки можно иллюстрировать на факте, как Заварицкий тормозит общение геологов с практикой в работе обществ, в частности географического (подразумевалось, что Заварицкий был академиком-секретарем Отделения геолого-географических наук — А.Б.). Парторганизация должна включиться, иначе *саботаж академиков* (курсив мой — А.Б.) будет продолжаться».¹⁸⁾ Завершая выступление, оратор не позабыл высказаться и относительно прошедшей недавно очередной кампании по аттестации кадров: «... аттестация проходила без политической оценки. Осталось много таких кадров, выходцев из чужих (так в тексте — А.Б.) классов, которые не должны работать в Академии» (л. 35).

Затрагивались в науськивающей манере и другие виднейшие представители советской геологической науки — здравствовавшие и покойные. Один из выступавших в полемике с упоминавшейся Г.С. Грицаенко, призывавшей с уважением отнестись к именам «старых специалистов», договорился до такой антитезы: «Неправа Грицаенко, говоря, что дескать пускай они доживают свой век. Тогда как известно, что старые специалисты сделали нам много вреда. Нужно пересмотреть даже умерших специалистов:

А.Е. Ферсмана, П.И. Степанова» (л. 18). Упомянутый выше оратор, который пожаловался на Чепикова, не поддержавшего его в обвинениях Заварицкого, в том же выступлении озвучил для поругания еще несколько фамилий: «Сейчас мы говорим больше о мертвых — о С.С. Смирнове, А.Е. Ферсмани или об арестованном И.Ф. Григорьеве. Но у нас есть живые (то есть не попавшие за решетку — А.Б.), о которых надо говорить — о А.А. Полканове, Д.С. Коржинском» (л. 25).¹⁹⁾

Кстати, нападки на академика Д.С. Коржинского доморощенными, возможно, могли не быть. За два года до рассуждений выступавшего перед партийцами ИГН Дмитрий Сергеевич уже упоминался в документации Секретариата ЦК ВКП(б). В записке «О положении дел в Государственном издательстве иностранной литературы», подписанной 28.08.1947 заведующим отделом печати Управления кадров ЦК М.И. Щербаковым, в частности отмечалось, что заведующий редакцией по геологии Коржинский «плохо руководит геологической редакцией, неправильно отбирает литературу, преклоняется перед всем американским. Он включил в план книгу "50 лет Американского геологического общества". Этот труд объемом в 50 авт. листов составлен из юбилейных статей, не имеющих научной ценности. Книга «"Проблемы геологии и геофизики"» объемом в 35 авт. листов является сборником хвалебных статей в честь американского геолога Дели». ²⁰⁾

Документированных свидетельств, кто в 1947 г. консультировал партчиновника по части подбора и издания зарубежной геологической литературы нет, но то, что таковые имелись, сомневаться не приходится...

Но затрагивались не только имена классиков — не оставались втуне и рядовые претенденты на коллективное осуждение. Один из членов партбюро сурово напомнил собравшимся партийцам, что «мы виноваты все, и надо рассказать о степени своей виновности в порядке самокритики, но этого еще нет». И далее перешел к конкретным перечислениям: «т. Радкевич, говоря, что мы проглядели Григорьева, вовсе не указала, что незадолго до его ареста она на цеховом собрании говорила о желательности вовлечения его в партию; т. Ключникову не мешало бы вспомнить свое выступление на одном из партсобраний, когда он говорил, что «директора надо беречь, он так много и хорошо работает, у него от работы руки дрожат» (л. 22).

Полная надуманность очернительской критики научных направлений, в створе которых много лет работал высококвалифицированный коллектив института, была очевидной для каждого из сидевших в зале. Со всей звучавшей три дня словесной шелухой обвинений и самобичевания.

Надо отдать должное секретарю партбюро К.Р. Чепикову, который в заключительном слове не упустил возможности публично намекнуть на весь абсурд происходившего в зале. Избрав для того в качестве первоочередной жертвы представителя райкома ВКП(б), выступавшего «с весьма ценной критикой нашей работы». После ритуального поклона он тут же ядовито добавил, что «насколько больше он помог бы нам, если бы сделал это на несколько месяцев раньше» (то есть до ареста директора — А.Б.). Тем более, что и «случай для этого дела был весьма подходящий. В декабре у нас работала комиссия районного комитета партии, она обследовала работу бюро. Целую неделю знакомились товарищи с нашей работой, с протоколами, планами, стилем работ и пр. Но, к сожалению, комиссия ушла и не оставила никаких следов о своей деятельности. Нам же осталось лишь думать, что у нас все хорошо» (л. 36).

Не позабыл Чепиков и своих, отличившихся в хуле: «Почему они не пошли в вышестоящие партийные инстанции и не сказали о недостатках. Это в первую очередь относится к т. Власову... Почему т. Сморгчов... не пришел в партбюро или в более высокие инстанции и не поставил вопроса о работе института? Почему К.В. Никифорова не сделала того же?» (л.37).

В развитие решений перевыборного партийного собрания, а также принятого 25.08.1949 постановления президиума АН СССР о развитии и укреплении материальной

базы ИГН, 06.09.1949 состоялось расширенное заседание Ученого совета института с докладом директора М.И. Варенцова об очередных задачах коллектива. В принятом советом постановлении, помимо ритуальных призывов еще теснее сплотиться в деле «быстрейшего выполнения указанного распоряжения Президиума АН СССР», фигурировали и более конкретные пункты, подлежащие исполнению. В том числе зловещее обязательство, сформулированное как пункт 6: «Проводить систематическую работу по освобождению Института от лиц, не отвечающих своему назначению по деловым и политическим данным».²¹⁾ Именно то, что на заре оттепели, 16.03.1955, старшие научные сотрудники ИГН члены КПСС И.Е. Сморгков и К.В. Никифорова охарактеризовали, среди прочего, в письме первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву как «беспринципные действия со стороны руководящих работников института, бюро Отделения геолого-географических наук и ученого секретаря Президиума АН СССР».²²⁾

Та же самая, для внешнего мира, «гладь и божья благодать» продолжала господствовать и в выходных данных печатного органа академической геологической науки — «Известиях АН СССР, сер. геологическая». 17 апреля когда подписывался к печати очередной третий номер журнала за 1949 г., состав его редколлегии не претерпел никаких изменений в сравнении с предыдущим № 2, переданным в печать 7 марта. То есть за три с половиной недели до начала первых арестов.

Такие изменения впервые были отмечены в списке редколлегии журнала лишь в № 4, который получил визу на выход в свет только 16 июля, минимум на один-полтора месяца позже обычного срока. Из первоначального состава редколлегии выпали фамилии секретаря И.И. Катушенка и заместителя директора ИГН АН СССР С.А. Кашина, к тому времени снятого с должности решением Президиума АН СССР.

Освобождение от должности секретаря редколлегии журнала Катушенка, который, помимо работы там, являлся также ученым секретарем академического Отделения геолого-географических наук, тоже имело свою очевидную подоплёку. Подоплёка та заключалась в том, что в 1947 г. в журнале появилась обширная статья эмигрировавшего, после разгрома колчаковских войск в Сибири, в Соединенные Штаты П.П. Гудкова о геологии нефти в США. Ее публикация, естественно, была согласована со всеми требуемыми структурами — начиная с Президиума АН СССР и кончая надзиравшими органами. О чем Катушенко и поставил официально в известность главного редактора журнала акад. В.А. Обручева (подробности — в главе 5 и примечаниях 37 и 38 к ней). Исполняющим обязанности секретаря журнала был назначен летом 1949 года Г.Д. Афанасьев, к тому времени еще не избранный членом АН СССР.

Кардинально изменился состав редколлегии к выходу в свет журнала за № 5. Помимо В.А. Обручева и Д.С. Белянкина в составе редколлегии остался только Н.С. Шатский, который, к слову, вскоре тоже попадет в опалу.²³⁾ В качестве полноправного секретаря редколлегии был обозначен упоминавшийся Г.Д. Афанасьев, а новыми членами редколлегии стали вновь назначенный директор ИГН М.И. Варенцов и недавний сотрудник ИГН, обретавшийся в Отделении и повседневно набиравший административную силу К.А. Власов.

О том, как впоследствии оценили вклад К.А. Власова в развал геологической науки страны в те черные времена ведущие ученые Института геологических наук АН СССР академики А.Г. Бетехтин, Д.С. Коржинский, Н.М. Страхов и Н.С. Шатский в своем коллективном письме 1955 года в адрес первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, см. в приложении 3...

Полгода спустя после перевыборного собрания, 7 декабря 1949 г., иной состав партбюро, который возглавила К.В. Никифорова, собрал очередное партийное собрание. Отчитывался перед собранием помянутый выше К.А. Власов, уже в ранге заместителя директора Института. И вновь разворачивается дискуссия о «засоренности кадров», хотя собрание посвящено вопросам перестройки институтского тематического плана».²⁴⁾

По инициативе А.И. Кравцова, с выступления которого начались прения по докладу Власова, первыми кандидатами для разбора на закрытом партийном собрании становятся беспартийные, и потому отсутствовавшие в зале, Э.М. Бонштедт-Куплетская и Ю.А. Жемчужников. Первая вызвала гнев оратора в связи с присуждением ей премии имени А.Е. Ферсмана («... почему несерьезно выдвинули ее на премию? А где была партгруппа при выдвижении Бонштедт-Куплетской на премию?»), а второй — за публикацию статьи, в которой он «восхваляет зарубежных ученых-палеонтологов и умышленно замалчивает советских и русских палеонтологов», причем в заключение призвал партбюро, «учесть и выяснить, случайно ли он это делает или нет», и добавил от себя, что, по его мнению, «это не случайно» (л.64). Тем самым запоздало откликнувшись на бушевавшую в начале 1949 года кампанию «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом».

Однако коллектив Института к концу 1949 года уже успел оправиться от шока весенней череды арестов, и безответственные призывы к дальнейшим расправам получили на собрании должный отпор. Жестко осудил нападки на Бонштедт-Куплетскую Г.Д. Афанасьев: «О премии Ферсмана — она присуждалась по всем правилам и была экспертная комиссия, и я думаю, что она присуждена достойному человеку» (л. 68). Не остался без защиты и Жемчужников. В.С. Яблоков, не без дипломатичных экивоков, но, тем не менее, достаточно определенно, заявил, что «хотя тенденции к восхвалению иностранного у него еще имеются, однако лечению он поддается и сам активно участвует в организации намечающегося обсуждения некоторых иностранных теорий» (л. 67).

Но все это происходило, так сказать, на нижнем этаже — на уровне тех, кому не дано было принимать конкретные решения, намечавшиеся преимущественно на верхах академических структур. Новый директор М.И. Варенцов, выступивший перед заключительным словом К.А. Власова, предупредил, что «очищение Института» не снято с повестки дня и является одной из важнейших задач дирекции в кадровых вопросах. «Эта работа не проста, сделать ее сразу невозможно, — заверил он слушателей, — мы ее выполняем постепенно, не оголяя фронт работ» (л. 70).

Касалось это зловещее предупреждение и некоторых из тех, кто, находясь в зале, слушал выступавшего. В частности, Ф.И. Вольфсона; несмотря на прозвучавшие на том же собрании слова В.И. Данчева об уникальных его способностях создавать на пустом месте работоспособный коллектив научных работников и воспитывать молодое пополнение.²⁵⁾ В 1950 г. Федор Иосифович был уволен из института и даже лишен допуска к работам по урану.

О нем, как и о других, упомянут в 1955 году в письме Н.С. Хрущеву четыре академика — А.Г. Бетехтин, Д.С. Коржинский, Н.М. Страхов и Н.С. Шатский: «штат Института увеличился (с 1949 года — А.Б.) почти в три раза, главным образом за счет малоквалифицированных работников, а часть высококвалифицированных сотрудников, докторов наук (А.А. Якжин, С.А. Кашин, Ф.И. Вольфсон и др.) была несправедливо отчислена из Института...²⁶⁾

Наряду с гласными выступлениями наверх шли и анонимки. С одной из таких, явно принадлежавшей кому-то или кем-то из сотрудников ИГН, был ознакомлен Сталин. Ее следы сохранились в личном фонде И.В. Сталина, ныне хранящемся в РГАСПИ (фонд 558); речь идет о сводке писем, доложенных ему в период с января по июль 1949 г. Зафиксирована она в перечислении под порядковым номером 15 и звучит в записи канцеляриста так:

15. Группа сотрудников АН СССР (анонимное письмо): «Пишут, что контрреволюционные кадры, обнаруженные среди геологов, подбирались и систематически поддерживались работниками ЦК ВКП(б) И.Ф. Григорьевым²⁷⁾ и Марочниковым. Просят обратить внимание на это дело. Письмо направлено министру госбезопасности т. Абакумову.²⁸⁾

Вослед этому документальному свидетельству эпохи нелишне добавить, что запущенный, в связи с арестами геологов в 1949 г., механизм безудержного доносительства не прерывался и впоследствии. Например, явно психически неуравновешенный П.М. Кисель, заиклившийся на полном отрицании теории гидротермального рудообразования, информировал 24.05.1952 г. Сталина, что «ту же роль, которую сознательно осуществляли до 1949 года вредители Григорьев, Крейтер, Русаков и др., ... теперь тенденциозно осуществляет консервативная школа, воспитанная репрессированными геологами, ... которую возглавляют теперь:

1. Бетехтин А.Г., давно известный как теоретический единомышленник и союзник Григорьева и все еще продолжающий отравлять сознание советских геологов метафизическими «обоснованиями» американской гипотезы гидротермального рудообразования...;

2. Щербина В.В., активно поддерживающий Бетехтина и продолжающий все типичные традиции Григорьева по восхвалению до небес всякого проявления схоластического заблуждения гидротермальщиков;

3. Хитаров Н.И., многие годы втирающий очки советским геологам так называемыми экспериментальными «доказательствами» гидротермального рудообразования, которые на самом деле представляют собой пустопорожние отвлеченные манипуляции с обычными растворами, не имеющими никакого отношения к процессу естественного рудообразования, связанного с интрузивами, и ничего не дающие для проблемы рудообразования ввиду противоестественности идеи водного рудообразования вообще...»²⁹⁾

Напомним в заключение, что президиум АН СССР в своем письме Сталину высказал пожелание, не вызвавшее у адресата возражений, провести «обсуждение на закрытых заседаниях ученых советов институтов Академии Наук постановления президиума АН СССР от 12 мая с.г. о положении в Институте геологических наук» (см. приложение № 1). В качестве примера одного из таких заседаний приведем архивный документ, относящийся к Математическому институту им. Стеклова. На заседании, состоявшемся 18.08.1949, члены совета приняли к сведению, что ИГН АН СССР «работал вхолостую. Многочисленные лаборатории занимались несущественными вопросами, тогда как ценные результаты, полученные в других лабораториях, не внедрялись в практику. В подборе кадров процветала семейственность» и т.п.

Свои мазки в нарисованную членами Ученого совета мрачную картину организованного «врагом народа» Григорьевым развала добавили партийцы института: «Партийная организация Математического института АН СССР считает, что на общественных организациях Института геологических наук АН СССР лежит большая вина в том гнойнике, который был вскрыт в этом институте. Данное обстоятельство заставляет и нашу партийную организацию усилить бдительность и глубже вникать в производственную работу института и в вопросы подбора кадров».³⁰⁾ Чего, собственно, и ожидали от подобных обсуждений истинные организаторы «охоты на ведьм»...

II. Министерство высшего образования СССР

а) Московский геолого-разведочный институт

Как и в академических институтах, сотрудники которых питались первые месяцы после начавшихся арестов геологов лишь слухами, подчас далекими от действительности, аналогичная ситуация складывалась и в высших учебных заведениях. Так, например, в МГРИ на закрытом перевыборном партсобрании, состоявшемся 18-19 апреля, все намеки на случившееся ограничились в докладе директора института Ф.В. Котлова безадресным указанием на необходимость пересмотра тематики научно-исследовательских работ на 1949 год (это-то за полтора-два месяца до выезда на полевые работы!), да мало согласовавшимися с темой доклада инвективами в сторону англо-американских разведок, которые «особенно внимательны к геологии и ресурсам нашей страны».³¹⁾ Все

развернулось в полную ширь позднее, по возвращении студентов и преподавателей с полевых работ.

Если обсуждения в ИГН АН СССР были завязаны, прежде всего, на фигуре арестованного директора института академика И.Ф. Григорьева, то в МГРИ главным стержнем для пересудов по коридорам и выступлений на партийных и комсомольских собраниях являлся В.М. Крейтер — профессор и заведующий кафедрой поисково-разведочной геологии, работавший в его стенах с 1932 по 15 марта 1949 г. С учетом вузовской специфики партийное собрание в МГРИ состоялось осенью 1949 года, и длилось два дня — 27 и 28 октября. На следующий день, в той же 20-й аудитории, собралось комсомольское собрание, на котором директор института Ф.В. Котлов повторил в сокращенной форме свое выступление для партийцев.

В начале доклада, занявшего весь первый день 27 октября, объемом в 70 листов машинописного текста,³²⁾ он помянул едва не каждого из фигурантов «Красноярского дела». Притом не очень выбирая выражения. 80-тилетний профессор Я.С. Эдельштейн для него — «матерый волк из волчьей стаи империализма», в учебнике которого по геоморфологии «продолжали торчать волчьи зубы и волчьи уши», поскольку «главная ставка в понимании геоморфологии делалась на иностранную буржуазную науку,... беспредельное пресмыкательство перед иностранщиной и принижение роли отечественных ученых в развитии геоморфологии» (л. 113). Далее оратор озвучивает самый убийственный аргумент по адресу старейшины отечественной геологической науки: «Эдельштейн за 31 год Советской власти не принял к себе в аспиранты ни одного коммуниста» (л. 114).

Переходя к анализу «вредительской деятельности» Крейтера, Котлов констатировал, что тот, как и Тетяев с Григорьевым, «были похитрее и более тщательно маскировались», «избегали показывать свое антисоветское нутро, а наоборот, пытались о себе создать общественное мнение честных патриотов Родины, передовых ученых советского типа». Например, «в отличие от Эдельштейна, Крейтер создавал себе заслон от разоблачения из числа коммунистов — своих учеников» (л. 114-115). Тетяев «в течение многих лет шил себе маскировочный костюм несколько в другом плане», «рядился в тогу "марксиста-диалектика"», «спекулятивно создавал широкий круг своих поклонников» (л. 116). Помогая друг другу во вредительстве, они иногда, для отвода глаз, искусственно создавали иллюзию принципиальных разногласий, споров, непримиримых позиций (Тетяев и Шейнманн, Крейтер и Григорьев)» (л. 117).

Кстати, в одном из выступлений в прениях по докладу директора, на пару с Тетяевым, упомянут был мой однокурсник, впоследствии известный камчатский вулканолог Е.К. Мархинин. Упомянул его походя, при «разоблачении» В.В. Белоусова — «верного последователя и ученика Тетяева», давний недоброжелатель Владимира Владимировича профессор В.Н. Павлинов. Благодаря влиянию Белоусова на студенчество, говорил он, «в студенческом кружке... также нашлись последователи Тетяева в лице студента Мархинина».³³⁾

Обрушиваясь на всё и вся, Котлов в своем рвении докатился до полного абсурда. Коснувшись походя проблемы геологических съемок, он заявил буквально следующее: «Громадных масштабов геолого-съемочные работы редко завершались открытием новых месторождений, или рудоносных площадей... Получалась съемка ради съемки, из средства для открытия новых залежей полезных ископаемых геологические съемки стали превращаться в самоцель». И далее удовлетворенно констатировал: «Сейчас геологическая съемка считается неудовлетворительной, если она не завершена открытием новых месторождений или перспективных площадей» (л. 118). И этот пассаж прозвучал из уст директора кузницы геологических кадров в те времена, когда территория в одну шестую часть суши еще не полностью была покрыта съемками М 1:1000000 и только начиналась подготовка к сплошному картированию М 1:200000...

Не обошел Котлов упоминанием и НИИ Мингео, которые «не являлись опорными научно-техническими центрами Министерства», а «ВСЕГЕИ был сильно засорен политически чуждыми элементами, вредители, окопавшиеся во ВСЕГЕИ, тлетворно влияли на работу института» (л. 120).

Далее в докладе обобщается широкая палитра персональных решений, которые были приняты дирекцией и вышестоящими органами в свете разоблачения вредительства в геологии, и, начиная с 5 июня 1949 г., последовательно проводились в жизнь. Перечисление проведенных кадровых мероприятий потребовало пяти листов машинописного текста (л. 122-126) и 11-ти пунктов, каждый из которых касался лиц, попавших под увольнение или понижение в должности. Перечислим ряд из них.

15.06.1949, три с небольшим недели спустя после ареста 21 мая Крейтера, увольняется его жена — доцент Д.С. Крейтер, которой, как изысканно выразился директор, «по политическим мотивам...нельзя было доверить преподавание студентам курса поисково-разведочной геологии» (л. 122). В приказе об увольнении за № 164, оригинал которого ныне хранится в архиве Российского государственного геологоразведочного университета, была дана существенно иная мотивировка, чем в устном исполнении четыре месяца спустя. Приведем полный текст этого примечательного документа, претерпевшего к тому же некую насильственную трансформацию после реабилитации пострадавших от произвола власти геологов и возвращения Дины Самойловны назад — правда, на первое время, не на кафедру, а в научно-исследовательский сектор Института:

«Доцента кафедры поисково-разведочной геологии МГРИ Крейтер Д.С. освободить с 15 июня 1949 г. от работы в связи с сокращением нагрузки кафедры в 1949-50 учебном году, а также в связи с недовыполнением доцентом Крейтер Д.С. ... часов педагогической нагрузки в 1948-49 учебном году». Трехточием в приводимом тексте помечено место, где в 1949 г. было впечатано конкретное число "недовыполненных часов", а ныне красуется отнюдь не случайное чернильное пятно, не позволяющее разглядеть эту цифру. Появилась клякса, надо думать, страховки ради. А вдруг у вернувшегося доцента возникнет желание оспорить в суде имевшуюся в приказе липовую "недоработку" и потребовать законную компенсацию за вынужденный пятилетний прогул...³⁴⁾

18.06.1949 отстранен от преподавания, с использованием на производственной работе, ассистент кафедры поисково-разведочной геологии В.В. Аристов и отчислен из аспирантуры «Воронцов — ученик Крейтера, с отправкой для работы на производстве», который уже после ареста учителя «популяризовал его идеи, делал ссылки на Тетяева и др. врагов народа». 10.07.1949 заодно отчислен ассистент кафедры минералогии Дорфман, а 28.06.1949 — ведущий лектор кафедры петрографии С.Д. Четвериков; первый — «допускал космополитические высказывания на кафедре», а второй — «при обсуждении итогов сессии ВАСХНИЛ на кафедре сделал выпад против Лысенко, на занятиях со студентами дискредитирует отечественное оборудование и превозносит иностранную оптику» (л. 123-124).

Вослед Четверикову получили отставку и другие блестящие лекторы, любимцы студенчества — В.В. Белоусов, за год до изгнания из МГРИ побывавший в Лондоне в качестве руководителя советской делегации на XVIII сессии Международного Геологического конгресса, член-корреспондент АН СССР Н.С. Шатский.

Первый был освобожден от заведования кафедрой общей геологии 9 июня, а 11 октября «совсем освобожден от работ в институте,...поскольку он не обеспечивал руководство кафедрой и преподавание в нужном для нас политическом направлении», а именно — «умалил роль русских геологов и незаслуженно превознес роль немецких и др. зарубежных геологов в геологическом изучении России»; кроме того «он скатывается на позиции махизма, позитивизма и эклектики», да к тому же «в прошлом являлся учеником профессора Тетяева, имел с ним совместные научные работы» и «порочные идеи Тетяева, его формализм и схоластика до сих пор довлеют» над ним (л. 125, 126).

5 июня был освобожден от руководящей работы и оставлен в институте в качестве рядового профессора Н.С. Шатский за следующие грехи: будучи заместителем директора ИГН АН СССР «врага народа Григорьева,... потерял политическую бдительность и провалил научно-исследовательскую работу, за что был снят с работы решением Президиума АН СССР»; «в 1946 г. им была высказана космополитическая идея интернациональности науки»; «в 1948 г. на заседании Ученого совета пытался смягчить критику, направленную в адрес Крейтера» (л. 126, 127).

Кроме того приказом Министерства высшего образования от обязанностей заместителя директора МГРИ был освобожден профессор Е.Е. Захаров, а декана геолого-разведочного факультета — доцент Л.А. Русинов. Уже 24.09.1949 в приказе «О ходе приема в аспирантуру высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений» министр высшего образования СССР вынужден был констатировать, что среди вузов, наиболее слабо организовавших в том году прием в аспирантуру лидирующее положение занял МГРИ; на 13 выделенных мест поданных оказалось лишь девять заявлений.³⁵⁾ Как будто в атмосфере погрома, спровоцированного, в том числе и министерством, можно было ожидать чего-то иного...

Немалая часть доклада Котлова была посвящена критическому разбору на заседаниях партбюро и ученого совета МГРИ в 1948 и начале 1949 г., то есть до ареста Крейтера, вышедшего еще в 1940 г. его популярного учебника «Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых». Эта работа одновременно, в том же 1940 г., была представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук и успешно защищена. Претензии же к автору пособия, широко использовавшегося в высших учебных заведениях страны, возникли восемь лет спустя на волне инспирированных идеологами Старой площади в 1947 году антизападнических тенденций, расцвет которых пришелся на начало 1949 года, во время масштабной кампании «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом».

«Вокруг идейно-политических ошибок Крейтера общественное мнение в коллективе института, — декларировал далее Котлов, — стало наиболее активно создаваться с марта 1948 г. Факт низкопоклонства перед иностранщиной впервые был зафиксирован в решениях Ученого совета по докладу «О патриотическом долге советских ученых»... На теоретической конференции МГРИ 20 апреля 1949 г. во вступительном докладе директора Крейтер был раскритикован за политически неправильные выступления в Институте цветных металлов и золота при обсуждении итогов сессии ВАСХНИЛ, где Крейтер утверждал, что геологи являются стихийными материалистами-диалектиками и поэтому идеализм и механицизм не получили развития в геологических науках», причем «тогда никто не выступил против Крейтера и не поправил его».³⁶⁾ И далее, с наивно полумальчишеской бравадой, добавил: «Все эти многочисленные выступления... создавали общественное мнение, конечно не в пользу Крейтера, и они привели к тому, что Крейтер был *выжит* (курсив мой — А.Б.) из института еще до своего ареста. Авторитет и влияние Крейтера было подорвано в коллективе института» (л. 136).

Не приминул Котлов поведать и о трудностях, возникавших в 1948 г. при организации морального избиения Владимира Михайловича, пользовавшегося в МГРИ огромной популярностью не только в качестве лектора, но и как непрямого участника студенческой самодеятельности, знатока поэзии, участника розыгрышей и т.п. Оттого при голосовании подготовленной дирекцией и партбюро погромной резолюции, в чем наивно признался докладчик, «возникли трудности, которые, правда, были преодолены, сопротивление сломлено и резолюция принята». «Однако, — продолжил он, — ведь выступали же с защитой Крейтера беспартийные профессора Заборовский, Альпин и Шатский, коммунисты Аристов, Попов и Волков...» И озвучил свою версию возникшего в институте сопротивления: а) критика Крейтера была недостаточно глубокой, острой и широкой; б) его учебник не получил в институте «развернутой, воинственной и глубокой рецензии»; в) в 1947 г. институт, вместе с МИЦМЗ, «проводил 50-летний юбилей

Крейтера, на котором Крейтер был поднят на щит», и, наконец, г) высокая оценка крейтеровского учебника бывшим министром геологии Малышевым, который называл учебник прогрессивной книгой» (л. 137, 138).

Перечислением упоминавшихся выше фамилий Котлов не ограничился. Отметив, что в период с 20 апреля по 8 июня 1949 г. дирекция института провела семь (!) теоретических конференций — сессий Ученого совета МГРИ, в которых в общем приняло участие 940 человек, включая представителей «многих министерств, вузов г. Москвы и периферии, АН СССР, различных научных институтов и производственных организаций», он далее заявил: «Эти теоретические конференции помогли вскрыть в ряде геологических наук... крупные идейно-теоретические ошибки в научных работах ряда советских ученых-геологов». И далее озвучил подготовленный им список кандидатов на звание «идейно-теоретических» отступников.

Приведем этот список в той последовательности, в которой их перечислил докладчик: Н.М. Страхов, Л.В. Пустовалов, Ю.А. Жемчужников, М.А. Усов, В.В. Белоусов, В.А. Сулин, Н.Я. Денисов, В.П. Маслов, В.И. Вернадский, А.М. Овчинников, И.С. Волынский, Б.М. Гуменский, И.С. Щукин (л. 132, 133).

В завершение озвученных разоблачений Федор Васильевич решил пройти по подчиненным ему кафедрам, которые «хронически оторвались от производства и от практики и перестали оплодотворять себя новейшим опытом со всеми вытекающими отсюда последствиями для учебного процесса», призвав «болезнь отрыва от производства... решительно преодолевать». И поименовал проштрафившиеся, по его разумению, кафедры и их сотрудников: «петрографии (проф. Швецов, асс. Никольская), геофизики (проф. Заборовский, отчасти проф. Альпин), минералогии (проф. Смольянинов), исторической геологии (проф. Шатский) и некоторые другие» (л. 153).

На продолжившемся на следующий день заседании всплыла не затронутая ранее Котловым тема проф. Н.В. Барышева, многолетнего коллеги и друга Крейтера, который, после вынужденного перехода последнего в МИЦМЗ, сменил его на должности заведующего кафедрой. Три недели спустя после ареста приятеля, не выдержав пытки ежедневного ожидания возможного ареста, он покончил с собой.

Первым упомянул о нем снятый с должности декана геолого-разведочного факультета Л.А. Русинов, который в июне 1949 г., единственным из коллектива, почел обязательным для себя помочь вдове на похоронах трагически погибшего коллеги и в дальнейшем хлопотал о назначении ей пенсии за скончавшегося мужа. Пытаясь что-то сказать в створе господствовавшего настроения в зале, он извинился, что допустил ошибку, «не критикуя Крейтера». В ответе на вопрос из зала об отношении к Барышеву сообщил, что знаком был с ним со времен совместного обучения в Горной академии и, хотя не сталкивался «по совместной работе», семьями в домашней обстановке встречался (л. 90). В заключительном слове Котлов не прошел мимо этого выступления, заклеив его «не выступлением коммуниста, а мещанина и обывателя» (л. 99 обор.). А доц. Александров, выступивший сразу после Русинова, без экивоков посчитал возможным для себя «прямо сказать, что... Крейтер и Барышев враги народа» (л. 90).

Поминались в тот день уже уволенный из института проф. Белоусов и пониженный в должности Шатский, скрупулезно перечислялись те, кто в своих публикациях «делали ссылки на Тетяева и других врагов народа», а доц. Д.Д. Трофимов, назначенный деканом на место Русинова, с давней обидой припоминал, что перед окончанием института, при защите дипломного проекта, «получил лишь удовлетворительную оценку по линии кафедры поисково-разведочной геологии (Крейтер, Барышев) за то, что в проектной части работы придерживался теории «геометризации недр проф. Соболевского, против которого выступали Крейтер и Барышев» (л. 96 обор.).

Не «проспали» трагическую кончину Барышева и партийцы Всесоюзного НИИ минерального сырья, в котором с 1943 г. по совместительству трудился научным руководителем группы опробования Николай Васильевич. На собрании, длившемся два

дня, 26 и 27 октября, начальствовавшая дама из Первого отдела института К.И. Пресман ничтоже сумняшеся заметила: «Здесь говорят о Барышеве — он работал между нас, и если бы вовремя мы подошли к нему, мы разоблачили бы его до того как он покончил жизнь самоубийством. А ведь он вел главнейшие объекты. Тов. Бритаев работал вместе с Барышевым, и правильно здесь сказал тов. Герасимовский, что в докладе директора... ничего не сказано как будем работать в дальнейшем». А секретарь партбюро ВИМС М.Д. Бритаев, в свою очередь, самокритично откликнувшись на прозвучавшую в его адрес критику, констатировал, по-большевистски не щадя себя, что «не показал примера, не разоблачил вовремя Барышева», и, несмотря на то, что «работал с ним только два года, встречался в месяц раз, но... встречался, и в этом вопросе доля вины перед парторганизацией имеется, и это надо признать».³⁷⁾

Нашлись в стенах ВИМС желающие помянуть и коллегу Барышева — В.М. Крейтера. Правда, в косвенной форме — но помянуть. Причем не на собрании, перед коллективом, а тайком, в личном письме во власть. Пошло то письмо в ЦК ВКП(б) 17.01.1950, три месяца спустя после партсобрания, когда следствие на Лубянке еще не вышло на финишный поворот. П.С. Саакян, недавно исполнявший обязанности директора института, а в рассматриваемый момент старший научный сотрудник, желая отметиться в числе претендентов на Сталинскую премию за открытие Каджаранского медно-молибденового месторождения в Армении, решил выпихнуть из списка претендентов одного из первооткрывателей И.А. Тарьяна. С целью дискредитации последнего в глазах Агитпропа, он проинформировал товарищей со Старой площади, что тот работал на месторождении в 1936 г., когда его консультантом и соавтором по отчету был Крейтер. И тут же привел пояснительную сноску: «Крейтер — враг народа, арестован в 1949 г.»...³⁸⁾

В очередной раз повеселил своим невежеством Г.П. Синягин, назначенный на место недавно снятого с должности заместителя директора по научной части Е.Е. Захарова. Начав с лобовой атаки на предшественника, почему тот не выступал с критикой, когда «вредители ряд перспективных месторождений оценивали отрицательно», закончил седой стариной, используя ее как средство для заочного поношения уже уволенного В.В. Белоусова: «Ему известны его ошибки, но он над нами издевается. Белоусов пишет про Палласа, восхваляя его, считая его первым исследователем Сибири и др. Еще в 1491 г. были известны первые "рудознатцы" в России, русские люди, а не Паллас. Паллас же, матерый фашист (!? — А.Б.), который издал приказ о сожжении изобретения Ползунова (паровая машина) и ориентировал русское горное дело на использование лишь конной тяги, тормозя тем самым его развитие» (л. 98).³⁹⁾

В заключительном слове Котлов даже счел для себя нужным «повиниться» перед участниками партийного собрания. Как личную свою ошибку охарактеризовал он «устройство юбилея Крейтера в институте (05.11.1947 — А.Б.), участие в банкете после этого юбилея и допущение постановки доклада Крейтера на теоретической конференции». Представление им юбиляра к правительственной награде и высказывавшиеся при этом теплые слова в его адрес (см. главу 1 и примечание 38 к ней) директор обошел полным молчанием. Подобные представления, как правило, готовились в сугубо конфиденциальной обстановке, знало о них считанное число наиболее приближенных к дирекции лиц, и потому вероятности малоприятных для него напоминаний из зала оратор мог не опасаться.

Но по поводу своих неуклюжих телодвижений с поспешным увольнением из института проф. В.И. Смирнова, в итоге сохранившего при новом руководстве Мингео СССР пост заместителя министра, высказаться все же пришлось. Поведал аудитории о нажиме «на дирекцию... со стороны вышестоящих организаций в деле восстановления Смирнова на педагогической работе в МГРИ (Самарин — Министерство высшего образования)». И тут же поделился информацией, что «в настоящее время проф. Смирнов устроился на педагогическую работу в Институт цветных металлов и золота» (л. 99 обор.).

Завершилось это достопамятное собрание принятием большинством голосов, при трех воздержавшихся, поручения партбюро МГРИ «поставить вопрос перед соответствующими организациями о невозможности использования В.И. Смирнова на преподавательской должности в связи с его некритическим отношением к Крейтеру и его теоретическим взглядам». Одновременно, но уже единогласно, партийцы МГРИ поручили также проинформировать соответствующие партийные организации, «что в институте Цветметзолото на кафедре руднической геологии и др. некоторые преподаватели (Лазько, Козеренко, Ажгирей и др.) являются последователями теоретических взглядов и идей Крейтера»,⁴⁰⁾ а своему партбюро — «разобрать вопрос об отношении проф. Захарова к Григорьеву Иос.Ф. и Крейтеру» (л. 101).

...На следующий день в той же 20-й аудитории состоялось длившееся едва не до полуночи комсомольское собрание, на котором был и автор этих строк. Состав ораторов был примерно тот же. Главным из них опять же стал директор Ф.В. Котлов. Запомнилось, как снова клеймил он, теперь уже перед сотнями студентов, Русинова за «политическую близорукость», выразившуюся в участии в похоронах Барышева. И как Леонид Андрианович, поддаваясь грубому насилию за свою человеческую порядочность, снова калялся и извинялся. И тот же Синягин, успевший за короткий срок общения с ним вызвать у студентов устойчивую к себе неприязнь, нес с трибуны очередную ахинею — припомнить о чем, теперь невозможно.

Готов засвидетельствовать охватившее в тот вечер студенческую массу чувство подавленности от услышанного.⁴¹⁾ Расходились молча, да и назавтра старались не разговаривать на эту тему. Травма, по крайней мере, для меня, сохранилась на всю жизнь. И когда в начале 90-х годов начали раскрываться ранее засекреченные партийные архивы, я пошел туда за поиском документальных свидетельств драмы 1949 года...

б) Московский институт цветных металлов и золота

В примечании 39 к предыдущему разделу уже отмечалось, что дирекция и партбюро МИЦМЗ постарались по возможности смирить тему ареста Крейтера, чему способствовал малый срок, менее года, пребывания его в институте в качестве штатного сотрудника, а не совместителя. На партийном собрании, состоявшемся 24.01.1950 и посвященном принятым наверху решениям о снятии с должности секретаря ЦК и первого секретаря МК и МГК ВКП(б) Г.М. Попова «за зажимы критики, отсутствие самокритики и неправильное отношение к кадрам», выступивший с обширным отчетным докладом секретарь партбюро Н.И. Егоров ограничился лишь полутора страницами текста при упоминании «оказавшегося впоследствии врагом народа и арестованного органами МГБ» Крейтера. Посетовав, в частности, что на геолого-разведочном факультете в свое время уклонились от критики его учебника, а члены кафедры руднической геологии «старались замазать эти замечания, выгородить учебник», он далее сказал: «На кафедре долгое время имели место серьезные недостатки в учебно-методической работе, но эти недостатки вскрылись лишь после того, как был арестован Крейтер и членам кафедры, а коммунистам в первую очередь, было предложено пересмотреть работу на кафедре... Члены кафедры, вместо того, чтобы постоянно вскрывать недостатки в своей работе, занимались тем, что слепо воспевали Крейтера и молились на него как на икону».⁴²⁾

В прениях лишь Зенков, упоминавшийся в отчетном докладе (см. примечание 39), покаялся по части отсутствия на кафедре «критики-самокритики», увязав это с зажимом ее Крейтером, да в тексте принятой собранием резолюции по докладу партбюро были включены соответствующие выдержки из этого доклада.⁴³⁾ А перед тем как окончательно переварить эпизод с арестом своего профессора, в вину которого, как и в МГРИ, не верила ни одна мыслящая душа, включая, естественно, и студентов, в решение состоявшегося месяц спустя, 28.02.1950, отчетно-выборного партсобрания был внесен по сути дежурно пустопорожний абзац, ставивший в минус партбюро, что оно «не мобилизовало

партийную организацию на разоблачение и ликвидацию недостатков на геолого-разведочном факультете». ⁴⁴⁾

III. Министерство геологии СССР

Архивные материалы 1949 года, хранящиеся в бывшем архиве Ленинградского горкома ВКП(б), ныне — Центральном архиве историко-политических документов (ЦАИПД) С.-Петербурга, по полноте имеющейся документации того времени можно расположить где-то посередине между материалами московских геологических учреждений, которых непосредственно затронули репрессии марта-мая 1949 г., и теми, что удалось или, точнее, не удалось обнаружить в обкомовских архивах Красноярска и Томска.

Просмотру и изучению в ЦАИПД подверглись архивы парторганизаций ВСЕГЕИ, ВИРГ и Гипроникеля. В материалах двух последних вообще не удалось найти даже упоминаний о свершившихся экстраординарных событиях. Говорилось и фиксировалось в протоколах партийных собраний единодушное одобрение партийцами решений партии и правительства о борьбе с менделизмом и вейсманизмом и, соответственно, о безоговорочной поддержке «народного академика» Т.Д. Лысенко, о пришедшейся на конец января и февраль-март 1949 г. бурной кампании «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом», о снятии 15.02.1949 с постов руководителей Ленинграда и области П.С. Попкова и Я.Ф. Капустина, ставшем предвестником закончившегося расстрельным приговором «ленинградского дела». Притом что, например, ВИРГ теснейшим образом был связан с ВСЕГЕИ и его сотрудниками не только близкой тематикой, но и адресно располагаясь в соседнем здании. Еще более изумляет отсутствие письменных свидетельств в документации партбюро Гипроникеля об аресте в ночь с 10 на 11 мая одного из ведущих ученых института профессора В.К. Котульского, заведующего его научной частью. ⁴⁵⁾

Все эти, мягко говоря, несуразности имеют лишь единственное объяснение — наличие конкретных инструкций от вышестоящих партийных органов о запрете подобных обсуждений в среде рядовых членов партии. Имея притом в виду, что никакой информации о прошедших арестах геологов и погроме, учиненном в Министерстве геологии СССР, наверху решено было не давать и в средствах массовой информации. В таком контексте находит логическое объяснение и упомянутое в начале данной главы полное отсутствие информации о «Красноярском деле» в партийных архивах Красноярска и Томска.

Правда, одно исключение в Ленинграде все же было сделано, и коснулось оно ВСЕГЕИ. В весьма и весьма дозированной форме, по сравнению со стенограммами в московских геологических организациях, но, тем не менее, следы прошедших бурных событий место себе в протоколах партийных собраний института 1949 года, все же, нашли...

а) Всесоюзный геологический институт

Так совпало, что отчетно-перевыборное собрание партийцев института пришлось на тот же день 30 марта, когда в Москве проходило поворотное для отечественной геологии заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором министр государственной безопасности В.С. Абакумов получил от председательствовавшего на заседании И.В. Сталина санкцию на начало арестов «геологов-вредителей». Политбюро заседало в первой половине дня (см. главу 2), а партсобрание во ВСЕГЕИ — вечером. Закончилось оно за полночь, в 0 ч. 10 минут 31 марта. То есть тем числом, которым датируются первые аресты фигурантов «Красноярского дела», и среди них двух сотрудников ВСЕГЕИ — престарелого Я.С. Эдельштейна и В.Н. Доминиковского.

Естественно, никто из участников партийного собрания и предположить не мог, что ждет институт и геологический корпус страны на следующий день. Тем не менее, одна из фамилий будущих арестантов, коему суждено было через десять дней оказаться за решеткой, на собрании все же прозвучала. Озвучил ее старший научный сотрудник Отдела стратиграфии и палеонтологии М.В. Куликов. Выступая в прениях, в створе бушевавшей тогда пропагандистской кампании «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом», он поведал собравшимся, что и под сводами ВСЕГЕИ «были отдельные попытки умалить роль русских ученых в палеонтологии (Лихарев Б.К.)»⁴⁶⁾.

И здесь уместно обратить внимание на существенные отличия атмосферы, в которой проходили партсобрания во ВСЕГЕИ, от собраний в московских геологических организациях. Если на время отвлечься от назойливой активности упоминавшегося выше Куликова, который будет еще не раз отмечен ниже, то в хранящихся для потомства архивных протоколах парторганизации ВСЕГЕИ нет упоминаний о других сотрудниках, счавших возможным для себя высказаться в требуемом стиле о ком-то из коллег, попавших под топор репрессий. То есть выступления, надо думать, были, но настолько туманно завуалированные, что в протокол не попадали. И это являлось не упущением, а позицией геолкомовцев, старавшихся в меру возможностей не поступаться своей честью и порядочностью ...

Чтобы не быть голословным, пройдемся по документации ВСЕГЕИ, хранящейся в архивных фондах Ленинградского горкома и обкома ВКП(б), и касающейся протоколов партсобраний в период с 24 апреля по 13 декабря 1949 года.

Протокол от 24.04.1949. В повестке дня: 1. Творческое содружество науки с производством в связи с письмом работников промышленности и деятелей науки и техники Ленинграда и Ленинградской обл. т. Сталину И.В. 2. О выпуске займа. 3. Разное. О прошедших арестах, за период с 31 марта по день собрания, на 12 листах машинописи нет ни единого слова, хотя за то время число этапированных в Москву из Ленинграда «геологов-вредителей» возросло в три раза — с двух до шести. Правда, намеки на происшедшее все же проскальзывают. Например, в такой фразе директора института Е.О. Погребницкого, вскоре, впрочем, снятого с должности новым руководством Мингео СССР и отправленного в Казахстан с формулировкой «за отсутствие политической бдительности и партийности».⁴⁷⁾ «... мы должны использовать мобилизующее значение письма т. Сталину, проработав его на производственных совещаниях по секторам», да еще в предложении «пересмотреть нашу плановую работу в связи с этим письмом» — это-то на пороге начала очередного полевого сезона!⁴⁸⁾

Месяц спустя, 30.5.1949, партийцы обсудили вопрос «о выполнении критических замечаний коммунистов по решению февральского пленума» (Ленинградского ГК и ОК, в связи со снятием 15.2.1949 г. с постов партийного руководства города и области — А.Б.). И опять же по самому животрепещущему вопросу — полный молчок...⁴⁹⁾

23.7.1949, в разгар полевого сезона, когда большая часть коммунистов ВСЕГЕИ в Ленинграде отсутствовала, организуется собрание для обсуждения итогов июньского пленума ГК ВКП(б), после которого недавний 2-й секретарь ГК Я.Ф. Капустин объявлен, ни много — ни мало, — английским шпионом⁵⁰⁾. Где уж тут, казалось бы, поминать собственных «врагов народа»... Но Куликов, уже подававший свой голос на собрании 30 марта и намолчавшись на двух последовавших, не упустил здесь шанс показать себя и свое видение текущего момента и привлек-таки внимание собравшихся партийцев к своему наболевшему.

Как зафиксировано в протоколе, выступая в прениях по поводу прослушанной информации, «т. Куликов говорил о задачах, стоящих перед нашей парторганизацией. Аспирантурой — воспитанием молодых занимались Шитиков (ученый секретарь ВСЕГЕИ — А.Б.), Лихарев, Эдельштейн, Криштофович. Парторганизация перепоручило это важное дело старым специалистам бесконтрольно. *Последыши вредителей* (курсив мой — А.Б.)

остались в Институте (ученики). К ним наше отношение должно быть определенным. Мы должны не выпускать их из поля своего зрения и проверять их работу по делам. Парторганизация не интересовалась таким капитальным изданием, как "Геология СССР". Необходимо пересмотреть эти издания, так как сейчас уже ясно, что они неполноценны»⁵¹⁾.

Остается добавить к этому безответственному пассажиру, что ученый секретарь института М.Ф. Шитиков и выдающийся, с мировым именем, палеофитолог А.Н. Криштофович продолжали трудиться на своем поприще, и подобный выпад являлся фактически злостным публичным доносом на них. На следующем собрании 27.10.1949 г., когда все сотрудники уже вернулись с полевых работ, последовательный в своих действиях Куликов опять же озвучивает оседланную им летом тему. Как свидетельствует архивный протокол, выступая в прениях, он «отметил факты вредительства в изданиях "Геологии СССР" со стороны главного редактора Я.С. Эдельштейна и факты недостаточно критического отношения к работе остальных редакторов. Коммунист Шитиков шел на поводу у врагов народа в деле подготовки кадров»⁵²⁾.

Здесь уместно сделать акцент на наличие в папке партийных документов парторганизации ВСЕГЕИ за 1949 год странного материала, подшитого в явно неподходящем для него месте. Речь идет о четырех листах машинописного анонимного текста, поименованного как «Проект постановления». Даты на нем нет, но на его последнем листе имеется отметка машинистки: «Отпечатано в 4 экз. 27.10.1949». Необычность его нахождения в папке заключается в том, что эти четыре листа имеют порядковые номера 77-80, а вслед за ними следуют листы 81-92 с документацией партсобрания, состоявшегося полгода назад, 28.4.1949. Да и вообще — индивидуально подготовленные, но не вынесенные, решением партбюро на собрание проекты постановлений, а в данном случае именно это и имело место быть, или возвращаются на память их авторам или отправляются в корзину. Однако заведомо не могут попасть в официальную документацию партбюро «для вечного хранения».

Причина, по которой партийцы ВСЕГЕИ отвергли упомянутый проект, очевидна. Разнузданность стиля документа, безответственность раздаваемых налево и направо абсурдных обвинений (см. приложение 4) — все это пришло в полную противоположность сохранившимся в коллективе геолкомовским традициям и вызывало у него закономерный эффект отторжения. Кто был составителем этого постыдного документа, особого интереса, в общем-то, не представляет, хотя уши автора и проглядывают. Но непреходящая ценность его для истории — в его свидетельской значимости о том, что даже в эпоху тяжких лет сталинского произвола общество все же сохраняло лакуны для подспудного, но, тем не менее, действенного коллективного сопротивления безнравственным побуждениям...

Отдельные примеры сопротивления безнравственности проявлялись и на индивидуальном уровне. Протокол последнего в 1949 году партийного собрания, состоявшегося 13 декабря, уместившись на шести листах машинописи (л. 107-112), завершается подчеркнуто осторожным и потому не очень вразумительным абзацем, который приводится здесь полностью:

«В конце собрания Куликов и Морозенко выступили со справками. Т. Куликов сообщил, что написанная им поздравительная телеграмма была составлена в 1947 г. в связи с правительственной телеграммой, присланной к юбилею Лихарева⁵³⁾. В то время т. Куликов не предполагал, что Лихарев окажется врагом народа. На вопрос т. Нефедова «Не забыл ли он о письме», т. Куликов говорит: «Забыл». Т. Морозенко сказал, что Лихареву он никогда никаких писем не писал. Видимо, здесь имела место ошибка»⁵⁴⁾.

Подоплеку столь нарочито завуалированной составителями протокола перепалки между уже хорошо знакомым нам палеонтологом М.В. Куликовым и минералогом Е.И. Нефедовым — человеком, по отзывам знавших его, отчаянной смелости и безупречной порядочности, — расшифровать сегодня сложности не составит. С одной

стороны, Евгений Иванович сумел мастерски загнать своего визави в угол напоминанием об активном участии последнего в организации юбилейных торжеств коллеги по отделу Лихарева, выудив при этом из него смехотворный ответ на заданный вопрос. С другой же, предварительно построив для себя надежный бастион для защиты от возможных доносных побуждений. В случае надобности, ему нетрудно было бы представить свои ядовитые вопросы в качестве улики существовавших у Куликова тайных симпатий к «врагу народа» и, соответственно, утери им «политической бдительности и партийности», то есть, воспользоваться той же формулировкой, с которой несколько месяцев назад был снят с должности и отправлен в Казахстан директор ВСЕГЕИ Е.О. Погребницкий...⁵⁵⁾

Уместен еще один пример подспудного сопротивления, о котором в 2005 году автору поведал ветеран ВСЕГЕИ, 94-летний член-корреспондент РАН Л.И. Красный, на чьих глазах разворачивались эти драматические события. По распоряжению нового руководства Мингео СССР в институте были организованы две ревизионные партии, перед которыми была поставлена задача выявления конкретных свидетельств «вредительских действий» геолкомовских фигурантов «Красноярского дела». Во главе обеих партий были поставлены сотрудники ВСЕГЕИ А.И. Семенов и Н.М. Успенский, а другим ведущим сотрудникам предписывалось оказывать им необходимое содействие.

По воспоминаниям Красного, ему, вместе с М.И. Ициксоном, было поручено проанализировать «вредительскую деятельность» арестованного к тому времени М.П. Русакова и подготовить соответствующую записку для использования собранных сведений следственными органами МГБ. Чтобы выйти без нравственных потерь из создавшегося щекотливого положения, в которое оба попали, они договорились между собой всячески тянуть время, ссылаясь на разного рода сложности, возникавшие при выполнении задания дирекции. Так и «дотянули» до 1953 года, когда, после смерти Сталина, потребность в подобных изысканиях естественным образом отпала.

Более сложные обстоятельства сложились у другого сотрудника ВСЕГЕИ — В.П. Нехорошева, который оказался задействованным непосредственно в ревизионных исследованиях на Рудном Алтае. В своей сводной работе под названием «Об ошибках и неправильных гипотезах в понимании особенности геологии и металлогении Алтая», переданной в 1952 году Западно-Сибирскому и Казахскому геолуправлениям, он сформулировал свое видение результатов ревизии, не отвечавшее тому, что от него ожидалось.

Вскоре в Мингео пришло письмо от главного геолога ЗСГУ, в котором Нехорошев обвинялся в попытках «оправдания взглядов врагов народа Григорьева, Котульского и Шахова» и в нежелании «разоблачения вредных теоретических взглядов врагов народа перед широким кругом советских геологов». Министерство отреагировало на полученный сигнал строгим выговором директору ВСЕГЕИ Л.Я. Нестерову и строгим выговором с предупреждением самому Нехорошеву «за составление неправильной и вредной некритической работы,... фактически берущей под защиту некоторые взгляды врагов народа», и снятием с должности начальника ревизионной партии В.С. Глазунова «за слабое руководство,... выпуск недоброкачественных работ, не отвечающих заданию по составлению специальных отчетов по ревизионным работам». О чем и доложило Совету министров СССР письмом от 16.07.1952 за № ПС-800с...⁵⁶⁾

Завидная сплоченность коллектива ВСЕГЕИ, тем не менее, не избавила его от тщательной негласной проверки на предмет выявления лиц, не вызывающих политического доверия. Сделано это было по распоряжению недавнего начальника над всеми лагерями ГУЛАГа, а затем министра геологии Захарова. Как информировал 10.11.1949 секретаря ЦК Г.М. Маленкова заместитель заведующего Отдела тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) В.И. Алексеев, из 486 сотрудников института 275 человек «имеют компрометирующие данные».⁵⁷⁾ То есть потенциальными кандидатами на увольнение становились без малого 57% всего коллектива! Быть может именно эта

ошеломляющая цифра и помогла сберечь славный геолкомовский коллектив от тотального разгона...

Примечания к главе 3

¹⁾ Центральный архив ФСБ РФ, следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 4.

²⁾ Речь идет о Комиссии по обследованию работы и состояния кадров ИГН АН СССР, учрежденной президиумом АН СССР в апреле 1949 г. под председательством академика П.П. Ширшова. В ее состав входили члены-корреспонденты АН СССР С.Ф. Федотов и Н.А. Цытович и доктора геол.-мин. наук М.И. Варенцов, К.А. Власов и Г.П. Горшков. Отчет о результатах обследования подписан 12 мая 1949 г.

³⁾ ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед.хр.7, л. 12.

⁴⁾ ЦАОДМ, фонд 7939, опись 1, ед.хр.1, л. 136, 137. На следующем собрании, состоявшемся 1 июня, выступавшие коснулись уже и научных аспектов работ Вологодина. По их совокупному мнению, поскольку текст постановления собрания был одобрен лишь при одном воздержавшемся, отмечалось, что «ископаемыми бактериями Вологдин занялся сравнительно недавно. В основу этих исследований было положено научно необоснованная фантастическая идея возможности различения в окаменелом состоянии бактерий и даже установления их видовых отличий и филогенетических связей» и что «работы Вологодина были рассчитаны на дешевый и временный эффект и не имели никакого научного и практического значения»^{*)}. Читать сегодня эту абракадабру без грустной улыбки невозможно, поскольку разрабатывавшийся Вологдиным в ПИНе метод идентификации ископаемых бактерий для целей корреляции ныне является повседневной практикой палеомикробиологических исследований во всем мире.

^{*)} Там же, л.143.

⁵⁾ РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед.хр. 158, л. 124-149.

⁶⁾ Протокол № 8 закрытого заседания Президиума Академии наук СССР, § 54 от 12 мая 1949г.^{*)} Подписан протокол президентом С.И. Вавиловым и главным ученым секретарем Президиума АН СССР А.В. Топчиевым.

^{*)} РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед.хр. 158, л. 97-109.

⁷⁾ Присутствовали на упомянутом заседании президент АН СССР С.И. Вавилов, вице-президенты И.П. Бардин и В.П. Волгин, главный ученый секретарь президиума АН СССР А.В. Топчиев, академики-секретари отделений А.Н. Заварицкий и А.И. Опарин, ученые секретари президиума АН СССР И.Е. Глушенко, Ю.А. Жданов, С.И. Костерин^{*)}, академики Д.С. Белянкин и П.П. Ширшов, члены-корреспонденты С.Ф. Федоров, Н.А. Цытович, Н.С. Шатский, сотрудники учреждений АН СССР Г.Д. Афанасьев (отделение геолого-географических наук), К.А. Власов, А.А. Сауков, Е.А. Радкевич, К.Р. Чепиков (ИГН АН СССР), М.И. Варенцов (Институт нефти), П.А. Борисов (управление кадров), В.А. Ковда, Е.В. Иванов (Отдел спецработ), Н.В. Лавров (Секретный отдел), секретарь партбюро президиума АН СССР В.П. Кириченко.^{**)}

Докладчиком от Комиссии по обследованию ИГН АН СССР был академик П.П. Ширшов. В последовавшем обсуждении приняли участие академики С.И. Вавилов, И.П. Бардин, В.П. Волгин, А.Н. Заварицкий, Д.С. Белянкин, П.П. Ширшов, член-корр. Н.С. Шатский и С.Ф. Федоров, проф. А.В. Топчиев, доктора геол.-минер. наук К.А. Власов, Е.А. Радкевич, К.Р. Чепиков, Г.Д. Афанасьев, М.И. Варенцов, А.А. Сауков.^{***)}

^{*)} Система введения в состав Президиума АН СССР, помимо главного ученого секретаря, также лиц, имевших должность просто ученого секретаря, была утверждена решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11.3.1949, по представлению Секретариата ЦК от 26.2.1949 (протокол 418, пункт 203). Первыми назначенцами на должность стали пять штатных партчиновников из Секретариата ЦК, включая трех названных выше. 19.12.1949 Политбюро расширило контингент ученых секретарей еще пятью лицами, теперь уже сотрудников АН СССР, каждый из которых представлял в Президиуме конкретное академическое Отделение (геолого-географических, физико-математических, химических, биологических и филологических наук). Приводимый в решении Политбюро порядок перечисления академических отделений, при котором ОГН оказался на непривычном для него первом месте, достаточно многозначен и является свидетельством происходивших вокруг ОГН в 1949г. событий.

^{**) РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед.хр. 158, л. 98.}

^{***)} Там же, л. 99

⁸⁾ РГАНИ, фонд 5, опись 17, ед.хр. 513, л. 85,86.

⁹⁾ РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед.хр. 158, л. 109.

¹⁰⁾ См. в сб. «АН СССР в решениях Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б) 1922-1952». Москва, изд-во РОССПЭН, 2000, с. 411,412.

¹¹⁾ Следственное дело М.П. Русакова Р 24213, т.2, л.269 оборотный.

¹²⁾ Если отбросить неизбежную для тех времен риторику, включавшую, в том числе, неверие (возможно, искреннее) в значимость изучения ископаемых бактерий для целей корреляции (см. примечание

4 к данной главе), то результативная часть постановления партсобраний Палеонтологического института выглядела вполне достойно. Она содержала два пункта:

«1. Изучение археоциат^{*)}, как важнейшей для стратиграфии кембрия группы, необходимо продолжать. В процессе дальнейших исследований необходимо организовать тщательную проверку как палеонтологических, так и стратиграфических выводов Вологодина.^{**)}

2. Необходимо организовать изучение сопутствующей фауны нижнего и среднего палеозоя, в связи с чем считать нецелесообразным ликвидацию лаборатории^{***)} или передачу ее в другое учреждение, а, наоборот, считать необходимым: а) непригодных для этой работы сотрудников (Мессинёва, Корде) из Института отчислить; б) комплектовать лабораторию новым работоспособным составом. Принято единогласно, при одном воздержавшемся (Мерклин).^{****)}

Даже воздержание от одобрения принимавшихся на бесчисленных собраниях политизированных резолюций отмечалось в те времена в исключительных случаях. Тем более следует отдать должное принципиальности и смелости Романа Львовича Мерклина, демонстративно не пожелавшего согласиться с духом принятого партийного решения...

^{*)} За заслуги в изучении археоциат А.Г. Вологдин был награжден 28.04.1947 Национальной академией наук Соединенных Штатов Большой бронзовой медалью Чарлза Д. Уолкотта.

^{**) Достаточно двусмысленно звучащая фраза... С одной стороны, она как бы свидетельствует, в угоду начальству, что голосовавшие призывают себя и других к бдительности по отношению к наследию «вредителя» Вологодина, а с другой, содержит подспудный призыв к дирекции Института по возможности минимизировать последствия ареста ведущего ученого и «не выплескивать с водой ребенка».}

^{***)} Созданная Вологдиным в ПИН АН СССР Лаборатория древнейших организмов.

^{****)} ЦАОДМ, фонд 7939, опись 1, ед. хр. 1, л. 144.

¹³⁾ Этические проблемы, связанные с историческим анализом периода сталинских репрессий, неизбежно встают перед каждым, кто предпринимает попытку в них разобраться. Невозможно избежать упоминания фамилий тех, кто занимал тогда ключевые посты во власти или ее администрации и без удержу, с нутряным злорадством, отдавался преследованию и охаиванию своих вчерашних безвинно пострадавших коллег. Но на каждого из таких запевал всегда приходилось десятки, если не более, рядовых хористов, которых беспощадная власть насильственно принуждала становиться ее подпевалами. И вот об этом контингенте, об их потомках никто не вправе забывать, приспособливая к себе перо историка.

Приведу в подкрепление к этим рассуждениям слова главного архитектора гласности в перестроечные времена, сыгравшего основополагающую роль в возвращении доброго имени миллионам безвинных жертв сталинского режима, А.Н. Яковлева: «Многих двойников (то есть негласных агентов силовых органов — А.Б.) я знаю, знаю даже их клички, но обещаю эти знания унести с собой».^{*)}

^{*)} А.Н. Яковлев. Сумерки. Москва, изд-во «Материк», 2003, с. 401.

¹⁴⁾ Стенограмма сессии Ученого совета ИГН АН СССР от 15.11.1948. Архив РАН, фонд 1612, опись 1, ед. хр. 108, л. 7.

¹⁵⁾ Les prix Nobel 1980. Stockholm, 1981, s. 237; см. также: Лауреаты Нобелевской премии по литературе. Лауреаты 1901-2001. Изд-во С.-Петербургского университета, 2003, с. 253.

¹⁶⁾ А.Н. Заварицкий. Гора Магнитная и ее месторождения железных руд. Вып. 1, часть 1. Труды Геолкома, новая серия, вып. 122, Петроград, 1922.

¹⁷⁾ Речь идет о следующей фразе из предисловия автора монографии: «Работа была закончена и представлена к печати в 1915 году, но ее появление в свет задержалось сначала теми техническими затруднениями, с которыми было сопряжено печатание во время войны, а затем революцией и последовавшим за ней разгромом всей прежней русской жизни и русской культуры». Эти строки, в экземпляре книги, хранящемся в библиотеке ИГЕМ РАН, подчеркнуты красным карандашом, который впоследствии пытались стереть ластиком, но следы подчеркивания сохранились до сего дня.

¹⁸⁾ За несколько недель до рецензируемого партсобраний ИГН на имя министра геологии П.А. Захарова, заместителя начальника Первого главка при СМ СССР, преобразованного после ареста 26.06.1953 начальника главка Л.П. Бери в Министерство среднего машиностроения, А.П. Завенягина и партчиновника из ЦК ВКП(б) Н.А. Борисова было направлено экспертное заключение по делу И.Ф. Григорьева. Касалось оно участия последнего в работе созданного 19.12.1945, для руководства и контроля работ по поискам и разведкам месторождений урана, Научно-технического совета при Мингео. В заключении, подписанном сотрудниками Мингео и Первого главка А.Д. Ершовым, М.М. Константиновым, Д.Я. Суражским и Е.М. Янишевским, упоминался и А.Н. Заварицкий. Упоминался в весьма неприглядной форме, которую при необходимости несложно было трансформировать в обвинение во «вредительстве»: «Академик А.Н. Заварицкий — один из самых пассивных членов Совета. За 3,5 года не сделал ни одного доклада, не участвовал, за редким исключением, в анализе отчетов экспедиций и крайне нерегулярно присутствовал на заседаниях. Не работал и не желал работать по геологии А-9 (один из использовавшихся шифров урана — А.Б.). Совершенно бесполезный член совета».^{*)}

^{*)} Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 254.

¹⁹⁾ Лицу, которому принадлежали столь радикальные призывы, в страшном сне не могло присниться, что им самим заинтересуются на Лубянке, и десять месяцев спустя, 20.03.1950, двухчасовой

допрос Григорьева будет полностью посвящен вопросам о нем. Ничего доброго, по части его профессионализма, несмотря на докторскую степень, бывший директор не сказал. Говорил о неудавшейся попытке дирекции отчислить его в 1947 г. из ИГН, с переводом в один из НИИ Мингео, о малоразборчивости в финансовых вопросах и, минуя дирекцию, волонтаристских контактах с Госпланом, но политические наветы в протоколе показаний допрашиваемого полностью отсутствовали.^{*)}

^{*)} Там же, л. 295-299.

²⁰⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 117, ед. хр. 917, л. 36-41.

²¹⁾ Архив ИГЕМ РАН, фонд 1612, № 125, л. 94.

²²⁾ РГАНИ, фонд 5, опись 17, ед. хр. 513, л. 8. На письме сотрудников ИГН АН СССР — запись адресата: от 26.03.1955: «Т.т. Румянцеву А.М., Рудакову А.П. Прошу принять т.т. Сморчкова и Никифорову. Хрущев». Как сообщили 11.06.1955 в ЦК КПСС заведующий Отделом науки и культуры ЦК Румянцев и инструктор Отдела Ф. Шутлив, беседа со Сморчковым и Никифоровой, а также с секретарем партбюро ИГН Ф.К. Шипулиным, проведена».^{*)}

^{*)} Там же, л. 94-97.

²³⁾ Летом 1949 г. Н.С. Шатский был освобожден в МГРИ от должности заведующего кафедрой исторической геологии за отрыв «от производства и практики», как сформулировал свои претензии директор института Ф.В. Котлов (см. в данной главе ниже). В письме на имя начальника Главного управления горно-металлургических вузов Министерства высшего образования СССР С.К. Концова от 15.08.1949 он так определил мотивы, на основании которых Шатский был переведен на вакансию рядового профессора кафедры исторической геологии: «... будучи заместителем директора ИГН АН СССР, провалил научно-исследовательскую работу и решением Президиума АН СССР отстранен от работы. Шатский часто критиковался в Институте (МГРИ – А.Б.) за свои отдельные идейно-политические ошибки. В 1946г. им была публично высказана космополитическая идея интернациональной науки. В 1948 г. при обсуждении учебника Крейтера Шатский на Ученом совете пытался смягчить критику в адрес Крейтера». И в завершение напомнил адресату, что тот еще до настоящего письма «дал устное согласие на освобождение Шатского» и потому просит это согласие «подтвердить письменно».^{*)} Полгода же спустя, в феврале 1950 г., руководители Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В.С. Кружков и Ю.А. Жданов рекомендовали президенту АН СССР С.И. Вавилову изъять из списка претендентов на вакансию академика по специальности «Общая геология» члена-корреспондента Н.С. Шатского, у которого имелись явные шансы быть избранным при тайном голосовании. Ученый, по мнению партчиновников, «свою научную деятельность не увязывает с задачами народного хозяйства страны и был близок к врагу народа бывшему директору Института геологических наук академику И.Ф. Григорьеву, являясь его заместителем».^{**)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 132, ед. хр. 217, л. 118-121.

^{**)} Там же, опись 118, ед. хр. 736, л. 114.

²⁴⁾ Одним из элементов «перестройки» стало, например, волонтаристское решение новой дирекции о закрытии темы Б.П. Кротова, который тоже подпадал под категорию «засоряющих» штат Института, по причине своего непролетарского происхождения.^{*)} На обращение к докладчику, почему исключена из плана, как неактуальная, эта тема, Власов ответил: «Она неактуальна по сравнению с другими, более первоочередными».^{**) А в связи с еще одним вопросом, каковы же все-таки первые результаты перестройки, честно признался, что «к этому вопросу не подготовился».^{***)}}

^{*)} Как в свое время рассказывал мне профессор ВИМС Я.Д. Готман, его удивило единогласное голосование в Ученом совете ИГЕМ при защите в 60-х гг. докторской диссертации Н.А. Хрущовым. Обычно при таких голосованиях хотя бы один голос оказывался против, и в ИГЕМе при этом в частных разговорах грешили на Кротова. На вопрос Готмана, как это Кротов не кинул ему «черный шар», Николай Александрович, усмехнувшись, ответил: «А нас обоих выгоняли из студентов Горного института за непролетарское происхождение...» К слову, в ту же передрагу 1924 г. попал и будущий фигурант «Красноярского дела» В.Н. Доминиковский, который на допросе 09.04.1949 рассказывал следователю, в ответ на вопрос, зачем скрывал социально происхождение родителей, что «в 1924 году я учился в Ленинградском горном институте, из которого был исключен в связи с чисткой студентов как сын торговца-нэпмана»; следственное дело Р24207 В.Н. Доминиковского, л. 25-29.

^{**) ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед. хр. 7, л. 63.}

^{***)} Там же, л. 64.

²⁵⁾ «О кадрах — вот есть люди (Вольфсон), которые вокруг себя создают коллектив, школу; это их будущее. Но для того чтобы наметить и подобрать нужные кадры, надо вложить много сил, еще больше их надо, чтобы воспитать своих молодых сотрудников. Я видел отчеты этих молодых, только что кончивших, сотрудников. Они произвели на меня очень хорошее впечатление. Надо и другим воспитывать так кадры».^{*)}

^{*)} ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед. хр. 7, л. 66.

²⁶⁾ РГАНИ, фонд 5, опись 17, ед. хр. 513, л. 85 (см. также приложение 2).

²⁷⁾ Иван Федорович Григорьев, геолог-рудник по образованию. Утвержден инструктором управления кадров ЦК ВКП(б) 03.07.1939.^{*)} Куратор по кадровым вопросам, касавшимся геологических организаций. Присутствовал и выступал на партийном собрании ИГН АН СССР, состоявшемся 14-

16.06.1949. Во второй половине 1949 г. был уволен из ЦК ВКП(б) и переведен на преподавательскую работу в Московский геолого-разведочный институт.

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 116, ед. хр. 10, пункт 6.

²⁸⁾ РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед. хр. 876, л. 55.

²⁹⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 134, ед. хр. 198, л. 33-41.

³⁰⁾ ЦАОДМ, фонд 7334, опись 1, ед. хр. 2, л. 142, 143.

³¹⁾ ЦАОДМ, фонд 8156, опись 1, ед. хр. 9, л. 16, 21.

³²⁾ Там же, л. 103-172; далее номера листов указываются в тексте.

³³⁾ Там же, л. 92 обор. Для Мархина это выступление даром не сошло. При обеспечении в 1949-1950 гг. студентов старших курсов допусками к секретным работам он допуск не получил и вынужден был после окончания МГРИ в 1951 г. уехать в Среднюю Азию на угольное месторождение, где допуска не требовалось. Проработал там до 1954 г. и лишь после реабилитации фигурантов «Красноярского дела» смог стать аспирантом Камчатской лаборатории вулканологии АН СССР.

³⁴⁾ В следственном деле В.М. Крейтера хранятся в отдельно подшитом конверте, пронумерованном как лист 187, пять заявлений его жены в адрес МГБ СССР. В первом из них, датированном 21.06.1949, она нижайше просит разрешить «получение зарплаты мужа (в Московском институте цветных металлов и золота — А.Б.)... за первую половину мая (до момента ареста 21-V-49 г.)», поскольку «меня уволили с работы,... и я с ребенком нахожусь в очень затрудненном положении» На листке том — энергичное распоряжение высшего начальства с неразборчивой росписью: «т. Болховитину. Без ответа» и соответствующая резолюция последнего: «Тов. Седов. Воздержитесь от дачи разрешения. 8.7.49».

В письме от 15.09.1949, третьим по счету, она обращается уже к самому министру В.С. Абакумову. Сообщает ему, что все попытки устроиться на работу «оказались безрезультатными», хотя «в специалистах моего профиля очень нуждаются», и просит помочь ей получить «какую-нибудь работу по моей специальности из подведомственных Вам организаций». Никаких слов ответных реакций на это письмо, как и на второе и четвертое, от 23.07 и 08.10.1949, нет. Лишь на последнем письме от 06.12.1949 со вторичным обращением «разрешить передать деньги и теплые вещи моему мужу» появляется положительный ответ следователя Болховитина, датированный 06.06.1950: «т. Тельнов. Разрешение на вещи и деньги дано. Жена Крейтера извещена».^{*)}

^{*)} Следственное дело В.М. Крейтера Р24230, т. 2, л. 187.

³⁵⁾ ГАРФ, фонд 9396, опись 1, ед. хр. 279, л. 325.

³⁶⁾ Гнев доморощенного «идеолога» Котлова в данном случае был вызван очевидным подтекстом выступления Крейтера, подразумевавшим полную бессмысленность обсуждения геологами разногласий между лысенковцами и представителями традиционной школы генетиков. К слову, подобные обсуждения в упомянутых вузах проходили отнюдь не по доброй воле их руководства, а по указанию Агитпропа. В частности, прошли они и в академическом Институте океанологии, где одним из жертв поголовного обсуждения итогов сессии ВАСХНИЛ стал известный ихтиолог Т.С. Расс. На созванной по этому случаю конференции секретарь партбюро высказал ему следующую претензию — поистине шедевр пустословия: «Говоря о переделке природы морей, он сказал, что считает возможным переселять организмы только в подходящие водоемы. Если так думает проф. Расс, то это будет противоречить учению Мичурина».^{*)}

^{*)} ЦАОДМ, фонд 2971, опись 1, ед. хр. 1, л. 98.

³⁷⁾ ЦАОДМ, фонд 1159, опись 1, ед. хр. 13, л. 82, 155.

³⁸⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 132, ед. хр. 270, л. 20-22.

³⁹⁾ Этот бредовый изыск Синягина явно был почерпнут из материалов только что прошедшей в первой половине 1949 г. массовой пропагандистской кампании «борьбы с космополитизмом и преклонением перед Западом». Хотя возведение П.С. Палласа, члена Петербургской академии наук, жившего и работавшего в России с 1767 года, в разряд «фашиста» — это уже личная творческая находка новоиспеченного заместителя директора по научной части одного из ведущих вузов страны...

⁴⁰⁾ Как увидим в разделе, касающемся МИЦМЗ, это поручение коллег из МГРИ там услышано не было. На партийном собрании, состоявшемся 24.01.1950 и, в соответствии с повесткой дня, посвященном рассмотрению материалов прошедшего в декабре 1949 г. пленума Московского комитета ВКП(б), на котором был снят с занимавшихся постов секретарь ЦК и первый секретарь МК ВКП(б) Г.М. Попов, ни одного из упомянутых в поручении фамилий «крейтеровцев» в зале не прозвучало. Если не считать секретаря партбюро Н.И. Егорова, который в отчетном докладе вскользь упомянул, что «коммунисты-геологи Зенков, Козеренко, Лазько, Вольфсон» проявили «отсутствие большевистской принципиальности».^{*)} О самом же Крейтере вспомнили в прениях лишь единожды, а в решении собрания его аресту уделено лишь шесть строчек одного абзаца. Руководство МИЦМЗ воспользовалось, надо думать, тем обстоятельством, что формально Владимир Михайлович состоял в штате института менее года, в публичных обсуждениях учебника 1940 года издания ученый совет вуза участия не принимал, и потому дирекция, в меру возможностей, почла за лучшее избежать дополнительной шумихи. Что для МГРИ заведомо было исключено.

^{*)} ЦАОДМ, фонд 400, опись 2, ед. хр. 11, л. 46.

⁴¹⁾ В подтверждение сказанного приведу стихотворное свидетельство еще одного участника того комсомольского собрания — студента РФ-48-1 Николая Андреевича Савостьянова, первого президента Евразийского геофизического общества (ЕАГО):

Мы в студенческом вареве
Стали вскоре дружны.
Много истин познали здесь,
Но довольно и лжи.

Как Котлов — наш директор, —
Юным «пудрил мозги»,
Что Григорьев и Крейтер —
Это наши враги.

С чувством смутным и тягостным
Его слушали мы,
И сидели безрадостно,
Не подняв головы...^{*)}

^{*)} В сб. «Геофизический факультет МГРИ-МГГРУ. 75 лет». Москва, 2005, с. 240.

⁴²⁾ ЦАОДМ, фонд 400, опись 2, ед.хр. 11, л. 45,46

⁴³⁾ Там же, л. 10, 12. По части «покаяний» у Д.А. Зенкова, председателя месткома МИЦМЗ, имелась своя подспудная необходимость. В институте он был близок Крейтеру и неоднократно встречался с ним в неформальной обстановке. Естественно, он не мог не думать, что его фамилия так или иначе может всплыть во время допросов. Что и имело быть...^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 1, л. 89-91.

⁴⁴⁾ Там же, л. 29.

⁴⁵⁾ Ордер на арест В.К. Котульского и обыск в его квартире подписан начальником УМГБ Ленинградской обл. 10.05.1949. Обыск проводился с 18³⁰ 10-го и завершен был в 3⁵⁰ 11 мая.^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24229 В.К. Котульского, т. 1, л. 8.

⁴⁶⁾ ЦАИПД, фонд 2272, опись 3, ед.хр. 12, л. 39. Тема «космополитизма» Б.К. Лихарева возникала и при допросах на Лубянке. Во время очной ставки между ним и Я.С. Эдельштейном состоявшейся 29.11.1949, в протоколе имеется следующая фраза, приписываемая Лихареву: «Мы (с Эдельштейном — А.Б.) негодовали, что космополитические работы выводятся на чистую воду. В этой связи мы злословили, заявляя, что в советской действительности так уж заведено, что чуть ли не каждого обвиняют в космополитизме и преклонении перед иностранщиной, низкопоклонстве, что, мол, является необъективной мерой со стороны властей».^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 162,163.

⁴⁷⁾ Репрессированные геологи. Москва—С.-Петербург, 1999, с. 25. А в письме министра геологии СССР П.А. Захарова на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова от 13.08.1949 о снятии с поста директора ВСЕГЕИ Е.О. Погребницкого давалась ему следующая характеристика: «За время его работы во ВСЕГЕИ институт не разрешил ни одной существенной проблемы, в политическом отношении оказался близоруким и допустил засорение кадров чуждыми и враждебными к Советской власти специалистами».^{*)} Решением же Ленинградского горкома ВКП(б) от 03.08.1949, после полученного из Мингео СССР предложения, была принята такая формулировка увольнения: «за слабое руководство и засоренность института социально чуждыми элементами».^{*)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 118, ед. хр. 526, л. 229.

^{**)} Там же, л. 231.

⁴⁸⁾ ЦАИПД, фонд 2272, опись 3, ед.хр. 12, л. 90.

⁴⁹⁾ Там же, л. 94-99.

⁵⁰⁾ К.А. Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, изд-во «Вече», 2000, с. 210.

⁵¹⁾ ЦАИПД, фонд 2272, опись 3, ед.хр. 12, л. 100-101.

⁵²⁾ Там же, л. 103.

⁵³⁾ В связи с 60-летием ученого, состоявшегося 08.02.1947. Его заслуги в науке были отмечены тогда присуждением почетного звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР и награждением орденом Ленина, который был отобран у него после этапирования в Москву при обыске во Внутренней тюрьме МГБ СССР на Лубянке.^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24295 Б.К. Лихарева, л. 12.

⁵⁴⁾ ЦАИПД, фонд 2272, опись 3, ед. хр. 12, л. 112.

⁵⁵⁾ Недостойные инсинуации М.В. Куликова в те драматичные для отечественной геологии годы секретом для здорового коллектива ВСЕГЕИ не остались. По воспоминаниям ветеранов института, в частности В.В. Жданова, отчуждение, создавшееся вокруг него, носило отчетливо демонстративный характер. На него чуть не показывали пальцем, что лично им переносилось стойчески. Покинул он институт в 1979 г., уйдя на пенсию в возрасте 66 лет...

⁵⁶⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 134, ед.хр. 196, л. 96-102

⁵⁶⁾ Там же, опись 118, ед. хр. 593, л. 10.

Глава 4 ГЕОЛОГИЯ ПОД АРЕСТОМ

В настоящей главе будут рассмотрены обвинения, предъявлявшиеся следствием арестованным фигурантам «Красноярского дела». Основанием для подобного рассмотрения станут следственные дела из архива ФСБ РФ, разрешение на просмотр которых было получено автором. Как отмечено во введении, из 28 дел полностью было просмотрено одиннадцать. Именно они и послужат тем костяком, на основе которого излагается фактический материал.

Приступая к изложению, уместно отметить некоторые особенности используемых в данной главе следственных протоколов. Протоколы те составлялись и подписывались не по ходу допроса, как положено, а впоследствии — так сказать в камеральной обстановке. Соответственно, несколько дней спустя подписывали их и подследственные.

В своих заявлениях, направлявшихся в 1953 году в разного рода государственные учреждения, все оставшиеся в живых осужденные по «Красноярскому делу», как еще раз об этом будет сказано ниже, не сговариваясь, утверждали, что выдававшиеся им для ознакомления протоколы следствия являлись злонамеренно фальсифицированными. Нередко они переписывались следователями по несколько раз кряду и заново подписывались обвиняемыми. Подписи же подследственных выбивались угрозами. Если меры эти не давали требуемых плодов, несговорчивых отправляли в ледяной карцер Сухановской тюрьмы, где они, раздетыми, проводили стоя по много часов.

Фальсифицировалось не только содержание подготовленной следователями липы. Читая протоколы, не раз приходилось сталкиваться с повторами ранее читавшихся текстов в более поздней документации. Причем не в строках или абзацах, а целыми страницами такого дуближа. Возможно, с целью лишний раз выслужиться перед начальством объемом добытой у «врагов народа» обличающей их информации.

В качестве примера приведем протоколы допросов А.Г. Вологодина от 12 и 25 апреля 1949 г. по части сокрытия им от советского правительства «урановых смолоток или иных минералов с радиоактивными элементами». В первый раз этот пассаж занял семь листов протокола (л. 41-47 следственного дела Р24208, т. 1), а его повтор (с некоторыми исключениями) — четыре (там же, л. 105-108).

Все это следует учитывать при прочтении настоящей главы, особенно в тех ее частях, где приводятся заковыченные, то есть якобы подлинные, слова фигурантов этого постыдного дела...

I

Академик И.Ф. Григорьев

Среди первых девяти узников Внутренней тюрьмы МГБ СССР, санкцию на арест которых получил 30.03.1949 на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) министр МГБ СССР В.С. Абакумов, был директор Института геологических наук И.Ф. Григорьев. На предварявшем допросе, состоявшемся 1 апреля и продолжавшемся три часа, с 15⁰⁰ по 18¹⁷, следователь по особо важным делам Следчасти МГБ подполковник Гаркуша зафиксировал следующие сведения.

Родился в 1890 г. в Ленинграде¹⁾ в семье подрядчика, имевшего в Петербурге два дома и мастерскую по изготовлению резной мебели «с применением рабочей силы в количестве 10 человек рабочих». Семья состояла из отца, матери, двух сыновей и четырех дочерей. В 1916 г. закончил Горный институт и поступил в марте 1917 г., по призыву, в юнкерское пиротехническое артиллерийское училище, которое закончил в июле того же года и был направлен в чине подпоручика в Архангельск. Там служил в частях, охранявших стоявшие в порту американские, английские и французские суда, на которых были доставлены для армий союзной России «боеприпасы и взрывчатые материалы».

Служба в условиях следовавших друг за другом двух революций продолжалась недолго, и вскоре он вернулся в Петроград, где, в соответствии с полученным высшим образованием, поступил на работу в Геологический комитет. Время было тяжелое, существование в условиях начавшейся Гражданской войны близко к полуголодному. Потому группа ведущих геологов Геолкома, специалистов по Сибири, во главе с наиболее опытным из них Я.С. Эдельштейном, решила выехать летом 1918 г. на Восток для проведения полевых исследований вместе с семьями. Среди них оказался и молодой И.Ф. Григорьев.²⁾

В Сибири, где власть тогда перешла в руки А.В. Колчака, начал функционировать свой, расположившийся в Томске, Геолком. Возглавлялся он опытным, хорошо знакомым приехавшим, геологом П.П. Гудковым, одним из министров колчаковского правительства. Григорьев по приезде поступил в распоряжение приехавшего вместе с ним В.К. Котульского, назначенного Гудковым вице-директором Сибирского геолкома. «По заданию Геологического комитета, — сообщал далее следователю арестованный, — я занимался составлением карты полезных ископаемых Алтайского горного округа, описанием рудных месторождений, а также геологической съемкой Змеиногорского района».³⁾

Приводимые сведения записаны от руки, на двух бланковых разлинованных листах, следователем, проводившим допрос, и подтверждены собственноручной подписью допрашиваемого. Существенно в иной форме предстает протокол следующего допроса, состоявшегося 14 апреля и оформленного в машинописном виде. На его первом из восьми листов отмечено время начала допроса 14⁰⁰, но нет времени его окончания. Ни на одном из этих листов нет подтверждающей подписи обвиняемого в правильности записанного с его слов⁴⁾; на всех остальных многих десятках листов протоколов и очных ставок, оформленных позднее, такие подписи имеются, — как положено, на каждом листе. Объяснить это бросающееся в глаза несоответствие помогла подшитая к следственному делу Григорьева копия протокола допроса уже иного персонажа драмы — недавнего заместителя начальника Следчасти МГБ полковника Л.Л. Шварцмана, арестованного 13.07.1951,⁵⁾ на другой день после ареста верхушки МГБ СССР, включая министра Абакумова (см. примечание 9 к данной главе).

На вопрос следователей по особо важным делам МВД СССР капитана Пичугина и капитана Байкова о его причастности к делу геологов, он сообщил, что в конце марта 1949 г.⁶⁾ его вызвал министр МГБ В.С. Абакумов «и передал заявление работника редакции газеты "Правда" Шестаковой. К моменту моего разговора с Абакумовым был произведен арест девяти работников Министерства геологии,⁷⁾ в том числе Григорьева, Баландина, Эдельштейна и других. По заявлению Абакумова, этому делу придавалось большое значение, и мне он поручил... развернуть следствие с ежедневным докладом ему о результатах допроса арестованных. Некоторых арестованных Абакумов впоследствии вызывал на допрос и сам, в том числе Григорьева, в отношении которого с его санкции применялись физические меры воздействия».⁸⁾

Будучи арестованным в июле 1951 г., в рамках традиционных для режима Сталина периодических «чисток» на верхах силовых органов, Абакумов⁹⁾ заявил на допросе 10.08.1951, что «в ЦК ВКП(б) меня и моего заместителя С.И. Огольцова неоднократно предупреждали о том, чтобы наш чекистский аппарат не боялся применять меры физического воздействия к арестованным — шпионам и преступникам»...¹⁰⁾

Позволительно полагать, что именно в промежутке между первым, сразу после ареста, допросом 1 апреля и упомянутым выше странно оформленным протоколом допроса, датированным 14 апреля, и состоялась очная встреча Григорьева с министром Абакумовым, итогом которой стало распоряжение о применении мер физического воздействия. Оттого 14 апреля допрос вел уже новый следователь, из числа тех, кто считался мастером по вышибанию из арестованных показаний, которых требовало от них следствие. Таковым стал помощник начальника Следчасти по особо важным делам

А.Г. Леонова (в 1954 г. расстрелянного вместе с Абакумовым) — подполковник Болховитин.

Потому и не оказалось в следственном деле протокола допроса от 14 апреля, удостоверенного подписью допрашивавшегося. Как и нет в имеющемся тексте, явно сфальсифицированном Болховитиным, времени окончания допроса. Потому что признательные показания, якобы данные Григорьевым, принадлежали полностью перу Болховитина, а сам Григорьев именно в этот день познал на себе «меры физического воздействия». В итоге к 12 мая Иосиф Федорович был вполне «подготовлен» к ожидавшему его допросу, который вел сам Шварцман. Стенограмма его занимает 50 листов машинописного текста, на каждом из которых есть личная подпись допрашиваемого. В том числе на тех из них, где от его имени утверждался откровенно безграмотный вздор. Чтобы убедиться в таких несоответствиях, отвлечемся на время от допроса 12 мая и рассмотрим протокол, датированный 23 августа. Закрепленный за Григорьевым следователь Болховитин в тот день, видимо, находился в отпуске или отсутствовал по другой причине, и допрос вел другой следователь — майор Попов.

Ссылаясь на его «признания» 12 мая, Попов задает ему вопрос по части якобы злонамеренного затягивания им разведки Сорского молибденового месторождения. Григорьев профессионально разъясняет (и Попов дословно фиксирует его ответ!), что названное месторождение являлось объектом Наркомцветмета и в его компетенцию не входило. «Но, — продолжил он далее, — мне было известно, что руда на большой глубине не окислена, обогащению не поддается, и это затрудняло ее использование».

Следующий вопрос — о радиоактивных точках, выявленных поисковыми партиями в 1945-46 гг. Будучи в те годы главным геологом Первого главка Мингео, отвечавшим за поиски уранового сырья, он компетентно разъясняет, что поисковые партии, работавшие в те годы от Красноярского геолуправления, «урана почти не обнаружили, если не считать содержаний в одну-две сотых процента. Имеется несколько точек в девонских песчаниках, которые имеют повышенную радиоактивность благодаря наличию урана, но также с весьма бедным содержанием. Это обнаружил в 1945 или 1946 году геолог Красноярского управления Шнейдер.¹¹⁾ Другие точки повышенной радиоактивности мне не известны».

Последний вопрос следователя Попова о главном геологе Коунрада в 1938-1941 гг. Дудковском вызвал, как и выше, вполне разумный по звучанию ответ: «На руднике был проездом в 1936 году, когда главным геологом являлся Галкин Борис Иванович. Кто был главным геологом после Галкина, мне не известно».¹²⁾

И на фоне приводимого диалога — протокол последовавшего два месяца спустя, 26 октября, очередного допроса, теперь уже снова в исполнении Болховитина. Объем записей в протоколе столь же невелик, как и в предыдущем — шесть листов машинописи. Но какой поток домыслов и грязи, приписываемых подследственному и подтверждаемых его подписями, сумел вписать в эти шесть страниц злостный фальсификатор Болховитин!..

На вопрос, подтверждает ли он, что, работая в Мингео, установил «антигосударственную практику работ, чем тормозились поиски и разведки полезных ископаемых», подследственный якобы с готовностью отвечает: «Подтверждаю». И тут же высказывает, как глаголит протокол, пожелание разделить «свою вину за допущенные антигосударственные действия с бывшим... министром геологии Малышевым, который, как первый руководитель центральных геологических учреждений, задавал тон в работе». Но одним Малышевым приписанные Григорьеву признания не обошлись. Наметились, для счета, еще одна жертва — начальник сектора природных ресурсов Госплана СССР А.А. Алексеев, который «никогда не ставил задачи планирования новых отраслей промышленности и освоения новых районов», хотя ему «следовало ввести в практику... промышленных министерств различные вопросы горно-геологической экономики», но «он этого не делал».¹³⁾

И здесь самое время остановиться, дабы объяснить кажущуюся непоследовательность автора. Отчего при цитировании в главе 3, из-за этических соображений, не упоминались фамилии некоторых из выступавших с филиппиками на партсобрании ИГН АН СССР и почему в данном случае, и ниже тоже, эти ограничения оказались отброшенными. Веские причины для такой, казалось бы, непоследовательности имеются, и они представляются автору очевидными.

В главе 6, в которой будут рассматриваться архивные материалы, относящиеся к реабилитации 31 марта 1954 года всех фигурантов «Красноярского дела», сфабрикованного на Лубянке и освященного на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), читатель сможет убедиться, что все те, кому удалось дожить до конца сталинского правления, не сговариваясь, находясь за тысячи километров друг от друга, категорически отказались от приписывавшихся им показаний, как не отвечавших действительности. Столь же дружно они утверждали в своих прошениях о пересмотре дел, что подписи добивались от них путем использования недопустимых методов следствия.¹⁴⁾

Григорьев не дожил до этих дней. Но хотя он, как и другие, был сломлен бесчеловечными пытками и готовившиеся следователем липовые протоколы скреплял своими подписями, на последнем этапе следствия все же нашел в себе силы категорически отказаться от завершающей подписи под обвинительным заключением.¹⁵⁾ Единственный из 28-ми. Предупредив тем самым потомков не верить ни одному слову, приписанному ему преступными допросчиками. Касается это и упоминаемых в протоколах фамилий — и тех, кто уже был арестован, и кого на Лубянке поставили на очередь...

Вот как, например, живописался в протоколе от 12 мая 1949 года эпизод с отъездом группы геологов в 1918 году на полевые работы из Петрограда в Сибирь:

«Советской власти служить нам не хотелось и, отбывая положенные часы в Геолкоме, саботировали решения правительства, скулили и злословили по его адресу, а когда уже стало невтерпёж, решили бежать к белым, в Сибирь... Достали мягкий вагон с направлением "на Восток" для мнимого участия в разведках золота, погрузились, каждый со своим семейством и личным имуществом, и 11 июля 1918 года тронулись в путь».¹⁶⁾

«Дней за десять добрались до Свердловска, к которому уже приближались войска белых, дождались их прихода и — снова в дорогу. В августе 1918 года мы прибыли в Омск, к министру "временного сибирского правительства" Павлу Гудкову. Эдельштейн его знал и раньше, по геологической работе в Сибири, а с Котульским оба они окончили Петроградский горный институт. Высокий, но тщедушный фигурой Гудков, балагурия и посмеиваясь над нашими злоключениями в пути, гостеприимно встретил приезжих... Всем нам были оформлены новые командировочные свидетельства от министерства промышленности колчаковского правительства...» (л. 68).

«После поражения Колчака и разгона его Геологического комитета, проработав еще одно лето в поисковых партиях, осенью 1920 года мы погрузили в две теплушки личное добро и добытых в Сибири свиней, гусей и прочую живность и с теми же Эдельштейном и Котульским во главе двинулись в обратный путь, в Ленинград» (л. 72).

«Жалея "промпартийцев",¹⁷⁾ я, Смирнов (академик С.С. Смирнов — А.Б.) и Котульский ополчились против карательной политики советского правительства. Злонамеренный скептицизм вызывали у нас пятилетние планы, особенно по горной промышленности, и стахановское движение, которое в нашем представлении являлось не более чем кратковременным эпизодом, не могущем произвести коренную ломку старых производственных норм» (л. 75-76).

«Эдельштейн и его сторонники Лихарев и Мефферт взяли курс на саботаж мероприятий правительства и отход от практического участия в налаживании геологической службы в стране, а Котульский, я и Тетяев, не отказываясь от изучения полезных ископаемых, по существу вредительски направляли разведочные работы... Актом саботажа был отказ в 1928 году от работы заведующим угольной секции Геокома Бориса Мефферта,¹⁸⁾ ближайшего сподвижника Эдельштейна, как и уход в последующем

самого Эдельштейна — в географический, а Вологодина — в палеонтологический институты, чтобы погрузиться в "чистую науку", подальше от поисков полезных ископаемых» (с. 77-78).

«При выборе объектов под разведки мною умышленно не отделялось важное от второстепенного и, под предлогом отсутствия подготовленных кадров или оборудования, в первую очередь включались в план случайные находки последних лет, а крупные районы отодвигались на вторую очередь... Во вражеской деятельности я опирался на Владимира Крейтера, профессора Московского геолого-разведочного института, и Михаила Русакова, действительного члена Академии наук Казахской ССР» (с. 81).

«В 1929 году при экспертизе месторождения Алмалык в Узбекистане я умышленно не оценил его как крупный объект медно-порфировых руд... Разведки на этом месторождении мною были задержаны на три года. В 1946 году, являясь главным геологом 1-го главного управления Мингео, я умышленно рекомендовал сократить ассигнования на разведки уранового месторождения Бештау на Северном Кавказе, ограничившись поисками первичных руд на глубине, но мое предложение было отклонено. В итоге проведенных работ с более крупными ассигнованиями в месторождении Бештау выявлено уже несколько десятков тонн разведанного урана» (л. 86-87).

Здесь настойчиво напрашивается сопроводительный комментарий. Упомянутое урановое месторождение, рядом с которым впоследствии возник город Лермонтов, оказалось в курортной зоне, близ Минеральных Вод Ставропольского края. Его разведка требовала объемных вскрышных работ, при весьма незначительном содержании руды в приповерхностных частях рудоносной зоны. Отсюда и разумное предложение — сосредоточиться на поисках на глубине более богатых первичных руд. Вписанная же невежественным следователем, от имени Григорьева, констатация об обнаружении в приповерхностных толщах «нескольких десятков тонн разведанного урана» ничего кроме саркастической улыбки вызвать не может...

Однако продолжим выборочное цитирование перлов из протокола допроса, каждый из 50-ти листов которого, повторимся, удостоверен личной подписью допрашиваемого.

«Возглавляя Институт геологических наук, я умышленно пренебрегал оказанием помощи народному хозяйству и работникам промышленности в вооружении их детально разработанной теорией геологических процессов и не уделял внимания обобщающим теоретическим работам, посвященным основным разделам геологических наук. Начатое Геолконтролем сокращение нерационально дальних перевозок сырья и перераспределение добычи поваренной соли, по моей вине (и здесь успел "навредить" вездесущий академик — А.Б.) затянулось» (л. 88).

Интеллектуально подкованный полковник Шварцман, насладившись бредовыми размышлениями о перевозках и добыче поваренной соли, круто переключает тему «показаний» на иные материи и отдает команду показывать «не только где, но и как вы вредили». И тут же сам себе рисует:

«Сообщнические действия участников нашей вражеской группы осуществлялись обычно на заседаниях, посвященных планированию геолого-изыскательских работ, и реже непосредственно в районах разведок. Один понимал другого с полуслова. На заседаниях зачастую достаточно было не возражать против принципиально неверных выводов... или авторитетно поддержать антигосударственные предложения, как внесенное, скажем, академиком Смирновым об усилении разведок на олово в Туркестанском хребте за счет сокращения ассигнований на исследования Верхоянья на Северо-Востоке Сибири» (л. 88, 89).

«Металлическую секцию Геолкома, намечавшую ассигнования на разведки, кроме меня поочередно возглавляли и другие представители старой реакционной школы геологов: Котульский, Смирнов, Русаков. Положение для нас несколько усложнилось после передачи в 1932 году планирования разведок академику Губкину¹⁹⁾ в аппарат "Главгеологии", где наши люди не являлись уже постоянными участниками принимаемых

решений. Но вот в 1939 году меня назначают первым заместителем председателя Комитета по делам геологии и, тем самым, участники вражеской группы получают доступ к составлению планов работ и оказывают пагубное влияние на направление разведок» (л. 90, 91).

В том, что все вышеперечисленное — не более чем творчество заместителя начальника Следчасти МГБ Л.Л. Шварцмана, сомневаться, повторимся, не приходится. И не только потому, что подследственный в итоге отказался подписывать обвинительное заключение. Комбинируя на свой вкус «черновые проекты обобщенных протоколов допросов», он «редактировал эти документы с тем, чтобы предоставить документ литературно и политически грамотным». «Литературно и политически» у него, как видим, получалось неплохо.²⁰⁾ А вот когда дело доходило до сугубо геологической терминологии, уши неграмотного по этой части переписчика вылезали наружу. Вот конкретный пример.

На вопрос, выезжал ли подследственный в экспедиции, помимо Алтая, еще в какие-нибудь районы Сибири, тот якобы ответил: «... в 1928 году для консультации — в Красноярский край, на медные месторождения Улень, Темиртау, Маинское и Копьевское месторождения» (с.96). Три из названных месторождений действительно принадлежат к Хакасскому меднорудному узлу, а вот Темиртау, располагаясь в Горной Шории, как раз и есть Алтай. И этот очевидный ляп тоже удостоверяется подписью академика, который, видимо, решил для себя во время следствия подписывать все, что ему подсунут. А бой дать, когда завершится мучительное, один на один, единоборство с преступным следствием. Что в итоге он и сделал, единственным из подельников отказавшись подписывать сфальсифицированное обвинительное заключение.

Нечто подобное приводимому ляпу, но тоже связанному с Григорьевым, отмечается в протоколе допроса члена-корреспондента АН СССР А.Г. Вологодина. Допрос длился с 23⁴⁵ 25 апреля 1949 г. до 6²⁰ 26-го; вел его тот же следователь А.П. Леонов, который допрашивал и Григорьева. Уже под утро в тексте протокола появился следующий пассаж: «В 1947 г. Григорьев добился назначения на должность директора Института геологических наук. В преступных целях он поставил дело так, что отделы были представлены сами себе, работы велись не в интересах народного хозяйства, а в личных выгодах отдельных лиц... Введено было правило, когда в одном и том же отделе существовали разные путанные "теории", которые приводили к разнобою... Например в отделе *литографии* (курсив мой — А.Б.) существовало два взгляда по вопросам происхождения осадочных пород, все это мешало работе...».²¹⁾ Абракадабра насчет "литографии" присутствовала не только в машинописном тексте, но и в рукописном оригинале,²²⁾ на котором был автограф Вологодина. То есть все это подписывалось не читая. О том же, кстати, рассказывала автору, со слов отца, и И.В. Крейтер. Его, вспоминала Ирина Владимировна, больше всего беспокоило при этом, как бы невзначай не подписать лист вверх ногами...

Но даром это предельно унижительное для нормального человека состояние Иосифу Федоровичу не сошло. В приближении годовщины ареста его здоровье резко ухудшилось. Последний допрос с его участием состоялся 20 марта 1950 г. Неделью спустя, 28 марта, санчасть Внутренней тюрьмы МГБ СССР «определила необходимость помещения Григорьева И.Ф. в больницу Бутырской тюрьмы для обследования недостаточности его сердечной деятельности и лечения». Соответственно, следователь полковник Болховитин, который вел его дело, 31 марта 1950 г., как раз в годовщину ареста, постановил арестованного Григорьева И.Ф. в больницу поместить, а следствие по его делу приостановить.²¹⁾

Следствие так и не возобновилось. То есть после уже упоминавшегося выше допроса от 20.03.1950, касавшегося одного из сотрудников ИГН АН СССР, Иосиф Федорович больше не допрашивался. Его предпоследняя собственноручная подпись в пухлом следственном деле № 2331, которое, после реабилитации осужденного, получило новый номер Р24216, была поставлена им под записью следователя о его отказе подписать предъявленное ему обвинительное заключение. Произошло это 26.10.1950, за два дня до

приговора Особого Совещания при МГБ СССР о заключении его на 25 лет исправительно-трудовых работ «с использованием по специальности геолога в Дальстрое МВД СССР».²²⁾

Ознакомили осужденного с заочно вынесенным 28 октября приговором 24 ноября 1950 г.²³⁾ Удостоверяющая этот формальный акт подпись стала для него последней...²⁴⁾

Умер Иосиф Федорович Григорьев 14 мая 1951 г. в той же Бутырской тюрьме. Дата кончины удостоверена официальной бумагой за подписью начальника 4-го отдела Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-майора юстиции И. Детистова, направленной им начальнику учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР подполковнику Я.А. Плетневу 9 апреля 1954 года.²⁵⁾ Однако во всех справочных изданиях, выходивших в свет в последовавшие годы, при правильной дате кончины 14 мая, год смерти ошибочно указывался как 1949-й. В том числе в таком авторитетном издании как Большая Советская энциклопедия (том 7, 1972, с. 330). А за семь лет до того эта дата была указана в мемориальной статье, посвященной 75-летию ученого и подписанной его ближайшими коллегами по институту академиками Д.И. Щербаковым, Ф.В. Чухровым, а также Ф.И. Вольфсоном и Л.И. Лукиным.²⁶⁾

Дополнительные попытки найти концы этим разночтениям тоже ни к чему не привели. На запрос ИГЕМ РАН в адрес Управления регистраций и архивных фондов ФСБ РФ начальник Управления В.С. Христофоров лишний раз проинформировал в письме от 31.01.2005, что «Григорьев Иосиф Федорович 14 мая 1951 года скончался в больнице Бутырской тюрьмы МГБ СССР из-за сердечно-сосудистой недостаточности»...

II

Член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин

А.Г. Вологдин, как и Григорьев, в 1917 г. также оказался в рядах Действующей армии, в звании подпоручика командуя саперным батальоном на Северном фронте, в районе Риги. После октябрьского переворота (именно так обозначил своим вопросом соответствующее событие следователь А.П. Леонов; по личным воспоминаниям, по крайней мере, касающимся довоенного времени, подобная характеристика Октября употреблялась в обиходе в качестве расхожего определения и не воспринималась со стороны как криминал — А.Б.), «в ноябре взял отпуск и уехал на родину, в Чердынь, к родителям, но вскоре переехал в Пермь... На территории Колчака оказался ввиду ее занятия противником, ... и поступил на службу в армию Колчака», а весной 1920 г. «мне удалось выехать в Петроград для продолжения учебы в Политехническом институте».

Этот первый допрос, как бы ознакомительный, состоявшийся на второй день после ареста, завершился многообещающей мрачной фразой следователя подполковника А.П. Леонова: «Этим не ограничивается ваша вражеская деятельность против советского государства. На следующих допросах расскажете о всех совершенных вами преступлениях».²⁷⁾

Обещанные массированные допросы начались через полторы недели — 12 и 13 апреля. 12-го допрос был начат в 14 ч. и завершен в 3 ч. ночи 13-го, с перерывом с 18 по 23 ч., и возобновлен в тот же день 13 апреля в 23 ч.; при этом время его окончания в протоколе не зафиксировано. Что происходило в эти двое с лишком суток с подследственным, можно только догадываться. Сам Вологдин, не конкретизируя даты, глухо упомянул об этом в собственном письме от 15.08.1953 из Магадана,²⁸⁾ где отбывал назначенный ему 25-летний срок заключения, которое направил в ЦК КПСС с просьбой о реабилитации:

«... следователь применял ко мне систематическое лишение сна, брань самого безобразного свойства, а позднее и угрозы избиения... На некотором этапе, довольно быстро, я пришел в состояние полубезумного человека с потерей способности возражать и отстаивать истинное положение вещей... Почти на каждую страницу протоколов вписывался вымышленный материал, так как иначе, по словам следователя, «не было

смысла писать протокол»... Состоявшиеся позднее очные ставки с другими арестованными... подготавливались с помощью соответствующих требований и внушений, брани и угроз...

На допросе 12 апреля следователь сосредоточил главное внимание на проблеме урана на юге Красноярского края, учитывая, что Вологдин в 20-30-х годах считался одним из знатоков геологии и рудоносности Минусинской котловины. Привлекает внимание, что в качестве свидетелей наличия там промышленных урановых месторождений, злонамеренно скрываемых геологической службой от «советского правительства», он манипулировал фамилиями иных рудознатцев, но ни словом не обмолвился об основных возбудителях слухов — журналистке «Правды» А.Ф. Шестаковой и ее главном информаторе И.Г. Прохорове, жителе дер. Тагашет (см. главу 1). Не упоминались эти фамилии и при допросах иных фигурантов «Красноярского дела», в то время как фамилии местных рудознатцев Сурикова, Воробьева, озвученных при допросе Вологодина, повторялись не только в связи с ним. Ничем другим как нежеланием, а точнее — запретом сверху, поминать обоих осведомителей, объяснить эти упущения затруднительно.

Одним из первых вопросов, заданных на допросе 12 апреля, был следующий: «Вы занимались сокрытием месторождений, богатых полезными ископаемыми, в том числе активных минералов. Рекомендую показывать правду». Первая реакция со стороны Вологодина на этот вопрос была очевидной, в том числе и с высоты знаний, накопленных наукой и практикой в дальнейшем — за прошедшие с тех дней 55 лет: «Геолого-поисковые работы я проводил в Красноярском и Западно-Сибирском краях, Таджикистане, Киргизии. Особенно хорошо мне известен Красноярский край. Я считался знатоком этого района. Однако,... начиная с 1920 г. и до последних дней, мною ни разу не были обнаружены урановые или иные руды с активными элементами...»

Едва ли найдется геолог-полевик, который за время своих практических изысканий, тем более в глухомани Зауралья и Сибири, не сталкивался бы с кем-нибудь из местных поисковиков-любителей — искателей неведомого, от археологических захоронений до неизвестных залежей полезных ископаемых. С одним из таких любителей познакомился в 30-х годах Вологдин. Звали его Николай Васильевич Суриков. Как отмечено в следственном деле, — житель Красноярска, в прошлом работал на золотых приисках, «в последнее время занимался живописью».²⁹⁾

В 1935 году, припоминал Вологдин, «Суриков сообщил мне, что к югу от Красноярска имеется урановая смолка. Дал мне записку, в которой был указан примерный район с наличием смолки... Вернувшись в Ленинград, записку Сурикова со своими замечаниями передал в дирекцию ВСЕГЕИ... Последний раз встретился с Суриковым в Евпатории в 1939 г. Он вновь затронул вопрос об известных ему богатых месторождениях полезных ископаемых и что по его заявкам ничего не делается. Я рекомендовал написать в Комитет по делам геологии, а для меня он по моей просьбе составил записку с указанием примерных районов».

И тут, казалось бы, мирный диалог взрывается накалом следовательских эмоций. Обвинив подследственного во лжи, что в их руках — подлинник заявления Сурикова, которое было изъято при обыске в квартире Вологодина, а не копия, требует ответа, для чего, в каких целях он оставил у себя подлинник письма в Комитет по делам геологии — «во вражеских целях вы его скрыли?»³⁰⁾ Вослед происходит мгновенная метаморфоза. «Уличенный» подследственный начинает вещать «правду и только правду»: «Мне остается признать, что Суриков в 1939 г. дал не копию, а подлинник. Однако я до дня ареста хранил его у себя, скрыл от соответствующих органов, в чем признаю себя виновным».³¹⁾

Тут же последовала еще одна реплика следователя: «О наличии районов с радиоактивными минералами вам известно и из других источников. Не пытайтесь скрывать!» И Александр Григорьевич, судя по тексту архивного следственного дела, возгласив, что будет «показывать правду», далее сообщает, что в 1935 г. Вячеслав

Петрович Косованов, его знакомый с 1924 г. сотрудник краевой плановой комиссии, «сообщил, что южнее Красноярска на р. Мана имеются урановые смолистые руды. Он указал тот самый район, о котором сообщил мне Суриков... По этому сообщению я никаких мер не предпринял», а «в 1936-37 гг. Косованов был арестован, и с того времени я с ним не встречался».

В довершение темы о мифических урановых рудах на юге края в протокол от 12 апреля подключается еще один эпизод — о знакомстве с подростком Воробьевым из села Кортус Красно-Туранского района, с которым познакомился Вологдин в 1945 г. и «через райком ВКП(б) добился для него материальной помощи». «В 1945 г., — продолжил он, — рассказал мне, что ему известно о наличии урановой смолистой руды в районе горы Кортус. По его заявке геологическое управление проводило проверку, но, как утверждал Воробьев, не на том участке, где он указывал». Далее сообщил, что спрашивал у главного геолога КГУ В.Н. Верещагина об этой заявке, на что тот ответил, что на указанном Воробьевым месте обнаружен был титанит вместо смолки.

В завершение словесного путешествия в «страну нетронутых смол», которые запросто ухитрялись диагностировать, без радиометров и иных чудес технической мысли, даже вчерашние ученики сельских школ, следовательно формулирует следующий вердикт: «Выходит, вы из нескольких источников были осведомлены о наличии урановых смолистых руд, однако в антисоветских целях не предприняли решительных мер к проверке заявок». А проштрафившийся член-корреспондент АН СССР с готовностью соглашается с вынесенным ему приговором: «Признаю себя виновным, что, несмотря на сигналы о наличии в Красноярском крае урановых смолистых руд, я, выезжая туда, не предпринял мер для проверки сообщений»...

И еще один момент, относящийся к допросу 12 апреля, не может остаться без сопроводительного комментария. В протоколе нет ни одного упоминания о мифологеме Марии Кюри в Сибири, без которой не обошлись даже на заседании Политбюро 30.03.1949, что зафиксировал в своем блокноте главный редактор «Правды» П.Н. Поспелов (см. главу 2). Трудно усомниться в том, что первопричиной всех «находок» местными жителями урановой смолки в Минусе стали фантазии И.Г. Прохорова о его встрече в 1914 г. в Красноярске с первооткрывателем радия и о якобы высказанной ею убежденностью, что Минусинский уезд — это «мозг высокорadioактивных тел» (см. главу 1). Едва ли Вологдин не слышал об этих пересудах, будучи в 20-30-х гг. одним из первейших знатоков региона. Но относился к ним скептически, поскольку, надо думать, понимал, что перед самым началом 1-й мировой войны Кюри физически не могла оказаться в Сибири...

Не менее абсурдные обвинения были предъявлены 13 апреля. Обвинили его в «шпионских услугах», отнеся к таковым его служебные контакты с иностранными участниками состоявшейся летом 1937 г. в Москве XVII сессии Международного геологического конгресса. По заранее составленному плану, утвержденному правительственным Оргкомитетом, Вологдин был назначен руководителем экскурсии по югу Красноярского края. Вот как описывал он этот эпизод в своем письме от 15.08.1953 из Магадана: «Мы, советская часть участников конгресса, были предельно осторожны. Все доклады и беседы велись в рамках утвержденных высшими инстанциями текстов докладов, статей, путеводителей, написанных с учетом действовавшего в 1937 г. закона о сохранении государственной тайны, притом всегда через опытных официальных переводчиков от "Интуриста". К тому же я лично не владел и не владею ни одним иностранным разговорным языком. Все же мне были вписаны в протоколы "разговоры"».²⁸⁾

А вот запись из протокола допроса: «Признаю, что в 1937 г. я предоставил возможность иностранным разведывательным органам собрать шпионские сведения о Советском Союзе... Мне было известно, что среди иностранцев были разведчики. Разведчики в районах важных объектов,³²⁾ несмотря на предупреждения, производили

секретным путем фотографирование. С этой целью они подносили к лицу носовые платки, в которых были спрятаны фотоаппараты "малютка" и под видом того, что вытирают глаза, производили фотографирование. Помимо этого иностранцы взяли в большом количестве образцы рудных пород, заделали их в ящики и вывезли за границу. Образцы эти предварительно не подвергались химическому анализу» (! — А.Б.).³³⁾ Тема «шпионажа» в том допросе продолжила свое развитие и далее. Вослед вышеупомянутому «чистосердечному признанию» последовали дополнительные вопросы одной стороны и приведенные к должной форме суждения другой:

— Из отобранной у вас переписки, в том числе 15 писем от американцев, видно, что ваши научные работы попали за границу. По каким каналам вы протащили их (! — А.Б.) на страницы зарубежной прессы?

— До войны печатные труды ряда геологов библиотекой Академии наук пересылались за границу. В связи с этим в 1932 г. в мой адрес стали прибывать письма, преимущественно из Америки, с просьбой о высылке моих книг... Пресмыкаясь перед заграницей, я радовался каждому письму... и пачками отправлял свои книги в Америку...

— Не ограничиваясь перепиской, вы общались с американцами и лично.

— Это верно. Удобный повод для встреч представился в 1937 г. во время XVII сессии Международного геологического конгресса. На конгрессе имела место полная вакханалия общения и связей с иностранцами...

— В составленный вами и Эдельштейном сборник (путеводитель — А.Б.) по Красноярскому краю какие сведения включались?

— Нами был опубликован богатый материал о полезных ископаемых и статистические данные... Кроме того иностранцам были розданы к конгрессу несколько толстых томов. Припоминаю, что в пятом томе изложены даже данные об уране и других редких элементах в Средней Азии...³⁴⁾ Активное участие в подготовке и издании материалов к конгрессу принимали также Эдельштейн и Григорьев.

— С какой целью вы выдавали в печатных изданиях секретные сведения об СССР?

— Я делал это из вражеских побуждений, как и Эдельштейн и Григорьев...³⁵⁾

В завершении допроса от 25 апреля всплыла, наконец, тема присуждения Вологдину в апреле 1947 г. Национальной академией наук США Большой бронзовой медали Уолкотта — высшей научной награды для палеонтологов, сопровождаемой денежной премией в 1000 долл., для тех лет представлявшей, по существовавшему курсу, весьма солидную сумму. Так совпало, что два дня спустя после даты упомянутого очередного свидания ученого с невежественным лубянским следователем должно было исполниться ровно год с той поры, когда Национальная Академия наук США на традиционном обеде в Отеле Вашингтона, состоявшемся 27.04.1948, официально объявила о присуждении этой награды будущему узнику Лубянки, советскому палеонтологу Вологдину.

Присудили ее ему «за изучение докембрийских и кембрийских водорослей, особенно за исследование весьма важной и загадочной группы кембрийских организмов — археоциат». В решении академиков особо подчеркивалось, что к 1937 году в мире насчитывалось около 400 видов археоциат, из коих 250 были открыты и описаны лауреатом.³⁶⁾ Далее американские коллеги отметили в своем обосновании организацию Вологдиным в Палеонтологическом институте специальной лаборатории по дальнейшему изучению археоциат и палеозойских водорослей.

Позволим себе запечатлеть диалог между следователем и подследственным по поводу полученной последним награды. Диалогу, о котором речь, предшествовали «признания» Вологодина о встречах в 1937 г. с профессором Калифорнийского технологического института Фредериком Моррисом, одним из участников геологической экскурсии по югу Красноярского края, которой руководил Александр Григорьевич: «Моррису я выдал шпионские сведения о запасах железных, свинцовых, медных и марганцевых руд, каменных и бурых углях (здесь особенно впечатляет упоминание о

бурых углях, запасы которых не были секретными даже на момент допроса; знаю о том по личному опыту, поскольку в начале 50-х гг. разведывал именно их — А.Б.)... Моррис перед отъездом подарил мне флягу на память с начертанными им инициалами моего сына, а супруга вручила кружева для моей жены». И далее — обещанный диалог:

— Как еще вознаградили вас американцы за оказанные шпионские услуги?

— В апреле 1947 г. я был награжден денежной премией в 1000 долл. и медалью Уолкотта. Награждению, конечно, американцы придавали благопристойный вид, сославшись на мои заслуги в науке, но я понимал, что не обошлось без вмешательства разведчиков Хоуэлла (также участника геологической экскурсии по югу Красноярского края — А.Б.) и Морриса, отблагодаривших меня за оказанный им прием в 1937 году.

— ... Очевидно, вы знали, что медаль и доллары предназначались в вознаграждение за заслуги перед американской разведкой?

— Прямых данных об этом я не имел... Я обратился к президенту АН СССР С.И. Вавилову с просьбой разрешить поездку в США. Разрешение было дано, но, одумавшись во избежание возможных последствий, я впоследствии отказался от выезда за границу. В 1948 г. американская медаль была передана советскому послу в США, а в конце 1948 г. ее вручил мне акад. Вавилов.³⁷⁾ В переводе на советскую валюту я получил и денежную награду от американцев в размере тысячи долларов.

Уместно тут остановиться на процедурах, сопровождавших передачу медали и прилагавшейся к ней долларовой суммы советской стороне. Предшествовала этому акту 13-месячная переписка между НАН США и дипломатическим представительством СССР, пока все это не оказалось под кровом вашингтонского посольства. Затем в свои права вступили соответствующие структуры Старой площади. После тщательного анализа возникшей нестандартной ситуации в цеховских отделах и выработанной в итоге согласованной позиции Секретариат ЦК ВКП(б) принимает 04.12.1948 постановление разрешить лауреату принять американскую награду, а Политбюро 09.12.1948 утверждает это решение. Только после этого президент АН СССР С.И. Вавилов тихо, без оповещения прессы, передал в своем кабинете Вологдину медаль Уолкотта. Через три месяца последний был арестован органами МГБ...

Как было отмечено в конце главы 1, имеются существенные основания для предположения, что подготовка к фабрикации «Красноярского дела» развернулась на Лубянке на рубеже 1947 и 1948 гг., а первые аресты, в том числе Вологодина, были проведены только в самом конце марта 1949 г. Могло бы все это начаться раньше, и если да, то повлияло ли на их отсрочку необходимость вручения Вологдину присужденной ему престижной иностранной награды?

Однозначный ответ сформулировать, конечно, невозможно. Но доля вероятности, что состоявшаяся в президиуме АН СССР камерная процедура вполне могла оттянуть начало арестов Вологодина и его подельников на несколько месяцев, представляется достаточно высокой. Ну а на вопрос, зачем вообще власть завела переписку с американцами по поводу мировоззренчески чуждой для советского человека буржуазной награды, ответить можно предельно просто. Потому что не пожелали упустить прилагавшуюся к медали достаточно солидную, по тогдашнему валютному курсу, долларовую сумму. Которую затем возместили ее владельцу смехотворным рублевым эквивалентом,³⁸⁾ то есть фактически конфисковали ее.

В качестве подтверждения высказанного воспользуемся следующим фактом. В тот же день, когда Секретариат ЦК разрешил Вологдину принять американскую награду и передал свое решение на утверждение Политбюро, одновременно было отвергнуто ходатайство Министерства высшего образования СССР о присвоении профессору Ленинградского горного института М.М. Тетяеву, тоже будущему фигуранту «Красноярского дела», почетного звания Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР...

При аресте в числе других принадлежавших Вологдину материальных ценностей была конфискована и медаль и после реабилитации ему не возвращена. Более полувека спустя вице-президент РАН Н.П. Лаверов обратился в Управление регистраций и архивных фондов ФСБ РФ с просьбой проинформировать о ее дальнейшей судьбе и возможности вернуть раритет для хранения в семье дочери ученого Е.А. Вологдиной. В ответном письме начальник Управления В.С. Христофоров сообщил, что конфискованная медаль была сдана «в доход государства» и ее дальнейшая судьба не известна.³⁹⁾

В 2003 г. президент НАН США Брюс Альбертс, узнав от Н.П. Лаверова о печальной судьбе наградной медали, вызвался изготовить ее дубликат для передачи близким покойного ученого. 21.04.2004, за день до полувекового юбилея освобождения 22.04.1954 Вологдина, по реабилитации, из-под стражи, Н.П. Лаверов в торжественной обстановке передал медаль Уолкотта, вместе с копиями диплома и другими сопроводительными документами, Е.А. Вологдиной.

... Как и других подельников, Вологдина допрашивали и о тех представителях отечественной геологии, которые еще оставались на свободе. В частности двухчасовой допрос 27.10.1949 был полностью посвящен расспросам о проф. С.А. Яковлеве, ведущем четвертичнике страны, вице-президенте Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Никакого касательства к поискам и разведкам полезных ископаемых и их прогнозу он не имел, о чем и поведал следователю Вологдин. Тем не менее в протоколе допроса появился такой перл. Мол, упоминавшаяся ассоциация «несколько конференций провела в Советском Союзе. На этих конференциях Яковлев выступал с докладами о четвертичной геологии СССР, и так как *затем* (курсив мой — А.Б.) область четвертичной геологии была признана секретной, то, безусловно, часть материалов Яковлевым через свои доклады была расшифрована и оказалась за границей».⁴⁰⁾

III

Академик АН Казахской ССР М.П. Русаков

М.П. Русаков — выдающийся ученый-геолог, удачливый первооткрыватель Коунрадского медного и Алмалыкского медно-молибденового месторождений, в немалой степени решивших проблемы сырьевых ресурсов этих металлов в Советском Союзе, и многих других значимых месторождений, память о котором ныне увековечена бронзовым бюстом в казахском городе Балхаш, мемориальными досками в Санкт-Петербурге и т.д. Он был арестован в Алма-Ате 30 мая 1949 г., последним из 27 фигурантов «Красноярского дела», взятых под стражу в 1949 г. Будто в насмешку, в постановлении о взятии под стражу, датированным 2 июня, то есть третьим днем после ареста, и утвержденным прокурором лишь 3 июня, — ему, среди других банальных обвинений, было предъявлено обвинение «в укрывательстве богатых месторождений редких металлов и других полезных ископаемых в Казахстане и Зап. Сибири».

Доставили Русакова в Москву на самолете 1 июня, и уже в час ночи 2 июня помощник начальника Следчасти полковник Болховитин начал двухчасовой допрос. Интересовала его полугодовая командировка в 1930-31 гг. Русакова в Соединенные Штаты и встречи его там с белоэмигрантом П.П. Гудковым. Надо думать, с учетом будущих потребностей дознаватель спросил, кем из советских геологов интересовался американский собеседник. Отвечая, Русаков упомянул покойных М.А. Усова, П.И. Преображенского, уже сидевшего на Лубянке Я.С. Эдельштейна, а также В.А. Обручева и П.И. Степанова. Оговорившись при этом, что собеседник спрашивал лишь об их здоровье и положении в системе советского геолого-разведочного дела. В заключение спросил, были ли с Гудковым и его домашним окружением «беседы на политические темы», на что Русаков ответил, что расспрашивали о жизни в стране, в частности о том, «прививаются ли "эксперименты с колхозами". Я отвечал». В завершение

Болховитин пообещал, что «подробно будете об этом допрошены на следующем допросе».⁴¹⁾

Анонсированная встреча с закрепленным за ним подполковником Ливановым состоялась две недели спустя, 15 июня. Судя по тексту протокола, общался с ним следователь и ранее, но никаких свидетельств о том в следственном деле нет. Зато в упоминаемом протоколе допроса — поток признательных показаний совершенно сломленного человека, с которым в тот двухнедельный промежуток времени профессиональные дознаватели уже успели плотно «поработать». Судите сами...

На первый же вопрос Ливанова 15.06.1949, признает ли подсудимый себя виновным в предъявленном обвинении, тот якобы с готовностью заявляет: «Я признаю себя виновным...», и далее следует нескончаемое перечисление фантастических преступлений. И о выдаче «врагу народа» колчаковскому министру П.П. Гудкову секретных сведений о состоянии геологической службы в СССР, и о преобразованиях в Геолкоме, и о новых богатых рудных месторождениях. И о пропаганде, по возвращении домой, «жизни за границей», «достижений и мощи капиталистической системы». И что, «будучи связанным в течение многих лет с реакционно настроенными геологами,... оказался втянутым в саботаж и вредительство».

Затем начинается перечисление собственных «вредительских» деяний. Как он отвлекал «вместе с другими реакционно настроенными геологами внимание советского правительства от перспектив Рудного Алтая, от его широкого промышленного освоения», а в Закавказье «я резко снизил ранее учтенные запасы меди, почти в десять раз по месторождению Аллаверды, в четыре раза по Зангезуру, считал перспективы его почти исчерпанными...» Но что там Закавказье!.. «Аналогичную деятельность я развивал в Средней Азии, и особенно в Казахстане, где я больше всего работал». То есть там, где он увековечил свое имя, проявив поистине гениальную способность не только открыть, но и досконально разведать и освоить уникальные месторождения Коунрада и Алмалыка.

Но и этого оказалось мало следователю Ливанову. Вослед идет еще одно сногсшибательное признание: «По возвращении из Америки я не использовал предоставившиеся мне советской властью возможности сделаться передовым советским ученым, а превратился в лжеученого, в проспектора американского пошиба, пробивавшегося затем к советским ученым степеням и званиям».⁴²⁾

Неделю спустя на допросе, длившемся с 13 ч. 23 июня до 4 ч. ночи, Ливанов почел за лучшее развить достаточно фрагментарную картину вредительства, нарисованную им в протоколе предыдущего дознания. В итоге упоминавшаяся тогда недооценка Рудного Алтая, связанная с приуроченностью полиметаллического орудуения исключительно к осадочным толщам, что для 1932 г., когда эта позиция была обоснована в выступлении в Ленинграде на IV-й Всесоюзной конференции по цветным и редким металлам, в общем-то не противоречила взглядам, общепринятым в науке о рудных месторождениях, под дирижерской палочкой следователя превратилась в злонамеренную попытку услужить иностранным концессионерам, «подвизавшимся в свое время на Алтае и заинтересованным в сокрытии его богатств».

На том же допросе поведал он и о шпионских своих замыслах, претворенных в жизнь по время полугодовой научной командировки в Соединенные Штаты, с 24.06.1930 по 17.01.1931. Выдал он их при встрече в Голливуде с проживавшим там в эмиграции геологом П.П. Гудковым. Как «повинился» почти два десятилетия спустя, при беседе с ним «сообщил известные мне данные о мероприятиях по промышленному соединению Урала с Кузбассом в едином комплексе, указав, что создаваемый в Сибири промышленный центр должен сыграть крупную роль в укреплении экономической и военной мощи страны».⁴³⁾ То есть о всем том, о чем прочесть можно было тогда в любой газете, а в 1934 году к тому же услышать из уст товарища Сталина в его отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б)...

Затем он пополнил свои «злодеяния» намеренным молчанием в 1938 году по части перспектив обнаружения «крупных месторождений деревянистого и скрытокристаллического касситерита в молодых породах Малого Хингана». Добавив вслед, что эти месторождения «были открыты позже местными геологами».⁴⁴⁾

И вот если зацепиться, для примера, хотя бы за этот детский лепет, запечатленный великовозрастным гебистом на бумаге, по части преднамеренного сокрытия опытным и, скажем так, фартовым поисковиком и разведчиком, той оловоносности, которая ему, по сценарию следователя, была заведомо ясна, и ни за что ни про что одарить славой первооткрывателя кого-то другого — это-то зачем?.. Зачем обделять себя чувством огромного человеческого удовлетворения и радости от очередного успеха и, не забудем, моральными и материальными благами? Ведь эти бредовые обвинения предъявлялись каждому из тех геологов, кто попал в эту мясорубку. Что — все они, как на подбор, бессеребренники, которым не потребны ни солидные денежные премии, ни престижное жилье и дачи, ни ордена и звания? Нет, наверно, однозначного ответа на рождающиеся недоуменные вопросы. Те вопросы, что возникают при ознакомлении с упомянутыми противоестественными документами противоестественной эпохи...

Завершая раздел, относящийся к допросам Русакова, приведем еще один образец злонамеренного искажения сути его высказываний. На допросе 08.05.1950 он рассказал о своих работах в качестве эксперта-консультанта в 1941-42 гг. в Уральском геолуправлении. После ознакомления с местными кобальтовыми месторождениями он подготовил заключение, в котором без энтузиазма обосновал вероятность обнаружения там промышленных залежей металла, и, с учетом сиюминутных потребностей военной промышленности страны, посчитал за лучшее, «при наличии союза с Англией и США... покрыть спрос оборонных предприятий путем ввоза (кобальта — А.Б.) из Канады. Освоение же отечественных источников рекомендовалось вести более разборчиво».

Вслед, от имени подследственного, подстегивается следующий пассаж: «*Это вредительское предложение* (курсив мой — А.Б.) подпиралось не менее вредным выводом, что в СССР вообще невозможно открыть крупные самостоятельные месторождения кобальта... Практикой этот вредительский вывод опровергнут. Вскоре после войны на Северо-Востоке СССР, в частности, в районе Енисея, найдены самостоятельные месторождения кобальта».⁴⁵⁾ Как говорится, «в огороде бузина — в Киеве дядька»...

IV

Профессор Я.С. Эдельштейн

Якова Самойловича Эдельштейна взяли в числе первых девяти фигурантов; иного и быть не могло после проявленного к его персоне особого интереса вождя на заседании Политбюро 30 марта («Эдельштейн — где работает теперь?» — из записей П.Н. Поспелова; см. главу 2). Взяли старейшину отечественной геологии незадолго до его 80-летия, которое предстояло 28 августа и к торжествам по случаю которого уже начала готовиться геологическая общественность страны. Впоследствии ходили слухи, видимо, со слов его подельников, участвовавших в очных ставках с ним, что приводили его на допросы под руки — самостоятельно двигаться он уже был не в состоянии. И в том, что все же сумел пережить полтора года варварского следствия, сыграла свою роль, надо думать, закалка геолога-полевика...

Но ожидать от него той стойкости, которую проявляли его товарищи по разразившейся драме на первых допросах, было бы, по крайней мере, нереалистично. Уже при первой встрече с подполковником Болховитиным, состоявшейся 2 апреля, на другой день после этапирования старика спецконвоем из Ленинграда во Внутреннюю тюрьму на Лубянке, он безропотно ставит свою подпись под такой стилистикой дознавателя: «— На оккупированной немцами территории вы проживали? — Нет. Но в 1918-1919 гг. я жил и

работал на территории, занятой врагом, в гор. Томске. Там я являлся директором Сибирского геолкома при белогвардейском "правительстве" Колчака...»⁴⁶⁾

Все это получило дальнейшее развитие в протоколе допроса 7 апреля. Приведем один такой пассаж Болховитина, скрепленный подписями Эдельштейна: «В летние месяцы ездили в Минусинский край, на Алтай, в Кузнецкий бассейн, в район Красноярска для производства геологических исследований. Накапливаемые материалы мы обрабатывали в Томске и одновременно с выводом представляли в горный департамент... Таким образом мы вели работу во вред советскому государству и *своей деятельностью способствовали укреплению власти Колчака* (здесь и ниже курсив мой — А.Б.), находившегося в услужении у иностранного капитала, вплоть до изгнания банд из Сибири».

Абсурдные «признания», послушно подписывавшиеся деморализованным, с первых минут ареста, узником, следовали и ниже. Например: «В 1922 году ... я опубликовал в журнале "Природа" статью, наполненную реакционными суждениями... Мои взгляды, изложенные в "Природе", полностью совпадали с теорией и практикой разоблаченного врага народа Пятакова...»⁴⁷⁾ В 1936 году я принял участие в одном антигосударственном деле. При выезде в Минусинский район я подготовил вместе с Вологдиным для участников Конгресса иностранных геологов в Москве (так в тексте — А.Б.) так называемый "Путеводитель" для экскурсий на 40 печатных страницах, с описанием геологического строения маршрутов. Путеводителями были снабжены англичане, американцы и японцы, *устремившиеся в 1937 году в "путешествие"* в Минусинский район, наиболее богатый ценными ископаемыми. Указанные иностранцы, особенно американцы и японцы, преследовали явно шпионские цели, и моя работа по составлению подробного путеводителя (что являлось его служебной обязанностью, возложенной Оргкомитетом XVII сессии МГК, состав которого был утвержден Совнаркомом СССР, в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б), а возглавлял Оргкомитет глава правительства и член Политбюро В.М. Молотов! — А.Б.) имела антигосударственный характер».⁴⁸⁾

А вот как, в интерпретации следователя, выглядели воспоминания Эдельштейна о дореволюционных временах: «Не принадлежа при царизме к имущим классам, я, тем не менее, находился... в почете. Российское акционерное золотопромышленное общество, хищнически эксплуатировавшее открытый мною район Токоньку на Дальнем Востоке, и царский Геолком щедро меня вознаграждали, и несколько тысяч золотых ⁴⁹⁾ уже лежали в банке на моем счету».⁵⁰⁾

Не обошлось и без "признаний" в злонамеренном сокрытии надуманного минусинского урана: «Многие породы юга края... обладают повышенной активностью. С целью затормозить поиски урана, я предвзято объяснял факт повышенной активности наличием не урановых, а ториевых соединений (что и подтвердили масштабные поиски, осуществлявшиеся Енисейстроем в период 1950-54 гг. — А.Б.) и не настаивал на более глубоком их исследовании».

На лобовые вопросы, какой иностранной разведке служил ученый и какие каналы связи при этом использовал, его ответы, обработанные следователем, звучали так: «Желая набить себе цену за пределами страны, выслужиться перед американцами, я свои печатные работы вплоть до 1945 года ⁵¹⁾ направлял в Вашингтон. Всего свыше 100 печатных трудов... были мною направлены в разное время через экспедицию Геолкома (то есть официальным путем, к тому же те издания, которые и без него регулярно поступали по подписке во все ведущие научные библиотеки мира — ничего себе служба иностранным разведкам... — А.Б.) в американское управление геологической съемки и Национальный геологический совет США в Вашингтоне». Откликаясь же на последовавший вопрос, что тем самым «через вас шло снабжение американцев секретными данными о природных богатствах СССР», с готовностью поддакнул: «Я этого не отрицаю»...⁵²⁾

Но и этой чуши допрашивавшему старика подполковнику Болховитину показалось мало. Месяц спустя, 04.05.1949, на многочасовом допросе, протокол которого потребовал более сорока листов машинописного текста, Эдельштейн с подельниками еще раз выставляются злонамеренными инициаторами проведения геологических экскурсий по стране для иностранных участников сессии Конгресса. Прочитываем этот бездумный набор слов, порожденный невежественным подполковником: «Тетяев, я и Григорьев входили в оргкомитет по подготовке XVII сессии Московского геологического конгресса. Учитывая *навязчивые* просьбы делегатов из числа англичан и американцев о разрешении поездок после конгресса в экскурсию по СССР, мы *высказались за это*, мотивируя свою точку зрения интересами укрепления деловых связей между советскими и зарубежными учеными и, кроме того, *сами* *взялись* разработать и подготовить к печати путеводители по стране».⁵²⁾

Приговорили Якова Самойловича в его восемьдесят с лишком лет к заключению «в ИТЛ МВД СССР сроком на 25 лет с использованием по специальности геолога в Дальстрое МВД СССР». Распоряжение о его этапировании на другой конец континента было направлено 22.11.1950 начальнику Бутырской тюрьмы МГБ СССР полковнику Шокину.⁵³⁾

Известно, что у престарелого и нравственно измученного ученого еще хватило сил взойти в арестантский вагон, следовавший на Восток. Где сняли его, вконец обессиленного, в лазарет какого ИТЛ поместили и где его безымянная могила — информации о том нет ни в следственном деле, ни в известных автору публикациях. Известно лишь, что скончался «старейший русский геолог», как обозначили его в своем обращении во власть академики Д.В. Наливкин, Д.С. Белянкин и С.И. Миронов,⁵⁴⁾ 21 января 1951 года, месяц с лишним спустя после того, как под руки вывели его из каземата Бутырки...

V

Профессор М.М. Тетяев

Следственное дело М.М. Тетяева оказалось в числе тех 17 дел, которые, из-за отсутствия разрешений от близких фигурантов «Красноярского дела» на полный их просмотр, были доступны для ознакомления только по их реабилитационной части. Потому в данном разделе пришлось ограничиться лишь материалами допросов Тетяева от 18.06.1949 и от 23.03.1950, копии протоколов которых, в качестве дополнительных «улик», подшивались к следственным делам Вологодина и Русакова.

Цитирование вписанных, от его имени, «показаний» предварим выдержкой из его обращения в 1953 г. в адрес Генерального прокурора СССР. «Данные следствия, — писал он, — дают совершенно искаженную картину моей деятельности... Все эти протоколы подписаны мною только под влиянием мер воздействия,... совершенно непереносимых для меня ввиду моего возраста... С 1936 г. я выбыл из состава работников Комитета по делам геологии, сосредоточив свою деятельность исключительно на педагогической работе в Ленинградском горном институте...»⁵⁵⁾

Весь период гражданской междоусобицы Тетяев пробыл в Петрограде, что не позволяло предъявить ему ходячие для фигурантов «Красноярского дела» обвинения в сотрудничестве с «колчаковским геолкомом», пребывании в войсках Колчака и т.п. Но криминал из времен Гражданской войны все тот же следователь А.П. Леонов, допрашивавший также И.Ф. Григорьева и А.Г. Вологодина, нашел и для Тетяева. Первым сюжетом для протокола допроса от 18.06.1949 становится такой, не очень согласующийся с правилами орфографии русского языка, пассаж от имени ученого: «Поскольку я и мои единомышленники враждовали против советского правительства, отсиживались без дела в Геолкоме, зарплата нам не выплачивалась, и мы создали себе материальные трудности. Однако вскоре этот вопрос разрешился, так как секретным путем мы стали получать

субсидии от Рябушинского»,⁵⁶⁾ а контакт с ним установил Я.С. Эдельштейн «который играл руководящую роль среди реакционно настроенных геологов».⁵⁷⁾

В последующих записях протокола речь идет уже о «злодеяниях» периода 20-40-х годов. Например, о преднамеренном ничегонеделании по части богатых забайкальских месторождений вольфрама. Зная о них, саморазоблачается под пером следователя ученый, «я ничего не сделал при советской власти для их промышленного использования... Мне было известно, что еще с 1923 г. по линии Московского института прикладной минералогии (ныне Всероссийский институт минерального сырья — А.Б.) в Забайкалье работала экспедиция по изучению вольфрамовых месторождений, но я преднамеренно не передал накопленный мною материал об этих месторождениях *по назначению*» (здесь и ниже курсив мой — А.Б.). В 1928 г. я был вызван в институт прикладной минералогии, где мне напомнили мои знания (?! — А.Б.) и предложили проконсультировать работу экспедиции. Будучи *притянутым за уши к делу*, я уже отказываться не мог и выехал на Букуинский и Белухинский рудники. Так одной поездкой и отделался» (л. 191-193).

Приводимые выше рассуждения невежественного дознавателя, записывавшиеся в протокол допроса от имени знатока геологии Забайкалья, требуют дополнительного комментария. Свои исследования на вольфрамовых месторождениях региона Тетяев успешно провел еще в 1918 г. и сдал работу для печати в марте 1919 г. «Наступившие с того времени осложнения общественной жизни, — аккуратно отметил он в предисловии к появившемуся в 1926 г. изданию своей работы "Типы русских вольфрамовых руд...", — приостановив и издательскую деятельность, задержали ее печатание до настоящего времени. Считая общие положения моей статьи сохранившими силу и даже нашедшими новые подтверждения их правильности, ... я полагаю возможным сохранить ее в том виде, в котором она была представлена в 1919 году». Датировано предисловие январем 1925 г.⁵⁸⁾ Именно выход в свет этой работы и подвиг руководство московского научно-исследовательского института пригласить ленинградского коллегу в 1928 г. в качестве консультанта полевых партий вольфрамовой экспедиции, работавшей на ранее изученных им месторождениях...

«Большой вред я нанес молодому поколению геологов, читая в течение трех десятилетий курс геотектоники... В лекциях проповедовал немецкие теории, в частности перенес в наши условия теорию шарьяжей, ... утверждал, что в Забайкалье обнаружена система шарьяжей, и сделал ссылки на *якобы* проведенные мною работы... Побывавшими в Забайкалье геологами я *был разоблачен* и от ложных утверждений отказался, но моя *установка* (здесь и выше курсив мой — А.Б.) долгие годы дезориентировала геологов при оценке структур и поисках полезных ископаемых» (л. 201, 202).

По части увлечения в Забайкалье теорией шарьяжей, с которой капитально ознакомился при получении высшего образования в 1904-1912 гг. в Льежском университете, на примере альпийских структур, Михаил Михайлович действительно был грешен. Когда в конце 50-х гг. я работал на Оловском урановом месторождении в Вост. Забайкалье, мне самому пришлось сталкиваться с путаными представлениями Тетяева, внесенными его монографией, опубликованной в 1932 г.⁵⁹⁾ Но подобных увлечений, по природе эволюции человеческого мышления, не могла и не может избежать ни одна из мировых областей научного знания. А уж предъявление ученому обвинений в преднамеренности и трактовку факта признания им своих научных заблуждений как следствие «разоблачения» — поистине достойны разве что времен средневековой инквизиции...

Еще один предмет для обвинения, теперь уже в шпионаже, как и Вологодина, — общение с иностранными членами XVII сессии Международного геологического конгресса. Усугублялись эти обвинения еще и тем, что Тетяев, будучи выпускником Льежского университета в Бельгии, встретился на конгрессе со своим, в течение 1904-1912 гг., непосредственным учителем академиком Полем Фурмарье. Общался с ним он, естественно, «не только в официальной обстановке, но и в ресторанах и в его номере

гостиницы "Москва". Во время поездки (на геологическую экскурсию — А.Б.) я поместил его в свой вагон, который занимал как руководитель экскурсии, и вел задушевные беседы, вспоминая встречи в Льеже».

Наивно поведал следователю и о патриотическом участии любимого учителя в движении Сопротивления — как во время 1-й, так и 2-й мировых войн. Контактировал Фурмарье в обоих случаях с английской разведкой,⁶⁰⁾ которая, к слову, в те годы являлась союзницей российских служб в 1914-1917 и советских — в 1941-1945 гг. Предполагая, видимо, что подполковник Леонов вместе с ним преисполнится уважением к гражданственной позиции Фурмарье. Но не тут-то было... Узнав, что «во время экскурсии он (бельгийский гость — А.Б.) тесно общался с американцами и по окончании конгресса выехал в США», Леонов тут же трансформировал сообщение Тетяева в следующий пассаж, вполне отвечавший господствовавшим в пропаганде конца 40-х годов антизападническим настроениям: «Обмолвился (Фурмарье — А.Б.), что у него в США имеются неотложные дела, из чего я заключил, что *помимо англичан он служил и американцам*».

И в завершение — еще один следовательский перл, связанный с выдуманными «шпионскими услугами». Будучи убежденным, что все эти услуги не могли остаться без воздаяния, далее, от имени Тетяева, подполковник Леонов подсоединяет к заданному им вопросу следующие, явно трансформированные в требовавшуюся ему форму, слова подследственного: «Фурмарье обещал мне за оказываемые услуги устроить так, чтобы я был избран членом-корреспондентом Бельгийского геологического общества, а также высказывал другие посулы. В знак дружбы мы обменялись нашими научными трудами, на которых написали автографы... В начале 1938 г. я получил извещение об избрании,... что мне *как выученику* Льежского университета очень льстило. При его содействии я бесплатно получал бельгийские геологические издания (что всегда являлось нормой для членов научного сообщества — А.Б.). За три дня до ареста получил письмо и материалы XVIII Международного геологического конгресса, проходившего в Лондоне (в августе 1948 г. — А.Б.), однако отблагодарить его не смог...» (л. 213-216).

Намеченной линией предельно наивных для слуха профессионала-геолога фальсификаций Леонов придерживался и в дальнейшем. В протокол от 25.03.1950 он включил, от имени подследственного, такие рассуждения: «Котульский совместно с Григорьевым использовал свое положение в Геолкоме для проведения вредительской работы на распыление государственных средств. Они занимались так называемой чистой наукой, а не поисками и промышленным освоением месторождений. Всю работу они ограничили уже известными месторождениями, не занимаясь новыми открытиями». И далее: «Придерживаясь общей установки Котульского — скрывать добытые сведения по месторождениям цветных металлов, Русаков не печатал работы, освещающие месторождения цветных металлов. По окончании многолетней работы на этой территории (в Казахстане — А.Б.), он не дал итогового отчета, и геологи не имели возможности использовать добытые сведения».⁶¹⁾

Еще один перл — по части будто бы злонамеренного использования Русаковым с теми же Котульским и Григорьевым, «глубоко неверной теории Клооса и Эммонса об относительно небольшой глубине трещин с рудой жильного типа». Делалось это для того, чтобы внедрить геологам «боязнь итти при разведочных работах на значительную глубину, что заведомо снижало выявление перспектив месторождений».⁶²⁾

Поскольку, помимо двух упоминавшихся протоколов, другие следственные материалы остались для автора недоступными, для пополнения приведенных выше сведений можно воспользоваться текстом утвержденного 15.03.1954 заключения Следчасти МВД СССР, послужившего юридической основой для протеста Генерального прокурора СССР и последовавшей вслед реабилитации.

Оказывается, в вину Тетяеву были поставлены и его юношеские увлечения политикой в 1904 г., когда он в Льеже «примкнул к меньшевикам и, встав во главе

меньшевистской группы, состоящей из числа русских студентов, поддерживал непосредственную связь с меньшевистским органом «Заграничная лига» в Женеве. Коснулся капитан Байков, составитель упомянутого заключения, и приложенного к обвинению акта назначенной следствием экспертной комиссии. Ее авторы на самом деле честно признали, что выдвинутая Тетяевым в 1927-1932 гг. «теория шарьяжей... для того времени являлась новой и основывалась на данных, не упоминавшихся прежними исследователями, однако под влиянием новых фактов Тетяев впоследствии свои взгляды изменил». Следовательно, констатировал Байков, «ссылка на это заключение как на документ, якобы обличающий Тетяева в проведении вражеской работы, является несостоятельной».⁶³⁾

VI

Профессор В.К. Котульский

Профессор В.К. Котульский, выдающийся ученый-геолог, оставивший свой след в самых разных областях геологических и сопредельных с ними знаний, в полной мере вынес на своих плечах последствия беззаконий сталинской эпохи, так и не дожив до времен оттепели. Злая судьба дважды предопределяла ему выслушивать несправедливые приговоры и дважды следовать в арестантских вагонах к местам отбывания неизвестно за что назначенных ему наказаний.

Первый раз его арестовали в 1930 году и 15.11.1932 осудили на 10 лет лагерей за пребывание в качестве вице-директора Сибирского геолкома в Томске, сформированного и действовавшего под эгидой белогвардейского правительства Колчака. Хотя к моменту его ареста не прошло и трех лет после публикации постановления президиума ЦИК СССР, в то время формально высшего органа власти в стране, от 2 ноября 1927 г. «Об амнистии». В соответствии с этим законом прекращались все уголовные дела, связанные с противостоянием в период Гражданской войны, включая те из них, которые находились в производстве, а уже осужденные по ним немедленно амнистировались.⁶⁴⁾

После осуждения был этапирован в Мурманск, где его назначили заведующим вновь организованного Спецбюро, занимавшегося проблемами переработки кольских апатитов. В 1934 г., когда в Кировске был организован комбинат «Североникель», был переведен туда в качестве его научного консультанта. Плоды его трудов не заставили себя ждать: вскоре по его рекомендации было открыто крупное Мончегорское медно-никелевое месторождение. С началом Великой Отечественной войны был эвакуирован из прифронтовой Мурманской области в Норильск. Работал там уже по вольному найму, как отбывший срок наказания, однако без права проживания в крупных городах страны. В 1945 г. судимость с Котульского была снята, и в апреле 1945 г. он вернулся домой, в Ленинград, где стал сотрудником проектного института «Гипроникель».

Оказавшись четыре года спустя вновь на положении подследственного, Котульский, надо думать, сумел проанализировать соответствия и различия в методах добывания следователями требуемой им информации и уровня «переработки» ими того, что удавалось получить от допрашиваемого. Наверно, соответствий все же было больше, чем отличий. Но предельная неприязнательность дознавателей образца 1949 года — настолько бьющая в нос, что трудно представить себе что-либо еще более низкое. Вот — одна из таких иллюстраций.

На допросе от 13.12.1949 капитан Тельнов фиксирует на бумаге свое заявление: «Вам дополнительно предъявляется обвинение... Вы обвиняетесь в том, что... высказывали вражеские измышления...» И далее — якобы ответная реакция Котульского, интеллигента и попросту умного человека:

«Дополнительные обвинения охватывают преступления, которые я действительно совершал... Сообща с единомышленниками... мы охаивали советскую действительность,... высмеивали стахановское движение,... прославляли зарубежную науку и выражали недовольство положением ученых в СССР. Лично я издавна питал политические

симпатии к Англии, английскому образу жизни...⁶⁵⁾ Политику лейбористского правительства я приветствовал как высший мирный способ внедрения социализма. Меня не устраивало отсутствие в СССР оппозиционных партий, и я *клеветнически* (здесь и ниже курсив мой — А.Б.) обвинял советское правительство в стремлении ввести единомыслие...»⁶⁶⁾

И еще один пример подобного примитива: «Вместе со мною Тетяев разглашал перед иностранцами данные о ресурсах Советского Союза... изданием общедоступного обзора минеральных ресурсов. Мысль об издании такого обзора возникла в дореволюционное время, но тогда не было крупного разворота геологических работ, *и рамки утечки секретных материалов этим сужались...* До 1926 г., возглавляя деловой совет бюро учета Геолкома, я собирал данные для обзора... В 1927 г. обзор вышел в свет и щедрой рукой Тетяева разослан геологическим организациям иностранных государств».⁶⁷⁾

На фоне этих бредовых размышлений, приписываемых допросчиком Котульскому, для целей сопоставления уместно привести выдержки из архивного протокола допроса от 22.10.1940. Допрос этот состоялся в Норильске непосредственно перед освобождением ученого из-под стражи, по отбытию им назначенного 10-летнего заключения; копия протокола подшита в следственном деле 1949-50 гг.⁶⁸⁾

При чтении документа прежде всего привлекают внимание полные человеческого достоинства ответы Владимира Климентьевича, несмотря на легко прослеживаемый напор безымянного местного следователя. Последний, надо отдать ему должное, вполне объективно, не в пример будущим МГБвским коллегам образца 1949 года, записывал показания допрашиваемого. Правда, и деваться тому было некуда. Допрашивал он в данном случае человека, отсидевшего уже свой срок, а не бесправного подследственного, у которого еще все впереди. И какой бы прокол случился у него по служебной линии, если бы допрашиваемый отказался подписывать протокол с некорректным изложением его ответов...

Но в этом документе имеется и еще один важный аспект, который касается не столько ответов Котульского, сколько вопросов следователя. Вопросы эти безоговорочно свидетельствуют о том, что уже в 1940 году следственные органы настойчиво интересовались теми представителями советской геологической науки, которые оказались на положении подследственных лишь десятком лет спустя (И.Ф. Григорьев, М.П. Русаков) или вообще, благодаря очищающим катаклизмам 1953 года, не успели попасть под арест, но многократно поминались следователями МГБ при допросах фигурантов «Красноярского дела» (Г.Л. Падалка, В.П. Нехорошев). То есть еще в 30-х гг. НКВД держал на крючке целый ряд блестящих геологов страны. А абсурдные подозрения в массовом злонамеренном сокрытии от правительства месторождений полезных ископаемых неизменно фигурировали в наработках Лубянки задолго до трагедии 1949 года...

Чтобы подкрепить упомянутое выше и одновременно предоставить гражданственный облик Котульского не в кривом зеркале протоколов 1949-50 гг., а в его истинном свете, приведем в заключение ряд выдержек из допросных листов 1940 года...

— В пользу кого и чьему заданию вы занимались вредительством и шпионажем?

— Вредительством и шпионажем не занимался. Показания... 1931 г. являются неверными... Давал я неверные показания вследствие ослабления воли после восьми месяцев сидения в тюрьме...

— На допросе 25.06.1931 вы показали, что Октябрьскую революцию Ленинградский (!? — А.Б.) Геолком встретил саботажем и что в течение нескольких месяцев получал деньги не от казны, а из какого-то особого фонда...

— Я подтверждаю, что Геолком получал деньги после революции от группы лиц во главе с Рябушинским... Саботаж заключался в том, что мы сами не обратились к советской власти за финансированием, а продолжали получать у Рябушинского. Участниками саботажа являлись все члены Геолкома в количестве около 50 человек...

— Летом 1918 г. вами была организована экспедиция на Алтай и в другие места Сибири... По данным НКВД это была не экспедиция, а прикрытие бегства к Колчаку...

— Бегством это назвать не могу. Мы не сочувствовали советской власти и... предприняли поездку в свой район Сибири, где раньше работали... Но точного представления о том, что происходит в Сибири, по крайней мере у меня, не было...

— Зная, что в Сибири белые, вы поехали туда. Значит, сочувствовали им?

— Мы поехали работать в наши районы, имея намерения вернуться обратно. Белым не сочувствовал.

— Выше вы показали, что не сочувствовали советской власти... Ниже говорите, что и белым не сочувствовали. Кому же сочувствовали?

— Я не революционер. Потому, принимая идеологически советскую власть, я не сочувствовал ее революционным действиям. Что же касается белых, так я им и раньше не сочувствовал. Я признавал демократическую буржуазную власть, которая путем эволюции должна была прийти к социализму...

— Органам НКВД известно, что вы работали в концессии (английская «Алтай корпорейшен», возглавлявшаяся инженером Курселем — А.Б.)... Как вами использовался в интересах концессии И.Ф. Григорьев?

— В Барнауле по заданию Геолкома работал Григорьев, извлекавший материалы по Белоусовскому руднику. Такую же работу ранее проделал Курсель. Но так как материалы Курселя были неполными, я познакомил его с более полными материалами Григорьева...

— Григорьев также был связан с Курселем?

— Точных сведений у меня нет, но думаю, что не был связан, так как все материалы Курселю давал я.

— В чем заключалась ваша преступная связь с Курселем?

— Свою связь с Курселем не считаю преступной, поскольку в обязанность Геолкома в Томске входило содействие горной промышленности...

— Значит, вы в данном случае содействовали развитию английской промышленности?

— Не имел в виду содействие английской промышленности, а имел в виду содействие развитию алтайской промышленности.

— На допросе 07.06.1931 вы показали, что вами скрыты от советской власти месторождения Змеиногорское, Чурак, Николаевское, Риддерское и др. Эти месторождения имеют промышленное значение?

— Никаких месторождений не скрывал, а перечисленные имеют промышленное значение...

— НКВД известно, что вы скрывали от советской власти алтайские месторождения. Русакову скрываемые вами алтайские месторождения были известны?

— Повторяю, алтайские месторождения мною не скрывались. Насколько мне известно, Русаков на Алтае не был и алтайские месторождения ему известны по литературе.

— Неправда. НКВД известно, что Русаков, Падалка, Болдырев и Нехорошев скрывают до сих пор от советской власти богатые алтайские месторождения.

— Все перечисленные лица алтайские месторождения не скрывали...

Комментируя этот диалог, состоявшийся, еще раз напомним, в 1940 году, уместно отметить, что следователь тогда ни единым словом не упомянул в своих констатациях, что при контактах с английским концессионером Курселем Котульский тем самым передавал ему «секретную информацию». Обвинение это прозвучало девять лет спустя.

Уже в постановлении на арест, подписанным 13.05.1949 (ордер же на арест и обыск, нелишне отметить, незаконно был оформлен за три дня до этого — 10.05.1949, когда Котульский и попал вновь за решетку), утверждалось, что подозреваемый «систематически передавал Курселю *секретные* (курсив мой — А.Б.) материалы о

результатах геологических разведок рудных месторождений Алтая», что для ситуации тридцатилетней давности абсолютно не соответствовало действительности.

И в 1930-х годах, когда Котульский отбывал свой первый срок, — тоже. Оттого в 1940 году и не звучали из уст беседовавшего с Котульским следователя подобные утверждения...

Еще одно специфическое любопытство, весьма характерное именно для 1949 года, отличало это время от времен 30-х годов — вопрос национальной принадлежности подсудимого, то есть пресловутый «пятый пункт», если он не отвечал категории «титulyных» для страны наций. 26.10.1949 на очередном допросе между следователем и Котульским возник следующий примечательный диалог:

— Данные вашей биографии нуждаются в уточнении. Называя себя русским, вы не шли против истины?

— Мать у меня русская, родился и вырос в России. Кажется, меня нельзя упрекнуть в искажении национальности.

— Известно, что вы происходите из семьи польского пана Климентия Котульского. Как же вы разошлись с отцом в национальной принадлежности?

— Мой отец поляк... Родители отца издавна принадлежали к старинному дворянскому роду поляков... Конечно, по отцу я поляк. Но, воспитавшись в полной оторванности от Польши, не зная польского языка, я не видел ошибки в причислении себя к русским.⁶⁹⁾

Добавим, что близкие вопросы заинтересовали следователя МГБ и при допросе В.Н. Доминиковского.⁷⁰⁾

И в заключение — еще один эпизод, связанный с пребыванием Котульского в лубянских казематах, возможно, единственный в своем роде для «Красноярского дела», поскольку ни в одном из других следственных дел, просмотренных автором, ничего подобного не содержалось. Речь пойдет о некоем А. Фортуненко, какое-то время пребывавшем в одной камере с Котульским и помещенным туда в качестве «подсадной утки». О нем упомянул 10.03.1954 следователь Следчасти по особо важным делам МВД СССР капитан Байков. Как записано в подготовленном им для реабилитации заключения, в регулярных донесениях тот информировал завербованных его следователей МГБ, что Котульский неоднократно говорил ему, что «на следствии себя оговаривал».⁷¹⁾

Помимо следственного дела Котульского, выписки из информации А. Фортуненко были вшиты, по инициативе того же капитана Байкова, в дело В.М. Крейтера, поскольку фамилия последнего не раз упоминалась и в них. Из упомянутого текста следует, что содержался Фортуненко в одной камере с Котульским не менее полутора месяца. За это время передал, с 5 октября по 10 ноября 1949 г., по назначению четыре сообщения. Упомянув о самооговоре подсудимого, Байков, видимо, имел в виду следующую запись Фортуненко от 01.11.1949: «Время от времени... рассказывает мне о ходе его следствия. Однажды... сообщил мне, что поскаandalил со следователем... Котульский написал опровержение показаний (одного из фигурантов дела — А.Б.), а следователь строго указал, что он отрицает то, что установлено следствием. Весь вечер Котульский беспокоился по поводу этого и, наконец, пришел к следующему решению: этот факт не является особенно существенным и поэтому не стоит конфликтовать, а лучше изменить собственное показание,... что вообще он уже "не в силах сопротивляться"».

В последнем донесении от 09.11.1949 записано следующее: «Котульский сообщил, что подписал большой протокол (от 26.10.1949 на 52 листах машинописи — А.Б.). По некоторым пунктам он, мол, пытался возражать по поводу формулировок, но безуспешно... Котульский неоднократно возвращался к тому, что он ничего особенного, мол, не сделал, а его снова арестовали только потому, что принадлежит к старой интеллигенции...»⁷²⁾

Чего уж тут добавить к безыскусным словам подсаженного? Только лишь то, что загубленный блестящий ученый, первооткрыватель крупного Мончегорского медно-

никелевого месторождения, чьим именем ныне названа одна из улиц Норильска и минерал из группы теллуридов, а портрет его висит в галерее наиболее выдающихся геологов на втором этаже ВСЕГЕИ, так и не дожидаясь реабилитации, скончавшись 24 февраля 1951 г. в лагерьном лазарете от сердечной недостаточности. Двух лет не дотянув до 5 марта 1953 г., когда на Ближней даче в Москве скончался его кремлевский ровесник и главный организатор и вдохновитель несправедливых репрессий, четверть века сотрясавших огромную страну...

VII

Профессор В.М. Крейтер

Из протокола первого допроса от 23.05.1949, на второй день после ареста:

— Вы арестованы за антисоветские преступления. Расскажите об этом.

— Антисоветской деятельностью я не занимался, потому и рассказывать мне не о чем...

Из протокола второго допроса от 02.06.1949:

— Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Я признаю себя виновным в том, что действительно на протяжении ряда лет являлся участником антисоветской группы...

Ирина Владимировна, дочь покойного профессора Крейтера, поведала, со слов матери, что Владимир Михайлович, вернувшись через пять лет домой, говорил: «Я не глядя подписывал все, что мне давали. Иначе выжить было невозможно». Понимание этого пришло к нему достаточно быстро после ареста — в промежутке между 23 мая и 2 июня. А возможно, именно в процессе второго допроса, начавшегося в 11 час. вечера и завершившегося в 3 часа ночи следующего дня.

Оба допроса вел подполковник Маликов. Он же 14.06.1949 вновь встретился с подследственным, опять же в ночное время. Теперь уже по причине экстраординарного события — самоубийства 10 июня Н.В. Барышева, близкого друга и коллеги подследственного, сменившего его три месяца назад на должности заведующего кафедрой поисково-разведочной геологии МГРИ. Следователя интересовали их взаимоотношения.⁷³⁾

Перед арестом ученого будущие тюремщики дали съездить ему в середине мая в Ленинград, напоминая тем повадки кошки, играющей с мышкой. Там предстояла защита докторской диссертации, на которой Крейтер должен был присутствовать в качестве официального оппонента. 12 мая⁷⁴⁾; за девять дней до последовавшего ареста, он встретился с давним знакомцем, членом-корреспондентом АН СССР В.А. Николаевым, который вечером зашел к нему в гостиницу «Астория». На предложение следователя рассказать, о чем шла речь и касались ли они прошедших полтора месяца назад арестов геологов, Крейтер ответил, что такие разговоры, естественно, были. Особенно вспоминали при этом Я.С. Эдельштейна и И.Ф. Григорьева. Как записано в протоколе допроса от 12.09.1949, длившегося четыре часа и целиком посвященного Николаеву, оба собеседника пришли к выводу, «что опять началась эпоха недоверия к старому поколению интеллигенции, и первыми в этом отношении оказались геологи. Николаев выразил сомнение в виновности некоторых специалистов-геологов, и на этом разговор мы прекратили».⁷⁵⁾

Приведенные в сентябрьском протоколе высказывания обоих, давно знавших и уважавших друг друга коллег, скорее всего, близки к словам, истинно прозвучавшим 12 мая под кровом «Астории». В словах тех они более чем адекватно охарактеризовали наметившуюся в стране абсурдную ситуацию. В стране, которая только что стала как-то оправляться от чудовищных людских и материальных потерь недавно завершившейся войны с нацизмом и которую бездумно, почти без антракта, начали подталкивать к новому витку жертвоприношений...

Собеседники в потаенной беседе своей имели в виду авангардную роль, которую, по их ожиданию, власть решила отвести в череде планируемых массовых репрессий среди мыслящей части советского общества именно геологическому корпусу страны. И, не зная еще о многом, оказались в своих предвидениях недалеко от истины. Предстоявшие вскоре настойчивые следовательские распросы, наверно, не раз напоминали Крейтеру ту вечернюю дружескую, и потому откровенную, беседу в «Астории». Распросы эти с очевидностью позволяли разглядеть в них малоскрываемый подбор первичной информации на будущих кандидатов на лубянские застенки. Притом информация собиралась не только на знаковые личности отечественной геологии, как будет показано это в главе 5, но и на достаточно скромных тружеников геологического ремесла.⁷⁶⁾

Таким распросам целиком был посвящен полуторачасовой допрос 02.01.1950. Следователя интересовали В.А. Глазковский из «Механобра» в Свердловске, М.И. Меркулов из «Уралцветметразведки» и С.Н. Иванов, тоже с Урала, у которого Крейтер в 1947 г. был оппонентом по докторской диссертации. Все трое, как высказался он, близкими ему людьми не являлись, а на вопрос, знакомы ли ему их политические взгляды, отвечал, как сформулировано в показаниях: «Своими враждебными взглядами с ними не делился и от них антисоветских высказываний не слыхал».⁷⁷⁾

28.01.1950 на Лубянке заинтересовались А.А. Амираслановым. Крейтер не стал скрывать своего резко отрицательного отношения к нему в бытность его работы в качестве главного инженера Главгеологии Минцветмета СССР: не владеет современными научно-техническими методами поисково-разведочного мастерства, отстал от новейших достижений в этой области знаний, что отрицательно сказывается на эффективности его руководства отраслью, и т.д. На дежурный же вопрос, известны ли ему политические взгляды Амирасланова, кратко ответил: «Нет».⁷⁸⁾

В заключение уместно привести достаточно информативный диалог между следователем и Крейтером, касавшийся якобы вредительского экспертного заключения, данного им в 1935 году по Тырныаузскому вольфрам-молибденовому месторождению, открытому за год до того в высокогорье Сев. Кавказа геологами В.А. Флёровой и Б.В. Орловым и сданного в эксплуатацию в 1940 году. Читатель без труда сумеет в этой следовательской записи отчленить малограмотный лепет МГБвского допросчика от крупниц истины, которая все же проскальзывает в протоколе в потоке приписываемой Крейтеру абракадабры.

Попутно заметим, что уже в постановлении на арест, утвержденном министром МГБ В.С. Абакумовым, отмечалось, что он якобы дал отрицательную оценку перспективам Тырныауза, «но эта попытка сорвать работы закончилась неудачей, и разведочные партии продолжали действовать, не считаясь с мнением Крейтера» (!? — А.Б.)...

Вослед вопросу следователя, каким образом он ухитрился обозначить бесперспективным Тырныауз, который «фактически обладает половиной мировых запасов этих руд», маститый разведчик и эксперт якобы ответил:

— В 1935 году, осмотрев множественные естественные обнажения в Тырныаузе, я признал крупный масштаб оруденения. Наличие огромных запасов руд (вольфрама — А.Б.) невозможно было отрицать и при вредительском подходе к оценке богатств месторождения. Свою вредительскую линию я протащил не преуменьшением запасов руд, а путем отнесения их к некондиционным по признаку якобы непромышленного содержания в них молибдена. Я прямо писал, что вся масса тырныаузских руд содержит тысячные или в лучшем случае сотые доли молибдена, чем заведомо искажал истину и сваливал месторождение в категорию непромышленных. Процент содержания молибдена в руде я занизил более чем в десять раз (систематического опробования только что обнаруженных руд еще не имелось — А.Б.). Практика опрокинула мое вредительское заключение...

— О тырныаузском сурьмяном месторождении... вы также вынесли заключение, не соответствующее действительности.

— Да, но в заключении по сурьме я пошел иным путем — преувеличил перспективы. Я дал вывод, что залежи сурьмы исчисляются в 10-11 тыс. т и носят промышленный характер. Это повело к развертыванию геолого-разведочных работ и к ненужной прокладке грунтовой дороги на месторождение в трудных горных условиях.⁷⁹⁾ В действительности месторождение сурьмы оказалось непромышленным...⁸⁰⁾

Этот детский лепет следователя Тельнова, выдававшийся за показания маститого ученого, говорит сам за себя. Да и Владимир Михайлович почел необходимым в письме в Прокуратуру СССР от 17.09.1953 вернуться к вопросу о своей экспертизе по только что открытым залежам тырныаузских руд. Проинформировав адресатов, что посетил Тырныауз лишь однажды, в июле 1935 г., когда главное тело месторождения еще не было даже обнаружено, и оценки свои, как положено в таких случаях, делал «на глаз», далее резюмировал: «Я указал, что есть немного богатых руд, но в своей массе эти руды содержат сотые и тысячные доли процента молибдена». В итоге же «среднее фактическое содержание, после пяти лет разведки, оказалось 0,09%» (курсив мой — А.Б.).⁸¹⁾

И еще одно свидетельство злостного фальсифицирования показаний, теперь уже со стороны, направлявшиеся против Крейтера. Принадлежало оно сугубо нейтральной личности, уже упоминавшемуся выше посаженному на несколько недель в камеру, в которой сидел В.К. Котульский, осведомителю А. Фортушенко. В очередном донесении, датированном 01.11.1949, последний информировал своих пастырей, что его подопечный «опасается, что Крейтер свидетельствует о каких-то директивах, данных Котульским тому в 1929 году при поездке в Америку по связи с бывшими концессионерами. Последний раз Котульский высказывал свое намерение признать, что действительно давал задание Крейтеру. "Надо только умело продумать характер этих заявлений, чтобы это было *правдоподобно* (курсив мой — А.Б.) и вместе с тем не слишком отягощало обвинение"». ⁸²⁾

Через три месяца после ареста Крейтера и самоубийства Барышева в ЦК ВКП(б) пришел донос от сотрудника ВИМСа, который почел за долг свой просигнализировать, что в течение многих лет в тесной личной связи с ними находился А.П. Ларченко, заместитель начальника и член коллегии Главсевморпути, а до того директор МГРИ. Донос дорого обошелся последнему. 21.11.1949 решением Политбюро он был снят с занимаемых должностей. Перед этим, при рассмотрении его дела в Транспортном отделе ЦК, его обвинили в том, что «проявляет небольшевистское отношение к интересам государства и не способен обеспечить руководство таким важным делом, как разведка и добыча полезных ископаемых в Арктике». ⁸³⁾

VIII

Профессор Б.К. Лихарев

Первые листы следственного дела арестованного обычно содержат материалы, относящиеся к процедуре ареста, включая информацию об обыске при доставке его во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. Материалы эти сугубо формальные и самостоятельного интереса, как правило, не представляют, но бывают исключения. Именно таковым видится протокол обыска старшего научного сотрудника ВСЕГЕИ, крупного палеонтолога профессора Б.К. Лихарева.

Лихарев был доставлен из Ленинграда 11.05.1949, на следующий день после его ареста. Как отмечено в протоколе обыска этапированного, при нем обнаружено и «отобрано с рук деньги советского знака в сумме 1051 руб. 65 коп. Орден Ленина № 90897 1 шт., к нему орденовая книжка № 917447 1 шт. Медаль за трудовую доблесть № 27074, к ней удостоверение № 030635 1 шт. Нагрудные значки Царской России ж/м (желтого металла — А.Б.) разные 2 шт....»⁸⁴⁾ То есть, уходя под конвоем из дома, Борис Константинович демонстративно облачился в парадный костюм с приколотыми к нему правительственными наградами, среди которых высшая награда страны — орден Ленина.

И еще одно примечательное наблюдение в документации, связанной с арестом Лихарева. В ордере № 1242 от 10.05.1949 «для производства ареста и обыска», выданного начальством из Управления МГБ СССР по Ленинградской обл., значится, что «арест прокурором санкционирован». На самом деле это — явная подтасовка, столь обычная для повседневной практики гебешных структур. Свидетельство тому — документ, датированный 14.05.1949, то есть появившийся на свет божий четыре дня спустя после произведенного ареста: «Ордер № 835 от 14.05.1949 выдан майору Власову на производство ареста и обыска по месту нахождения...» и далее подписи зам. министра МГБ СССР и санкционировавшего арест зам. Генерального прокурора СССР А.П. Вавилова.⁸⁵⁾ В результате этого мелкотравчатого подлога высокопоставленных чиновников из правоохранительных органов 15-тилетний срок заключения Лихарева, в соответствии с приговором Особого Совещания при МГБ СССР, было предусмотрено исчислять с 14 мая 1949 г.,⁸⁶⁾ а не с 10-го, когда он в действительности был взят под стражу...⁸⁷⁾

Сами же допросы проходили в том же стиле, в каком они велись при дознаниях в отношении других фигурантов «Красноярского дела»: как встретил Октябрь, как вредил, скрывая от советского правительства месторождения полезных ископаемых, и кто из подобных «вредителей» еще гуляет на свободе, какими путями передавал иностранным разведчикам секретные сведения о сырьевой базе СССР и т.п. И все это шло, как и в иных случаях, на фоне угнетающего убожества дознавателей.

Приведем в качестве достаточно яркого примера состоявшийся на допросе 12.04.1950 (л. 173-177) диалог между следователем Гаркушей и подсудимым, по поводу проводившейся Лихачевым в 1923-24 гг. десятиверстной геологической съемки на площади Шенкурского уезда Архангельской губернии:

— Какие месторождения полезных ископаемых были вами обнаружены?

— Месторождения гипса, известняка, стройматериалов и мелкие месторождения болотных железных руд, которые, кстати, были известны с давних времен. Все материалы были опубликованы под названием «Геологическая съемка 69-го листа».

— Производя съемку, ... вы встречали крупные залежи железной руды?

— Нет, ... и вообще полагаю, что таковых нам нет...

— Следствие располагает данными, что вами в 6 км от деревни Болотино Шенкурского района Архангельской области обнаружены крупные залежи железной руды, однако вы скрыли это от советской власти. Показывайте правду.

— Я снова утверждаю, что никаких крупных залежей железной руды там не встречал, потому скрывать мне нечего...

— В период вашей работы по оценке Шенкурского листа вы встречались с иностранцами?

— Никаких иностранцев в то время не встречал. Местность мало населена, и я почти все время находился в поле...

Если в данном случае, на исходе следствия, следователь Гаркуша хотя бы ответы Лихарева фиксировал более или менее объективно, то на первых порах допросов картина была принципиально иной. Приведем записи из протокола допроса годом ранее, 25.05.1949, который вел следователь Шиловский:

— Вам предъявлено обвинение... Вы признаете себя виновным?

— Я признаю себя виновным... В то время (в 1927 г.- А.Б.) и в последующие годы, когда я переключился на палеонтологию, я в этой служебной деятельности занимал антисоветскую (!? — А.Б.) позицию, пренебрегая интересами развития социалистического хозяйства, и свои действия не могу иначе квалифицировать как вредительские... (л. 40-44).

— Почему вы переключились на палеонтологию?

— Насущные нужды страны по исследованию минеральных ресурсов для меня были чужды. Желая укрыться в «тихую обитель», я и предпринял этот шаг. При покровительстве А.П. Герасимова, заведующего кавказской секции Геолкома, я выбрал

неактуальную тему «Пермская фауна Северного Кавказа». Эта тема, на исполнение которой мною было ухлопано пять лет, являлась ненужной стране... Такое же, с позволения сказать, "значение" имела и вторая работа по пермским брахиоподам Дарваза. В третьей работе по обработке продуктид донецкого карбона я подошел к решению нужной задачи по определению угленосных отложений (вероятно, подразумевались проблемы корреляции — А.Б.) при бурении как в бассейне, так и за его пределами, но из *вражеских побуждений* (курсив мой — А.Б.) эту работу прекратил, и она осталась незаконченной...» (л. 66-68).

06.09.1949 сменивший Шиловского старший лейтенант Соколов поинтересовался, бывал ли он за рубежом. Узнав, что в 1907 г. студентом посетил с матерью и сестрой Австрию и Швейцарию, спросил, были ли такие поездки в последующие годы, и услышал ответ:

— Нет. Однако на протяжении тридцати с лишним лет переписывался по научным вопросам с геологами разных стран и обменивался трудами по палеонтологии.

— Какая в этом была необходимость? (!?- А.Б.)

— Я хотел создать себе имя среди иностранных ученых и в процессе обмена составить библиотечку... По день ареста вел переписку с учеными многих стран, преимущественно Америки и Англии... Придерживаясь космополитических взглядов в науке, я считал, что достижения советских ученых должны быть достоянием других стран, в том числе и враждующих с СССР. На протяжении последних 12 лет я переслал в геологические учреждения и университеты США свои научные труды по палеонтологии и стратиграфии разных районов Советского Союза, в том числе по Северо-Восточной Сибири, Средней Азии и Новой Земле, геологические сведения о которых сейчас засекречены. Мне льстят похвалы американцев,... поэтому каждую весточку из-за океана я получал с восторгом. В октябре 1947 г. был избран в члены-корреспонденты Американского геологического общества...

— А пересылку своих научных трудов в США вы не считаете информацией?

— Не отрицаю, что, пересылая свои научные труды, я тем самым поставлял информацию о геологических проблемах СССР (л. 90-95).

Следователь и не догадывался, какую чушь сформулировал он и за себя, своим вопросом, и за подследственного в записанном от его имени ответе. Тем более что те самые «научные труды», публиковавшиеся в СССР в научной периодике, пройдя предварительную строгую цензуру, и без посылок Лихарева имелись, по подписке, во всех солидных библиотеках мира, и, прежде всего, в Соединенных Штатах. А высокий имидж ученого прежде всего формировался не по отсылавшимся им оттискам, а как раз по первоисточникам, и без того имевшимся в тех самых университетских и прочих книгохранилищах.

Свидетельство тому — приходившие на имя Бориса Константиновича из США поздравления по случаю исполнившегося 08.02.1947 60-летия со дня рождения и в связи с 40-летием его научно-производственной деятельности. Письма были изъяты при обыске и приложены, в качестве «вещественных доказательств», к следственному делу (л. 125, 126, 128). В одном из них отмечалось «глубокое уважение, которое питают к Вам все палеонтологи, пользующиеся Вашими блестящими трудами. Можно позавидовать Вашим высоконучным достижениям,... которыми Вы прославили свою родину» (л. 126). Знал бы Джеймс Вилльямс из Отдела геологических изысканий департамента внутренних дел Соединенных Штатов, в каком департаменте родины выдающегося палеонтолога будет храниться его восторженное послание русскому коллеге...

Должным образом отметили эту знаменательную для Бориса Константиновича дату и в родном для него Геолкоме-ВСЕГЕИ, членом коллектива которого стал в 1911 году, сразу после окончания Горного института. Одним из активных организаторов чествования в феврале 1947 года был его коллега по Отделу стратиграфии и палеонтологии М.В. Куликов, член партбюро института. Именно он, в частности, подготовил текст

приветственного послания от имени институтского коллектива. Но готовил его с фигой в кармане. Уже два года спустя, 30.03.1949, на партийном собрании он обвинил недавнего юбиляра в космополитизме, проявлявшемся в попытках «умалить роль русских ученых в палеонтологии», а после ареста Лихарева в апреле 1949 г. окончательно превратился в его злобного преследователя, чем заслужил в коллективе соответствующее к себе отношение (см. главу 3 и примечание 49 к ней).

IX

Старший научный сотрудник В.Н. Доминиковский

Как отмечалось в главе 2, первыми арестованными в следующую ночь после заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 30 марта стали два мало соизмеримых друг с другом сотрудников ВСЕГЕИ — маститый, с мировым именем, недавно, в 1946 году, претендовавший на избрание членом-корреспондентом АН СССР профессор Я.С. Эдельштейн и скромный старший научный сотрудник отдела литологии и фациального анализа, только в 1947 году защитивший кандидатскую диссертацию, В.Н. Доминиковский. Произошло это отнюдь не случайно: обоих их упомянул в своем выступлении на Политбюро сам Сталин.

Столь высокой «чести» Виктор Николаевич удостоился своим несчастливым пребыванием в 1930 году в качестве начальника Юлинской партии, входившей в состав экспедиции Всесоюзного НИИ цветных металлов в Ленинграде. Как раз в то лето на рудник приезжал, со всеми полагавшимися в те годы официальными допусками, горный инженер из США Сидней Мюхертер. Фамилию американца как иностранного разведчика многократно упоминала, в записке и выступлении на Политбюро, А.Ф. Шестакова. Ее же, в ответ на тут же последовавший вопрос Сталина, вновь озвучил министр МГБ В.С.Абакумов, а Сталин безлично произнес, ссылаясь на опус Шестаковой, что, мол, «приезжали, образцы забирали, отправляли в Америку».

Помогал же Мюхертеру в отборе наиболее характерных для рудника проб, упаковке их в ящики и транспортировке груза из пяти таких ящиков до ближайшей железнодорожной станции не кто иной как молодой начальник партии, которому поручил все это сделать его непосредственный руководитель по экспедиции В.С. Домарев. Именно тот, кого тоже упоминал Сталин на заседании Политбюро, обозначив его почему-то «нашим чекистом Домаревым» и потребовав от министра МГБ В.С. Абакумова специального расследования обстоятельств его убийства в Норильске в 1947 г. уголовными-заключенными (см. главу 2 и комментарий в ней к л. 246 архивных записей П.Н. Пospelова).

Как же при таких-то завязках да не оказаться, наравне с академиками и профессорами, в передовой шеренге «разоблаченных геологов-вредителей — презренных наймитов американского империализма»...

В следственном деле Доминиковского привлекает внимание вшитый в начале папки печатный бланк, заполненный карандашом при ночном его аресте. Из записанного явствовало, что проводившие арест «сотрудники УМГБ Ленинградской обл. Гончаров и Кукушкин в присутствии домработника... Николаевой Анны Митрофановны составили настоящий акт в том, что за отсутствием вещей, подлежащих описи, опись имущества... не производилась».⁸⁸⁾ Что в том числе свидетельствовало и о весьма скудных его возможностях обеспечить достойные условия для повседневного существования как себя, так и семейства своего. Ставя одновременно закономерный вопрос, а для чего же он почти всю сознательную жизнь занимался таким опасным промыслом, как вредительское сокрытие от государства известных ему подземных богатств, не получая взамен соответствующего вознаграждения из-за океана за свой смертельно опасный труд. Ведь уже через две недели после ареста он, не щадя себя, успел повиниться перед заместителем начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР подполковником Ливановым во всех своих злодеяниях. И на первом месте среди свершенных им смертельных грехов

конечно же стояло признание во вредительских действиях в 1930 году на руднике Юлия, за судьбу которого так болела душою мадам Шестакова.

Предоставим слово самому фальсификатору Ливанову, запечатлевшему в протоколе от 14.04.1949 следующий пассаж, от имени «раскаивавшегося подследственного»: «Будучи на руднике Юлия в 1930 году в кругу антисоветски настроенных лиц (под которыми кашевар Ливанов подразумевал, естественно, одновременно арестованных томичей И.К. Баженова и его молоденьких тогда помощниц в районе Юлии О.К. Полетаеву и В.Д. Томашпольскую — А.Б.), саботировал поисковые работы, а по окончании скрыл результаты разведки, материалы не обработал в установленном порядке и не сдал в надлежащие организации. Аналогичные мероприятия саботировались мною во время хинганской экспедиции Академии наук, когда я выезжал в качестве руководителя петрографического отряда, а также в 1943 году, когда имел поручение Леннерудтреста в отношении выявления возможностей геолого-разведочных работ на поиски цементного сырья в районе Воркуты...» (л. 32-34).

24 апреля процесс самобичевания, в следовательской стилистике, теперь уже в исполнении капитана Тельнова, продолжился: «Должен признаться, что с моей стороны имело место преступное обращение с данными по руднику Юлия... Материалы я скрывал... За пять с лишним месяцев на руднике было собрано до 300 образцов руды, подлежащих лабораторным исследованиям. Имелись схемы и планы месторождения, дневник экспедиции с описаниями, откуда были взяты образцы и ряд других материалов. Эти материалы я не сдал в Зап.-Сибирское геологическое управление (то есть «чужому дяде», который к тому же в них не нуждался — А.Б.), а увез в Ленинград и *скрывал* (курсив мой — А.Б.) их у себя на квартире».

Но следователю этих «признаний» мало:

— Куда делись 300 образцов, добытых на руднике Юлия?

— ...Я свез их на станцию Ширы, в склад экспедиции.

— Образцы пород вы брали для того, чтобы передать их американцам. Почему скрываете свою преступную связь с американскими представителями, посещавшими рудники Сибири?

— Я знал только одного американца. Сиднея Мюхертера, выдавшего себя за горного инженера... Его сопровождали жена, переводчик и два сотрудника Ленинградского института проектирования предприятий цветной металлургии...

— Мюхертер, по нашим данным, все три дня пребывания на Юлии провел в общении с вами. Показывайте — в чем заключалось ваше сотрудничество по шпионской работе с Мюхертером.

— Не скрою, американец расспрашивал о подробностях работы геолого-разведочной партии. Однажды вскользь заметил, что в России его привлекают глубокие заброшенные уголки, особенно подобные Юлии.

— Вы установили преступную связь с американским разведчиком. Так и говорите! (л. 56-64).

И этот смехотворный диалог, в интерпретации следователя, девственного во всем, что относилось к практике геолого-разведочных работ, завязан был на посещении в 1930 году законсервированного медного рудника американским специалистом, визит которого был предварительно санкционирован на верхах власти, включая ее надзорные органы, и сопровождался к тому же двумя уполномоченными для того сотрудниками из Ленинграда...

Еще один нудно разбиравшийся на протяжении всего полугодового следствия эпизод был связан с полевым сезоном 1934 года, который Доминиковский провел на Малом Хингане. Предполагалось там произвести необходимые наблюдения и собрать каменный материал для камерального изучения петрологических связей гранитоидов с железорудными проявлениями и сопровождавших их контактовых изменений. Как зафиксировал Тельнов в протоколе допроса от 05.01.1950, «я во вражеских целях скрыл

ценные материалы, чем свел к нулю работы отряда. Закончив полевые работы, набросал для сборника «Вестник ДВФАН СССР» предварительный отчет, в который вошли лишь поверхностные наблюдения».

Все это делалось, как отмечалось далее, «по вредительским соображениям». То есть окончательный отчет не был составлен не потому, что по возвращении в Ленинград там произошли очередные реорганизации, вследствие которых отчет завис в воздухе, а собранный фактической материал оказался в итоге никому не нужным. По логике следователя Тельнова, молодой геолог коварно воспользовался ситуацией, чтобы скрыть «во вражеских целях материалы о работе Хинганского петрологического отряда... на своей квартире», где «во время войны материалы о гранитах исчезли вместе с итоговыми данными о работе по Юлинскому медному месторождению» (л. 120-124).

Для экспертизы проводившихся подследственным полевых работ была учреждена комиссия из авторитетных сотрудников ИГН АН СССР Г.Д. Афанасьева, В.П. Петрова и А.П. Лебедева, которая представила свое заключение 05.06.1950. Надо отдать должное составителям документа. Они, естественно, не скрыли примеры явной неопытности, а иногда и разгильдяйства молодого ленинградца, лишенного в те времена полагавшегося контроля со стороны старших по должности коллег, но критику свою сумели удержать в разумных рамках приличия. Как потом констатировалось в определении Военной коллегии Верховного Суда СССР, реабилитировавшего Доминиковского вместе с его подельниками, в заключении технической экспертизы «говорится лишь об отдельных упущениях Доминиковского по службе», без каких-либо признаков его злонамеренности (л. 273).

X

Томские арестанты

Как отмечалось в главе 2, треть арестованных, из общего числа 27 взятых под стражу фигурантов «Красноярского дела», пришлась на долю томичей. Соотношение это сохранится и в том случае, если иметь в виду только группу фигурантов дела, попавших за решетку 31 марта и 1 апреля 1949 г., сразу после заседания Политбюро ЦК ВКП(б). К тому же именно в первую «зачистку», наряду с авторитетным профессором И.К. Баженовым, арестовали двух женщин — рядовых тружениц О.К. Полетаеву и В.Д. Томашпольскую. Они по определению не были в состоянии предпринимать в масштабах отрасли каких-либо самостоятельных решений и действий, без чего понятия «вредительства» и тем более «шпионажа» заведомо теряют свой смысл. Мало того — одна из них, В.Д. Томашпольская, судя по записям П.Н. Поспелова, удостоилась особого упоминания в выступлении на Политбюро самого Сталина (см. главу 2)...

Предвестником первых арестов, разумеется, стало обширное письмо А.Ф. Шестаковой на имя Сталина, датированное 01.03.1949, где она указала и фамилии трех упомянутых томичей. Хотя в 1949 году они давно уже работали в разных учебных и производственных учреждениях города и едва ли регулярно контактировали друг с другом. Объединяло же их в ее глазах совместное участие в полевых работах 1932 года в окрестностях законсервированного медного рудника Юлия — главного предмета интересов Шестаковой: доказать власти злонамеренность сокрытия геологами «от советского правительства» неисчислимых ископаемых богатств Минусинской котловины.

Практически все фамилии тех, кому на Политбюро 30 марта предопределено было на следующий день оказаться за решеткой, были перечислены А.Ф. Шестаковой в ее объемном послании Сталину от 1 марта. Среди перечисленных оказались и ленинградец В.Н. Доминиковский, который в те же 30-е годы проводил изыскания в районе рудника Юлия, и даже химик-органик академик А.А. Баландин, в 1919-20 гг. студент-коллектор в работавшей в тех же краях партии томского профессора С.М. Курбатова (см. главу 1).

При этом фигура Баландина привлекла ее внимание не только в связи с его пребыванием вблизи от рудника Юлия, но прежде всего его социальным

происхождением: именно на такой биографической подробности выдающегося ученого она сосредоточила свое болезненное внимание. Копаясь в доступных ей архивных документах, она сумела установить, что Алексей Александрович был из семьи крупных сибирских промышленников — владельцев Черновских угольных копей и других предприятий Красноярья. О том, что он уже репрессировался во второй половине 30-х годов по вздорному обвинению в подготовке террористических актов и был реабилитирован в 1939 г. во время кратковременной «оттепели» имени Л.П. Берии, она, скорее всего, ничего не знала.

О взаимосвязанности первых арестов томичей, свидетельствуют и их следственные дела. Приведем вначале некоторые выдержки из протоколов допроса И.К. Баженова.

Уже на одном из первых его допросов 14.04.1949 в стенограмму была вписана от его имени следующая фраза: «В 1932 г. работы на Юлинском медном месторождении, где я был консультантом, проводились без предварительного освещения геологии и тектоники, а также затягивались. Зная, что разведки ведутся неправильно, я не принял мер к изучению довольно богатого Юлинского месторождения». И далее: «В 1932 году группе молодых геологов было поручено составление геологических карт в районе рудника Юлия и дер. Потехино и поиски полезных ископаемых. По моему указанию осмотру подверглись только малозначительные точки асбеста, меди, бурого железняка. В результате ценных объектов для разработки обнаружено не было. О чем свидетельствуют отчеты за 1932 г. в фондах Западно-Сибирского геолуправления».⁸⁹⁾

Позднее, в ночном допросе 01.09.1950, он более конкретно изложил показания, связанные с Юлинским рудником. В ответ на вопрос следователя Гаркуши уточнить, почему он не инструктировал работавших там молодых и неопытных коллег при производстве ими геологических съемок, не знакомых с доступными им методами полевых наблюдений, в протоколе появилось следующее «объяснение»:

— Под моим руководством работали в 1932 году О.К. Полетаева и В.Д. Томашпольская, которые занимались составлением геологических карт в районе рудника Юлия и дер. Потехино, а также поисками полезных ископаемых. Будучи консультантом, я не ориентировал их на поиски и разведку ценных полезных ископаемых, необходимых для работы советской промышленности.

— Следовательно, вы своими действиями нанесли ущерб народному хозяйству страны?⁹⁰⁾

— Я это признаю. Осуществляя вместе с единомышленниками... вредительские акты в области геологии, я в проведении этой вражеской работы опирался также на таких геологов, как Полетаева и Томашпольская...» (л. 489, 490).

А вот как он оценивал работу, в частности Полетаевой, два с половиной года спустя в своем подробном письме от 09.04.1953, через пять дней после сенсационного прекращения сфабрикованного «дела врачей», в адрес Н.С. Хрущева: «При консультации геолого-поисковых партий Хакасско-Минусинской базы в 1931-32 гг. будто бы я не принимал мер к выявлению месторождений... Со своей стороны принимал все меры, чтобы при геологической съемке обращалось внимание на поиски. Как пример можно привести партию О.К. Полетаевой, которой дана оценка 28 точек оруденения; небольшой объем земляных работ, предусмотренных планом и позволивших бы дать более точную оценку наиболее интересных точек, не были выполнены ввиду неожиданного сокращения кредитов на полевые работы центром» (л. 511-518).

Полная чушь записывалась в качестве показаний Баженова в связи с разведкой Сорского молибденового месторождения, о коем пришлось даже отчитываться 30.03.1949 на заседании Политбюро руководителям Мингео И.И. Малышеву и С.В. Горюнову (см. главу 2). В протоколе одного из допросов в конце 1949 г. было отмечено, что в 1942 г. при осмотре месторождения, «которое производил совместно с главным инженером треста Запсибредметразведка Баклаковым и представителем Минцветмета Ершовым, мною было установлено, что наибольшую ценность по запасам руд представляют оруденелые

сиениты (вкрапленные руды), а не кварцевые жилы. Ершов и Баклаков приняли решение разведывать бурением все же не сиениты, а кварцевые жилы. Зная, что разведки производятся неправильно, я как консультант не принял мер к тому, чтобы опротестовать неправильное решение... Только через год Сорская партия определила, что лучшими являются сиениты, а последующая разведка установила в них крупные запасы молибдена» (с. 117-119).

Здесь все поставлено с ног на голову. Прежде всего, решение было принято высоким начальством и логика его тоже объяснима, поскольку одновременно с перебуриванием зон кварцевых жил возникает возможность и попутного опробования вмещающих сиенитов. Что в итоге и дало год спустя возможность ввести в комплекс разведочных работ также рудоносный участок сиенитового массива. Все это, надо думать, и пытался разъяснить дознавателю подследственный, но, в конечном счете, был вынужден подписаться под тем лепетом, который тот запечатлел на бумаге.

В упоминавшемся письме от 09.04.1953 Баженов, естественно, коснулся и истории с Сорским месторождением. Он отметил, что на месторождении «были известны кварц-молибденовые жилы с повышенным содержанием молибдена и с *разработанными методами извлечения молибденита* и второй тип — вкрапленные руды с бедным содержанием молибдена, но с крупными запасами и *неразработанными методами извлечения* (курсив мой — А.Б.). В своей записке я дал характеристику месторождения, осветил его структуру, оба типа оруденения и рекомендовал усилить разведочные работы на вкрапленные руды» (л. 511-518).

Вот еще один пример абсурда в исполнении следователя Гаркуши, позаимствованный из протокола допроса от 19.07.1949. Сам допрос был начат в 4 часа утра, но время его завершения почему-то не указано. Темой допроса в основном стали нефелиновые породы Хакасии и их пригодность для промышленного получения алюминия, которые Баженов изучал с 1937 года. Получив от подследственного исчерпывающие сведения о проделанной им работе, Гаркуша ошарашил его следующим вопросом:

— В 1945 году в опубликованной статье о характере щелочных пород юга Красноярского края вы *запутали* (курсив мой — А.Б.) их петрографию, исказив минеральный состав тералитов. Признаете это?

На этот раз следователь почел за возможное не настаивать на безоговорочном признании и зафиксировал ответ профессора достаточно объективно:

— Действительно, в статье, характеризуя качественный состав тералитов, я назвал некоторые разновидности тералитов ийолитами. В связи с этим геолог Федоров Э.Е., который занимался изучением этих пород в 1947 г., указал мне на это, заявив, что те породы, которые я назвал ийолитами, в действительности тералиты. Должен сообщить, что разница в названии практического значения не имеет. Промышленное использование этих пород зависит от содержания в них нефелина и возможности их обогащения.

Почувствовав, что из тонкостей недоступных его разуму минералогических отличий вряд ли удастся выдоить что-либо полезное для себя, следователь круто сворачивает допрос на предмет Сорского молибденового месторождения. Интересуют его частые аварии бурового оборудования, случавшиеся в 1941 г. при разбурировании месторождения. Профессор-минералог пытается разъяснить, что, хотя об авариях тех он слышал, но «причины мне не известны, так как я занимался изучением геологии месторождения», а материалы по авариям следует искать в архивах «Запсибметаллгеологии», производившей на месторождении буровые работы (л. 70-80).⁹¹⁾

Как и другие фигуранты «Красноярского дела», Иван Кузьмич в письме на имя Н.С. Хрущева от 09.04.1953 категорически отказался от показаний, выбитых из него как о самом себе, так и о своих подельниках. Приведем еще один пример подобного подлога, едва не хрестоматийного для фальсификаторов «Красноярского дела».

На допросе от 15.11.1949, продолжавшемся четыре часа, следователь Шиловский почти все время потратил на получение дополнительного материала на А.Г. Вологодина, который в 1924-30 гг. вел геологическую съемку в бассейне р. Сисим на правом берегу Енисея — точнее, в Сисимо-Тубинском и Кызыро-Казырском районах. Притом он хорошо был осведомлен о существовавших разногласиях и вообще сложных личных отношениях между Вологдиным и его томскими коллегами. Претензии к нему имелись и у Баженова. Прежде всего, они касались недостаточного внимания, проявленного Александром Григорьевичем к обнаруженным им при съемке в шлихах по ключам Лотошному и Полковницкому, выпадающим в Сисим, повышенным содержаниям зерен галенита. Там же одновременно были обнаружены и описаны вывалы крупных глыб бурого железняка, которые, по мнению Баженова, могли представлять собою «продукт железной шляпы месторождения свинца», но «никаких попыток к выявлению его (бурого железняка — А.Б.) происхождения им не сделано». В общем-то, банальный случай обычных для полевых геологов споров. Но во что превращает этот эпизод недобросовестный дознаватель!

Приведем полностью завершившую протокол фразу, без сомнения принадлежавшую отнюдь не профессору Баженову: «Вот основные факты преступной деятельности Вологодина, давшие мне основание причислить его к нашей вредительской шайке, орудовавшей в области геологии» (л. 102-107). То есть, позабыв на время о личной неприязни, томищи все же дружно приняли ленинградско-московского чужака в свою тесную «вредительскую шайку»...

После арестов конца марта — первых чисел апреля 1949 г., в череду которых попал томич И.К. Баженов, в один и тот же день 20 апреля за решеткой оказались едва не все руководители геологических кафедр томских вузов: А.Я. Булынников, М.П. Кучин, В.А. Хахлов, Ф.Н. Шахов. Среди этой группы лиц удалось получить для ознакомления лишь следственное дело В.А. Хахлова. В отношении остальных трех фигурантов, из-за невозможности найти их близких родственников и получить от них нотариальную доверенность на право просмотра следственных дел, пришлось ограничиться ознакомлением лишь с реабилитационной частью дел, которая по определению не могла содержать в себе признаков «личной тайны». В дополнение к упомянутым сведениям будут также использованы, при необходимости, протоколы очных ставок Булынникова, Кучина и Шахова с теми из подследственных, на просмотр дел которых доверенности были получены.

С первых же листов следственного дела В.А. Хахлова читатель сталкивается с теми же подлогами, о которых упоминалось при анализе дела Б.К. Лихарева. Как и в том случае, на л. 1 дела Хахлова приводится рукописная справка старшего следователя по особо важным делам Томского УМГБ СССР, подпись которого расшифровке не поддается, об аресте ученого 20.04.1949. На следующей записи, уже после этапирования арестованного, а точнее — якобы арестованного, в Москву, оформляется еще одно, дублетное, постановление на арест. Теперь его подписывает старший следователь Следчасти МГБ СССР и ставит свою дату ареста — 23.04.1949, которую освящает своей подписью зам. начальника Следчасти МГБ полковник Л.Л. Шварцман. Эта дата, напомним, отвечает дню прибытия под стражей арестованного Хахлова во Внутреннюю тюрьму МГБ. Что подтверждается ордером № 763, выданным «капитану Дудкину С.М. на производство ареста и обыска Хахлова В.А. по месту нахождения». Подписан ордер кем-то из заместителей министра МГБ СССР. Только датирован уже 25.04.1949, без малого недель спустя после фактического ареста Бориса Константиновича, сопровождавшегося, конечно же, тем самым обыском и опечатыванием ценностей, подлежащих конфискации «в пользу государства».⁹²⁾

Остается добавить, что санкционировал арест Хахлова заместитель Генерального прокурора СССР А.П. Вавилов только 28.04.1949 — восемь дней спустя после истинной даты взятия под стражу и через пять дней после первого допроса арестованного,

проведенного 23 апреля подполковником Седовым! То есть все эти бумажки — откровенная липа. Но липа, узаконенная многолетней практикой, на которую в системе НКВД-МГБ давно перестали реагировать.⁹³⁾

Содержание готовившихся Седовым протоколов ошеломляет не только абсурдностью делавшихся там записей, но и их предельной низостью. Отца, потерявшего в 1942 году на фронтах Великой Отечественной войны сына Бориса, он вынудил поставить свою подпись под следующим «признанием»: «Во время войны в беседах с участниками антисоветской группы я высказывал неверие в боеспособность советской армии и радовался успехам немцев, заявляя, что лучше жить под крылышком фашистов, чем при рабстве, в котором мы живем».

Не менее ярки в том же протоколе, датированном 05.05.1949, и записи, касающиеся обвинения во «вредительской работе по сокрытию естественных богатств Западной Сибири», которое, напомним, предъявлялось палеонтологу, прямого отношения ни к поискам, ни, тем более, к разведкам месторождений полезных ископаемых не имевшего. Прочитируем абзац, относящийся к таким вздорным претензиям:

«В 1933 г. во время палеонтологических исследований на юге Кузнецкого бассейна в районе о. Ольшересу обнаружил шесть пластов промышленной мощности качественного угля (то есть в береговых обнажениях угленосной толщи, которые, без сомнения, были задокументированы ранее при геолого-съёмочных работах в данном районе — А.Б.), однако в своем отчете умышленно скрыл эти залежи. В 1934 г. в районе с. Крапивино обнаружил еще пять рабочих пластов высококачественного угля и также скрыл их от Советского государства. В 1941 г., консультируя работы на нефть в Кузбассе, умышленно неправильно указал куполообразное поднятие для разбуривания, в результате чего тремя скважинами купол обнаружен не был и работы по нефти были сорваны... В 1944-47 гг., будучи руководителем Нарымской геологической экспедиции по съемке миллионного листа О-45, сознательно была составлена карта, чтобы разведочные работы направить по ложному пути».⁹⁴⁾

Совершенно чудовищный набор слов, якобы сказанный Хахловым, записал следователь Седов в протоколе допроса от 1 июня. Допрос, длившийся три с лишним часа, целиком был посвящен вопросам о «преступных связях» подследственного с эвакуированным из Москвы и принявшим в Томске заведование кафедрой марксизма-ленинизма Института железно-дорожного транспорта Александром Григорьевичем Ширвиндтом. Последний был подселен в принадлежавший Хахлову двухэтажный дом, а в мае 1945 г. оказался за решеткой с обвинениями в антисоветской деятельности.⁹⁵⁾

Так вот как, в изложении Седова, фиксируется в протоколе один из разговоров хозяина квартиры Хахлова с подселенным Ширвиндтом:

«Я обвинял советское правительство в том, что оно виновато в отступлении в первые годы войны... Ширвиндт с моим мнением был согласен и утверждал, что Советская Армия (кстати, таковой она стала называться уже после окончания войны — А.Б.) скоро будет разбита и немцы победят... При этом мы восхищались немецкой армией, ее техникой, а также Гитлером. Я заявлял, что Гитлер — это настоящий полководец и гениальный человек, делал злобные выпады в адрес Сталина...»⁹⁶⁾

И эти бредовые рассуждения следователь Седов вкладывал в уста двух интеллигентов, один из которых потерял на войне сына, а другой однозначно оказался бы на положении потенциальной жертвы Холокоста в случае военной победы «гениального человека»...

С осени 1949 г. следствие передается майору Демину, который достойно продолжил линию предшественника Седова. В протоколе ночного допроса 10.10.1949 он от имени подследственного записывает следующее признание: «Мои научные работы главным образом посвящены палеонтологии и стратиграфии и почти не касаются вопросов глубокого изучения месторождений... Устранившись от производственных интересов, я нанес серьезный вред Советскому государству». И далее, в развитие темы

всеобъемлющего саботажа, создает поистине шедевр невежества, приписывая его, естественно, университетскому профессору: «Вспоминаю указания Усова (выдающегося ученого, одного из основоположников геологической науки в Западной Сибири — А.Б.) Шахову. Усов заявил, что он должен заниматься изучением руд в отраженном свете, то есть *в отрыве от интересов и запросов производства* (курсив мой — А.Б.). Заниматься главным образом разработкой теории и пренебрегать практикой — такое наставление Усов давал и другим своим выученикам» (л. 109-113).

В заключение приведем еще одно показание, приписываемое в протоколе допроса от 30.11.1949 подследственному Хахлову:

«В 1937 году Баженов открыл крупное месторождение нефелиновых сиенитов на восточном склоне Кузнецкого Алатау. Выдвигал месторождение как базу алюминиевой промышленности, хотя знал, что технология получения алюминия из сиенитов (в те годы — А.Б.) не разработана» (л. 145-148).

И это смелое предвидение ученого невежественный следователь помещает в протокол как свидетельство вредительских действий Баженова...

Зеркальным отражением уровня допросов Баженова и Хахлова и составлявшихся следователями МГБ протоколов явились и допросы других попавших за решетку томских профессоров. Приведем для примера несколько выдержек из очных ставок, устаивавшихся между ними.

Из очной ставки между Булынниковым и Баженовым:

Булынников: «Мы противодействовали мероприятиям по выявлению и расширению сырьевой базы. Усов, являвшийся нашим учителем и руководителем, направлял эти исследования во вред интересам советского государства. Установки Усова заключались в том, что работу следует ограничить составлением геологической карты без применения разведок полезных ископаемых, фондовых материалов не расширять, отчетов поисковых партий не представлять. Результаты геологических исследований ограничивались предварительной информацией на двух-трех листах текста... Ежегодно отправлялись по 10-12 геологических партий, но за десять лет ими не открыто ни одного ценного месторождения. В такой вредительской постановке дела повинны я и Баженов...»

Баженов: «Вредительскую работу мы проводили путем неправильного планирования объектов и проектирования методов разведки, а также консервации уже разведанных месторождений, несмотря на их перспективность. Я, как и Булынников, при производстве разведочных работ не инструктировал геологические партии, несмотря на сигналы о наличии на юге Красноярского края руд, содержащих радиоактивные элементы».⁹⁷⁾

Из очной ставки между Кучиным и Баженовым:

Кучин: «Признаю себя виновным в том, что до революции имел связь с меньшевиками и не мог освободиться от этой вражеской идеологии позднее. В кругу единомышленников клеветал на политику ВКП(б) и советской власти. Антисоветские убеждения вредно отразились и на производственной деятельности. Я изолировался от советской действительности и проводил научную работу без учета интересов развития народного хозяйства, не проявлял инициативы в разработке важных экономических проблем на базе использования подземных вод, в области инженерной геологии, хотя являлся неплохим специалистом. Порученное мне составление гидрогеологической карты Западной Сибири и пояснительного текста к ней я преступно затянул. Вместо трехлетнего срока я выполнял эту работу в течение шести лет. В моем распоряжении имелись данные о составе грунтов Западной Сибири, но я их держал под спудом, в результате чего многие инженеры-проектировщики, строители и производственники не получали нужные им сведения».⁹⁸⁾

Из очной ставки между Шаховым и Баженовым:

Шахов: «В 1925 г., производя съемку золоторудного района Северо-Енисейской тайги, я не дал оценки перспективности района. В 1927 г. при исследовании медных

месторождений на Южном Урале и в Таналык-Баймакском районе не обработал собранный материал по рудным выходам, что привело к затяжке освоения месторождений на долгие годы. Зная о наличии медного оруденения в южной части Хакасии, считая, что поисковые работы в 1932 г. проведены неудовлетворительно, я до 1948 г. не планировал поисковых работ в этих районах, хотя мог это предложить. Там самым я затянул освоение месторождений этой группы. Будучи убежден, что геолог Лабазин ошибочно дал отрицательную оценку урансодержащих охристых пород в районе Потехино, я как консультант не предлагал запроектировать там поисково-разведочные работы... В 1946 г. я являлся консультантом треста "Редметразведка" в Западном Саяне на р. Акол, ведущего разведку на мышьяк-никелевые с серебром руды с целью обнаружения в них урана.⁹⁹⁾ Поверхностные разведки ограничивались опробованием только двух жил, и после этого работы были закрыты. Нужно же было производить разведку всех жил (их около 20-ти) на больших глубинах, в зонах первичных руд».¹⁰⁰⁾

Эти показания Шахова, датируемые концом 1949 года, почти дословно повторяют его показания, сделанные на одном из первых допросах после ареста, а именно 16.05.1949; текст протокола этого допроса впоследствии был подшит, для сведения, к следственному делу В.М. Крейтера, на момент допроса еще находившегося на свободе. В частности, в протоколе находятся такие наивные рассуждения, мало похожие на высказывания серьезного ученого, в 1958 году избранного членом-корреспондентом АН СССР: «Геологические исследования сводились лишь к отвлеченному картированию, а поисковые работы применялись реже, чем следует. Промышленные разведки в результате неправильной организации во многих случаях не давали результатов, и брошенные предпринимателями (в послереволюционные времена — А.Б.) рудники *скрывались* (курсив мой — А.Б.) от разработки их советской промышленностью. Усов... неоднократно заявлял, что мы не должны выявлять новые месторождения, так как их эксплуатация поведет к обеднению природных ресурсов края, а большевики все равно не столько используют их, сколько загубят...»

В том же протоколе блестящему геологу-поисковику приписаны и такие маловразумительные перлы: «В 1931 году перед поездкой в Минусинский район я как обычно посетил Усова в Западно-Сибирском геолуправлении. Ориентируя меня на бесперспективность хакасских месторождений, он предупредил, что они мелки и от меня никто не ждет особо благоприятных результатов... Сказанного им было достаточно, чтобы я не только из вражеских побуждений, но и имея в виду сохранение его престижа, не развернул разведки в Минусинском районе».¹⁰¹⁾

XI

Красноярские арестанты

К числу красноярских арестантов, наряду с главным геологом Красноярского геолуправления, с 1948 года, А.А. Предтеченским, начальником партии № 24 урановой Калининской экспедиции Первого главка Мингео СССР Г.М. Скуратовым, руководителями Нижне-Ангарской экспедиции КГУ П.И. Дмуховским и В.В. Богацким, главным инженером Красноярской геолого-разведочной партии треста «Востсибуглеразведка» (Иркутск) Н.Я. Коганом, главным геологом Тувинской аэрогеологической экспедиции треста «Аэрогеология» (Москва) Ю.М. Шейнманном и арестованным в 1951 г. бывшим главным инженером КГУ Н.Ф. Рябоконом, следует также отнести и старшего научного сотрудника ВСЕГЕИ (Ленинград) В.Н. Верещагина, который с момента формирования в 1944 г. Красноярского геолуправления и до начала 1948 г. являлся его главным геологом.

Из перечисленных семи лиц удалось ознакомиться в архиве ФСБ РФ с полным текстом их следственных дел только по делу В.В. Богацкого; ознакомление с остальными делами ограничилось лишь их реабилитационной частью. Потому начнем их анализ со следственного дела Богацкого.

В своем заявлении от 16.06.1953 в адрес Генерального прокурора СССР Богацкий, в частности, писал, что, будучи арестованным 12-го, доставленным из Сибири в Москву 16-го и впервые допрошенным 18 мая 1949 г., «около двух месяцев сумел выдерживать натиск следствия, а затем был физически сломлен и по требованию следователей занялся придумыванием обвинений на самого себя».¹⁰²⁾ Справедливость этих слов подтверждается соответствующей архивной документацией.

Первые два допроса, состоявшиеся 18 и 25 мая 1949 г., проводил подполковник А. Коноплев. Зафиксированные в протоколах ответы подследственного вполне достойны. Например, 25.05.1949 зашла речь о его работе в Горной Шории, где в 1941 г. ему удалось по проявлениям слабых магнитных аномалий обнаружить слепое железорудное тело. На вопрос, применялся ли этот метод впоследствии, ответил, что летом 1942 г. покинул Горную Шорию, и потому «не знаю, осуществили ли там производство изучения слабых аномалий... У меня создается впечатление, что они (слабые аномалии — А.Б.) просто игнорировались».

Далее последовал такой диалог:

— С целью вредительства? Это правильно?

— Это утверждать не могу. Знаю, что Западно-Сибирское геологическое управление практиковало частую переброску геологов с одного объекта на другой, из одной отрасли в другую, что отрицательно влияло на работу... Геолог при таких частых перебросках не мог полноценно изучить месторождение, что отражалось на качестве работ и затягивало оформление результатов (л. 36-41).

... Все изменилось 08.07.1949, то есть ровно через полтора месяца после допроса 25 мая. Встреча та началась в 14 ч. 25 м. Уже с другим следователем — майором Остапишиным. Когда она завершилась — покрыто мраком неизвестности. В протоколе зафиксировано, что допрос прерван; когда же он возобновился и возобновлялся ли вообще — ни единого слова. Зато с итогами допроса, уместившимися на семи листах машинописи, с положенными росписями подследственного под каждым листом текста, сегодня сможет ознакомиться любой, кому, в соответствии с существующими правилами, будет разрешен доступ к следственному делу РЗ. И любой из допущенных будет ошеломлен кардинальным их несоответствием; как показаний Богацкого, что получены были от него 18 и 25 мая; как по содержанию, так и по своей тональности июльские показания принципиально отличаются от зафиксированных в майских протоколах. Будто полтора месяца назад следователь Коноплев допрашивал совсем другого человека. Судите сами...

«— Ваш прошлый арест и судимость¹⁰³⁾ свидетельствуют о том, что подрывной работой вы занимаетесь давно...

— Отрицать не могу...

— Ваш вторичный арест свидетельствует, что преступной деятельностью вы занимались до последнего дня. Признаете это?

— Признаю. Враждебного отношения в советской власти не изменил и по отбытии срока; будучи еще более озлобленным, продолжал наносить вред государству... Свой арест и осуждение в 1935 году воспринял как "несправедливую" расправу со мной. Будучи в лагере, узнал, что органами НКВД... за антисоветскую деятельность арестован мой отец... Это было воспринято мною болезненно и способствовало еще большему озлоблению. В связи с этим у меня возникла мысль — при первой возможности свести счеты с советской властью. Однако в условиях заключения я не мог привести в исполнение свои злодеяния, и потому пришлось терпеливо ждать окончания срока, после чего приступил к проведению вредительской работы...».

И далее — перечисление своих «злодеяний» в промежутке между двумя посадками, в том числе с упоминанием, в контексте приписанных ему повествований, «краевода Прохорова», который, оказывается, успел отметиться не только в связи с прогнозированием неисчерпаемых месторождений урановой смолки и личным общением

с Марией Кюри (см. главу 1). По записям в протоколе от 08.07.1949, вездесущий Прохоров еще в 1944 году передал Богацкому «заявку о наличии признаков железных руд в истоках Канзыбы и Джеби», но «я умышленно не провел работы по проверке этого сообщения, чем *сорвал выявление* (курсив мой — А.Б.) новых промышленных месторождений. Зная о наличии рудных тел на центральном участке Ирбинской группы (железорудных месторождений — А.Б.), в 1946-47 гг. во вражеских целях умышленно не провел разведку на глубину...Злорадствуя по поводу провалов и срывов работ, одобрительно отнесся к антигосударственному распоряжению Мингео, прекратившего в начале 1947 г. все работы на перспективном месторождении Ирбинской группы, что не дало возможности провести выявление промышленных запасов...¹⁰⁴⁾ Наряду с вредительскими действиями занимался очковтирательством...» и т.д. и т.п. (л. 52-60).

При всем том, что хранящиеся в следственном деле протоколы допросов составлялись следователями и содержали в себе немало отсебятины, собственно конкретика все же принадлежала, как правило, подследственному. Касалось это не только допросов, но и устраивавшихся очных ставок. В своем заявлении от 16.06.1953 о реабилитации Богацкий живописал, как его следователи «понуждали измышлять». «Я не противился, — продолжил он, — надеясь, что будет суд, где я легко докажу истину».

И обманулся в своих надеждах, как обманывались и другие фигуранты сфабрикованного дела. В редких обращениях во власть, писавшихся ими в 1953 году, не было упоминаний о таких иллюзиях, позволявших под давлением наговаривать на себя бог знает что, лишь бы без издевательств и избиений завершить очередную встречу со своими мучителями...

Для иллюстрации высказанного приведем, по примеру предыдущего раздела «Томские арестанты», выписки из следственных протоколов очных ставок, участниками которых становились те, кто до ареста являлись сотрудниками красноярских геологических организаций.

Из протокола очной ставки между Верещагиным и Богацким.

Богацкий: «Являясь главным геологом Красноярского геолуправления, Верещагин в проведении работ допускал вредительство. Геолого-поисковые работы в Нижне-Ангарском железорудном бассейне в 1947 г. в силу неточности масштаба карт явились безрезультативными. В 1948 г. Верещагин подобные работы повторил, вместо того чтобы выявлять возможные месторождения железа в смежных районах. В 1947 г. были открыты новые месторождения гематитовых руд. Верещагин не подвергнул тщательной предварительной разведке эти месторождения, что не позволило выяснить своевременно их ценность и возможность промышленного использования... Он виновен также в том, что планировались работы на уголь в Тувинской автономной области, освоения которой не предполагалось в скором времени. В то же время он не обращал внимания на поиски коксующихся углей в южной окраине Тунгусского бассейна.¹⁰⁵⁾ Начатые там работы не были завершены в силу плохой организации».

Верещагин: «... Правильно, что геологические карты в Нижне-Ангарском районе по точности не соответствовали законному масштабу. По моей вине на следующий год мы вынуждены были продолжить работы на тех же планшетах. Тщательная предварительная разведка открытых в 1947 г. новых месторождений гематитовых руд действительно мною не организована. Я исходил из того, что основные работы на Усовском месторождении не были закончены. Полностью подтверждаю показания о плохой организации разведки Усовского железорудного месторождения. Это отрицательно отозвалось по моей вине на дальнейшем развитии разведок этого месторождения».

Богацкий: «Верещагин знал о нескольких фактах преступной работы, проводимой мною в Ирбинской ГРП. Что я не проводил разведку на глубину Центрального участка, что затянул отчеты по этому месторождению, выдавал в отчетах канавы за шурфы... Верещагин, зная об этом, покрывал мои преступные дела».

Верещагин: «Перечисленные факты преступных дел мне действительно были известны, но я покрывал их, не ставил вопрос о привлечении его к ответственности».¹⁰⁶⁾

Что тут добавить к запротоколированному обмену мнениями обоих коллег по будничным проблемам повседневной жизни геолого-производственных служб? Только лишь то, что проблемы эти вполне были бы уместны для разбора на годичном партхозактиве КГУ. А разбирались, волею непредсказуемой судьбы, под кровом МГБ — как предмет злонамеренного вредительства...

Из протокола очной ставки между Предтеченским и Вологдиным.

Предтеченский: «Используя свое служебное положение, Вологдин превратил юг Красноярского края в свою вотчину и не допускал туда других геологов. Однако вопреки Вологдину в этот район были направлены в последующие годы другие геологи, которые выявили несоответствие карт Вологдина с действительностью. Кроме того там были обнаружены железорудные и марганцевые месторождения, а также медь и признаки радиоактивных минералов. Являясь редактором 15-го тома «Геологии СССР», Вологдину удалось сорвать выпуск тома. Том задолго до войны должен был выйти в свет, но Вологдин не допустил этого...»

Вологдин: «Предтеченский правильно говорит... Я превратил территорию в свою вотчину, не допускал туда других геологов... Являясь редактором 15-го тома, сорвал его своевременный выпуск в 1936 г.... Предтеченский также содействовал срыву выпуска...»¹⁰⁷⁾

Добавим комментарий самого А.Г. Вологдина по поводу звучавших на очной ставке в его адрес претензий. В пространном заявлении в ЦК КПСС от 15.08.1953 он писал, привлекая внимание к недопустимым методам следствия: «При очных ставках учитывалось и использовалось наличие между арестованными плохих, по какой-либо причине, личных отношений. Таким образом, стравливались между собой полубезумные: я и геолог Предтеченский, я и геолог Булынников, я и геолог Сперанский. Протоколы были готовы заранее. Здесь они только переписывались».¹⁰⁸⁾

Нечто подобное сообщал в письме К.Е. Ворошилову от 11.04.1953 и А.А. Предтеченский: «Протоколы очных ставок с другими геологами... были предварительно также пересоставлены ложно и произвольно, хотя для вида они стенографировались. Запуганный, упав духом и потеряв веру в справедливость, я и эти протоколы подписал».¹⁰⁹⁾

Из протокола очной ставки Шейнманна и Богацкого.

Шейнманн: «При встречах с Богацким зимой 1947-48 гг., я высказывал клевету на политику советской власти... Я утверждал, что в послевоенный период необходимо главное внимание уделять легкой промышленности, что политика ВКП(б) на дальнейшее развитие тяжелой промышленности якобы противоречит интересам трудящихся, создает для них новые материальные трудности. Высказывал клевету и на внешнюю политику, что она не стремится к дружественным отношениям с Соединенными Штатами и Англией. Я высказывался против осуществления принципа партийности в науке, литературе и искусстве, заявляя, что этот принцип якобы ликвидирует «свободу научного творчества». Богацкий был согласен. Помню, что Богацкий высказывал недовольство, что не был аттестован. Он это связывал с наличием у него судимости... Богацкий и я клеветали на советское правосудие, утверждая, что советский суд будто бы не демократичен».

Богацкий: «Разговоры антисоветского характера с Шейнманном у меня были... Шейнманн говорил, что в Советском Союзе нельзя заниматься научной работой по своему желанию, что свободный выбор там отсутствует. Он восхвалял методы работы американских геологов и ставил их в образец...»

Как отмечалось, арестам по «Красноярскому делу» в 1949 году подверглись 27 человек. Семь с половиной месяцев спустя после их осуждения, 16.06.1951, по тому же делу был арестован и 29.03.1952 осужден на 10 лет заключения в ИТЛ бывший главный

инженер Красноярского геолуправления Н.Ф. Рябоконь. В Москву его этапировать не стали и осудили на месте — в Красноярске. Режим содержания здесь оказался более комфортным, чем для узников Сухановки и Бутырки. Достаточно сказать, что перед отправкой на Колыму, где ему назначили отбывать наказание, он получил право на свидание с женой, на что в Москве рассчитывать было бы заведомо излишне.

Меньший срок заключения по сравнению с ранее осужденными 27-ю подельниками, которых Особое Совещание приговаривало на сроки в 25 и 15 лет, Рябоконь получил потому, что предъявили ему обвинение только во «вредительстве», минуя фигурировавшие в Москве статьи о шпионаже и антисоветской деятельности. Поводом для обвинения и осуждения тем же Особым Совещанием послужило будто бы установленное нецелевое расходование выделенных средств на поиски в Красноярском крае урановых месторождений; в 1946 г., по версии следствия, не по назначению израсходовали 2 млн, а всего, по 1949 год включительно, — 5 млн руб. В итоге полторы недели спустя после дня ареста ему предъявили ст. 58-7 УК РСФСР в том, что «будучи главным инженером КГУ, на почве враждебных отношений к существующему в СССР социалистическому строю, занимался вредительской деятельностью в области геологии путем необеспечения геологических партий квалифицированными кадрами, материально-техническими средствами, путем обмана государства представлением ложных информации в Министерство геологии о состоянии разведочных работ, путем сокрытия подрывной деятельности других и, наконец, путем вредительских установок, чем способствовал срыву важного правительственного задания — плана по организации и проведению разведочных работ по радиоактивным рудам, и нанес миллионные убытки народному хозяйству».¹¹⁰⁾

Анекдотична запись в протоколе допроса от 06.06.1949 бывшего начальника Нижне-Ангарской экспедиции КГУ П.И. Дмуховского, которую красноярские следователи использовали в качестве одного из свидетельств вредительских действий Рябоконя. Будто Дмуховский перед выездом на место работ спросил главного инженера, будут ли для него какие-либо особые указания. На что Рябоконь ответил: «Когда будете на месте — давайте побольше руды и лучшего качества». С опорой на эту безобидную фразу в протоколе, от имени Дмуховского, следователь зафиксировал прямо-таки сногсшибательный вывод, который, надо думать, сыграл, по указанию из Москвы, не последнюю роль в ранее не планировавшемся аресте Рябоконя: «Для меня было совершенно ясно, что Рябоконь дал мне установку заниматься вредительской работой, а именно при документации горных работ показывать руды больше фактического наличия и лучшего качества».¹¹¹⁾

Приводимая цитата — бредовое порождение темного разума МГБвских фальсификаторов, поистине достойна занять почетное место в числе бесчисленных апокрифов, составивших содержание настоящей главы...

В завершение главы нелишне сделать особый акцент на неиссякавший интерес следователей по «Красноярскому делу» к существовавшим у ряда подследственных геологов связям с иностранными концессионерами, занимавшимися в первой трети прошедшего столетия разведками и разработкой месторождений полезных ископаемых в разных частях Западной и Восточной Сибири. Их эксплуатация осуществлялась, естественно, в соответствии с существовавшими концессионными договорами — как до 1917 года, так и в последовавшие полтора десятилетия советской власти. Соответственно, все контакты отечественных геологов с руководящим составом иностранных концессий проходили в правовом поле договоров, законно подписанных уполномоченными представителями обеих сторон.

Тем не менее, каждый из подследственных, имевших когда-либо, до революции или потом, контакты с руководителями концессионных объединений, подвергался

жесткому допросу с однозначно обвинительным уклоном, а, например, в случае с В.К. Котульским такое обвинение было включено, как уже упоминалось выше, даже в тексте постановления на арест от 13.05.1949. Дословно эта часть постановления звучала так:

«В 1918 году Котульский бежал из Петрограда в Сибирь, занятую белогвардейцами, и при содействии колчаковского министра торговли и промышленности Гудкова объединил группу антисоветски настроенных геологов... Являясь вице-директором колчаковского геолкома,... одновременно вступил на службу к английским концессионерам и являлся консультантом управляющего концессией «Лена-Голдфилдс» Г.А. Курселя. Котульский систематически передавал Курселю секретные (?! — А.Б.) материалы о результатах геологических разведок рудных месторождений Алтая и получал денежные вознаграждения...»¹¹²⁾ Настойчиво интересовались контактами Котульского с концессионерами «Лена-Голдфилдс» и следователи, допрашивавшие его после первого ареста в 1930 году.¹¹³⁾ Но вот любопытное свидетельство о том, что подобная аллергия на передачу в концессионное владение иностранным фирмам подземных богатств страны не чуждо было и общественному мнению дореволюционной России.

Наиболее авторитетная в Империи газета «Новое время» информировала на исходе 1906 года о следующем: «Не довольствуясь Кавказом и Дальним Востоком, иностранные капиталисты во главе с англичанами ведут поход на Урал. Везде начаты обширные разведки. Во главе стоят английские инженеры, но на соответствующие должности приглашаются и русские». В следующем номере газеты появилась еще одна такого рода информация — о том, что американцы попросили золото- и платинопромышленников Урала передать им для проведения анализов образцы шлихов, содержащих эти благородные металлы.¹¹⁴⁾

И еще — в качестве заключения к данной главе...

Существуют ли документально подтверждающие свидетельства о том внимании, что проявлял к проходившему следствию по делу геологов Сталин? Ответ напрашивается однозначный — да, имеются. Косвенные, но, тем не менее, определенно указывающие на фигуру вождя.

Как будет отмечено в главе 5, процесс реабилитации фигурантов «Красноярского дела» проходил в первой половине 1954 года. То есть за два года до XX съезда КПСС, на котором в докладе первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева, не подлежавшем опубликованию в прессе, впервые без обиняков было названо имя Сталина как главного организатора и вдохновителя массовых репрессий в стране. Потому упоминание о вожде в подобном антураже было еще практически невозможным. Единственное, что тогда допускалось, так это манипулирование эвфемизмом о безличном «культе личности»...

В качестве одного из источников подобных косвенных намеков здесь уместно воспользоваться протоколом допроса бывшего заместителя начальника Следчасти МГБ СССР полковника Л.Л. Шварцмана, о котором уже упоминалось в настоящей главе. Повторим еще раз произнесенную им сакраментальную фразу, выделяя курсивом слова, наиболее важные для нас при данном рассмотрении: «По заявлению Абакумова этому делу придавалось *большое значение*, и мне он поручил развернуть следствие с *ежедневным докладом* ему о результатах допроса арестованных».⁸⁾

Чем же можно объяснить столь необычное требование в течение полутора лет в ежедневном формате информировать руководителя МГБ-вской империи о проходящих допросах? Представляется — только одним. А именно — особым интересом, проявлявшимся к делу геологов первым лицом государства, то есть Сталиным.

Эта конструкция нашла ценнейшее подкрепление в публикациях до того не известных дневниковых записей президента АН СССР С.И. Вавилова, предпринятых Институтом истории естествознания и техники РАН.

14 июля 1949 года, три с половиной месяца спустя после начала арестов геологов и разгрома Министерства геологии, он записал следующее: «В 10 ч. вечера принимал

И.В. Сталин в присутствии Г.М. Маленкова. Разговор длился 1,5 часа об Академии и Энциклопедии (тогда шла подготовка к выходу в свет второго издания Большой Советской Энциклопедии, главным редактором которой был назначен Вавилов — А.Б.)... Неприятные слова пришлось слышать о геологах... Настроение у меня очень тревожное. Надо идти в отпуск, а везде все не ясно».¹¹⁵⁾

Можно ли сомневаться, кто стал заказчиком и внимательным слушателем таких ежедневных отчетов?..

Примечания к главе 4

¹⁾ Изначальные наименования городов все следователи по особо важным делам принципиально игнорировали. Санкт-Петербург именовался в протоколах Ленинградом, Екатеринбург — Свердловском и т.д., хотя события, о которых велась речь, происходили задолго до их переименования.

²⁾ Выехали в июле 1918 г. из Петрограда в Сибирь семь сотрудников Геолкома (по алфавиту): М.М. Васильевский, А.А. Гапеев, И.Ф. Григорьев, В.К. Котульский, Д.В. Никитин, Я.С. Эдельштейн и В.И. Яворский.

³⁾ Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 33, 34. Собственно сам Григорьев никогда не скрывал факта этой поездки. Так в представлении Управления кадров ЦК ВКП(б) от 26.11.1947 при назначении его директором ИГН АН СССР говорилось, со ссылкой на информацию МГБ СССР, что «он в 1918-1919 гг. с группой специалистов-геологов выехал в экспедицию из Ленинграда в гор. Свердловск (так в тексте — А.Б.), а затем на Алтай, занятый в то время колчаковскими войсками, и поступил на службу в Геолком, руководимый колчаковским «правительством». В анкетных данных о своей службе у Колчака он указывает. По косвенным показаниям можно сделать вывод, что в те годы Григорьев был недоброжелательно настроен к Советской власти. С 1940 г. компрометирующих материалов на Григорьева И.Ф. в органы МГБ не поступало».*)

*) РГАСПИ, фонд 17, опись 117, ед.хр. 974, л. 106.

⁴⁾ Возможно, этот недооформленный протокол, сформулированный следователем по своим потребностям, оказался подшитым в папке следственного дела по недосмотру. На такую мысль наталкивает уже другой недосмотр, вычленившийся в следственном деле В.Н. Доминиковского, одного из подельников Григорьева. При допросе 14.04.1949 он упомянул о своем участии в разведках цементного сырья в районе Воркуты и добавил вслед: «... о чем я уже дал подробные показания».*) Но перед упомянутым протоколом подшит лишь один протокол — от 09.04.1949. Его содержание, как и во всех других следственных делах, — сугубо ознакомительное, касающееся автобиографических сведений о подследственном.***) Тогда как в протоколе от 14.04.1949 речь уже ведется о «вредительской деятельности» допрашиваемого, в которой тот уже якобы сознается...

*) Центральный архив ФСБ РФ, следственное дело Р24207 В.Н. Доминиковского, л. 32-34.

**) Там же, л. 25-29.

⁵⁾ Допрос Л.Л. Шварцмана по делу И.Ф. Григорьева и др. состоялся 10.02.1954, когда процесс пересмотра обвинений, предъявлявшихся фигурантам «Красноярского дела», находился в зените. Сам же Григорьев, без малого три года назад, скончался 14.05.1951 в лазарете Бутырской тюрьмы от сердечной недостаточности.

⁶⁾ Судя по нижеследующему, вызов к министру состоялся не ранее 1 апреля, дня ареста А.А. Баландина, а скорее — на день-два позже.

⁷⁾ Неточность: первые двое работали в системе АН СССР.

⁸⁾ Из копии протокола допроса обвиняемого Л.Л. Шварцмана 10.02.1954; см. следственное дело И.Ф. Григорьева Р24216, л. 332-337.

⁹⁾ В.С. Абакумов, назначенный министром МГБ СССР 04.05.1946, в том же году организовавший сфальсифицированный процесс руководителей авиационной промышленности, в 1948 г. — убийство С.М. Михоэлса, в 1950-51 гг. — так называемое «ленинградское дело», в июле 1951 г. был снят с должности и арестован в кабинете секретаря и руководителя Секретариата ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова; в декабре 1954 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, вместе с тремя подельниками по МГБ А.Г. Леоновым, В.И. Комаровым и М.Т. Лихачевым, был расстрелян как «член банды Берии», к коему отношения заведомо не имел, подчиняясь непосредственно Сталину. В 1994 г. приговор задним числом был посмертно заменен 25 годами заключения без конфискации имущества и переквалифицирован по статье «воинско-должностные преступления».*)

На следующий день после ареста Абакумова и его ближайших коллег, 13.07.1951, ЦК ВКП(б) направил ЦК компартий союзных республик, обкомам, райкомам партии и управлениям МГБ, вплоть до районных, закрытое письмо под заголовком «О неудовлетворительной ситуации в Министерстве государственной безопасности СССР», а также назначил комиссию в составе Г.М. Маленкова (председатель), Л.П. Берии и М.Ф. Шкирятова для более детального ознакомления с положением дел в МГБ СССР. Работа комиссии завершилась 04.07.1951; был принят документ, состоявший из пяти пунктов. В

пункте 4, в частности, констатировалось неудовлетворительное положение с подготовкой протоколов допроса, текст которых перерабатывался по усмотрению следователя и не соответствовал «точной передаче того, что мог сказать подсудимый».^{**)} Остается напомнить, что следствие по «Красноярскому делу» практически завершилось за год до такой констатации цексовской высокопоставленной комиссии.

^{*)} К.А. Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, изд-во «Вече», 2000, с.12.

^{**)} См.: Дж. Брент, В. Наумов. Последнее дело Сталина. Москва, изд-во «Проспект», 2004, с. 124, 125.

¹⁰⁾ Р.Г. Пихоя. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, изд-во «Сибирский хронограф», 2000, с. 67; паспорт архивного хранения документа: Архив Президента РФ, фонд 3, опись 58, ед. хр. 216, л. 12-14.

¹¹⁾ Скорее всего и здесь речь идет о том же разведочном полигоне 1916 г. близ дер. Потехино, о котором упоминалось в главе 2. Где С.М. Курбатов обнаружил в 1919 или 1920 г. небольшую радиоактивность в девонских битуминозных известняках,^{*)} и откуда, вероятнее всего, пресловутый «образец № 23», который выпал в 1947 г. во дворе Минусинского краеведческого музея и был подобран А.Ф. Шестаковой.

^{*)} С.М. Курбатов. Новое месторождение соединений урана и ванадия в Минусинском уезде Енисейской губернии. Известия Российской академии наук, 19, № 9-11, 1925, с. 319.

¹²⁾ Следственное дело И.Ф. Григорьева, л. 186-189.

¹³⁾ Там же, л. 197-202.

¹⁴⁾ Следственное дело А.Г. Вологодина Р24280, т. 2, л. 309.

¹⁵⁾ Из протокола об окончании следствия: «Обвиняемый Григорьев И.Ф., ознакомившись с материалами дела, заявил, что с материалами своего следственного дела № 2331 в двух томах он ознакомился, однако от показаний, данных на предварительном следствии в отношении вредительства, шпионажа и принадлежности к антисоветской группе отказывается как от вымышленных и лживых».^{*)}

^{*)} Следственное дело И.Ф. Григорьева, л. 320 оборотный.

¹⁶⁾ Там же, л. 67; далее номера цитируемых листов будут указываться по ходу изложения в самом тексте.

¹⁷⁾ То есть фигурантов состоявшегося 27.11—07.12.1930 процесса над восемью виднейшими представителями науки и промышленности. Им инкриминировалось «вредительство»; пятеро из них были приговорены к расстрелу, который затем заменили на 10 лет тюремного заключения.^{*)}

^{*)} Большая Советская энциклопедия, 3-е издание, т. 21, 1975, с. 77.

¹⁸⁾ Б.Ф. Мефферт — известный геолог и палеонтолог. «Акт саботажа» ему припомнили семь лет спустя, в 1935 г., когда он был арестован, а затем бессудно выслан в рамках зачистки Ленинграда, после убийства 01.12.1934 С.М. Кирова, от потенциально «контрреволюционных элементов», в Алма-Ату. Скончался в ссылке в 1937 г.

¹⁹⁾ Упоминание в данном контексте, для целей противопоставления, академика И.М. Губкина не случайно; он был известен в научной среде своими фундаменталистскими высказываниями. Одним из примеров подобного фундаментализма — его выступление перед слушателями в Институте органической химии АН СССР, в котором еще в 1936 г., за 13 лет до пропагандистской кампании «борьбы с преклонением перед Западом», акцентировал внимание присутствовавших на существование в научных кругах «традиций раболепия перед Западной Европой» и взывал, «чтобы советские научные работники прониклись глубоким чувством собственного достоинства».^{*)}

^{*)} «Правда», 15.07.1936, с. 4.

²⁰⁾ Сотрудником следственной службы НКВД СССР Шварцман стал незадолго до начала войны. До того занимался журналистской деятельностью, будучи заместителем редактора по литературной части газеты «Московский комсомолец».^{*)} Но его журналистская подкованность начинала сразу давать сбои, когда подготавливаемые им документы попадали в руки профессиональных юристов. Пример тому — протест Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко от 17.03.1954, что «показания Григорьева записывались необъективно» (курсив мой — А.Б.).^{**)}

^{*)} Дж. Брент, В. Наумов. Последнее дело Сталина. Москва, изд-во «Проспект», 2004, с. 118.

^{**)} Следственное дело Р24216 И.Ф. Григорьева, л. 350.

²¹⁾ Следственное дело Р24216, л. 309, 310. Почти через семь месяцев, 24.10.1950, то есть за день до вынесения ОСО при МГБ СССР обвинительного приговора ему и его подельникам, он был освидетельствован в санчасти Бутырской тюрьмы «по поводу артериосклероза с нарушением кровообращения III степени» и признан не годным к физическому труду.^{*)}

^{*)} Там же, л. 231.

²²⁾ Там же, л. 329.

²³⁾ Там же, л. 329 оборотный.

²⁴⁾ Правда, имели место и вариации в добывании требовавшихся следствию фактологических материалов, которые не сопровождалась мерами прямого грубого физического насилия, использованием холодного карцера или лишением возможности спать. Об одном из «бархатных» способов получения нужной первичной информации поведал, уже не стадии реабилитационных рассмотрений, следователь

Следчасти МВД СССР капитан Байков. В своем заключении от 10.03.1954 по делу бывшего главного геолога Красноярского геолуправления В.Н. Верещагина он привел заявление подследственного, что следователь «предложил ему письменно изложить все недостатки, имевшиеся в работе управления. Когда им это было сделано, следователь в более усиленных формулировках записывал названные факты в протоколы допроса, добавляя, что это делалось во вредительских целях...»^{*)}

^{*)} Следственное дело Р-5 В.Н. Верещагина, л. 521.

²⁵⁾ «В связи с тем, что Григорьев И.Ф. 14 мая 1951 году умер в Бутырской тюрьме МВД СССР, конфискованное имущество подлежит возврату его законным наследникам. Об исполнении определения прошу сообщить в Военную Коллегию».^{*)}

^{*)} Там же, л. 353.

²⁶⁾ «Многогранная и плодотворная деятельность И.Ф. Григорьева была прервана в 1949 году, на 59-м году его жизни».^{*)}

^{*)} О научной деятельности академика Иосифа Федоровича Григорьева (1890-1949). Известия АН СССР, сер. геол., № 11, 1965, с. 112.

²⁷⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 32-35.

²⁸⁾ Там же, т.2, л. 307-318.

²⁹⁾ Возможно, сын великого русского художника Василия Ивановича Сурикова из Красноярска, но фактологических подтверждений этому найти не удалось.

³⁰⁾ Само по себе обсуждение — подлинник или копия была изъята при обыске на квартире Вологодина, бессмысленно. И то и другое при случайной встрече на курорте могло бы быть написано, в середине 30-х годов, только от руки. И как в таком случае отличить — что копия и что подлинник? Тем более что, судя по протокольным записям, никаких шагов для установления или отсутствия такого документа в архивах Мингео следствие не предпринимало.

³¹⁾ В упоминавшемся письме в ЦК КПСС от 15.08.1953 (см. примечание 28) Вологдин засвидетельствовал: «Все мои письменные показания были уничтожены и полностью заменены написанными следователем». Но подлоги ограничивались не только этим. На ночном допросе 25.04.1949, закончившемся в 6²⁰ утра 26-го, следователь, судя по тексту протокола, вновь ставит вопрос перед подследственным, что ему «известно о наличии радиоактивных минералов в Западной Сибири». И снова он отвечает, что в Красноярском крае ему «ни разу не удалось обнаружить урановую смолку или иные минералы с радиоактивными элементами». Далее, по тексту протокола, последовал выкрик: «Неправда! Вам предъявлялось письмо к вам горного разведчика Сурикова...» И еще далее, на нескольких листах, слово в слово повторено все то, что уже фиксировалось на допросе 12.04.1949 и содержалось на л. 41-47.^{*)} Такого рода повторы не единожды встречались также в иных следственных делах и, видимо, являлись нормой при фабрикации протоколов. Не ясно только — зачем?

^{*)} Следственное дело А.Г. Вологодина Р24208, т. 1, л. 104-108.

³²⁾ Под таковым имелись в виду отработанный свинцово-медный рудник Юлия и расположенная поблизости Везувьяновская горка, десятки раз описанные в научной литературе — статьях и монографиях, имевшихся во всех крупнейших книгохранилищах мира.

³³⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 68, 69. Констатация же в протоколе допроса, от имени ученого и опытного полевого, что отбиравшиеся в полевых условиях участниками геологической экскурсии образцы пород не были предварительно подвергнуты химическому анализу, смехотворна по самой сути.

³⁴⁾ Имеется в виду уран-ванадатовое месторождение Тюямуюн в Узбекистане, открытое в 1902 г., минералогические сведения о котором в 1937 г. засекреченными не были. Как не являлись секретными и все другие материалы, упомянутые здесь, а путеводители и другие издания, предназначавшиеся для раздачи участникам конгресса, были официально допущены к печати после тщательного их просмотра Главлитом — цензорным органом СССР.

³⁵⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 110-114. Здесь — еще одна заведомая липа, без сомнения — следовательского генезиса. Все печатный материалы, готовившиеся к конгрессу, проходили в надзорных органах тщательную предварительную экспертизу, и появление в них того, что в 1937 г. являлось государственной тайной, было абсолютно исключено. То есть слова, приписываемые тут Вологдину, — плод следовательских безграмотных фантазий.

³⁶⁾ В докладной записке «К вопросу о промышленном развитии Сибири»,^{*)} направленной из Магадана, где отбывал срок наказания, в отдел науки ЦК КПСС 31 марта 1953 г. — подчеркнуто в четвертую годовщину своего ареста, Вологдин в частности отметил, что им «описано более 600 новых видов археоциат, водорослей и др., более 100 родов, более 20 семейств и т.д.»

Могло ли ему привидеться даже в самом благом сне, что именно в этот день, которым он эпатажно датировал записку в ЦК КПСС, объемом в 33 листа рукописного текста, над которой, надо думать, работал не день и не неделю, — именно в тот же день 31 марта 1953 года в Москве был подписан приказ министра МВД СССР Л.П. Берии о прекращении уголовного преследования по сфабрикованному «делу врачей» и освобождении, в связи с отсутствием состава преступления, всех арестованных фигурантов готовившегося процесса, общим числом в 37 человек;^{**)} о чем и было объявлено в средствах массовой информации утром 4 апреля. Ведь этот судьбоносный поворот и стал предвестником массового пересмотра

сфабрикованных политических дел и, в частности, реабилитации ровно год спустя, 31 марта 1954 года, всех осужденных по «Красноярскому делу». Поистине, день 31 марта предстает перед нами какой-то мистической датой для судеб отечественной геологии...

^{*)} РГАНИ, фонд 5, опись 17, ед. хр. 415, л. 34-66.

^{**)} Дж. Брент, В. Наумов. Последнее дело Сталина. Москва, изд-во «Проспект», 2004, с. 286.

³⁷⁾ Легенда, составленная для мотивировки отказа от поездки в США, естественно, содержала иные резоны, а именно надуманные опасения за состояние здоровья, которое, якобы, препятствовало его воздушному перелету через океан (см. приложение 6).

³⁸⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 120-124. Затронутый на допросе вопрос о получении денежной награды «от американцев в размере тысячи долларов» требует особого комментария. Наличие у советского гражданина иностранной валюты, вплоть до перестроечных времен, являлось уголовно наказуемым деянием, а за полученные им валютные суммы Госбанк выдавал эквивалент в рублях по существенно заниженному курсу. В рассматриваемом случае эквивалент переведенным в СССР фондом Уолкотта 1000 долл. составил, после вычитания налогов, смехотворную сумму в 5300 руб., которая и была получена в Госбанке лауреатом. Эту цифру он упомянул в своей докладной записке, направленной из мест заключения 31.03.1953 в адрес отдела науки секретариата ЦК КПСС.^{*)} Чтобы современный читатель мог зримо представить покупательную способность этой рублевой суммы на то время, имея в виду, что покупательная способность доллара тогда превышала его сегодняшний курс почти на полтора порядка, приведем установленные в середине декабря 1947 г. розничные цены в рублях на продовольственные и промышленные товары массового спроса.^{**)}

Хлеб ржаной	1кг	3
Хлеб пшеничный	1кг	8
Масло сливочное	1кг	64
Сахар	1кг	15
Яблоки	1кг	от 16 до 25
Икра	1кг	400
Костюм мужской из бостона		1400
Полуботинки мужские, подошва кожаная		430
Часы наручные металлические		900
Фотоаппарат ФЭД		1100

^{*)} РГАНИ, фонд 5, опись 17, ед. хр. 415, л. 64, 65.

^{**)} Из приказа Министерства торговли СССР № 550 от 14.12.1947; «Правда», 15.12.1947, с. 3.

³⁹⁾ Вообще вокруг конфискованных ценностей в те времена творился полный произвол, подчас сопровождавшийся коррупционными скандалами. Приведем конкретный пример. В письме заместителя заведующего Управлением кадров ЦК ВКП(б) о злоупотреблениях руководящих работников управления МВД СССР по Ленинградской обл., направленном 29.01.1948 на имя секретаря ЦК А.А. Кузнецова, констатировались следующие факты злоупотребления при реализации конфискованных вещей своим работникам через Спецторг. Упоминаемые конфискаты общей стоимостью более миллиона рублей в течение 1946-47 годов приобретались руководящими работниками Управления, а также работниками финансовых органов, участвовавшими в оценке изъятых вещей. При этом, как отмечалось в письме, нарушались правила конспирации путем передачи финансовыми торговым организациям копий актов изъятия с указанием фамилий и адресов арестованных, что позволяло раскрывать «персональный и количественный учет лиц, арестованных в Ленинграде и области за контрреволюционные и уголовные преступления».^{*)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 117, ед.хр. 1023, л. 119,120.

⁴⁰⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 336, 337. Еще до завершения следствия фамилия Вологодина, как и ряда других его поделчиков, некоторые из коллег-геологов стали использовать для своих собственных потребностей. Так, один из высокопоставленных нефтяников в начале 1950 г. проинформировал ЦК ВКП(б), что директором Московского филиала НИИ ВНИГРИ В.М. Сеньков «придерживается реакционных идеалистических и лженаучный взглядов Калицкого» и к тому же в свое время дипломную работу «представил на соискание ученой степени и, при активной поддержке профессоров Вологодина и Тетяева, ныне арестованных органами МГБ, получил ученую степень доктора геолого-минералогических наук»...^{*)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 118, ед.хр. 733, л. 76.

⁴¹⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, т. 1, л. 22.

⁴²⁾ Там же, л. 25-27.

⁴³⁾ Там же, л. 27-29.

⁴⁴⁾ Там же, л. 49-56. Позднее сменивший Ливанова капитан Тельнов вновь вернул подследственного к истории с малохинганским оловом и зафиксировал в следственном протоколе от 09.06.1950 следующие слова от его имени: «Я по вредительским соображениям отнес Малый Хинган к бесперспективным по олову и рекомендовал начатые там работы прекратить. Только в 1944 г., когда мои вредительские выводы

подверглись ревизии, на Малом Хингане были начаты работы, приведшие к открытию крупнейшего в СССР месторождения олова». И далее: «Ложно утверждая, что наличие россыпного касситерита якобы результат миграции издалека, я запутал понимание генезиса и дезориентировал местных геологов. В действительности россыпной касситерит на Дальнем Востоке является признаком близости коренных месторождений».^{*)}

^{*)} Там же, л. 281-284.

⁴⁵⁾ Там же, л. 257-260.

⁴⁶⁾ Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 30.

⁴⁷⁾ Г.Л. Пятаков — первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, арестован 12.09.1936. Был одним из главных обвиняемых на сфабрикованном Сталиным процессе по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и казнен 01.02.1937. Реабилитирован в 1988 г.

⁴⁸⁾ Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 31-36.

⁴⁹⁾ Подразумевался золотомонетный стандарт, введенный в России, по инициативе министра финансов С.Ю. Витте, с 03.01.1897 и действовавший вплоть до начала 1-й мировой войны 1914-18 гг., при котором государство гарантировало свободный обмен кредитных билетов на золотую монету.

⁵⁰⁾ Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 65, 66.

⁵¹⁾ То есть вплоть до начала периода «холодной войны», которое принято отсчитывать с 6 марта 1946г., когда У. Черчилль в своем выступлении в Фултоне (США) предостерег западный мир об агрессивных намерениях Сталина.

⁵²⁾ Следственное дело Р24206 Я.С. Эдельштейна, л. 83, 84, 89-98. Лишний раз напомним, что организация подобных геологических экскурсий является гарантированной обязанностью принимающей стороны. Гарантии эти и были получены руководящими органами Международного геологического конгресса перед тем как объявить Москву местом проведения очередной XVII сессии

⁵³⁾ Там же, л. 242, 243.

⁵⁴⁾ Там же, л. 251, 252.

⁵⁵⁾ Следственное дело Р24227 М.М. Тетяева, т. 2, л. 322, 323.

⁵⁶⁾ Не ясно, кого из сыновей крупного московского текстильного магната П.М. Рябушинского подразумевал Тетяев; сомневаться в том, что в данном случае именно он назвал эту фамилию, не приходится. Наиболее вероятным финансистом геолкомовцев мог бы стать Федор Павлович — инициатор и спонсор научной экспедиции на Камчатку, квалифицированный собиратель библиотеки научных трудов, касавшихся природных богатств Сибири. Выделил он из своих личных средств на проведение задуманных им разносторонних двухлетних исследований огромную по тем временам сумму в 200 тыс. рублей и предложил Академии наук, Русскому географическому обществу и Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете возложить на себя покровительство при формировании личного состава экспедиции и составлении плана двухлетних полевых исследований.^{*)} Экспедиция в итоге была сформирована в составе пяти отделов, включая геологический. Естественно, что сам спонсор при подготовке к выезду экспедиции на место не мог не иметь деловых контактов с Геолкомом и, прежде всего, с одним из ведущих знатоков Сибири Я.С. Эдельштейном. Но сам Рябушинский скончался от чахотки в марте 1910 г., на 26-м году жизни. В дальнейшем его делами, связанными в том числе и с завершением в 1911 г. работ Камчатской экспедиции, занималась вдова. Возможно, именно она и согласилась в первой половине 1918 г., еще до отъезда экспедиции Геолкома, во главе с Я.С. Эдельштейном, в Сибирь,^{**)} помочь оставшимся без зарплаты геолкомовцам. А употребление ее в мужском роде — банальная описка в следовательском протоколе.

^{*)} «Русские ведомости», 21 мая/31 июня/1906, с. 6.

^{**)} Следственное дело В.К. Котульского Р24229, т. 1, л. 151.

⁵⁷⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 2, л. 183, 184; последующие ссылки на номера листов протокола от 18.06.1949 приводятся непосредственно в тексте.

⁵⁸⁾ М.М. Тетяев. Типы русских вольфрамовых руд и их взаимоотношения. Материалы по общей и прикладной геологии, вып. 34, 1926, с.1.

⁵⁹⁾ М.М. Тетяев, В.Н. Руднев. Бассейн рек Куенги и Олова в Забайкалье (работы 1928 г.). Тр. Всес. геолого-разведочного объединения, вып. 224, 1932.

⁶⁰⁾ Для бельгийского научного сообщества подобное отношение к оккупантам, не в пример соседней Голландии, было традиционным. В частности, по окончании 2-й мировой войны медалью участника Сопротивления был награжден в будущем выдающийся ученый и мыслитель, лауреат Нобелевской премии по химии 1977 г. Илья Пригожин, родившийся в Москве в 1917 г. и увезенный в эмиграцию в четырехлетнем возрасте.^{*)}

^{*)} «Природа», № 2, 2004, с. 72.

⁶¹⁾ Какой-то детский лепет... Хотя бы потому, что без итогового геологического отчета невозможно списание затраченных по теме средств, чего физически не может допустить ни одно управление, ни одна бухгалтерия при нем.

⁶²⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, т. 1, л. 252-254.

⁶³⁾ Следственное дело Р24227 М.М. Тетяева, т. 2, л. 358, 362-363.

⁶⁴⁾ Газета «Известия», 6-7.11.1927, с. 4.

⁶⁵⁾ Сюжет «англофильских настроений», введенный следователем в канву сфабрикованных показаний, отнюдь не случаен. Тельнов, без сомнения, знал, что первая жена Котульского с дочерью во время революционных потрясений эмигрировала из России и поселилась в Великобритании.

⁶⁶⁾ Следственное дело В.К. Котульского Р24229, т. 1, л. 129-133.

⁶⁷⁾ Там же, л. 136-142. Уместно здесь привести еще один образчик протокольной записи допроса 26.10.1949, подписанный, тем не менее, маститым геологом. Будто «вплоть до ареста 1931 года не было организовано изучение шлихов речных отложений Забайкалья, где встретилось олово *не только в коренном залегании, но и в россыпях* (курсив мой — А.Б.). На этот раз я пошел, исходя из того, что изучение указанных шлихов могло способствовать обнаружению коренных месторождений олова...»^{*)} И это фантазмагорическая абракадабра тоже заверена подписью подследственного!

^{*)} Там же, л. 113.

⁶⁸⁾ Там же, т. 2, л. 250-260; подлинник документа хранится в архивном деле № 12091 (1940 г.).

⁶⁹⁾ Там же, т. 1, л. 64, 65.

⁷⁰⁾ Следственное дело Р24207 В.Н. Доминиковского, л. 23, 24.

⁷¹⁾ Следственное дело Р24229 В.К. Котульского, т. 2, л. 270.

⁷²⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 262-263.

⁷³⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 1, л. 29-33.

⁷⁴⁾ За два дня до этого, 10.05.1949, из Ленинграда в МГБ ушел донос на Крейтера, в котором обосновывались «ошибочность и антипартийность» его взглядов, изложенных в учебнике 1940 года,^{*)} а именно: а) превозношение достижений США и призыв к использованию их подходов к оценке и разведке полезных ископаемых «в условиях социалистической действительности»; б) приоритет морфологии месторождения в противовес изучению его генезиса;^{**)} в) изложение «вредных реакционных взглядов американских ученых».^{***)} Появлению этого постыдного документа предшествовала командировка его автора в апреле 1949 г. в Министерство высшего образования и достижение там соответствующих договоренностей с начальником главка горно-металлургических вузов.

^{*)} В.М. Крейтер. Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых. Москва, Геолтехиздат, 1940.

^{**) В} связи с этими обвинениями, предъявленными Крейтеру на допросе 21.04.1950 по части его «морфологических взглядов», ученый жестко отпарировал, что «таких взглядов я не придерживался», а на последовавшее заявление, что, по имеющемуся у следствия свидетельству, именно по этим причинам «вы неверно оценивали Каробинское молибденовое месторождение и полиметаллические месторождения Абхазии», отвечал, как записано в протоколе: «вредительские заключения... явились следствием моего преступного отношения к делу, а не результатом *антинаучных* (курсив мой — А.Б.) морфологических взглядов...»; следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 1, л. 255, 256.

^{***)} Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 149, 150.

⁷⁵⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 100-103.

⁷⁶⁾ Таковыми, в частности, оказались, на фоне звездного контингента фигурантов «Красноярского дела», арестованных уже на следующий день после заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 30.01.1949, такие фигуранты, как старший палеонтолог Западно-Сибирского геологического управления О.К. Полетаева, ассистент кафедры общей геологии Томского политехнического института, мать четырех детей В.Д. Томашпольская и др. (см. табл. 1 к главе 2).

⁷⁷⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 1, л. 194-197.

⁷⁸⁾ Там же, л. 201-203.

⁷⁹⁾ Затраты на строительство грунтовых дорог в гористых местностях, не говоря уж о высокогорье, являются неперменной составной частью любой сметы, даже если речь идет о поисковых работах с применением шурфования и бурения неглубоких скважин. Насколько можно понять из приводимой записи в протоколе допроса, именно такой комплекс поисковых работ и планировался для должной оценки обнаруженного в районе Тырнауза сурьмяного оруденения.

⁸⁰⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 1, л. 243-245.

⁸¹⁾ Там же, т. 2, л. 347.

⁸²⁾ Там же, л. 262, 263.

⁸³⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 118, ед.хр. 607, л. 96-105.

⁸⁴⁾ Следственное дело Р24295 Б.К. Лихарева, п. 12.

⁸⁵⁾ Там же, л. 5, 6. Соучастие А.П. Вавилова в санкционировании арестов фигурантов «Красноярского дела» даром ему не сошло. Постановлением Комиссии партконтроля при ЦК КПСС от 01.08.1955 он был исключен из КПСС. В решении говорилось, что по справкам МГБ он давал санкции на аресты «крупных ученых-геологов... по обвинению "во вредительстве"... Теперь установлено, что указанное дело было сфабриковано работниками МГБ».^{*)}

^{*)} РГАНИ, фонд 6, опись 3, ед. хр. 742, л. 34-36.

⁸⁶⁾ Там же, л. 377; далее номера листов из дела Р24295 указываются в тексте главы.

⁸⁷⁾ Впрочем подобные подлоги являлись в деятельности МГБ и прокуратуры повседневной практикой и, видимо, мало беспокоили подписантов. Например, арестованного в Томске 31.03.1949 проф.

И.К. Баженова доставили в Москву 03.04.1949. Постановление же на арест министр В.С. Абакумов утвердил лишь 6-го, а А.П. Вавилов санкционировал его своей подписью 7 апреля.^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24297 И.К. Баженова, л. 2, 12.

⁸⁸⁾ Следственное дело 24207 В.Н. Доминиковского, л. 18, далее номера листов из дела 24207 указываются в тексте главы.

⁸⁹⁾ Следственное дело Р24297 И.К. Баженова, л. 37-49; далее номера листов из дела Р24297 указываются в тексте главы.

⁹⁰⁾ Следователь свой вывод предварительно вписал в ином исполнении: «Следовательно, вы действовали как вредитель, с целью нанести ущерб народному хозяйству страны?» При подписании протокола Баженов сумел выторговать менее топорное определение и приводимый вариант вписал чернилами в машинописный текст протокола поверх зачеркнутого варианта Гаркуши.

⁹¹⁾ Многие из следователей-судистов, активно использовавшихся при подготовке «Красноярского дела», через год-два оказались задействованными в «деле врачей» (например, Гаркуша, Соколов и т.д.). Для дополняющей характеристики их действий приведем показания фигуранта «дела врачей» Р.И. Рыжикова, которые тот дал после своего освобождения и ареста в марте 1953 г. одного из главных вдохновителей этого «дела» заместителя министра МГБ СССР М.Д. Рюмина. Коснувшись применявшихся Гаркушей методов дознания, он рассказал: «... Меня перевели в тюрьму Лефортово, где допросы проводились ночью. Лейтенант^{*)} Гаркуша угрожал мне пытками, ругался, кричал, что сдерет с меня шкуру, что посадит меня голым в клетку, что я буду умолять принять показания, что он убьет не только меня, но и моих детей. Будучи тяжело больным человеком и не чувствуя за собой вины, я быстро впал в депрессию, я много плакал, не реагировал на происходящее и т.д.»

Досконально изучившие «дело врачей» по подлинным документам, хранящимся в архиве ФСБ РФ, американские исследователи Дж. Брент и А. Наумов далее отмечают: «Следователь Гаркуша олицетворял систему в ее самой примитивной форме. Когда в 1954 году Рюмина спросили, почему именно Гаркуша был выбран для столь важного задания, тот ответил, что он знал, что Гаркуша был "не очень умным и недостаточно квалифицированным, но усердным" и потому "не станет возмущаться приказом вытягивать из Рыжикова признания..."»^{**)}

^{*)} Неточность; еще в 1949 г. Гаркуша имел воинское звание подполковника; в частности, именно в таком звании он допрашивал 01.04.1949 академика И.Ф. Григорьева; следственное дело Р24216 И.Ф. Григорьева, л. 34.

^{**)} Дж. Брент, В. Наумов. Последнее дело Сталина. Москва, изд-во «Проспект», 2004, с. 181, 182.

⁹²⁾ Следственное дело Р24303 В.А. Хахлова, л. 1-7.^{*)}

^{*)} Правда, не в пример приговору Б.К. Лихарева, срок исчисления пребывания под стражей В.А. Хахлова Особым Совещанием при МГБ СССР был установлен в соответствии с истинной датой ареста, то есть с 20.04.1949; там же, л. 428.

⁹³⁾ Продемонстрируем, на примере того же дела Хахлова, юридически абсолютно неприемлемый уровень подготовки первичной документации, связанной с арестом подозреваемого. В анкете, заполненной в приемной арестованных Внутренней тюрьмы МГБ СССР и удостоверенной подписью принимающего младшего лейтенанта Демченко, дословно констатировано следующее: «Прибыл из Томска 23.04.1949. Арестован 20.04.1949, ордер № 763. Основание ареста: постановление об избрании меры пресечения Следчасти по особо важным делам МГБ СССР от 25.04.1949» (курсив мой — А.Б.).^{*)}

^{*)} Там же, л. 8, 9.

⁹⁴⁾ Там же, л. 24-30. Четыре с половиной года спустя, в письме на имя К.Е. Ворошилову от 29.11.1953, В.А. Хахлов разъяснил адресату, о чем в действительности шла речь на допросе 05.05.1949: «Что я скрыл в 1932 году^{*)} два пласта углы по р. Ольджерасу, вскрытых разведочными работами Кузбассуглегеологии и Зап.-Сибирского геологического управления. Во время проведения научно-исследовательской работы по стратиграфии Кузбасса мы проезжали по этому району на лодке в 1932 году и указанные пласты нами замечены быть не могли, так как они находились в земле. Никаких разведочных работ мы не проводили... Что я в 1934 году скрыл два пласта угля по р. Заломной в Крапивинском районе Кузбасса, открытые в 1942 году... во время разведочных работ. Должен отметить, что я никогда не был на р. Заломной и никогда не работал в Крапивинском районе...»^{**)} Что касается записи о сознательном искажении результатов съемочных работ на листе О-45, то ее абсурдность говорит сама за себя...

^{*)} Дата 1933 в протоколе допроса — описка.

^{**)} Там же, л. 450-455.

⁹⁵⁾ В заключении старшего следователя Следчасти по особо важным делам капитана Соколова от 10.03.1954, в частности, отмечено, что А.Г. Ширвиндт в 1946 г. «за участие в антисоветской группе и антисоветской агитации был осужден к 10-ти годам ИТЛ (в 1950 г. умер в заключении)».^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24303 В.А. Хахлова, л. 490-493.

⁹⁶⁾ Там же, л. 31-34.

⁹⁷⁾ Следственное дело Р24297 И.К. Баженова, л. 199-202.

⁹⁸⁾ Там же, л. 177-179. В жалобе на имя председателя президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова от 15.07.1953 Кучин, в частности, констатировал, что после ареста ему «было объявлено,

что я обвиняюсь во вредительстве, без указания, в чем оно проявилось. На протяжении... 18 месяцев не предъявлялось никаких фактов вредительства, а предлагалось давать показания,... за следствием со стороны прокуратуры Советского Союза не велось наблюдение. Меня для формальности на протяжении 15 мин. допрашивал прокурор войск МВД, причем допрос вел в присутствии следователя, и протокол допроса составлял следователь, внося в протокол свои дополнения...»^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24294 М.М. Кучина, л. 429.

⁹⁹⁾ Именно в 1946 г. в стране развернулись масштабные попутные поиски урана, с ревизией всего, что только можно было проверить. Притом без оглядки на теоретическую возможность обнаружения в конкретных геологических условиях промышленных концентраций урана. Потому нижерасположенная фраза, предопределявшая криминал в том, что проверке на наличие урана подверглись лишь две, а не все имевшиеся на месторождении жилы, да еще без применения капитальных вскрышных работ для обнаружения зоны первичных руд, без сомнения принадлежала следователю, не ведавшему, о чем глаголит...

¹⁰⁰⁾ Следственное дело Р24297 И.К. Баженова, л. 120-124. В пространном письме в ЦК КПСС от 08.04.1953 Шахов в заключение отметил: «Я был арестован вместе с В.К. Котульским, И.Ф. Григорьевым, И.К. Баженовым, А.Я. Булынниковым и многими другими, с которыми я не имел никакой связи. Многих лиц я совсем никогда не знал. Тех же, кого знал, я не мог и не могу рассматривать как политических противников и никакие группировки мне не были известны... Все мои показания — неверные, ложные: вины... за собой не признаю».^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24294 Ф.Н. Шахова, л. 534, 535.

¹⁰¹⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 64-79.

¹⁰²⁾ Следственное дело Р3 В.В. Богацкого, л. 472; последующие ссылки на номера листов из дела Р3 приводятся непосредственно в тексте.

¹⁰³⁾ Впервые Богацкий, тогда студент Томского политехнического института, в 1935 г. был арестован и осужден на 5 лет ИТЛ «за различные антисоветские измышления... клевету против руководителей партии и советского правительства».^{*)}

^{*)} Там же, л. 2, 3.

¹⁰⁴⁾ Все это — приписываемая Богацкому стопроцентная чушь... Проводившиеся в 1943-47 гг., под руководством последнего, разведочные работы на известных с первой половины XVIII века железорудных залежах Ирбы были прерваны распоряжением Мингео СССР с целью подсчета уже выявленных запасов руды и утверждения их во Всесоюзной комиссии по запасам (ВКЗ). Распоряжение было выполнено, и запасы в количестве 20,7 млн т впервые утверждены законным порядком (протокол ВКЗ № 4831).^{*)} Сами разведочные работы 1943-1947 гг. отвечали стадии предварительной разведки, с соответствующей такой стадии сеткой разведочных выработок, что позднее подчеркивалось Богацким на допросе от 03.11.1949. Соответственно стадийности разведки были утверждены в 1948 г. ВКЗ и предъявленные к утверждению запасы.

^{*)} В.Т. Посохов, Н.В. Толстихин. Трудный путь к железу Ирбы. Красноярск, 1999, с. 76, 77. Кстати, отчет по Ирбе ВКЗ оценила как отличный, что в практике ее работы встречалось достаточно редко, а сам автор был удостоен за этот отчет денежной премии в 15 тыс. руб.⁹¹⁾

^{**)} Следственное дело Р3 В.В. Богацкого (л. 176-184).

¹⁰⁵⁾ Приводимые рассуждения абсурдны по своей сути. Тунгусский бассейн с уникальной пермокарбоновой угленосной толщей, перекрытой пермо-триасовыми туфами и лавами и прорванной силлами, дайками и штоками изверженных пород, располагается в малонаселенной тундре, если не считать компактного района Норильска. В то же время введение в промышленную эксплуатацию углей Улуг-Хемского юрского бассейна в Туве, о котором идет речь, дало бы быстрый экономический эффект, поскольку позволило бы немедленно освободиться от дорогостоящих перевозок автотранспортом, на многие сотни км по грунтовому Усинскому тракту, угля с месторождений южных районов Красноярского края и тем самым удовлетворить потребности промышленности и населения Тувы за счет местных ресурсов.

¹⁰⁶⁾ Следственное дело Р3 В.В. Богацкого, л. 228-236.

¹⁰⁷⁾ Следственное дело Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 268-270.

¹⁰⁸⁾ Там же, т. 2, л. 307-318.

¹⁰⁹⁾ Следственное дело Р24217 А.А. Предтеченского, л. 422.

¹¹⁰⁾ Следственное дело Р148 Н.Ф. Рябоконя, л. 163.

¹¹¹⁾ Следственное дело Р146 П.И. Дмуховского, л. 107-113.

¹¹²⁾ Следственное дело Р 24229 В.К. Котульского, т. 1, л. 2-4.

¹¹³⁾ Там же, т. 2, л. 250-260.

¹¹⁴⁾ «Новое время», 10 и 11 ноября 1906г.

¹¹⁵⁾ С.И. Вавилов. «Мысль о эволюции мира — единственное абсолютное, за что еще можно держаться сознанием». (Дневники 1939-1951 гг.). Вопросы истории естествознания и техники, № 2, 2004, с. 33.

Глава 5 КТО НА ОЧЕРЕДИ...

После смерти Сталина и сенсационного сообщения о прекращении сфальсифицированного «дела врачей» в Москву из ГУЛАГа хлынул поток жалоб и ходатайств. Не отставали от товарищей по несчастью и фигуранты «Красноярского дела», одним из которых был профессор Томского университета, заведующий кафедрой петрографии А.Я. Булынников. Свою жалобу он направил на имя министра МВД СССР Л.П. Берии из «Енисейстроя», где отбывал 15-тилетний срок заключения. Даты на жалобе нет, но ее можно установить по штемпелям на почтовом конверте, который, вместе с оригиналом, подшит в его следственный деле: отправлена она из Красноярска 23 мая, а по адресу пришла 25 мая 1953 года.¹⁾

В прошении о пересмотре дела он привел услышанную от своего следователя фразу, мол «меня арестовали потому, что "подошла моя очередь"».²⁾ В том, что такая очередь действительно существовала, сомневаться не приходится. Нечто подобное происходило и с М.М. Тетяевым. Как явствует из реабилитационного заключения, подписанного следователем следчасти МВД СССР капитаном Байковым и утвержденного заместителем министра МВД СССР генерал-полковником И.А. Серовым 15.03.1954, «управлением НКВД Ленинградской обл. в 1937-1938 гг. трижды возбуждалось ходатайство перед НКВД СССР об аресте Тетяева, однако... он все же не был арестован...».³⁾

Число видных геологов, еще не подвергавшимся репрессиям, фамилии которых мелькали в протоколах допросов, достигало многих десятков — как в форме вопросов к подследственным, так и в тексте их «показаний». Напомним, что все фигуранты «Красноярского дела», дожившие до 1953 года, не сговариваясь, дружно отказались от приписанных им следователями признаний (см. главу 6), а академик И.Ф. Григорьев нашел в себе душевные силы еще на последнем этапе предварительного следствия дезавуировать все подписанные им под пытками протоколы и охарактеризовать предъявлявшиеся ему обвинения как вымышленные и лживые.⁴⁾

В наибольшей мере внимание следователей во время допросов подследственных привлекали еще не подвергнутые аресту члены АН СССР; будто действительно их подспудным заданием являлось максимально возможное обезглавливание советской геологической науки. Фамилии академиков, как здравствующих, так и покойных, многократно фигурировали по многим следственным делам.⁵⁾ Естественно, на положении лиц, подозреваемых в соучастии в тех преступлениях, которые инкриминировались уже арестованным. Среди таковых, помимо умерших в 1939 г. М.А. Усова и в 1947 г. С.С. Смирнова, назывались академики А.Г. Бетехтин, А.Н. Заварицкий, Д.В. Наливкин, В.А. Обручев, К.И. Сатпаев...

Лидирующее положение по части реальной угрозы скорого взятия под стражу занимал в этом перечислении элиты советской геологической науки академик-секретарь ОГГН АН СССР А.Н. Заварицкий. Его фамилия не раз упоминалась в сугубо негативном плане еще до ареста 30.05.1949 в Алма-Ате М.П. Русакова. Последний, будучи студентом Петроградского горного института, в 1918 году под руководством будущего академика проходил производственную практику на Урале, потому следователи с особой интенсивностью выбивали из него требовавшиеся им показания на одну из ключевых фигур в Президиуме АН СССР.

Еще более ранние криминогенные оценки деятельности Заварицкого в геологии стали появляться почти сразу после заседания Политбюро от 30.03.1949. Они содержались как в «Докладной записке о результатах обследования ИГН АН СССР», проведенного под председательством академика П.П. Ширшова президиумом АН СССР после ареста директора института И.Ф. Григорьева, так и в последовавшем вслед постановлении президиума Академии от 12 мая 1949 г. Неделью спустя, 20 мая, в адрес председателя

Совета министров СССР И.В. Сталина пошло письмо за подписью президента АН СССР С.И. Вавилова и главного ученого секретаря президиума А.В. Топчиева, где опять же не обошлось без упоминания Заварицкого, уже снятого к тому времени с поста академика-секретаря (см. главу 3). Это упоминание сопровождается зловещим автографом адресата на полях письма: «А где ак. Заварицкий?»⁶⁾

Свою долю в формировании негатива вокруг фигуры недавнего академика-секретаря ОГГН внесла и Экспертная комиссия, созданная МГБ СССР по делу арестованного академика И.Ф. Григорьева. Коснувшись деятельности Научно-технического совета при Мингео СССР, созданного 19.12.1945 в качестве верховного куратора широко развернувшихся поисков уранового сырья, одним из членов которого, наряду с Григорьевым, был также Заварицкий, комиссия в своем заключении от 29.11.1949 не преминула дать его работе в Совете самую уничижительную характеристику: «Академик А.Н. Заварицкий — один из самых пассивных членов Совета. За 3,5 года не сделал ни одного доклада, не участвовал, за редким исключением, в анализе отчетов экспедиций и крайне нерегулярно присутствовал на заседаниях. Не работал и не желал работать по геологии А-9.⁷⁾ Совершенно бесполезный член Совета». ⁸⁾

При перечислении лиц, принимавших участие в деятельности НТС при Мингео СССР, в заключении Экспертной комиссии упомянуты и два фигуранта «Красноярского дела» — В.М. Крейтер и М.П. Русаков. Первый из них привлекался к участию в подготовке докладов и в заседаниях до июля и второй — до декабря 1946 г. В дальнейшем от их приглашения руководство Совета отказалось по причине того, что они не получили допуска «к работам по А-9».⁹⁾ Вопросы допуска решались в органах МГБ СССР, и эта информация лишняя раз подтверждает, что у МГБ уже тогда имелся в их отношении компрометирующий материал, который в 1949 году материализовался в репрессии против обоих.

Последний из них, М.П. Русаков, после ареста стал использоваться следствием в том числе и для выбивания компромата против Заварицкого. Следователь подполковник Ливанов, помощник начальника Следчасти МГБ СССР, на протяжении первых двух допросов настойчиво возвращался к фигуре Заварицкого, вписывая выдуманные им характеристики в протоколы допросов от имени допрашиваемого.

В дальнейшем, в письме от 14.05.1953 на имя министра МВД СССР Л.П. Берии, отказываясь от своих показаний, он констатировал, что следователем «многократно переделывались протоколы допроса (с неотвечающей истине надписью «стенографично»), но, в конце концов, все протоколы — в целях сохранения жизни и остатков здоровья — мною были подписаны...».¹⁰⁾ Потому, перечитывая нижеследующие «показания», включая те из них, что касались Заварицкого и записывались якобы от первого лица, необходимо помнить, что таковыми они не являлись и на самом деле принадлежали перу и мыслям следователя Ливанова. В том числе и по части демонизирования образа и действий Александра Николаевича...

Почин в адрес недавнего академика-секретаря был сделан уже на втором допросе от 15.06.1949. На нем подполковника Болховитина, допрашивавшего Русакова с часа ночи до 3¹⁵ утра 2 июня, сразу после его доставки во внутреннюю тюрьму МГБ на Лубянке спецконвоем МГБ Казахской ССР из Алма-Аты,¹¹⁾ сменил подполковник Ливанов.¹²⁾ Правда, встречи с Ливановым у Русакова имелись, несомненно, еще до 15 июня. Во время их следователь уже успел доходчиво объяснить подследственному, чего от него ждут на Лубянке. Во всяком случае, уже на первый вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном обвинении, с готовностью ответил, что да — признает. И далее, как по написанному, вываливает кучу компромата на себя. Что виновен в установлении преступной связи с белогвардейцем Гудковым и в передаче ему секретных сведений о состоянии геологической службы, что клеветнически оценивал положение в деревне после ликвидации кулачества как класса, что после возвращения домой из командировки в

Соединенные Штаты превозносил жизнь за границей, преклонялся перед достижениями и мощью капиталистической системы и т.д. и т.п.

И далее, судя по тексту протокола, он плавно переходит к показаниям, которые, видимо, наиболее интересовали в этот день следователя: «Будучи связанным в течение многих лет с реакционно настроенными геологами,... зная их непримиримое отношение к советской власти, я не только не помог вскрыть преступную деятельность, но и сам оказался втянутым в саботаж и вредительство... Я подчинялся идеологическому воздействию и влиянию моих профессоров Заварицкого, затем Котульского, причем первый из них особо выделялся своей враждебностью к советской власти, своими дворянско-помещичьими монархическими взглядами».¹³⁾

Тема Заварицкого по сценарию, разработанному следователем, вновь зазвучала неделю спустя, 23 июня, — теперь уже в расширенном формате. «Под руководством Заварицкого, — заявляется от имени подследственного, — пришлось работать как раз в период, когда происходили великие перемены. Октябрьская революция застала меня и Заварицкого на Урале, в районе Миасса (где на самом деле они пребывали на полевых работах летом 1918 г. — А.Б.). Сын крупного уфимского помещика, Заварицкий со злобой воспринял установление советской власти. В его семье, в которой в те годы проживал и я, господствовала атмосфера непримиримости к большевикам... На даче Заварицкого в районе оз. Тургояк съезжались родственники и знакомые, их сборища носили антисоветский характер. Нередко произносилась ругань по адресу вождей революции...»¹⁴⁾

Эти прозрачные в своей юридической наивности словеса повторились в протоколе допроса, проведенного 3.2.1950 военным прокурором войск МВД СССР подполковником юстиции Антоновым и сменившим в сентябре 1949 г. прежнего следователя Ливанова капитаном Тельновым:

- Ранее вы показали, что долгое время находились под влиянием реакционно настроенных геологов, представителей дореволюционной школы. Назовите их.

- Я находился под реакционным влиянием моего первого учителя проф. Заварицкого, допускавшего в течении трех лет самую необузданную антисоветскую пропаганду...¹⁵⁾

И скверным анекдотом сегодня воспринимаются инвективы в адрес Заварицкого, что прозвучали из уст одного из сотрудников ИГН АН СССР в тот же день 15 июня 1949 г., каковой датой подполковник Ливанов пометил сфальсифицированные им показания Русакова. В прениях на партийном собрании, созванном в связи с арестом И.Ф. Григорьева, тот пристыдил зам. директора С.А. Кашина, что он «не хотел выступать против Заварицкого», и почел нужным напомнить: «Я выступал с указанием на историю деятельности Заварицкого, говорил о необходимости связи с нуждами промышленности,... но бюро и Чепиков (секретарь партбюро ИГН — А.Б.) не поддержали меня».¹⁶⁾ Оба фальсификатора, не сговариваясь, по сути продублировали друг друга...

Финалом подтасовок, связанных с именем академика Заварицкого, стало постановление следователя Тельнова от 18.05.1950 об изобличении его «в антисоветской деятельности» и выделении полученных материалов в отдельное производство по линии 5-го управления МГБ СССР. Только смерть Сталина и последовавшие тектонические изменения в стране спасли Александра Николаевича от неминуемого ареста...

Правда, прогноз этот, относительно времени его исполнения, следует все же оценивать не более как в сослагательном наклонении. Напомним в этой связи, что ходатайства на арест М.М. Тетяева, делавшиеся в 1937-38 гг., нашли положительный отклик лишь более десяти лет спустя после этих инициатив.¹⁷⁾ Точно так же И.Ф. Григорьев, В.К. Котульский, В.М. Крейтер, М.П. Русаков, Я.С. Эдельштейн и тот же М.М. Тетяев уже фигурировали в качестве «противников советской власти» в деле Б.Н. Рожкова, талантливого поисковика, одного из первооткрывателей норильских руд, арестованного в 1936 г. и расстрелянного, как «члена контрреволюционной фашистской

террористической организации» в 1938-м,¹⁸⁾ однако все перечисленные выше дождались своей очереди только в 1949-м.

Однако для сомнений по поводу реальной вероятности одновременного ареста в 1949 г. академиков М.А. Усова и С.С. Смирнова, если бы они не скончались, соответственно, в 1939 и 1947 гг., оснований нет. Фамилии их фигурировали в десятках дел, заводившихся на представителей геологической службы с начала 1930-х гг.

Михаил Антонович Усов являлся виднейшим сибирским геологом, имя которого было на слуху у всех, кто соприкасался с проблемами поисков и разведок рудных месторождений Зап. Сибири. В его честь, по случаю 25-летия научно-педагогической деятельности, в 1933 г. в Томске наименована одна из городских улиц, учреждена прижизненная именная премия «за лучшую научно-литературную работу по геологии и сырьевым ресурсам края».¹⁹⁾ В 1932 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1939-м, за полгода до неожиданной кончины от приступа грудной жабы, — академиком. Но, параллельно с гласными почестями, в чекистских архивах копился на будущее криминал на виднейшего ученого, которому, вкупе с его многочисленными учениками, многим была обязана сформировавшаяся база ценнейшего минерального сырья Зап. Сибири.

Репрессивная машина, раз запущенная, далее движется уже по собственным законам. Даже когда движение это теряет свой изначальный смысл. Потому следственные дела фигурантов «Красноярского дела», сфабрикованного десять лет спустя после смерти Усова, переполнены связанным с ним негативом. Из 11 следственных дел, с допросными протоколами которых смог ознакомиться автор, в более чем половине следователи упорно продолжают выпрашивать его учеников о покойном учителе, смачно разрисовывая по своим лекалам их ответы.

При допросах М.П. Русакова о командировке в Соединенные Штаты следователи Болховитин и Ливанов не раз возвращаются к вопросам, связанным с интересом эмигранта Гудкова к его прежним коллегам по работе в Зап. Сибири, включая вице-директора Геолкома при правительстве Колчака М.А. Усова.²⁰⁾ Со ссылкой на Я.С. Эдельштейна, фиксируется в протоколе допроса, что Усов возглавлял группу геологов-самостийщиков, считавших, что «Сибирь должна быть для сибиряков».²¹⁾ В уста В.А. Хахлова вкладывается утверждение, что Усов, находясь «у руководства почти всеми отраслями геологической службы в Зап. Сибири, использовал служебное положение во вражеских целях»²²⁾ и что, «следуя вредным принципам Усова — изучать геологию ради геологии, занимались главным образом теоретическими вопросами».²³⁾

Невозможно пройти мимо шедевра безграмотности, вышедшего из-под пера допрашивавшего майора Демина. Развивая линию «вражеских советов» Усова своим ученикам, он подарил истории, от имени профессора Томского университета Хахлова, следующий перл: «Вспоминаю указания Усова Шахову. Усов заявил, что он должен заниматься изучением руд в отраженном свете, то есть в отрыве от интересов и запросов производства». И далее, в качестве вывода из сказанного: «Заниматься главным образом разработкой теории и пренебрегать практикой — такое наставление давал и другим своим выученикам».²⁴⁾ И вот под этой абракадаброй тоже стояла собственноручная подпись подследственного...

Будто под копирку, аналогичный набор слов фиксирует подполковник Гаркуша, якобы со слов А.Я. Булынникова: «Проф. Усов, являвшийся нашим учителем и руководителем, направлял эти исследования во вред интересам советского государства. Установки Усова заключались в том, чтобы работу ограничить составлением карты без применения разведок полезных ископаемых, фондовых материалов не расширять, отчетов партий не представлять...»²⁵⁾

И весь этот абсурдный словесный мусор — вослед скончавшемуся десять лет назад человеку!

Не менее опасны экзерсисы в адрес академика С.С. Смирнова — выдающегося знатока металлогении азиатской части СССР и минералогии зоны окисления сульфидных руд, первооткрывателя ряда крупных месторождений олова на Северо-Востоке страны; заслуги ученого в познании процесса минералогенеза, незадолго до внезапной кончины в 1947 г., отметило избранием его в свои почетные члены Французское минералогическое общество.

Попала в проскрипционные списки его фамилия еще в 1938 г.: в деле расстрелянного и уже упоминавшего выше геолога Б.Н. Рожкова имеется запись, что в 1930 г. Смирнов, вместе с И.Ф. Григорьевым, В.М. Крейтером и М.П. Русаковым, после ареста В.К. Котульского подали заявление, опровергающее обвинения его во вредительской деятельности. Одиннадцать лет спустя упоминание покойного титана советской геологической науки стало едва ли не расхожим местом для фабриковавшихся допросных протоколов.

Особенно часто упоминали Сергея Сергеевича следователи, допрашивавшие И.Ф. Григорьева. На допросе от 14.04.1949 в протоколе отмечено, что допрашиваемый во время шахтинского процесса в 1928 г. и процесса «Промпартии» в 1933 г. вместе со Смирновым «возводил клевету против карательной политики советских органов», а после окончания войны оба они «приписывали жестокость советским властям, якобы применяемую в отношении советских граждан, побывавших в плену у противника».²⁶⁾ На следующем допросе, 12.05.1949, сменивший подчиненного ему Болховитина заместитель начальника Следчасти полковник Шварцман продолжил развивать тему «промпартийцев», вложив в уста допрашиваемого следующий пассаж: «Жалея "промпартийцев", я, Смирнов и Котульский ополчились против карательной политики советского правительства. Злонамеренный скептицизм вызывали у нас пятилетние планы, особенно по горной промышленности, и стахановское движение, которое в нашем представлении являлось не более чем кратковременным эпизодом, не могущем произвести коренную ломку старых производственных норм».²⁷⁾ В качестве «вредительской вылазки» представлялось взвешенное предложение Смирнова усилить в данный момент разведочные работы на олово в Туркестанском хребте за счет временного сокращения таковых в менее комфортных условиях Верхоянья, где они обходятся существенно дороже.²⁸⁾

14.07.1949 в протоколе допроса В.М. Крейтера записывается, что тот, объединившись в Геолкоме, вместе с Григорьевым и Смирновым, в «антисоветскую группировку, ... общаясь на службе и в быту, высказывали друг другу клеветнические измышления в отношении политики ВКП(б) и советского правительства», а «касясь положения в деревне, ... сходились на том, что коллективизация сельского хозяйства — ненужная и вредная затея... и расценивали это мероприятие насилием (так в тексте — А.Б.) над крестьянством».²⁹⁾ После возвращения из командировки в США в беседах с Григорьевым и Смирновым «я утверждал, что только в Америке существует подлинная наука... Оба они со мной соглашались и пользовались на практике вредными и неприемлемыми в условиях СССР теориями Линдгрена и Эммонса».³⁰⁾

Как указывалось выше, помимо Заварицкого среди здравствовавших подозреваемых лиц числились также академики А.Г. Бетехтин, Д.В. Наливкин, К.Д. Сатпаев и П.И. Степанов.

Бетехтин упоминался в деле Крейтера. На вопрос следователя, не высказывал ли тот «свое враждебное отношение к советскому правительству», Крейтер отвечал, что доверительных разговоров с ним не вел, «никаких антисоветских измышлений он мне не высказывал и в преступной связи я с ним не состоял».³¹⁾

Посылы для такого любопытства у следователя имелись. Бетехтин тоже находился в зловещей МГБ-вской очереди. По сведениям, полученным от акад. Н.П. Лаверова, который считает Анатолия Георгиевича своим учителем по аспирантуре, в том же 1949

году на квартире ученого состоялся обыск, во время которого была изъята и впоследствии так и не возвращена рукопись о геологии и минералогии платины.

С большей настойчивостью проявлялся интерес у следователей в отношении Наливкина. Поинтересовался политическими настроениями Дмитрия Васильевича следователь, допрашивавший Я.С. Эдельштейна, на что тот ответил, что общался с ним в первые годы революции и «чем выделялся Наливкин, за давностью времени сказать затрудняюсь».³²⁾ Ушел от ответа на пожелание следователя «показать о деятельности Наливкина» и Григорьев, заявив, что «конкретных фактов в отношении Наливкина в этом направлении (недоброжелательном для власти — А.Б.) я сообщить не могу», а его политические взгляды «мне не известны».³³⁾ Был задан аналогичный вопрос и Лихареву, но тот, сославшись на неприязненные отношения, сложившиеся у него с Наливкиным за годы знакомства, от конкретного ответа тоже ушел.³⁴⁾

Столь назойливые попытки со стороны разных следователей добиться от арестованных геологов дополнительного компромата на Дмитрия Васильевича могли иметь для МГБ какую-то специфическую подоплеку. Одной из таковых мог бы оказаться факт его родства с эмигрировавшим в 1918 году в Соединенные Штаты знаменитым физиком В.К. Зворыкиным, родным братом жены. По памятным записям сына, впоследствии члена-корреспондента РАН В.Д. Наливкина, когда в 1934 году Зворыкин в очередной раз побывал в СССР, на собравшемся семейном совете он поведал о поступавших со стороны властных структур намеках вернуться на родину и его благожелательном отношении к подобным реверансам. В ответ шурин жесткоотреагировал: «Вспомни процесс Промпартии»³⁵⁾ и, поверь мне, дело этим процессом не ограничится. Риск очень большой; я лично считаю твоё желание вернуться в Россию неразумным».³⁶⁾ Больше о возвращении домой создатель первой в мире электронной телевизионной системы не заикался...

Не избег специфического внимания и старейшина советской геологии В.А. Обручев. Летом 1947 г. в журнале «Известия АН СССР, сер. геологическая», который тогда редактировал Владимир Афанасьевич, появилась большая статья эмигранта П.П. Гудкова,³⁷⁾ и следователь во время очередного допроса спросил И.Ф. Григорьева, известны ли ему обстоятельства ее появления. Григорьев ответил, что статья появилась после консультации с ученым секретарем ОГГН И.И. Катушёнком; при этом было решено никаких редакционных примечаний к ней не давать.³⁸⁾

На последовавшие вопросы следователя о его контактах с Гудковым во время командировки в 1930 г. в США, как явствует из протокола от 12.05.1949, Григорьев ответил следующее: что он просил Гудкова «быть заботливее с академиком Обручевым и не навлекать на него подозрений у советских властей». На вопрос, был ли Обручев причастен «к вашей преступной работе», Иосиф Федорович ответил: «Не знаю. Я не поддерживал личные контакты с Обручевым и Гудкову о нем написал лишь по просьбе Котельского».³⁹⁾

Для столь настойчивого интереса следователей МГБ к фигуре Владимира Афанасьевича имелись и иные существенные для власти обстоятельства. В частности, на Общем собрании АН СССР, состоявшемся 28-29.12.1936, были исключены из состава Академии невозвращенцы В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин. Среди неподдерживавших это предложение президиума АН СССР восьмерых академиков оказался и В.А. Обручев.⁴⁰⁾

Целый допрос Григорьева, состоявшийся 10.11.1949, оказался посвященным одному К.И. Сатпаеву. Он отличался явным обвинительным уклоном, которым, надо думать, еще заведомо был озадачен помощник начальника Следчасти подполковник Болховитин. Сатпаев, сделавший себе карьеру, в лучшем понимании этого слова, на блестящем проведении разведки Джезказганского месторождения меди, после чего оно превратилось в крупнейшее в Союзе, получивший в награду за это ученую степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации (по представлению, кстати, Григорьева), лавры лауреата Сталинской премии, избранный президентом АН

КазССР и впоследствии действительным членом АН СССР, — представляется в протоколе виновным ни более ни менее как в злонамеренном занижении запасов Джебказгана!⁴¹⁾

Существенно реже, чем для вышеупомянутых, на допросах фигурантов «Красноярского дела» звучало имя академика П.И. Степанова, скончавшегося летом 1947 г., почти одновременно с С.С. Смирновым. В показаниях Б.К. Лихарева он был упомянут однажды среди тех, кто был «такими же как я антисоветски настроенными лицами».⁴²⁾

Заинтересовались на Лубянке и личностью члена-корреспондента АН СССР В.А. Николаева. Ночной допрос В.М. Крейтера 12.09.1949 подполковник Седов целиком посвятил расспросам о Викторе Арсентьевиче. В итоге в протоколе появились рассуждения, от которых Крейтер впоследствии отказался, определив их сфальсифицированными, — что «между нами сложились хорошие отношения, и мы, доверяя друг другу, делились своими враждебными отношениями к советскому правительству». А при последней встрече в Ленинграде, за две недели до ареста Крейтера, при обсуждении уже состоявшихся арестов Я.С. Эдельштейна, И.Ф. Григорьева и др., Николаев будто бы заявил, что «опять началась эпоха недоверия к старому поколению интеллигенции и первыми в этом отношении оказались геологи» и что «Николаев выразил сомнение в виновности некоторых специалистов-геологов».⁴³⁾

Помимо знаковых представителей геологической науки следователей на допросах интересовали сведения о политических настроениях многих десятков других геологов — от ученых, имена которых были на слуху, в том числе и за рубежом, до рядовых исполнителей. Упомянуть в данной главе фамилии всех геологов, которые по ходу допросов вызвали следственный интерес, представляется излишним. Потому ограничимся лишь публикацией сводного пофамильного списка тех, кто хотя бы раз упоминался в просмотренных полностью 11-ти архивных следственных делах (приложение 7). Однако, ряд лиц, фигурирующих в этом списке, без сомнения заслуживает особого упоминания.

К их числу, прежде всего, принадлежал палеоботаник с мировым именем А.Н. Криштофович, избранный впоследствии, осенью 1953 года, членом-корреспондентом АН СССР. Он уже арестовывался в 1930 г. по сфальсифицированному «делу Академии наук» и отсидел тогда полтора года в ленинградских «Крестах». Следователи на допросах настойчиво выпрашивали о нем и его политическом лице А.Г. Вологодина, В.К. Котульского, Б.К. Лихарева, В.А. Хахлова, Я.С. Эдельштейна — то есть всех тех, кто соприкасался с ним по работе. Однако ничего интересного для себя добиться они не могли — услышанных показаний не хватало даже для фальсификаций. Достаточно привести эпизод из показаний Б.К. Лихарева. На вопрос следователя Шиловского на ночном допросе о «политическом лице» Криштофовича подследственный ответил, что на подобные темы беседы они не вели, но один факт, когда собеседник в 1948 г. «отрицательно отзывался в отношении правительственного мероприятия», припоминает. «Я и Криштофович, — поведал Лихарев, — высказали единодушное мнение, что к противникам учения Мичурина предпринимаются слишком крутые меры, имея в виду освобождение некоторых лиц от преподавания в университете».⁴⁴⁾

Если в случае с Хахловым, допрос которого происходил 30.03.1950 с участием военного прокурора войск МВД СССР и имел по сути сугубо трафаретно-протокольный характер, речь шла, в частности, о взаимном обмене по почте отпечатками научных трудов по палеоботанике с коллегами из зарубежных стран, а именно в таком контексте и был упомянут Криштофович, то интерес к фигуре Африкана Николаевича, проявлявшийся при допросах других фигурантов полгода назад, имел для него иной, существенно более злобный оттенок. Среди 11-ти полностью просмотренных следственных дел подобные вопросы фиксировались в делах трех подследственных и задавали их три разных следователя, причем в течение относительно небольшого промежутка времени.

Звучали эти вопросы, коими и начинался соответствующий допрос, практически адекватно, как, надо думать, и инструктировали предварительно следователей их

начальство. Вот что услышал 02.08.1949 первый из трех фигурантов, Б.К. Лихарев, от следователя Шиловского: «Вашим сослуживцем по ВСЕГЕИ был Криштофович Африкан Николаевич...»; Я.С. Эдельштейн — от следователя Болховитина 11.08.1949: «Вы знакомы с Криштофовичем Африканом Николаевичем?»; А.Г. Вологдин от следователя Леонова 05.09.1949: «С Криштофовичем вы находились в близких отношениях. Что вам известно о нем?»⁴⁵⁾

Столь загадочно сопряженный интерес, проявившийся в пределах месяца с небольшим по отношению к палеоботанику, никогда никакого отношения не имевшего к геологическим разведкам, находит свое объяснение в архивных документах, ныне хранящихся в Архиве внешней политики РФ.

За неделю до приснопамятного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 30.03.1949, проходившего под председательством И.В. Сталина (см. главу 2), Африкан Николаевич обратился к зам. министра геологии В.И. Смирнову по поводу полученного им из Стокгольма приглашения Оргкомитета VII Международного ботанического конгресса принять в нем участие. Отмечая его хорошо известные в научном мире достижения, ему сообщалось одновременно, что его прочат на место вице-президента Палеоботанической секции конгресса.

В Мингео его письмо о полученном приглашении пришло 22.03.1949. В тот же день 22 марта в МИД СССР направляется с нарочным письмо Смирнова на имя зам. министра В.А. Зорина, в котором Владимир Иванович напоминает об уже имевшейся устной договоренности о поездке Криштофовича и просит поставить Мингео в известность «о Вашем решении». Зорин немедленно, в тот же день, направляет письмо Смирнова заведующему отделом скандинавских стран А.Н. Абрамову с распоряжением, что предварительно «надо выяснить, что за конгресс, кто будет участвовать, кто организатор, и тогда подготовить решение».

Судя по последовавшей переписке, все проверки по линии МИД дали положительные результаты, о чем Абрамов информировал Мингео 03.05.1949. Сообщал, надо думать, не будучи в курсе, какое цунами обрушилось за прошедшие пять недель на геологическую службу страны. Потому, ознакомившись 7 мая с письмом от того же Смирнова, что Мингео «не заинтересовано в участии в работах VII Межд. ботанического конгресса», он недоуменно затребовал объяснений и через четыре дня получил следующий ответ: «Министерство геологии не склонно рекомендовать включить профессора тов. Криштофовича А.Н. в состав делегации на VII Межд. ботанический конгресс». Мидовцы все поняли, и 31 мая Абрамов направляет Смирнову свое заключающее послание: «На Ваш № 2341с от 16.V.49г. С нашей стороны нет возражений против посылки отрицательного ответа на полученное проф. Криштофовичем от шведов приглашение участвовать в работе VII Межд. ботанического конгресса, А. Абрамов».

А на Лубянке уже во всю шла разработка нового дела по одному из тех, кто был поставлен на очередь...⁴⁶⁾

Упоминался Криштофович и «на воле», в родном для него ВСЕГЕИ. Озвучивал его фамилию на партийном собрании старший научный сотрудник, коллега по Отделу стратиграфии и палеонтологии М.В. Куликов, практически единственный из огромного коллектива института со страстью, достойной лучшего применения, громивший попавших за решетку геологов и их предполагаемых им соучастников. Оказался таковым, по его мысли, и Африкан Николаевич (см. раздел III к главе 3 и примечание 45 к ней)

Тот же Шиловский заинтересовался также коллегой Криштофовича по ВСЕГЕИ, старейшиной отечественной геологии, видным знатоком Донбасса и Кузбасса и палеонтологом В.И. Яворским. Расспросам о нем он посвятил весь допрос Б.К. Лихарева, состоявшийся 26.12.1949. Интересовало его местопребывание Яворского во время Гражданской войны и, конечно же, его политические взгляды. На последний вопрос Лихарев ответил, что на политические темы беседовать с ним не приходилось.

И еще одного видного геолога — Н.А. Елисеева, ведущего специалиста по структурному анализу изверженных и метаморфических пород, профессора Ленинградского университета, избранного в 1953 году членом-корреспондентом АН СССР, предложили «заложить» Лихареву, отведя для этого 20.07.1950 получасовой полуночный допрос. Следователь подполковник Гаркуша настойчиво выпрашивал, где Елисеев был во время войны и какие у него имеются связи. На последний вопрос Лихарев ответил, что общих знакомых они не имеют, оттого и о связях сообщить ничего не может. Добавив, что в последний раз встретились они случайно в коридоре ВСЕГЕИ незадолго до его ареста, «однако никаких бесед с ним не вел».⁴⁴⁾

Несколько раз в следственных протоколах возникала фигура авторитетного стратиграфа и палеонтолога В.П. Нехорошева, давнего, еще с 1914 г., геолкомовца, знатока геологии и полезных ископаемых Алтая и прилегающих областей Сев. Казахстана. Интересовались его персоной следователи, задействованные на делах И.Ф. Григорьева и В.К. Котульского. В протоколах допроса Григорьева полковник Болховитин зафиксировал, что в беседах с Нехорошевым подследственный «подвергал враждебной критике мероприятия советской власти, проводимые на селе, распространял клеветнически измышления о том, что органы советской власти при проведении продразверсток прибегали якобы к не основательным (так в тексте — А.Б.) насилиям и чинили несправедливости...»⁴⁷⁾

В следственном деле Котульского Нехорошев поминался в приложенном к делу протоколе допроса от 28.10.1940, который состоялся перед освобождением Владимира Климентьевича после 10 лет заключения в Мончегорске. Местный следователь поинтересовался, в частности, и проблемой сокрытия « до сих пор от советской власти богатых алтайских месторождений». В числе тех, кто, по сведениям НКВД, этим занимался, назвал и Нехорошева. Котульский эти инсинуации отмел,⁴⁸⁾ заявив, что все перечисленные лица «алтайские месторождения не скрывали».⁴⁹⁾

Перечислять далее всех геологов, находившихся пока на свободе, но к личностям которых следователями по «Красноярскому делу» был проявлен специфический интерес, представляется малопродуктивным. Хотя бы потому, что среди них немало таких лиц, о которых ничего не известно и чьи фамилии отсутствуют даже в фундаментальном каталоге журнальных статей, хранящемся в библиотеке ИГЕМ РАН. Потому завершив рассмотрение претендентов на очередные аресты теми, кого руководство Следчасти МГБ СССР посчитало изобличенными в антисоветской деятельности⁵⁰⁾ и прочих преступлениях и потому выделило зафиксированные в допросных протоколах показания, касавшиеся их, в отдельное производство.

Всего таковых, по просмотренным полностью одиннадцати следственным делам, насчитывается 12 человек: ⁵¹⁾ их фамилии перечислены в прилагаемой сводной таблице. Четверо из них, постановление о выделении дел которых было сформулировано капитаном Тельновым 13.3.1950 и утверждено руководством Следчасти МГБ СССР на следующий день, изобличались, помимо «антисоветской пропаганды», также «в бегстве в 1918 г. из Петрограда к белым» и в работе до 1920г. «в колчаковском Геолкоме», «в передаче важных данных о минерально-сырьевой базе СССР (это-то в 1919 г.! — А.Б.) представителю английской концессии» и т.п. Соответственно, тот же капитан Тельнов 18.5.1950 подписал, а его начальство 22.5.1950 утвердило аналогичный документ на остальных восьмерых, включая академиков А.Н. Заварицкого и К.И. Сатпаева. Из них Сатпаеву «антисоветская пропаганда» не инкриминировалась; привлечь его к уголовной ответственности предлагалось за « злоупотребление служебным положением».⁵²⁾

Сводная таблица сведений о лицах, проходивших по следственным материалам «Красноярского дела», дела на которых были выделены в отдельное производство

I

Постановление от 13.3.1950; подготовлено капитаном Тельновым, согласовано с помощником начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковником Болховитиным и утверждено заместителем начальника Следчасти полковником Шварцманом 14.3.1950.¹⁾

	Фамилия подозреваемого	Место его работы	Куда и когда направлены имевшиеся показания
1	2	3	4
1.	Гапеев А.А.	Московский геолого-разведочный институт	5-е УМГБ СССР, 30.3.1950
2.	Падуров Н.Н.	ВСЕГЕИ	« »
3.	Пахомов П.И.	Комбинат «Печенганикель»	УМГБ Мурманской обл., 5.10.1950
4.	Яворский В.И.	ВСЕГЕИ	УМГБ Ленинградской обл., 30.3.1950

II

Постановление от 18.5.1950; подготовлено капитаном Тельновым; утверждено заместителем начальника Следчасти полковником Королевым 22.5.1950.²⁾

1	2	3	4
5.	Анкинович С.Г.	Казахский горно-металлургический институт	УМГБ КазССР, 31.10.1949
6.	Бричкин А.В.	АН КазССР	« »
7.	Грушевой В.Г.	ВСЕГЕИ	Отдел «К» МГБ СССР, 4.9.1950
8.	Заварицкий А.Н.	АН СССР	5-е УМГБ СССР, 1.4.1950
9.	Королев А.В.	АН УзбССР	УМГБ УзбССР, 5.12.1949
10.	Падалка Г.Л.	ВСЕГЕИ	5-е УМГБ СССР, 1.4.1950
11.	Паффенгольц К.Н.	АН АрмССР	Отдел «К» МГБ СССР, 4.9.1949
12.	Сатпаев К.И.	АН КазССР	УМГБ КазССР, 3.8.1950

¹⁾ См. следственное дело Р 24229 В.К. Котульского т.2, л.235,236.

²⁾ См. следственное дело Р 24213 М.П. Русакова, т.2, л. 268,269.

В заключение целесообразно дать краткий комментарий к списку оказавшихся волею Следчасти МГБ СССР в негласной очереди на очередные аресты представителей геологической службы Советского Союза. О покушениях на академика А.Н. Заварицкого выше уже упоминалось. Потому остановимся сначала на коллеге его по АН СССР академике К.И. Сатпаеве.

Напомним, что в протоколе допроса И.Ф.Григорьева от 10.11.1949 следователь Болховитин вложил в уста подследственного не выдерживавший критики тезис о поползновениях Сатпаева злонамеренно занизить запасы меди на блестяще разведанном им Джезказганском месторождении (см. примечание 38 к данной главе). Полгода спустя, 18.5.1950, эта абсурдная конструкция трансформировалась в не столь тупо лобовую, однако тоже тянувшую на срок, — в обвинение, якобы вытекавшее из показаний академика АН КазССР М.П. Русакова, в «злоупотреблениях служебным положением президента Академии». То есть тоже подпадающее под уголовное преследование, но без привкуса политического преступления типа «вредительства с целью сокрытия от советского правительства» промышленных запасов минерального сырья.

Выделение в отдельное производство дел А.А. Гапеева, Н.Н. Падурова и В.И. Яворского, даже по сугубо формальным обстоятельствам, являлось в данном случае абсолютно противозаконным. Им инкриминировался, в качестве преступного, факт отъезда летом 1918 г. вместе с семьями, в составе экспедиции Геолкома, возглавлявшейся Я.С. Эдельштейном и В.К. Котульским, в Сибирь с целью продолжения начатых ранее полевых работ на обширной территории от Кузбасса и Алтая до Енисея. По формулировке следователя капитана Тельнова обвинение звучало так: «будучи враждебно настроенными к советской власти, в 1918 г. сбежали из Петрограда к белым и до 1920 г. работали в колчаковском геолкоме».⁵³⁾ Что находилось в полном противоречии с действовавшим советским законодательством. Поскольку в связи с 10-летней годовщиной Октября 2 ноября 1927 г. было принято постановление президиума ЦИК СССР, высшего законодательного органа того времени, о всеобщей амнистии путем прекращения тех дел, которые связывались с обстоятельствами периода Гражданской войны, и освобождения из мест заключения всех, кто был осужден за это.⁵⁴⁾

Упоминание в постановлении, подготовленном Тельновым, в числе кандидатов на арест заведующего кафедрой горючих ископаемых Московского геолого-разведочного института А.А. Гапеева порождает у автора особые эмоции, поскольку наша студенческая группа ГР6-45 по своей специализации числилась по гапеевской кафедре. Арест в 1949 г. В.М. Крейтера сопровождался в институте рядом чрезвычайных событий: самоубийством две недели спустя, 10.06.1949, заместившего Владимира Михайловича, после его вынужденного перехода в марте 1949 г. в Институт цветных металлов и золота, Н.В. Барышева, давнего друга арестованного, а также арестом тем же летом, во время производственной практики в разных частях страны, пятерых студентов⁵⁵⁾ и ломкой судебных других, в том числе гремевшего по институту талантливого выпускника Спартака Афанасьева, которому отказали в обусловленном ранее приеме в аспирантуру.

Невольно набегают мысли — не изменись в 1953 году, после смерти Сталина, ситуация в стране и оказался Александр Александрович в итоге за решеткой, как бы его арест ударил по тем, кто близко общался с этим обаятельным человеком и блестящим педагогом, включая студентов прикрепленных к его кафедре трех учебных групп...

Вместе с тремя профессорами попал в МГБвский кондуит и главный геолог комбината «Печенганикель» П.И. Пахомов, который, по разумению следователя, «неверно вел геологические работы на руднике Каула». Опираясь, вероятно, на показания Котульского в ответ на его вопрос, получал ли тот в 1948 г., как заведующий научной частью лаборатории проектного института «Гипрониель», от Пахомова сведения о запасах никеля на руднике. Котульский сообщил, что не получал, а на последующий новый вопрос о политических убеждениях Пахомова ответил, что считал его недостаточно образованным человеком и потому «его взгляды меня не интересовали».⁵⁶⁾

В постановлении все того же следователя Тельнова от 18.5.1950 число претендентов на арест возросло, в сравнении с мартовским списком, в два раза; все они совокупно обвинялись в «антисоветской деятельности». В представлении на выделение их дел в отдельное производство, наряду с упоминавшимися академиками А.Н. Заварицким и К.Н. Сатпаевым, был назван еще один академик, но избранный действительным членом

АН Армянской ССР, — К.Н. Паффенгольц, многолетний сотрудник Геолкома — ВСЕГЕИ. В том же списке два коллеги Паффенгольца по ВСЕГЕИ — возглавлявший в институте отдел металлогении и рудных месторождений В.Г. Грушевой, отвечавший за вопросы прогноза новых урановорудных площадей, и Г.Л. Падалка, один из ведущих исследователей в области прогнозирования урановых месторождений на Востоке страны, а также казахские геологи-рудники С.Г. Анкинович и А.В. Бричкин, подозревавшиеся в совместном с М.П. Русаковым укрывательстве известных им месторождений полезных ископаемых в Казахстане, и член-корреспондент АН УзбССР А.В. Королев, спутник М.П. Русакова по командировке в Соединенные Штаты в 1930-31 гг., один из ведущих исследователей Алмалыкского рудного узла, ставшего в итоге центром меднорудной промышленности Узбекистана.

В преамбуле упоминаемого постановления автор капитан Тельнов подразделил подготовленный им контингент на очередные аресты на две группы — лиц, обвиняемых в антисоветской пропаганде, а также тех, кто «неправильно (!?) оценил ряд месторождений полезных ископаемых Советского Союза»; эдакая демонстрация собственного невежества в восприятии сути стадийности разведочных работ, с помощью которой в итоге разведчик приходит к разумной оценке наметившихся при поисках признаков промышленного оруденения...

К числу последних следователь отнес В.Г. Грушевого,⁵⁷⁾ Е.Г. Багратуни,⁵⁸⁾ С.Г. Анкиновича и А.В. Королева, сославшись при этом на показания Русакова, от которых впоследствии Михаил Петрович категорически отказался. Приведем эти «показания» на вышеупомянутых лиц.

«— Какую роль выполняли Грушевой и Багратуни в вынесении вредительских заключений?

—... Вредное заключение по Аллаверды составлено мною, Грушевым и Багратуни. По медным месторождениям Агарак и Каджаран мы снизили содержание меди, умолчав о крупных их перспективах... Кроме выводов по меди Закавказья Грушевой вместе со мной выносил заключение по Каробинскому месторождению молибдена. В 1932 г. я и Грушевой определили запасы в 5000 т молибденита, при фактическом 300-400 т...»⁵⁹⁾

«— Когда познакомились с Королевым?

— ...Вплоть до 1944 г. мы неоднократно соприкасались при геологических исследованиях в Средней Азии. Должен сказать, что геологическая служба его не лишена некоторых пороков».⁶⁰⁾

«... Анкинович неправильно подошел к оценке перспектив Карсакпайского месторождения железных руд... В отчете железные кварциты с 42-44% железа признавались неактуальными... Понятно, выводы Анкиновича тянули к исключению Карсакпая на ряд лет из числа объектов разведки на железо».⁶¹⁾

И вот этот лепет безграмотного следователя, открывавший двери темниц практически перед каждым геологом-разведчиком, становился законным основанием при планировании последующих репрессий в отношении геологического корпуса страны. Если бы не очистительный вал 1953 года...

В заключение перечислим фамилии тех геологов, чьими политическими взглядами интересовались следователи МГБ. Их выборка делалась из протоколов допроса тех фигурантов «Красноярского дела», на полный просмотр которых у автора имелись юридически оформленные разрешения от близких, или, при отсутствии таковых, — по справкам из тех геологических организаций, сотрудниками коих при жизни они являлись. Общее их количество достигает сорока человек. Среди них — как посредственности из числа чиновников от геологии, так и блестящие, с мировым именем, представители отечественной академической и вузовской науки; последние, естественно, преобладают. Какими-то путями в перечислении оказался даже стукач и коррупционер, фамилию которого, по этическим мотивам, называть не буду...

Вот этот список потенциальных очередников на арест и посадку: А.А. Амирасланов, С.Г. Анкинович, Е.Г. Багратуни, А.Г. Бетехтин, Н.А. Боговаров, А.В. Бричкин, А.А. Гапеев, В.А. Глазковский, Н.В. Годовиков, В.Г. Грушевой, Н.А. Елисеев, А.Н. Заварицкий, И.Н. Звонарев, С.Н. Иванов, А.А. Кордилов, М.К. Коровин, А.В. Королев, А.Н. Криштофович, А.М. Кузьмин, М.М. Меркулов, Д.В. Наливкин, В.П. Нехорошев, В.А. Николаев, В.А. Обручев, Г.Л. Падалка, Н.Н. Падуров, К.Н. Паффенгольц, П.И. Пахомов, Е.А. Салье, К.И. Сатпаев, Н.А. Сирин, С.С. Смирнов, П.И. Степанов, П.М. Татаринов, М.А. Усов, В.В. Чернявский, В.И. Яворский, И.С. Яговин, С.А. Яковлев.

К этому обширному списку уместно добавить еще одну фамилию — члена-корреспондента АН СССР Н.С. Шатского. В просмотренных следственных делах упоминаний о нем не обнаружилось. Но зато он был опасно упомянут как раз в период следствия по «Красноярскому делу», в записке руководства отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), адресованной секретарю ЦК М.А. Суслову.

В документе, датированном 02.02.1950, в связи с планировавшейся публикацией в газете «Известия» фамилий претендентов на имевшиеся вакансии академиков и членов-корреспондентов, констатировалось, что «представленный президиумом АН СССР проект объявления следует уточнить». И далее рекомендовались следующие «уточнения»:

«Следовало бы не объявлять вакансию академика по общей геологии, так как эта вакансия может быть занята членом-корреспондентом АН СССР Шатским Н.С. Избирать Шатского в академики не следует потому, что он свою научную деятельность не увязывает с задачами народного хозяйства страны и был близок к врагу народа, бывшему директору Института геологических наук академику Григорьеву, являясь его заместителем».

Одним Шатским партчиновники не обошлись, обнаружив в подготовленном в президиуме АН СССР списке претендентов еще одно неприемлемое для них лицо:

«Следовало бы снять вакансию академика по политической экономии. На эту вакансию, по мнению президиума АН СССР, может быть избран только т. Островитянов К.В. Отдел пропаганды и агитации считает нецелесообразным избирать в академики члена-корреспондента АН СССР т. Островитянова, так как это избрание означало бы поощрение работы т. Островитянова в области политической экономии, которую нельзя признать удовлетворительной».⁶²⁾

Казалось бы, на первый взгляд, оба поименованных претендента на престижное кресло академика в одинаковой степени предстают здесь на уровне тривиальных неудачников. Однако на самом деле различие между ними кардинально. Если Островитянов упоминается в документе, как было принято в советские времена, с буквой «т.» слева от фамилии, то есть как «товарищ Островитянов», то Шатский этой буквы лишен — наравне с «врагом народа» Григорьевым.

Тем самым Николай Сергеевич стилистически запечатлен здесь на положении «лица, не вызывающего политического доверия», — этакого изгоя общества. Притом использован был такой стилистический прием не в банальном частном доносе и не на уровне провинциально торопящейся самодеятельности на местах, а в бумагообороте, порожденном в недрах Старой площади по сугубо личному видению высокопоставленных партчиновников из Агитпропа...

Без сомнений, список этот существенно возрос бы, если бы удалось полностью просмотреть не 11 следственных дел, а все, касавшиеся «Красноярского дела», то есть вдобавок еще 17. Но и перечисляемых персоналий более чем достаточно, чтобы задаться неразрешимым горьким вопросом: кому могла помешать десятилетиями эффективно работавшая геологическая служба, какие насущные проблемы жизни страны пытались решать сановные инициаторы погрома 1949 года и их добровольные подпевалы такими варварскими методами? Зачем лучших представителей отечественной научной мысли, и не только в сфере геологии, которые, казалось бы, уже сумели, переломив себя, как-то

приспособиться к существованию в атмосфере непросвещенного тоталитарного режима, власть, тем не менее, периодически продолжала пропускать через чистилища ГУЛАГовских лагерей? Чего еще не хватало ей от бесправных и без того подданных царства произвола?..

Смею предположить, что ближе всего к разгадке этого дикарского феномена подошел Франсуа Мориак, лауреат Нобелевской премии по литературе 1952 года. Выступая в том же году перед участниками церемониального Нобелевского банкета, он, подчеркнуто аккуратно, не забывая завета Гиппократов «Не навреди!», так определил волну репрессий тех лет в Советском Союзе. Напомнив о выкрике Фридриха Ницше «Бог умер!..», вложенного великим философом в уста Заратустры, писатель далее констатировал, что человек, лишенный возможности распоряжаться собственной судьбой, «становится выучным животным... Лошадь, мул, бык имеют рыночную стоимость, а из человеческого скота, обходящегося благодаря *хорошо организованным чисткам бесплатно* (курсив мой — А.Б.), невозможно извлечь ничего кроме производительности труда». ⁶³⁾ Что тоталитаризму и требовалось. Поскольку тоталитаризм как экономическая система стопроцентно несостоятелен. Прежде всего, по внутренне заложенной в нем сути — как и во времена классического рабовладения... ⁶⁴⁾

Остается добавить, что том Ежегодника Нобелевского фонда, в котором публиковалось выступление Мориака, оказался арестованным после ознакомления с его текстом цензора и был направлен в Спецхран библиотек страны, где для рядового читателя стал недоступным. Самого же Мориака, год с лишним спустя, в документе, подписанном руководством Отдела культуры ЦК КПСС, заклеямили как «реакционного католического писателя»... ⁶⁵⁾

И в завершение остановимся на эпизоде, позаимствованном из протокола двухчасового ночного допроса академика И.Ф. Григорьева, состоявшегося 18 ноября 1949 года; вел допрос подполковник Болховитин. Предмет допроса к собственно «Красноярскому делу» отношения не имел. Столь же далек он был от всего того, что изначально предполагалось изложить в настоящей главе.

Потому что допрашивался подследственный о событиях восьмилетней давности, когда прифронтовую Москву 16 октября 1941 года охватила всеобщая паника, сопровождавшаяся массовым бегством гражданского населения на восток, грабежом магазинов и т.п. Гитлеровские армии вышли на ближние рубежи советской столицы и со дня на день ожидался прорыв фронта и захват города.

Над Москвой в те дни висел густой чад от горевшей бумаги — сжигались архивы учреждений, которые до того не успели вывезти на восток, и даже домовые книги с фамилиями проживавших граждан. Команда на уничтожение их была дана Горкомом ВКП(б), во главе которого тогда находился секретарь ЦК А.С. Щербаков. Это распоряжение распространялось, естественно, и на Всесоюзный комитет по делам геологии при СНК СССР, заместителем председателя которого был Григорьев.

Приведем часть диалога зафиксированного в упомянутом протоколе, — естественно, в стилистике Болховитина:

— В 1941 году были сожжены секретные архивные документы Министерства геологии СССР (так в тексте — А.Б.) — переписка с директивными органами, министерствами, периферийными геологическими организациями, заявки первооткрывателей. Вы участвовали в этом *вражеском акте* ⁶⁶⁾ (курсив мой — А.Б.)?

— Нет, 13 октября 1941 года с сотрудниками Академии наук СССР я выехал в Алма-Ату, а сожжение материалов Министерства геологии производилось позднее, вероятно 15-16 октября.

— По чьему указанию уничтожались материалы Министерства геологии СССР?

— Мне лишь известно, что к сожжению секретных материалов приложил руку Волосюк Георгий Корнеевич, заместитель Малышева. В беседе со мною в 1942-43 гг. Волосюк похвастался, что он проделал «большую работу» по уничтожению материалов

Министерства геологии, прежде чем выехать из Москвы. Как я понял, уничтожение документов производилось в суете и без разбора...⁶⁷⁾

Напрашивается естественный вопрос — а это-то зачем потребовалось следствию, озабоченного задачей раскрытия вредительских действий арестованных геологов? Даже если подследственный в тот момент еще не покинул бы осажденную Москву и принял активное участие в исполнении приказа, поступившего из высших сфер московских властей.

Уж не началась ли осенью 1949 года в недрах МГБ предварительная разработка еще одного громкого «дела», составляющей частью которого стали бы в том числе «вражеские акты» октября 1941 года, с сопутствующими арестами высших московских функционеров?

Ведь именно месяц спустя после ночного допрашивания академика Григорьева, 16.12.1949, был снят с поста секретаря ЦК и первого секретаря МГК ВКП(б) и выведен из состава Оргбюро ЦК Г.М. Попов, один из ключевых руководителей, осуществлявших эвакуацию из столицы промышленных предприятий и создание московского народного ополчения. На свой пост «хозяина Москвы» он был назначен в мае 1945 года, после скоропостижной кончины А.С. Щербакова. Одновременно с Поповым сняли с занимавшихся постов немалую часть его ближайшего окружения.

До арестов их, как в Ленинграде,⁶⁸⁾ дело в итоге не дошло, но готовиться к этому на Лубянке, надо думать, уже начали...

Примечания к главе 5

¹⁾ Жалоба, перед тем как ее направить для окончательного рассмотрения в Особое Совещание при МВД СССР, была рассмотрена 18.05.1953 начальником 1 сектора 1 спецотдела МВД полковником Саблиным и передана им с отрицательным заключением в Особое Совещание при МВД 30.06.1953. Кстати, именно в этот промежуток времени, 26.06.1953, адресат Булыникова Л.П. Берия сам оказался под арестом....

²⁾ Следственное дело Р24301 А.Я. Булыникова, л. 380, оборотный.

³⁾ Следственное дело Р24227 М.М. Тетяева, л. 364.

⁴⁾ «1950 года 26 дня. Я, следователь, помощник начальника Следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковник Болховитин, рассмотрел следственное дело за № 2331^{*)} в 2-х томах по обвинению Григорьева Иосифа Федоровича в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1^a, 58-7, 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР... Обвиняемый Григорьев И.Ф., ознакомившись с материалами следственного дела, заявил, что с материалами своего следственного дела № 2331 в двух томах он ознакомился, однако от показаний, данных на предварительном следствии в отношении вредительства, шпионажа и принадлежности к антисоветской группе отказывается как от вымышленных и лживых».^{**)}

^{*)} Здесь указан номер следственного дела, назначенный для него во время следствия. В 1954 г., после реабилитации, номера их архивного хранения изменились на порядковые, с индексом Р, то есть «реабилитация».

^{**)} Следственное дело Р24216 И.Ф. Григорьева, л. 320 (с оборотом).

⁵⁾ Напомним, что из 27 следственных материалов, относящихся к «Красноярскому делу», были полностью просмотрены, вплоть до протоколов допроса, только 11. С остальными 16-ю делами ознакомление ограничивалось только материалами, связанными с реабилитацией осужденных.

⁶⁾ РГАСПИ, фонд 558, опись 11, ед. хр. 158, л. 96.

⁷⁾ Один из шифров урана для использования в секретных и совершенно секретных машинописных бумагах (чтобы машинистка не знала...). Время от времени шифры эти заменялись на новые. Например, в середине 50-х гг. уран шифровался как альбит, а торий — как анортит. В одном из геологических отчетов однажды встретился такой шедевр шифровки: «альбит в форме альбитовой смолки».

⁸⁾ Следственное дело Р24216 И.Ф. Григорьева, л. 354.

⁹⁾ Там же, л. 355.

¹⁰⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, т. 2, л. 300.

¹¹⁾ Из протокола от 03.06.1949: «Я, капитан Моисеев П.М., на основании ордера МГБ СССР за № 891 03.06.1949 в присутствии дежурного по приему арестованных в/т (внутренней тюрьмы — А.Б.) МГБ СССР Жидовинова произвел арест Русакова М.П., находившегося в приеме арестованных в/т МГБ СССР. Доставлен спецконвоем из МГБ Казахской ССР 01.06.1949...»^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24213, т.1, л. 17.

¹²⁾ Следователь Болховитин был задействован на допросах академика И.Ф. Григорьева (см. главу 3), и его ночной допрос только что доставленного в Москву Русакова непосредственно связывался с желанием получить дополнительную информацию по делу Григорьева. Все вопросу, задававшиеся Русакову, касались его полугодовой командировки в США в 1930-31 гг. и беседе с П.П. Гудковым, видным сибирским геологом и создателем сибирского Геолкома при правительстве Колчака, эмигрировавшего за океан после разгрома колчаковской армии.

¹³⁾ Следственное дело Р24213, т. 1, л. 27.

¹⁴⁾ Там же, л. 36-40.

¹⁵⁾ Там же, л. 196.

¹⁶⁾ ЦАОДМ, фонд 4122, опись 1, ед. хр. 7, л. 25.

¹⁷⁾ Арестован Тетяев 10.05.1949, но еще 03.11.1948, за полтора года до этой даты, секретариат ЦК ВКП(б) без объяснений отказал в ходатайстве министра высшего образования СССР С.Ф. Кафтanova и председателя президиума Верховного Совета РСФСР И.А. Власова о присвоении ему почетного звания Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.^{*)}

^{*)} РГАСПИ, фонд 17, опись 116, ед. хр. 391, пункт 15, л. 4.

¹⁸⁾ См.: Следственное дело Р24213, т.2, л. 1-5.

¹⁹⁾ Труды научной конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири, т. 2. Томск, изд-во «Красное знамя», 1940, с. 3.

²⁰⁾ Следственное дело Р24213, л. 22, 31-42.

²¹⁾ Следственное дело Р24206, л. 68-73. Одновременно фальсифицировалась вариация на ту же тему, приписываемая И.Ф. Григорьеву: «Особняком существовала томская группа, предводительствуемая академиком Усовым. Ее установки были созвучны с лозунгами сибирских «самостийников», сохранившимися с колчаковских времен: «Сибирь — для сибиряков, она должна быть на положении Канады в английской империи».^{*)}

^{*)} Следственное дело Р24216, л. 78.

²²⁾ Следственное дело Р24303, л. 106-108.

²³⁾ Там же, л. 246-247.

²⁴⁾ Там же, л. 113.

²⁵⁾ Следственное дело Р24297, л. 189-190. О предельно низком уровне профессионализма, и культуры вообще, следователского корпуса, задействованного на расследовании «Красноярского дела», может свидетельствовать эпизод, рассказанный после освобождения одним из фигурантов дела В.В. Богацким. Приставленный к нему следователь «требовал от него признания в шпионской деятельности в пользу враждебных государств». Вконец измученный, он признался в шпионской деятельности в пользу Гондураса. Обрадованный следователь отпустил его с допроса. На второй день следователь вызвал его снова и в ярости закричал: «Что ты меня держишь за идиота! Гондурас — это карликовое государство, которое не имеет своей разведки!»^{*)}

^{*)} В.Т. Посохов, Н.В. Толстихин. Трудный путь к железу Ирбы. Красноярск, 1999, с. 80.

²⁶⁾ Следственное дело Р24216, л. 41, 43.

²⁷⁾ Там же, л. 75, 76.

²⁸⁾ Там же, л. 89.

²⁹⁾ Следственное дело Р24230, л. 34-36.

³⁰⁾ Там же, л. 46-49.

³¹⁾ Там же, л. 77-79.

³²⁾ Следственное дело Р24206, л. 143-145.

³³⁾ Следственное дело Р24216, л. 214-218.

³⁴⁾ Следственное дело Р24235, л. 111-113.

³⁵⁾ Имеется в виду проходивший с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Москве судебный процесс над группой виднейших представителей отечественной промышленной интеллигенции, которым инкриминировалось вредительство и связь с подпольными контрреволюционными центрами. Пятеро из подсудимых были приговорены к расстрелу и трое — к 10 годам заключения. После обжалования приговора президиум ЦИК СССР заменил смертную казнь на 10 лет тюрьмы, а остальным понизил сроки заключения. В послесталинское время все осужденные по процессу Промпартии были полностью реабилитированы.

³⁶⁾ См. сб. «Российская научная эмиграция. Двадцать портретов». Москва, изд-во УРСС, 2001, с. 102.

³⁷⁾ П.П. Гудков. Исследования по геологии нефти в США. Известия АН СССР, сер. геол., № 4, 1947, с. 131-154. Статья напечатана в конце номера, под рубрикой «Критика, библиография и дискуссии», мелким шрифтом. Сопровождалась списком использованной литературы из 123 названий (с. 151-154).

³⁸⁾ Здесь Григорьев ошибся. На с. 131 — редакторское примечание: «Изучая в течение 25 лет геологию месторождений нефти в штате Калифорния, П.П. Гудков составил, по просьбе Редакции,^{*)} обзор новейших работ американских геологов по генезису нефти и современных морских отложений для выяснения условий, благоприятствовавших накоплению органического вещества в качестве материала для образования нефти».

^{*)} Просьба, по всей вероятности, последовала из Москвы до 1946 г., после чего отношения между Советским Союзом и его недавними западными союзниками кардинально ухудшились.

- ³⁹⁾ Следственное дело Р24216, л. 104-106.
- ⁴⁰⁾ Перечислим фамилии этих смельчаков. Против голосовал Д.М. Петрушевский, воздержались, что для власти было одно и то же, — В.И. Вернадский, И.М. Виноградов, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, А.Н. Крылов, В.А. Обручев, С.А. Чаплыгин.^{*)}
- ^{*)} В.Д. Есаков, П.Е. Рубинин. Капица, Кремль и наука. Том 1. Создание Института физических проблем. 1934-1938. Москва, изд-во «Наука», 2003, с. 563.
- ⁴¹⁾ Из протокола допроса И.Ф. Григорьева 10.11.1949: «Сатпаев в беседе со мной ставил себе в заслугу борьбу с вредительством в Геологическом комитете и, в частности, вредительством по Джеккагану. Сатпаев обвинял во вредительских действиях по снижению перспектив запасов... Яговкина Ивана Степановича, бывшего геолога Геологического комитета, умершего в 1935 году.^{*)} На деле же, если говорить объективно, запасы... занижались не только Яговкиным, но и самим Сатпаевым, которые работали рука об руку». ^{**) Остается напомнить, что Иосиф Федорович после прочтения следственного дела подписать его отказался, в том числе и в связи с этой фальшивкой полковника Болховитина...}
- ^{*)} Яговкин скончался 13.12.1934.
- ^{**) Следственное дело Р24216, л. 209-210.}
- ⁴²⁾ Следственное дело Р24295, л. 24-29.
- ⁴³⁾ Следственное дело Р24230, л. 100-103.
- ⁴⁴⁾ Следственное дело Б.К. Лихарева Р24295, л. 75-79, 151, 152, 184-186.
- ⁴⁵⁾ Архив ФСБ РФ. Следственные дела: Р24295 Б.К. Лихарева, л. 173; Р24206 Я.С. Эдельштейна, л.118; Р24208 А.Г. Вологодина, т. 1, л. 242.
- ⁴⁶⁾ АВП РФ, фонд 0140, опись 40, ед. хр. 48, папка 159, л. 30, 31, 39, 41, 43.
- ⁴⁷⁾ Следственное дело Р24216, л. 41.
- ⁴⁸⁾ Вообще стенограмма протокола 1940 г., в противовес документам 1949 г., производит впечатление вполне доверительное, то есть ответы допрашиваемого, полные достоинства, явно соответствуют тому, что говорил он на самом деле.
- ⁴⁹⁾ Следственное дело Р24229, т. 2, л. 250-260. То есть абсурдные обвинения в злонамеренном сокрытии от советской власти месторождений полезных ископаемых культивировались еще с 30-х годов, и в 1949 г. имел место лишь очередной виток таких беспочвенных подозрений — наиболее масштабных, но отнюдь не оригинальных. В упомянутом протоколе допроса 1940 г. местный шеф НКВД упомянул, помимо Нехорошева, оказавшегося в 1949 г., за решеткой М.П. Русакова, сотрудника ВСЕГЕИ Г.Л. Падалку, которого в том же 1949 г. МГБ СССР явно готовило к аресту (см. ниже), и А.К. Болдырева, известного минералога и кристаллографа, на момент допроса Котульского в 1940 г. пребывавшего в заключении на Колыме.
- ⁵⁰⁾ Впоследствии В.М. Крейтер в одной из жалоб отметил, что при процессе группы, обвиняемой во вредительстве, как заявил следователь Тельнов (то есть исполнитель упоминаемых постановлений о выделении дел в отдельное производство), всем арестованным «всегда инкриминируются пункты 10 и 11 статьи 58 (антисоветская пропаганда)». ^{*)}
- ^{*)} Следственное дело Р24230, л. 349.
- ⁵¹⁾ Из 28 фигурантов «Красноярского дела» (включая дело бывшего главного инженера Красноярского геол. управления Н.Ф. Рябоконя, арестованного и осужденного после приговора ОСО МГБ СССР от 28.10.1950), рассмотрены были полностью только 11 следственных дел. Остальные 17 дел, по фигурантам которых не удалось обнаружить родственников осужденных или получить от них разрешение на просмотр материалов следствия, просматривались только в реабилитационной их части, которая не несла на себе понятия «личной тайны». Потому следует иметь в виду, что аналогичные постановления о выделении дел в отдельное производство могли приниматься не только в рамках материалов допросов М.П. Русакова и В.К. Котульского. Тем самым, количество лиц, по которым были изданы, в рамках «Красноярского дела», подобные постановления, может превысить указываемое число.
- ⁵²⁾ Следственное дело Р24213, т. 2, л. 268, 269 и Р24229, т. 2, л. 235, 236.
- ⁵³⁾ Следственное дело Р24229, т. 2, л. 235, 236.
- ⁵⁴⁾ «Известия», 6-7.11.1927, с. 4. Этот законодательный акт не был упомянут в 1954 г. ни в одном из определений Военной Коллегии Верховного Суда СССР по поводу реабилитации осужденных по «Красноярскому делу». О нем вспомнила лишь 40 лет спустя помощник генерального прокурора РФ ст. советник юстиции Г.Ф. Весновская в связи с просьбой сына скончавшегося 21.01.1950 во время следствия профессора Иркутского горно-металлургического института Л.И. Шаманского, одного из фигурантов «Красноярского дела», предоставить ему свидетельство о реабилитации отца, семей не полученное, и проинформировать о праве на получение материальной компенсации за конфискованное имущество. В своем заключении юрист констатировала 14.05.1993, что «контрреволюционная деятельность в период гражданской войны в силу Постановления Президиума ЦИК СССР «Об амнистии» от 2 ноября 1927 г. не может вменяться в вину...» ^{*)}
- ^{*)} Следственное дело Р24302; из нумерованных листов, подшитых к делу вслед за последним нумерованным л. 229.
- ⁵⁵⁾ Речь идет о пяти студентах потоков 1944-1947 гг. Ю.В. Степанове, Б.Г. Горелове, Н.А. Федорове, Л.Н. Беякове и В.В. Колесникове, которым вменили создание антисоветской группы «Черный легион» и

участие в подготовке террористических актов. Брали их во время летней производственной практики в разных местах страны в последней декаде июня — начале июля 1949 г. Всех пятерых приговорили к 25 годам ИТЛ, реабилитированы они были в 1956 г.

⁵⁶⁾ Следственное дело Р24229, т. 2, л. 52-56.

⁵⁷⁾ Как явствует из свидетельств сына Владимира Гавриловича, информация о специфическом интересе, проявлявшемся в МГБ к его персоне, все же теми или иными путями доходила до ушей отца, вследствие чего «в послевоенные годы (представление следователя Тельнова на выделение дела Грушевого в отдельное производство датировано 18.05.1950 — А.Б.)... дамоклов меч... давил на психику и отравлял жизнь. Я редко видел отца смеющимся. Он был застегнут на все пуговицы — и на работе, и дома».^{*)}

^{*)} В сб. «Выдающиеся ученые Геолкома-ВСЕГЕИ». С.-Петербург, изд-во ВСЕГЕИ, 2000, с. 28.

⁵⁸⁾ Е.Г. Багратуни, на тот момент ответственный сотрудник аппарата Мингео СССР, упоминался, в числе других, в преамбульной части постановления о выделении дел в отдельное производство, но в прилагаемой справке о рассылке копий обвинения в соответствующие управления МГБ СССР его фамилия отсутствовала.

⁵⁹⁾ Следственное дело Р24213, л. 103-107.

⁶⁰⁾ Там же, л. 115-118.

⁶¹⁾ Там же, л. 122-126.

⁶²⁾ РГАСПИ, фонд 17, опись 118, ед.хр. 736, л. 114.

⁶³⁾ Les prix Nobel 1952. Stockholm, 1953, s. 55, 56; см. также: Лауреаты Нобелевской премии по литературе. Лауреаты 1901-2001. Изд-во С.-Петербургского университета, 2003, с. 123, 124.

⁶⁴⁾ Для цивилизованного взгляда отмечаемое выше не может не быть непререкаемой очевидностью. Независимо от Мориака, но в унисон с ним, полвека спустя о том же поведала Марина Влади, знаковая французская киноактриса второй половины XX века. Поздняя дочь русской балерины и исполнителя цыганских романсов, из числа эмигрантов первой волны, она в автобиографическом повествовании «Мой вишневый сад» поведала о судьбах матери и других своих родственников, включая тех, кто не покинул Россию. Среди них была революционерка Даша, которая встретила день кончины Сталина узницей казахстанского лагеря. После освобождения по амнистии 1953 г. она со знанием дела жестко охарактеризовала систему концлагерей как «экономически неэффективную».^{*)}

^{*)} М. Влади. Мой вишневый сад. Москва, изд-во «Время», 2005, с. 351.

⁶⁵⁾ Культура власти от Сталина до Горбачева. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953-1957. Документы. Москва, РОССПЭН, 2001, с. 467.

⁶⁶⁾ Весьма симптоматичное определение... Если учесть, что в те же дни середины октября 1941 г. в Москве также происходило минирование Садового кольца, готовился подрыв зданий и промышленный предприятий. Тем более, что за месяц до того нечто подобное было осуществлено при сдаче тоже густонаселенного Киева...

⁶⁷⁾ Следственное дело Р24216 И.Ф. Григорьева, л. 212, 213.

⁶⁸⁾ Имеется в виду «Ленинградское дело», когда в июле-августе 1949 г. были арестованы и в дальнейшем приговорены к расстрелу руководители ленинградской парторганизации А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин и др.

Глава 6 РЕАБИЛИТАЦИЯ

5 марта 1953 года умер Сталин. Умер в разгар сфабрикованного в МГБ СССР, по его наводке, «дела врачей», которое, в противовес десяткам другим надуманным в послевоенное время процессам над очередными «врагами народа», власть предала, по тайным своим соображениям, широкой огласке.

В течение всего месяца после кончины вождя, как и в предыдущие два, пресса продолжала полниться инвективами в адрес «убийц в белых халатах». И тем неожиданней стало обнародованное утром 4 апреля сообщение, под шапкой «В Министерстве внутренних дел СССР», о невиновности арестованных врачей и об их освобождении из-под стражи: ничего подобного никто не мог припомнить за все тридцать лет сталинского правления...

Надежды, порожденные этим эпохальным событием среди миллионов узников ГУЛАГа, не обошли и фигурантов «Красноярского дела». Первым из них, отправившим письмо во власть, стал Ю.М. Шейнманн, отбывавший второй срок заключения; в первый раз он был арестован в 1938 году и приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей в Норильске. В обстоятельном послании на 29-ти страницах рукописного текста, адресованном секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву и датированном 9 марта — 2 апреля 1953 года,¹⁾ он камня на камне не оставил от предъявлявшихся ему обвинений. Как свидетельствуют приводимые даты, писать он сел в день похорон Сталина, а завершил послание за два дня до освобождения врачей.

Письмо разделено на семь подразделов: «1. В чем я обвинен; 2. Как я работал; 3. Что я делал в заключении на Колыме; 4. О невероятности моего обвинения; 5. Мое credo; 6. Мои просьбы; 7. Об антисоветских беседах».²⁾ Из заключительного 7-го подраздела, в свою очередь состоявшего из семи пунктов, упомянем о двух из них:

«2. Я будто бы протасил негодный отчет В. Богацкого, дав о нем хороший отзыв. Этот отчет об Ирбинском месторождении мною оценен как хороший, а Всесоюзной комиссией по запасам — как отличный...

7. Чтобы показать рождение мое как вредителя, указано, что моими учителями были Д.И. Мушкетов (я сдал ему один экзамен!), М.М. Тетяев (я начал работать с ним и потом выступил против его теорий) и М.М. Василевский (честнейший человек, я у него студентом работал один год). Почему бы не записать тех, кто действительно сильно влиял на мой рост как специалиста: акад. А.А. Борисяк, акад. А.Н. Заварицкий, проф. В.Н. Лодочников, проф. Н.Н. Яковлев, акад. А.Д. Архангельский, акад. И.М. Губкин».

Привлекает внимание пункт 2 прошения, в очередной раз демонстрирующий удручающе низкий уровень профессионализма следователей, проводивших дознание. Уж если использовать в качестве одной из улики отчет В.В. Богацкого, то как же попутно не поинтересоваться последующим его прохождением, которое, как видим, завершилось в итоге утверждением подсчитанных запасов в комиссии ВКЗ — да еще с отличной оценкой. Лично мне в период производственной деятельности шесть раз пришлось проводить свои подсчеты запасов через чистилище ВКЗ-ГКЗ и потому я не понаслышке знаю, сколь редки были там отличные оценки. И как из этого факта не сделать следователю соответствующего вывода — в ту или иную сторону: или скорректировать обвинение или же завести дело на членов ВКЗ — как пособников вредительства в геологии...

Что же касается пункта 7, знал бы Юрий Михайлович, что под той же крышей, где его допрашивали полтора года, уже успели завести отдельное дело на Заварицкого (см. главу 5), а Борисяка, скончавшегося в 1944 году, не раз поминали в протоколах допроса И.Ф. Григорьева, В.К. Котульского и В.М. Крейтера в качестве лица, подозревавшегося в антисоветских настроениях...

В более позднем письме, датированном 21.08.1953 и направленном в Генпрокуратуру СССР, то есть уже после того как в стране отчетливо наметились свежие веяния, логика Юрия Михайловича приняла более наступательный характер. Без обиняков он заявил адресату, что содержание «протоколов и обвинений определялось не следователем, а руководившим следствием полковником Болховитиным». И привел в качестве подтверждения следующий конкретный пример: «... моя просьба о передаче моей записки о направлении поисков алмазов в СССР... была встречена следователем очень сочувственно, затем, через день, — неожиданная перемена и резкий отказ». В заключении он резко констатировал: «Это — несомненно результат распоряжения, *по сути дела вредительского* (курсив мой — А.Б.), так как в этот период проблема алмазов стояла остро и мое предложение могло помочь ей».³⁾

В конце марта обстоятельное письмо на имя Н.С. Хрущева подготовил бывший главный инженер треста Запсибметаллгеология в Томске К.С. Филатов, ученик и многолетний сотрудник академика М.А. Усова. Прежде всего, он взял под защиту доброе имя покойного учителя, выставленного следствием на роль «вожака группы вредителей-геологов, тормозивших и неверно направлявших изучение полезных ископаемых Зап. Сибири». «Одаренный сильным и ясным умом, — писал он далее, — энциклопедически образованный, Усов сделал очень многое... Он буквально сторел на работе в возрасте всего 56 лет». Затем, не оставив камня на камне от предъявлявшихся ему обвинений, заявил в заключение, что имеющиеся в деле показания подписывал «под давлением лиц, ведших дознание».⁴⁾

Вскоре после обнародования сообщения от имени МВД СССР о прекращении сфальсифицированного дела врачей письма в Москву, с настояниями о реабилитации и отказом от показаний, которые их вынудили подписывать, направляют томские геологи — 7 апреля О.К. Полетаева, 8-го Ф.Н. Шахов и 9-го И.К. Баженов. Нелишне добавить, что в один день с отцом, 8 апреля, не сговариваясь, отправляет свое заявление его дочь А.Ф. Шахова. 26 апреля уходит письмо от В.Н. Верещагина, а до того, 20 апреля, направляют свои прошения в Москву жена Н.Ф. Рябоконя и дочь М.М. Тетяева...

Даты отправления доживших до кончины вождя фигурантов «Красноярского дела» или их близких, а также ходатайств за них высокопоставленных официальных лиц, приводятся для иллюстрации в форме прилагаемой к настоящей главе сводной таблицы. Особо упомянем об обращениях в соответствующие органы двоих из осужденных по этому делу — бывшего главного инженера Красноярской геолого-разведочной партии треста «Востсибуглеразведка» Минугля СССР Н.Я. Когана и старшего научного сотрудника Западно-Сибирского филиала АН СССР Б.Ф. Сперанского.

Сводная таблица сведений об обращениях в государственные органы с ходатайствами о пересмотре «Красноярского дела».

Осужденные	Даты обращения в Москву			Дата кончины для не доживших до реабилитации	Номера следственных дел в архиве ФСБ РФ
	осужденных	их близких	ходатайств со стороны		
1	2	3	4	5	6
Баженов И.К.	09.04.1953 25.08.1953	Жена 24.05.1953	—	—	P24297
Баландин А.А.	—	Жена 16.09.1951	Н.Д. Зелинский, 26.06.1951 и 24.04.1953	—	P24199

1	2	3	4	5	6
Бобацкий В.В.	16.06.1953	Жена 10.04.1953	—	—	P3
Булытников А.Я.	23.05.1953 09.10.1953	Жена 23.08.1953	—	—	P24301
Верещагин В.Н.	24.04.1953	—	—	—	P5
Вологдин А.Г.	15.08.1953	—	—	—	P24208
Григорьев И.Ф.	—	—	—	14.05.1951	P24216
Дмуховский П.И.	—	—	—	02.06.1953	P24186
Доминиковский В.Н.	—	—	—	—	P24207
Коган Н.Я.	12.11.1951	—	—	07.04.1953	P24296
Котульский В.К.	—	—	—	24.02.1951	P24229
Крейтер В.М.	07.07.1953, 17.09.1953	—	В.А. Николаев, июнь 1953	—	P24230
Кучин М.П.	15.07.1953	Жена 15.04.1953	—	—	P24294
Лихарев Б.К.	—	—	—	—	P24295
Полетаева О.К.	07.04.1953 15.08.1953 18.08.1953	—	—	—	P13
Предтеченский А.А.	11.04.1953	—	—	—	P24217
Русаков М.П.	14.05.1953	Мать 18.04.1953	К.Ф. Паффен- гольц, 13.06.1953; Д.В. Наливкин, 17.06.1953; В.А. Обручев, 17.06.1953; В.А. Николаев, 17.06.1953	—	P24213
Рябоконе Н.Ф.	—	Жена 05.07.- 01.08.1952 20.04.1953 05.08.1953	—	—	P146
Скуратов Г.М.	28.07.1952 28.07.1953	—	—	—	P24228
Сперанский Б.Ф.	28.07.1952 15.02.1953 07.05.1953	—	—	—	P24300
Тетяев М.М.	14.10.1953	Дочь 20.04.1953	—	—	P24227
Томашпольская В.Д.	11.08.1953	—	—	—	P24219
Филатов К.С.	25.03.1953 21.05.1953	—	—	—	P24226
Хахлов В.А.	29.11.1953	Жена 18.04.1953, 05.10.1953	—	—	P24303

1	2	3	4	5	6
Шаманский Л.И.	—	—	—	21.01.1950	P24302
Шахов Ф.Н.	08.04.1953 29.10.1953	Дочь 08.04.1953	—	—	P24226
Шейнманн Ю.М.	09.03. — 02.04.1953 21.08.1953	—	—	—	P28
Эдельштейн Я.С.	—	—	И.П. Бардин, 08.06.1953, в связи с ходатайством Д.В. Налив- кина, Д.С. Белян- кина и С.И. Ми- ронова в его адрес от 01.06.1953	12.01.1952	P24206

Первый из них направил письмо из Норильска год с небольшим спустя после осуждения. Писал Коган на имя Сталина. В своем заявлении от 12.11.1951 он констатировал, что приговорен к 15 годам заключения за «принадлежность к вредительской группировке геологов», из коих лично не знал ни одного, за исключением трех профессоров, преподававших во время его обучения в томских высших учебных заведениях, и еще «одного — как рецензента по моему отчету».⁵⁾ Помимо этого, по окончании следствия «мне не было вручено обвинительное заключение». Завершил свое заявление такими словами: «Теперь я нахожусь в Норильске, климат которого для меня противопоказан. За девять месяцев проживания в нем (с момента этапирования из Москвы на место заключения — А.Б.) у меня уже был паралич и едва ли мне удастся прожить в нем несколько лет».⁶⁾

Отпущенные себе несколько лет он прожил и даже сумел пережить на целый месяц своего адресата. Скончался 7 апреля 1953 года. Возможно, еще успев услышать о сенсационной реабилитации врачей и помыслить о новой попытке привлечь к себе внимание новых московских властей.⁷⁾

28.07.1952 из Магадана, как Коган восемь месяцев назад, отправил свое заявление Б.Ф. Сперанский. Отправил в адрес министра МГБ СССР, проинформировав шефа госбезопасности, что климатические условия Колымы превратили его в инвалида и «у меня нет никаких перспектив на восстановление своей трудоспособности». Потому просил «о смягчении наложенного на меня наказания, заменив работы в ИТЛ поселением в более благоприятных климатических условиях».⁸⁾

Обращение это в Москве оставили без удовлетворения, о чем и сообщили заявителю 08.10.1952, через отдел «А» МГБ СССР⁹⁾, но уже 15.02.1953 он вновь обращается во власть, теперь уже в адрес заместителя председателя СМ СССР В.М. Молотова. В письме на 11 листах он подробно излагает свою биографию геолога и в завершение обращается с просьбой, чтобы, если ему не дано дожить до благополучного пересмотра жалобы, «ни в коем случае не прекращалось это дело "за смертью жалобщика". Это мое завещание Вам и Родине...».¹⁰⁾

Через две недели, в ночь с 1 на 2 марта, Сталина разбивает удар и еще через три дня он умирает. 4 апреля прекращается «дело врачей», и месяц спустя, 7 мая, Сперанский направляет Молотову второе письмо. Направляет в дополнение к предыдущему,

поскольку «возникают опасения, что мое письмо до Вас не дошло, затерявшись в недрах каких-то канцелярий, а может быть и умышленно скрытое от Вас». Объясняет вослед, что сейчас, «когда гнойник, возникший в недрах бывшего МГБ СССР, вскрыт, пересмотр дела становится совершенно обязательным, тем более что оно касается не меня одного, а большой группы... ученых нашей страны, имена многих из которых широко известны... и с деятельностью которых связаны открытия крупнейших месторождений... и целых новых горнопромышленных районов». В завершение послания извещает адресата, что арест группы крупных специалистов и «вызванная тем дезорганизация в геологической службе и в деле подготовки новых кадров, а также непроизводительные затраты материальных средств и сил для производства контрольных работ (то есть повторных разведок там, где якобы располагались промышленные залежи руд, злонамеренно сокрытые фигурантами «Красноярского дела» — А.Б.), нанесли громадный ущерб нашей стране».¹¹⁾ Борис Федорович дожил до реабилитации. Из-под стражи был освобожден 22 апреля 1954 г., но прожил после этого недолго.¹²⁾

В том же апреле 1953 года, ставшем для советских людей предвозвестником наступления долгожданной оттепели, помимо упомянутых выше близких Н.Ф. Рябоконя, М.М. Тетяева и А.Ф. Шахова, направили в Москву свои послания мать М.П. Русакова, жена В.В. Богацкого Н.П. Якушева, по примеру жен декабристов разделявшая с ним тяготы колымской жизни,¹³⁾ а также жены М.П. Кучина и В.А. Хахлова.

Особенно эмоционально обращение к председателю СМ СССР Г.М. Маленкову Т.А. Хахловой. С первых же строк она здраво увязывает развалившееся «дело врачей» с фантастическими обвинениями геологов. «Я твердо уверена, — писала она адресату, — что в связи с открывшимися в Кремле разного рода вредительствами здесь кроется какой-то чудовищный донос. Каким образом единственный палеонтолог, работающий над растительными остатками тысячелетней давности, мог попасть с группой минералогов!» Завершает свое послание в Кремль, где, как пронизательно отметила она, именно и гнездились «разного рода вредительства», мольбою: «Умоляю Вас, помилуйте, дайте возможность пожить еще вместе оставшийся какой-то десяток лет, рассмотрите это вредительство, разберитесь в обвинении совершенно невинных людей, отдавших свою жизнь на пользу Государству, томящихся по ссылкам вдали от семьи, которая, считая минуты, только и ждет разрешения этого невероятного несуществующего обвинения человека с преклонным возрастом в 59 лет».¹⁴⁾

В мае 1953 г. в адрес Л.П. Берии направляет письмо М.П. Русаков. Сообщает в нем, что в наступившем году исполнилось 25-летие открытия им уникального Коунрадского медно-молибденового месторождения, на базе которого ныне функционирует крупнейший в Союзе Балхашский медеплавильный завод. Перечислив другие свои знаковые открытия и напомнив адресату, что по его личному распоряжению он был направлен зимою 1944-45 гг. в Болгарию, где провел «специальные геологические работы (то есть на имевшихся там участках уранового оруденения — А.Б.) в экспедиции под руководством генерал-майора В.А. Кравченко», он задает вослед жесткий вопрос: «Хотелось бы знать, что же имеет бóльшую доказательность, — эти ли все открытия и многолетние труды на благо Родины или фальшивые клеветнические обвинения, возведенные не меня...» И далее переходит к сенсации прошлого месяца:

«Сообщение МВД СССР и передовая «Правды» от 05.04.1953¹⁵⁾ о тщательном расследовании материалов по "делу" ученых-врачей, также ложно обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, терроре и проч., а после проверки фальшивых обвинений полностью реабилитированных, позволяют высказать не только предположение, но и уверенность в том, что так называемое "дело геологов-вредителей", с обвинением группы в 25-30 человек профессоров, академиков и виднейших инженеров-геологов, ничем не отличается от ложного обвинения ученых-врачей — ни по клеветническому характеру обвинений, ни по несостоятельности фактических данных следствия, ни по обоснованности заключений экспертизы, ни по недопустимости приемов следствия».¹⁶⁾

Через неделю после Русакова в адрес Л.П. Берии, мгновенно приобретшего славу освободителя невинно пострадавших узников лубянских казематов, направляет письмо профессор Томского университета А.Я. Булытников — тот самый, кому следователь простодушно поведал, что арестовали его потому, что «подошла ... очередь». И опять же, как и Русаков, со ссылкой на передовицу «Правды» от 6.4.1953, завершает свое послание надеждой на помощь в «моей реабилитации, проверке моего дела, близко напоминающего дело "врачей-профессоров"». Помянув притом Шестакову, которая «искаженным докладом весной 1949 г.» ввела в заблуждение правительство «о якобы скрытых вредителями богатствах недр юга Красноярского края».¹⁷⁾

В июне-июле 1953г. с обращениями о пересмотре дела в разные инстанции направили жалобы В.В. Богацкий, В.М. Крейтер, М.П. Кучин, Г.М. Скуратов. В.М. Крейтер, рассматривавшийся, наряду с И.Ф. Григорьевым, одним из главарей группы «геологов-вредителей», обратился с кратким письмом в Прокуратуру СССР 07.07.1953. В письме объяснил адресатам, что произошедшее в условиях лагеря Енисейстроя кровоизлияние в мозг с параличом левой части тела, «сейчас надолго приковавшее меня к постели, лишает возможности перечислить все факты, показывающие нелепость грубо сфабрикованного следствием обвинения». И далее: «Смешным и нелепым выглядит обвинение в шпионской деятельности, которая заключалась в том, что в разговоре с зарубежными учеными в 1929-32 гг. у меня фигурировали некоторые данные о месторождениях цветных металлов, широко опубликованные в нашей печати и разосланные за границу, и потому не представляющие никакой секретности».¹⁸⁾

Два с половиной месяца спустя, 17.09.1953, немного придя в себя после частичного паралича, он направляет в Москву более пространное объяснение.¹⁹⁾ Вновь обращаясь к вопросам секретности, он напоминает прокурору, что сведения о цветных металлах закрытыми стали в 1947 г., а с геологом Алфельдом, представленном следствием в качестве шпиона, общался «по прямому указанию моего начальника акад. Губкина И.М.» в 1932 г. «Даже если назвать даты первых распоряжений о засекречивании, — продолжил он, — то и они относятся к 1937 году». Далее он рассматривает абсурдные выводы следствия о «вредительстве» во время полевых исследований в Забайкалье, Средней Азии и на Кавказе и подытоживает, что за время его деятельности как эксперта «количество моих правильных экспертиз превышает более ста».²⁰⁾

В заключение он обратил внимание получателя на то, что «протоколы очных ставок не имеют ничего общего с теми показаниями, которое фактически имели место. Эти протоколы так же сфальсифицированы, как и все другие протоколы». И объясняет, почему под этой откровенной липой имеются его собственноручные подписи: «Я не мог выдержать режим и характер допросов, которые имели место».²¹⁾

Эти достаточно сдержанные высказывания более откровенно живописал В.В. Богацкий. «С самого начала следствие... проводилось при грубом нарушении процессуальных норм, — отмечал он в жалобе от 16.06.1953, — а допросы велись с расчетом довести подследственного до полного изнеможения (неделями круглосуточно не давали спать, допросы сводились к издевательствам, матерной ругани, запугиваниям, а также применялись побои)... Около двух месяцев я сумел выдерживать натиск следствия, а затем был физически сломлен и по требованию следователей занялся придумыванием обвинений на самого себя. Многие из них не нравились следствию и меня вынуждали измышлять новые».²²⁾

Профессор Томского университета М.И. Кучин в своем обращении в Москву от 15.07.1953 сделал акцент на истории с его вызовом для беседы с прокурором войск МВД СССР, на котором лежала формальная обязанность следить за соблюдением следствием беспристрастности при допросах обвиняемых и контролировать защиту прав последних. «Меня, — информировал Кучин председателя президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова, — для формальности на протяжении 15 минут допрашивал прокурор войск МВД, причем вел допрос в присутствии следователя, и протокол допроса составлял

следователь, причем вносил в протокол свои дополнения» (!? — А.Б.).²³⁾ Что лишний раз ярко иллюстрировало не более чем виртуальную видимость прокурорского надзора за правами арестованных...

Помимо жалоб осужденных, с июня 1953 года во власть начали поступать ходатайства видных деятелей советской геологии. За В.М. Крейтера вступился член-корреспондент АН СССР В.А. Николаев, которым четыре года назад настойчиво интересовался допрашивавший Крейтера следователь (см. главу 5). Осторожно подбирая слова, Николаев писал, что о преступлениях осужденного ничего не знает, но хорошо знаком с его деятельностью как педагога и эксперта-разведчика. Потому не может себе представить «столь тяжкой вины, которая оправдывала бы в полной мере осуждение его на 25 лет как сознательно действовавшего врага Родины».²⁴⁾

Четверо видных ученых страны — академики Д.В. Наливкин и В.А. Обручев, академик АН Арм. ССР К.Н. Паффенгольц и упоминавшийся В.А. Николаев в том же июне обратились в президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о пересмотре дела М.П. Русакова. Как констатировал Наливкин, «выдающийся геолог Русаков,... работая в трудных условиях, дал исключительно много для развития горной промышленности», напомнив, что «им открыты и переданы промышленности крупнейшие в СССР месторождения меди — Коунрад и Алмалык». О вкладе Русакова в обеспечение промышленности страны на многие годы запасами медных руд писал и старейшина отечественной геологии В.А. Обручев.²⁵⁾

Раньше чем о Русакове, Д.В. Наливкин, вместе с академиками Д.С. Белянкиным и С.И. Мироновым, вспомнил о Я.С. Эдельштейне. 01.06.1953 они обратились к вице-президенту АН СССР и депутату Верховного Совета СССР И.П. Бардину с просьбой вмешаться в судьбу «старейшего русского геолога», проводившего исследования «с высоты, соответствовавшей его исключительной эрудиции в вопросах геологии, особенно Сибири и Дальневосточного края». Далее они информировали адресата, что «с момента ареста родные не имели ни одного письма от него. В настоящее время нам не известно, жив ли он и где находится». Предполагая, что, с учетом преклонного возраста, он уже умер,²⁶⁾ подписавшие письмо академики высказали пожелание, что «все же в интересах справедливости необходимо реабилитировать его, имея в виду и то, что многочисленные ценные его печатные работы, рукописи и учебники не могут быть использованы специалистами-геологами и географами в силу существующего постановления Особого Совещания».²⁷⁾ Направляя через неделю просьбу коллег по Академии наук председателю президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, Бардин, со своей стороны, поддержал просьбу о пересмотре дела и просил номинального главу государства дать соответствующие указания.²⁸⁾

15 августа 1953 г. из Магадана уходит в ЦК КПСС капитальное послание на 12-ти листах от А.Г. Вологодина, над которым Александр Григорьевич работал, надо думать, не один месяц. Строго структурированное, с минимумом эмоций, даже когда вспоминалось об использовании, в целях дознания, «холодного ледяного карцера Сухановки»,²⁹⁾ где нужно было стоять в раздетом состоянии», — оно достойно особой публикации. Здесь же уместно упомянуть отдельные фрагменты из письма Вологодина во власть, которые дополнили бы уже высказанное выше его подельниками по заточению, то есть имеющие общее значение.

Достойна увековечивания приведенная в письме фраза подполковника А.П. Леонова, в ответ на недоуменный вопрос, отчего в протоколах допросов так искажаются его показания. Следователь, ничтоже сумняшеся, ответил на это, что он в своей практике, прослушав показания подследственного, затем «избирает вариант и принимает его за истину».

Рассказал в письме Александр Григорьевич и о методике подготовки и проведения «очной ставки». При подборе персоналий «учитывалось и использовалось наличие между арестованными плохих, по какой-либо причине, личных отношений. Таким образом,

сравливались между собой «полубезумные: я и геолог Предтеченский, я и геолог Булытников, я и геолог Сперанский. Протоколы были готовы заранее. Здесь они только переписывались».³⁰⁾

И еще один хорошо отработанный метод получения от подследственных начальных фактологических сведений для последующего использования путем возведения банальных недостатков и упущений в работе в категорию злонамеренных действий. Метод этот широко использовался всеми следователями, задействованными на «Красноярском деле», и, надо думать, составлял «фирменное блюдо» у МГБ-вских дознавателей вообще. Вот как подытожил Вологдин подобную практику трансформации безобидных фактов в уголовно наказуемое деяние.

«Мне было предложено дать обвиняющий материал против многих геологов. Я писал что знал, но это не удовлетворяло следователя; он заставлял писать заново, более крепко, а позднее перерабатывал эти материалы дополнительно... При этом опорачивались и принципы, применяемые и теперь, методы исследовательских работ, научные теории. В частности, метод исследования — геологическая съемка, основной метод познания, до настоящего времени, геологического строения площадей и их перспектив на полезные ископаемые; он трактовался как "наука для науки". Отбор и изучение образцов пород с битумами (асфальтитом) на пористость были квалифицированы как попытки "вводить в заблуждение" соответствующие учреждения, как форма "вредительства"... Имело место переписывание форм «"преступлений" из протоколов допроса одного арестованного в протокол допроса другого... Все мои личные показания были уничтожены и полностью заменены написанными следователями».

Особо упомянул Вологдин о встрече с прокурором, проходившей в рамках положенного по закону надзора за следствием, которая в итоге превращалась в откровенный фарс. «К этому допросу, — информировал он Старую площадь, — следователь готовил меня специально, с репетициями, с указаниями, как и что я должен говорить, — именно лишь в форме полного признания во всех винах, записанных в протоколах. Допрос происходил в присутствии и с давлением следователя, с полной невозможностью для меня задавать вопросы прокурору и говорить с ним откровенно. Я был слишком подавлен... Подписывал многое уже не читая... При этом мои слова не записывались. Стенографистке диктовали текст прокурор и следователь».³¹⁾

Позднее других, уже глубокой осенью 1953 г., первые свои жалобы направили в Москву М.М. Тетяев и В.А. Хахлов. Близкие их обращались с ходатайствами в МВД СССР еще в апреле, почти сразу после сообщения об освобождении профессоров-врачей (см. сводную таблицу к данной главе). Надо думать, из переписки с домашними они знали об их инициативе и ожидали каких-то ответных сигналов. Но в конце концов решили сами включиться во все нараставший поток прошений о реабилитации.

Тетяев, которого допрашивал тот же следователь, что и Вологодина, вслед за ним, не сговариваясь, почти слово в слово повторил историю с посещением прокурора. «Следователь Леонов, — писал он в Прокуратуру СССР, — меня предупредил, что если я буду отрицать изложенное им в протоколах, то дело будет перечеркнуто и начнется сызнова *тем же порядком* (курсив мой — А.Б.). Перспектива возобновления следствия с теми же методами заставила меня на допросе у прокурора подтвердить данные протоколов».

Главный упор в своем прошении сконцентрировал он на обвинениях, предъявлявшихся ему следствием как члену Оргкомитета, утвержденного СНК СССР, и руководителю Сибирской экспедиции в период проведения в Москве летом 1937 г. XVII сессии Международного геологического конгресса, который, подчеркнем лишний раз, собрался здесь по приглашению правительства, с предварявшей санкцией Политбюро. Главная его вина, по надуманной версии следствия, состояла в составлении и редактировании путеводителей для предусмотренных программой конгресса экскурсий и «личная связь с иностранными участниками экскурсии». Как будто для одного из ведущих

членов советской делегации не конгрессе имелась физическая возможность избежать таких «личных связей»...

«Путеводители, — говорилось далее, — были напечатаны после специального строгого просмотра текста Главлитом. Что касается отношений с иностранцами во время экскурсии, то они строго ограничивались моей ролью руководителя экскурсии,... все мое поведение регулировалось инструктивными указаниями, данными лично мне... органами НКВД. Регулярные сообщения о ходе моей работы не вызывали никаких замечаний по окончании работы Конгресса». Но следователь, добавил он в заключение, запретил даже упоминать об этом в своих показаниях.³²⁾

В.А. Хахлов в жалобе, датированной 29.11.1953, перечислил в пяти пунктах предъявлявшиеся ему на следствии абсурдные по своей сути обвинения. Например, что его труд «Проблема геотектонической жизни на основании стратиграфического анализа», получивший в 1947 г. премию имени В.В. Куйбышева и предварительно обсуждавшийся на ученых советах Томского университета и Зап.-Сибирского филиала АН СССР, на самом деле являлся вредительским, потому что в нем злонамеренно снижались запасы угля в Кузбассе. Хотя запасов угля работа не касалась, а рассматривала комплекс условий, которые приводили в итоге к формированию Кузнецкого угольного бассейна. Завершается письмо вопросом к адресату — председателю президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову: «Скажите, в чем моя вина? Где правда и законность?»...³³⁾

Все эти шедшие во власть прошения вплоть до глубокой осени 1953 года оставались гласом вопиющего в пустыне, в ответ же на них чередой шли, как под копирку, издевательские по сути отписки. В них заново констатировалось наличие признательных показаний жалобщика, удостоверенных его подписью, а также показаний подельщиков. Содержавшиеся в каждой из жалоб упоминания о варварских методах следствия, сопровождавшихся заключением в холодный карцер, лишением сна, руганью и угрозами следователей, вплоть до избиения, в ответах полностью игнорировались.

Многие из этих отписок поражают какой-то патологической инфантильностью. Таким, в частности, предстает перед читателем документ, вышедший из-под пера заместителя начальника 1-го отделения Особого Совещания при МВД СССР подполковника Масленникова. В заключении от 10.09.1953 на полученное от А.Я. Булынникова прошение о реабилитации подполковник, отмечая все доводы осужденного, констатирует, как ни в чем ни бывало, что «в процессе следствия Булынников виновным себя признал», а «в период учебы в Томском политехническом институте установил связь с бывшим черносотенцем профессором геологии Усовым», который, то есть М.А. Усов, «бежал за границу» (!? — А.Б.), но, тем не менее, продолжал «насаждать в геологических учреждениях и учебных заведениях Сибири бывших белогвардейцев, эсеров, меньшевиков и других врагов советской власти, совместно с которыми проводил вредительскую деятельность в области геологии».³⁴⁾ И этот бред в тот же день 10.09.1953 утверждает в качестве официального документа МВД СССР заместитель министра генерал-полковник И.А. Серов!..

Но к концу сентября 1953 г. в ответной реакции Москвы на поток прошений осужденных геологов и их близких наметился определенный перелом. Фактологически это можно проследить на примере документов, хранящихся в следственном деле заведующего кафедрой палеонтологии Томского университета В.А. Хахлова. Как видно из приводимой в данной главе сводной таблицы, его жена Т.А. Хахлова, помимо своего письма, направленного на имя министра МВД СССР Л.П. Берии 18.04.1953, то есть через полмесяца после освобождения профессоров-врачей, вновь обратилась в Москву в конце сентября 1953 г. (даты на письме нет). На этот раз ее адресатом стал председатель СМ СССР Г.М. Маленков (упоминание об этом письме см. выше, вместе с примечанием 14).

Так получилось, что письмо Т.А. Хахловой попало во власть точно ко времени. 1 сентября 1953 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого Совещания при министре внутренних дел СССР», текст которого не

подлежал опубликованию. Упразднение этого уродливого порождения сталинского произвола, сформированного в преддверии запланированного Сталиным Большого террора, объяснялось в тексте Указа целями «дальнейшего укрепления социалистической законности и повышения роли советского правосудия». Было установлено, что все жалобы и заявления осужденных по политическим статьям Уголовного кодекса подлежат рассмотрению в Прокуратуре СССР после получения предварительного заключения по этим делам из МВД СССР.

Полтора месяца спустя, во исполнение Указа, был подписан 17 октября совместный приказ министра МВД СССР и генерального прокурора СССР за № 0270/265с. В настоящее время, благодаря обращению вице-президента РАН Н.П. Лаверова в ФСБ РФ, текст упомянутого приказа, распоряжением МВД РФ № 1/423 от 27.01.2005, рассекречен, и документ стал доступен для широкого читателя. Приказом, в частности, предусматривалось, что все поступающие жалобы и заявления «осужденных Тройками НКВД-УНКВД в 20-дневный срок... направлять... в МВД СССР и Прокуратуру СССР для рассмотрения в порядке, установленном Указом...»³⁵⁾

Именно об этом приказе напомнил 28.10.1953, 11 дней спустя после его подписания министром генерал-полковником С.Н. Кругловым и генеральным прокурором Р.А. Руденко, заместитель главного военного прокурора генерал-майор юстиции Д. Китаев, откликаясь на обращение жены осужденного В.А. Хахлова. Сообщая начальнику Следчасти по особо важным делам МВД СССР полковнику А.А. Козыреву, что «дело Хахлова находится на контроле секретариата председателя Совета Министров СССР», Китаев просил адресата «заключения по делу не задерживать» и выслать его «вместе с архивно-следственным делом Хахлова и жалобой его жены в ГВП (генеральную военную прокуратуру — А.Б.) для принятия окончательного решения по делу». Одновременно он проинформировал коллегу, что «по имеющимся в прокуратуре данным Вологдин А.Г. в настоящее время от данных им на следствии показаний отказался. Поэтому при рассмотрении дела Хахлова проверьте, не изменили ли другие арестованные свои показания в дальнейшем и подтверждают ли они свои показания в настоящее время».³⁶⁾

Адресат Козырев отнесся к прокурорской просьбе с полным пиететом и 02.11.1953 на письме из Прокуратуры появилась его запись: «т. Сорокину. Прошу срочно дать заключение...»³⁵⁾ Помощник начальника Следчасти полковник Г. Сорокин тоже не сплывал. Уже 13.11.1953 бумага за подписью его и подчиненного ему старшего следователя Ф. Белова, с утверждающей росписью заместителя министра МВД СССР генерал-полковника И.А. Серова,³⁷⁾ пошла в Военную прокуратуру. Сухой остаток от рассуждений проверяльщиков, для чего потребовалось пять листов машинописного текста, — в пересмотре решения Особого Совещания при МГБ СССР отказать из-за отсутствия для того оснований; тем более что сам осужденный Хахлов, «отбывающий наказание в лагере, с подобными заявлениями в МВД СССР не обращался».³⁸⁾

То есть приказ от 17.10.1953, предварительно освященный высшей властью страны и собственноручно подписанный непосредственным начальником над всеми выше названными подписантами, включая генерал-полковника Серова, без малого месяц спустя после его появления был ими попросту заблокирован! В том числе под смехотворным предлогом об отсутствии в деле личного прошения осужденного...

Прошение это, напомним, было написано и датировано В.А. Хахловым 29.11.1953. Адресовал он его не Маленкову, как жена, а Ворошилову. Из президиума Верховного Совета СССР полученный из Норильска документ переправили опять же в Главную Военную прокуратуру, а оттуда 23.12.1953 — в секретариат МВД СССР.³⁹⁾ Хранящаяся в реабилитационной части следственного дела Хахлова производственно-бытовая характеристика, из которой можно узнать, что «заклученный Хахлов к работе относится добросовестно, дисциплинирован, в быту скромен» и т.д., направлена в Москву начальником 2-го лагерного отделения капитаном Грибальевым и начальником КПЧ

отделения майором Горюновым 18.01.1954.⁴⁰⁾ Направлена, само собой разумеется, по запросу из Москвы.

Тем самым, можно наметить достаточно узкий промежуток времени, в пределах которого в МВД СССР, при том же министре С.Н. Круглове, которого в 1960 г. тоже исключат из КПСС за «причастность к политическим репрессиям»,⁴¹⁾ и его заместителе И.А. Серове началась, наконец, действенная подготовка материалов с целью скорейшей реабилитации всех осужденных по сфабрикованному «Красноярскому делу». Произошло это, как подсказывают перечисленные выше даты переписки между прокуратурой и МВД, с одной стороны, и письма из Норильского лагерного отделения, явно ответного на запрос с Лубянки, с другой, где-то между 23 декабря 1953 г. и первыми числами января 1954 г.

Массовое ожидание чего-то, каких-то подвижек в политической жизни огромной державы буквально витало в воздухе на рубеже 1954 года. Это тонко подметил Анджей Вайда, в то время молодой человек 28-ми лет отроду, дипломник киношколы в польской Лодзи, а ныне известный мэтр, создавший эпоху в мировой кинематографии. Впервые посетив Москву в январе 1954 г., он так определил тогдашнее восприятие атмосферы советской столицы в своей итоговой книге «Кино и остальной мир»: «... времена стояли не самые лучшие, в воздухе висела какая-то мрачная тайна, проникнуть в которую не было никакой возможности...»⁴²⁾

Нелишне заметить, что сам по себе процесс освобождения лиц, арестовывавшихся по политическим статьям Уголовного кодекса, начался практически сразу после смерти Сталина, с апреля 1953 г., когда было закрыто нашумевшее на весь мир «дело врачей». Но не только их. Достаточно быстро получил свободу академик-химик А.А. Баландин, вторично попавший под арест в рамках сфабрикованного дела геологов-вредителей (см. главу 2). Как сообщила автору дочь академика Нина Алексеевна, отца выпустили из лагеря 30 мая и уже 31-го он был доставлен самолетом в Москву. В столь скоростном решении его судьбы первейшую роль сыграл его учитель академик Н.Д. Зелинский, дважды обращавшийся по этому поводу во власть; первый раз 26.06.1951 в адрес Сталина,⁴³⁾ что эффекта не дало, и во второй, 24.04.1953, — в адрес Берии.

Последнее послание нашло на Лубянке мгновенный положительный отклик. Уже 13.05.1953 было подписано старшим следователем Следчасти по особо важным делам МВД СССР полковником В. Сериковым и заместителем начальника Следчасти полковником А. Хватом,⁴⁴⁾ согласовано с начальником Следчасти генерал-лейтенантом Л.Е. Влодзимирским и утверждено зам министра МВД СССР генерал-полковником Б.З. Кобуловым заключение, в соответствии с которым предлагалось «дело Баландина прекратить, его реабилитировать и из-под стражи освободить».⁴⁵⁾ Днем раньше, 12.05.1953, датирован протокол решения Особого Совещания при МВД СССР, которым отменялось решение предшественников из МГБ СССР от 28.10.1950 в части осуждения Баландина.⁴⁶⁾ Хотя по элементарной логике подписание подобного документа должно было предваряться соответствующим заключением следственных чинов, а не наоборот.

То есть юридическое оформление отмены приговора от 28.10.1950 стало не более чем формальным подкреплением уже кулуарно принятого в высших сферах волевого решения о немедленной реабилитации академика.⁴⁷⁾ Что лишний раз продемонстрировало изначально свойственное советской системе правосудия волюнтаристское пренебрежение к букве закона. Даже если свершалось оно ради доброго дела...

Возвращаясь к основному контингенту фигурантов «Красноярского дела», повторюсь, почти месяц спустя после совместного приказа МВД и Прокуратуры от 17.10.1953 осужденному по тому делу В.А. Хахлову в пересмотре, тем не менее, отказали. Как и всем другим его подельникам, которые начали отправлять свои ходатайства с апреля 1953 г., а в ответ получали из МВД пустословные отписки. Реальный же анализ протоколов следствия и подготовка материала для выработки юридического обоснования реабилитации началась в самом конце поворотного 1953 года, точнее — во второй половине последнего его месяца.

Перед началом такого разбирательства во все ИТЛ, в которых содержались осужденные по «Красноярскому делу» геологи, были разосланы предписания о предоставлении в МВД СССР характеристик на них — как по производственной линии, так и по политической. Под последней подразумевалась оперативная информация об устных высказываниях осужденных между собою. Например, сугубо производственные характеристики, без упоминания о каком-либо криминале, были направлены из Красноярского лагерного отделения 14.01.1954 на В.М. Крейтера и М.И. Кучина, за подписями начальника лагерного пункта № 8 Ивченко и начальника КПЧ Медведева. В обоих случаях констатировалось, что доктора геолого-минералогических наук к работе относятся добросовестно, являясь «отличниками производства», и «нарушений лагерного режима не имеют». Близкая по содержанию характеристика была направлена из Норильска 18.01.1954 на отбывавшего там наказание В.Н. Доминиковского: «К работе относится добросовестно, прогулов и опозданий не имеет, дисциплинирован, в быту скромен, нарушений лагерного режима не имеет» Примерно в тех же словах и тогда же администрация лагерей оценивала работу М.М. Тетяева в Красноярске, В.А. Хахлова в Норильске и т.д. Притом в характеристике Хахлова особо подчеркивалось, что он «принимает активное участие в работе КПЧ — оказывает помощь художникам в изготовлении картин для секций барakov». ⁴⁸⁾

Но такие благодетельные характеристики приходили с мест заключения не на всех. Например, в сообщении УМВД Магаданской обл., по информации из Магаданского лагеря Дальстроя, Москву информировали, что «в ноябре 1951 г. в беседе с заключенными Скуратов пересказывал клеветнические измышления в отношении ЦК КПСС, которые ему якобы стали известны от одного арестованного, содержавшегося с ним в Лефортовской тюрьме». ⁴⁹⁾ А в отношении Ю.М. Шейнманна из того же магаданского УМВД поступила информация, что, «по непроверенным оперативным материалам... в ноябре 1952 г. Шейнманн в беседе с осужденными восхвалял экономическую и военную мощь США и утверждал, что якобы «среди молодежи в СССР растет движение протеста против произвола и диктаторства» и что будто бы в Крыму распространяются антисоветские листовки, а в июле 1953 г. охарактеризовал факт разоблачения врага народа Берии как «проявление борьбы "за портфель", за первое место в правительстве». ⁵⁰⁾

По датам ответных сообщений от начальства ИТЛ можно судить, что соответствующие запросы из Москвы были направлены в сибирские и колымские лагеря в конце декабря 1953 г. и в первых числах января нового 1954 г. Что соответствует дешифрованным выше датам, когда сверху был дан сигнал на капитальный пересмотр «Красноярского дела», в фальсифицировании которого, конечно, не было сомнений и на самых верхах.

Как и предусматривалось упоминавшимся приказом 0270/265с от 17.10.1953, все полученные жалобы, даже если до того на них был оформлен официальный отказ от пересмотра, должны были передаваться вновь для повторного рассмотрения в установленном этим приказом порядке. Порядок тот заключался в тщательном анализе материала дел следователями Следчасти МВД СССР и последующем оформлении протеста генерального прокурора, который затем должен быть передан, для принятия окончательного решения, в Военную коллегия Верховного Суда СССР.

Первым по счету протест (в порядке надзора), за подписью заместителя Генерального прокурора А.П. Вавилова, ⁵¹⁾ был оформлен 17.02.1954 и касался реабилитации М.П. Русакова. В протоколе, в частности, отмечалось, что все проводившиеся в процессе следствия экспертизы по делу сопровождались грубым нарушением норм Уголовно-процессуального кодекса. «Обвиняемому не были своевременно объявлены постановления о назначении экспертиз, в связи с чем он был лишен возможности высказать свои соображения». К тому же привлеченным экспертам «было объявлено, что Русаков признался, что в практической деятельности занимался

вредительством, что несомненно в какой-то степени предопределяло выводы экспертиз».⁵²⁾

Предпочтение, оказанное Михаилу Петровичу, имело свою особую причину. За него еще в конце 1953 г. вступились четверо известных представителей советской геологической науки — старейшина отечественной геологии В.А. Обручев, а также Д.В. Наливкин, В.А. Николаев и К.Н. Паффенгольц. Кроме того, соответствующие ходатайства приходили в Москву из Алма-Аты, прежде всего от Д.А. Кунаева, в 1952-1955 гг. президента АН Казахской ССР, в будущем 1-го секретаря ЦК КП Казахстана, который в полной мере отдавал себе отчет в огромной роли выдающегося геолога-разведчика в обеспечении горной промышленности республики устойчивой сырьевой базой цветных металлов. Об инициативе Кунаева поведала автору Н.П. Русакова, сноха Михаила Петровича.

Все остальные заключения следователей Следчасти по особо важным делам МВД СССР, утверждавшиеся заместителем министра И.А. Серовым, и протесты генерального прокурора, как под копирку, датировались, соответственно, 10 и 17 марта 1954 г.

Но не для всех фигурантов «Красноярского дела» следовательские заключения и, соответственно, прокурорские протесты, которые, как правило, фактически дублировали заключение следователя, были одинаково благополучными. Как отмечалось в предыдущих главах, все подельники стандартно осуждались по трем пунктам печально известной «контрреволюционной» статьи 58 — за шпионаж, вредительство и антисоветские настроения. Если два первых пункта (ст. 58-7 и 58-11) были очевидно притянуты за уши и легко опровергаемы при гласном рассмотрении, то «антисоветская» ст. 58-10 ч. 1 позволяла собою такую широкую трактовку, что под нее легко было подвести любого человека, то есть любое его критическое высказывание или сомнение. Этим недобросовестно и воспользовался следователь Следчасти МВД по особо важным делам капитан Н.Т. Соколов. Жертвами его стали, в частности, А.Я. Булытников, Б.К. Лихарев и В.А. Хахлов.

Процитируем довод следователя в адрес Булыникова, который почти дословно был повторен в протесте генерального прокурора Р.А. Руденко: «Булытников, отрицая свою вину во вредительской деятельности, в то же время в поданных жалобах пишет: «Я не отрицаю несоветские разговоры 20-летней давности, слушание Би-би-си, неправильную трактовку некоторых мероприятий правительства, партии». И, ссылаясь на это «чистосердечное признание», следователь предложил, а прокурор поддержал, следующее соломоново решение: преследование по статьям 58-7 и 58-11 УК РСФСР прекратить и «снизить ему меру наказания по статье 58-10 ч. 1 до пяти лет ИТЛ», освободив его «из-под стражи в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР "Об амнистии" от 27.03.1953».⁵³⁾

Аналогичные представления воспоследовали также в адрес Лихарева и Хахлова. Процитируем увековечивания ради и умозаключения капитана Соколова и солидарного с ним прокурора Руденко, касавшиеся их.

По поводу Лихарева: «Обвинение... по ст. 58-10 ч. 1 доказано его собственными признаниями на следствии, что он Октябрьскую революцию встретил враждебно, клеветал на большевиков о том, что они якобы незаконно пришли к власти, с враждебных позиций среди своего окружения обсуждал решения Партии и Правительства и что в служебной деятельности занимал антисоветскую позицию» (!? — А.Б.).⁵⁴⁾

По поводу Хахлова: «... на следствии показал, что... высказывал клеветнические измышления о советской политике, политике Партии и Правительства. В своем заявлении Хахлов отказывался от показаний о вредительской деятельности... Что же касается обвинений в антисоветской агитации и показаний об антисоветских высказываниях, то Хахлов ничего в своем заявлении не указывает».⁵⁵⁾

При анализе протестов по поводу перечисленных трех следственных дел Военная Коллегия Верховного Суда СССР обосновала иную позицию. Например, в определении по

делу Лихарева было зафиксировано следующее: «Военная коллегия... находит, что протест прокурора в части прекращения дела является правильным, в остальной же части — необоснованным. В самом протесте указано, что обвинение по ст. 58-10 ч. 1, кроме личного признания, "другими доказательствами не подтверждено". Таким образом обвинение Лихарева в этой части прокурор считает возможным основать только на самопризнании. Вместе с тем прокурор в этом же протесте пишет, что самопризнание Лихарева (в отсутствии других доказательств) не может служить доказательством по ст. 58-7 и 58-11. Такая постановка вопроса прокурором является неправильной, противоречащей фактическим обстоятельствам... При этих обстоятельствах нет достаточных оснований считать вину Лихарева по ст. 58-10 ч. 1 доказанной».⁵⁶⁾ В итоге все трое осужденных были, как и их подельники, реабилитированы полностью.

Существенно драматичнее складывалась ситуация вокруг реабилитации скромного ассистента кафедры геологии Томского политехнического института В.Д. Томашпольской, которая, собственно, и попала-то, наряду с преподавателем палеонтологии Томского университета О.К. Полетаевой, в первую группу арестованных 31.03.1949, на другой день после приснопамятного заседания Политбюро под председательством Сталина, только потому, что в 1930 г. обе они, молодыми специалистами, участвовали в полевых работах под руководством И.К. Баженова в районе Юлинского медного рудника и недалеко расположенного от него Тагашетского сиенитового массива. Как отмечалось в главе 1, именно в этих сиенитах рудознавец И.Г. Прохоров, якобы по указанию Марии Кюри, прогнозировал месторождение радиоактивных руд.⁵⁷⁾

В обширном, на шесть листов с оборотами, и по-женски скрупулезном письме в адрес генерального прокурора СССР, датированном 11.08.1955, в первых же строках Веля Даниловна отметила, что «до сих пор я не могу понять, за что меня осудили, почему я оказалась "избранной"». И далее: «Следователь Адамов, который вел основную часть моего следствия, и следователь, который заканчивал следствие, не гнушались никакими средствами для получения необходимых им результатов. Меня осыпали площадной бранью, сажали в карцер, а главное — угрожали благополучием моих детей». У нее было четыре сына, но за год до ее освобождения из-под стражи покончил с собою старший сын 18-ти лет отроду, о чем она узнала, когда вернулась домой.

В конце своей исповеди она коснулась и фигуры лаборанта кафедры геологии Технологического института Я.И. Якобсона, высланного с родителями из Риги в Сибирь в июне 1941 г., в процессе произведенной, за две недели до нападения Гитлера на СССР, массовой депортации органами НКВД «неблагонадежной» части населения Латвии. Рассказала, что впервые увидела его в доме знакомого их семье начальника «Запсибцветметразведки» и впоследствии порекомендовала проф. К.В. Радугину, с которым работала, взять Якобсона на вакантное место лаборанта кафедры.⁵⁸⁾

Следователь воспринял информацию о контактах подследственной с высланным как весьма ценную для дальнейшего развития «дела» и затребовал у органов сыска дополнительных сведений. Параллельно же начал развивать задуманную им интригу, выбывая из Томашпольской требуемые для того показания на Якобсона. Как писала она год спустя после освобождения в Военную коллегию Верховного Суда СССР, «каждодневные допросы... в угрожающем стиле, что мне нужно (подчеркнуто автором письма — А.Б.) что-то вспомнить, найти в своей памяти "то", что даст мне, наконец, желанный и долгожданный покой... в припадке чувства страха я сказала, что Якобсон... якобы угрожал портрету И.В. Сталина». И в завершение: «Перед лицом советского правосудия, давшего мне свободу и право жить со своими детьми, перед лицом моей совести... я говорю правду: никогда и ничего не высказывал Якобсон о террористических своих настроениях, и были ли они у него — я не знала и не знаю».⁵⁹⁾

Вызвано было это письмо тем, что, по заключению следователя МВД капитана Байкова и протесту генерального прокурора Руденко, ее, как и подельников Булынных,

Лихарева и Хахлова, предполагалось освободить из-под стражи не по полной реабилитации, а по указу «Об амнистии», с предварявшим снижением срока заключения до пяти лет лагерей. Но если в отношении трех названных фигурантов Военная Коллегия Верховного Суда СССР не согласилась с таким вариантом освобождения и реабилитировала их полностью, то в случае с Томашпольской версия следствия и прокуратуры была принята. Причина, не позволившая коллегии пойти по тому же пути, лежит на поверхности.

Появление фамилии, до того неведомой, привлекло благожелательное внимание начальства Следчасти и получило наверху одобрение — ведь теперь появилась возможность сфабриковать новое дело о терроризме, непосредственно связанном с именем вождя,⁶⁰⁾ то есть дело высшей категории, с соответствующим вознаграждением впоследствии — чинами и орденами.

Хотя Якобсон еще в 1947 г. негласно покинул Томск, где ему предписывалось пребывать в административной ссылке, и проживал в Киеве под чужой фамилией Заборов, чекисты обнаружили его в считанные недели. Арестован он был 24.10.1949 и сразу доставлен в Москву. После краткого следствия признался во всех приписанных ему смертных грехах и 21.04.1950 предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Приговором от того же числа, за то, что, «являясь врагом советской власти, в 1947 г. высказывал готовность лично совершить террористический акт в отношении главы Советского правительства», он был приговорен «к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества» и в тот же день расстрелян.⁶¹⁾

Так вот, председательствовал на том заседании коллегии генерал-лейтенант юстиции Чепцов — тот же Чепцов, который, вместе с двумя другими членами Тройки, ровно четыре года спустя подписывал оправдательные постановления о реабилитации фигурантов «Красноярского дела». Не оказался бы он на положении унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла, если бы, наравне с остальными осужденными по этому делу, полностью оправдал и Томашпольскую?..

Оттого и согласилась Тройка с протестом генерального прокурора Руденко, предложившего прекратить обвинение ее по всем трем предъявленным в 1950 г. статьям 58-7, 58-10 ч. 1 и 58-11, но зато вменить в вину ст. 58-12, то есть «преступление, выразившееся в недонесении о террористических намерениях Якобсона Б.И.». Соответственно срок наказаний предлагалось снизить до 5 лет исправительно-трудовых лагерей и тем самым подвести ее под указ об амнистии.⁶²⁾

Разница между полной реабилитацией и освобождением по амнистии была весьма существенна. Если в первом случае человек выходил на волю с восстановлением во всех правах гражданина страны, то при амнистировании судимость сохраняется, с соответственными последствиями для ее носителя. Отсюда и появилось второе обращение в судебные органы, поступившее на рассмотрение в 8-й отдел Военной коллегии Верховного Суда СССР 08.04.1955. Год спустя, 28.04.1956, военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник Лазуренко представил свое заключение по делу Томашпольской, утвержденное главным военным прокурором генерал-майором Е. Вирским 17.05.1956. В заключении, в частности, констатировалось, что «показания в отношении Якобсона... были даны ею под воздействием незаконных методов следствия, в связи с чем дело Якобсона в настоящее время также проверяется Главной военной прокуратурой», и предлагалось «обвинение Томашпольской по статье 58-12 производством прекратить». Это и было подтверждено 28.07.1956 на заседании Военной коллегии, состав которой к тому времени был, по сравнению с 1954 годом, полностью заменен...⁶³⁾

Уместно добавить, что приводившаяся выше словесная эквилибристика в начальный период реабилитации лиц, осужденных по политическим статьям, была для следовательского корпуса привычным делом. Незадолго до ареста по «Красноярскому делу», 14.02.1949 взяли под стражу, по доносу коллеги, с которым поделился сведениями

из журнала «Economic Geology» о четкой работе геологических служб в США, геолога Ю.Ф. Погоня-Стефановича, специалиста по золоторудным россыпям. Осужден был на 10 лет ИТЛ «за антисоветскую агитацию и хранение в квартире служебных материалов, составляющих государственную тайну». Год спустя после реабилитации фигурантов «Красноярского дела», в январе 1955 г., срок заключения, по приговору Особого Совещания при МГБ СССР от 01.04.1950, был сокращен до пяти лет. Как отметила в заключении от 05.01.1955 прокурор отдела по спецделам прокуратуры РСФСР Сурыгина, само по себе обвинение в процессе следствия, было «доказано. Но, учитывая характер антисоветской агитации и что разглашение написанных им работ следствием не установлено, длительность его работы в геолого-разведочных организациях и положительную характеристику администрации лагерей», срок снизить в два раза и освободить по указу «Об амнистии». Лишь 15 лет спустя, постановлением президиума Мосгорсуда от 08.01.1970, постановление Особого Совещания было полностью отменено.⁶⁴⁾

Казус В.Д. Томашпольской оказался во время реабилитации фигурантов «Красноярского дела» не единственным. Профессор Иркутского горно-металлургического института Л.И. Шаманский, арестованный и этапированный в Москву в последней стадии заболевания туберкулезом, скончался еще в ходе следствия, 21.01.1950, оказавшись тем самым первым среди шести жертв «Красноярского дела», не доживших до реабилитации (см. сводную таблицу к данной главе).

Несмотря на отсутствие ходатайств со стороны, требовавшаяся по закону документация для начала процесса реабилитации была подписана старшим следователем Следчасти МВД по особо важным делам Н.Т. Соколовым и утверждена его начальством в те же сроки, что и для остальных его подельников.⁶⁵⁾ Но если для реабилитации последних, прошедших все формальности осуждения, помимо следовательского заключения требовался еще протест прокурора и, само собой, постановление высшей судебной инстанции, то для скончавшегося Шаманского, все эти процедуры не прошедшего, заключение следователя посчитали на Лубянке самодостаточным. Оттого уже 15.03.1954 заместитель главного военного прокурора полковник Д. Терехов возвратил в Следчасть МВД СССР «архивно-следственное дело № ОС-101168⁶⁶⁾... для отмены постановления Следчасти по особо важным делам МГБ СССР от 26 января 1950 года (то есть через пять дней после смерти Шаманского — А.Б.) и прекращения этого дела в соответствии с вашим заключением от 10.03.1954... Об отмене ранее вынесенного по делу Шаманского постановления и прекращении дела необходимо поставить в известность родственников...»⁶⁷⁾

В итоге у родных Льва Иосифовича на руках оказалась лишь не имевшая никакой юридической силы справка КГБ СССР от 10.08.1954 № 2367, гласившая, что дело прекращено в соответствии со статьей 204 пункт «б» УПК РСФСР. Только в 1992 году, уже в постсоветском государстве, И.Л. Шаманский, сын Льва Иосифовича, рискнул напомнить о себе и задал прокурорской власти вопрос, является ли упомянутая справка документом, равноценным свидетельству о реабилитации, а если не является, нельзя ли «выслать документ ныне действующего образца о реабилитации моего отца», а также «распространяется ли право получения материальной компенсации на наследников жертв сталинских репрессий или этим правом пользуются только сами жертвы, оставшиеся в живых».

То есть сорок долгих лет дело скончавшегося в следственной тюрьме профессора Шаманского пребывало по факту в подвешенном состоянии. Лишь 14.05.1993, по заключению прокурора отдела реабилитаций Генеральной прокуратуры РФ С.И. Кабакова, оно получило, наконец, законное завершение, а сам фигурант сфальсифицированного «дела геологов» приобрел посмертно статус реабилитированного...⁶⁸⁾

Нелишне здесь еще раз упомянуть о Я.С. Эдельштейне, который, как и Шаманский, тоже не дождался реабилитации. Но, хотя процесс его реабилитации прошел в соответствии со всеми канонами судопроизводства, когда дело дошло до материальных выплат, его наследница, как и наследник Льва Иосифовича, также ничего не получила. Яков Самойлович скончался 21.01.1951, на 82-и году жизни, в одном из промежуточных ИТЛ по дороге на Колыму. Полтора года спустя, не зная ничего о судьбе мужа, умерла в Ленинграде 17.09.1952 В.А. Эдельштейн. Родных детей у супругов не было, но была приемная дочь З.С. Сементовская, которая и получила на руки документ о реабилитации отца. А далее все пошло как у Шаманского.

Еще до ареста Якова Самойловича каждый из супругов составили и подписали завещание о передаче после кончины всего нажитого имущества в пользу приемной дочери. В ответ на ее обращение, из учетно-архивного отдела КГБ СССР в адрес такого же отдела УКГБ по Ленинградской обл. 19.06.1954 пришло сообщение, что «завещание Я.С. Эдельштейна и В.А. Эдельштейн о передаче имущества наследнице З.С. Сементовской... не может служить официальным документом, так как оно не оформлено в нотариальной конторе. Стоимость за конфискованное у Я.С. Эдельштейна имущество, ввиду отсутствия близких родственников, должно пойти в доход государства»...⁶⁹⁾

И в заключение уместно вернуться к одной из ключевых фигур в созидании «Красноярского дела» — к фигуре правдинской журналистки, с явными сдвигами в психическом здоровье, А.Ф. Шестаковой. Сразу отметим, что в данном случае инсинуации даром ей не сошли. Прежде всего, благодаря принципиальной позиции, занятой, после реабилитации, профессором Московского института цветных металлов и золота В.М. Крейтером. Вернувшись домой и немного придя в себя после освобождения из лагеря и постигшего его там инсульта, он в 1955 году направил первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву письмо, в котором дал свою оценку происшедшему; копия письма ныне хранится в семье ученого и предоставлена автору дочерью Крейтера Ириной Владимировной.

«Шестакова, — писал Крейтер, — несет огромную долю ответственности не только за тюремное заключение и смерть геологов, но и за многие сотни миллионов рублей, бесцельно и безответственно растраченных Енисейстроем, за несправедливую пощечину тысячам геологов, которые учились и работали по книгам репрессированных профессоров... Эта матерая клеветница, которая еще в январе 1953 года приходила в Красноярске в лагерь посмотреть, по ее выражению, на "своих арестантов", живет до сих пор в доме ЦК КПСС⁷⁰⁾ и практически остается безнаказанной» (см. приложение 5).

Полная безнаказанность Шестаковой А.Ф. и своеобразная «неприкосновенность ее личности» удивляет и оскорбляет геологическую общественность. Мне совершенно не ясно, почему Шестакова до сих пор не ответила за свою изощренную злобную клевету, принесшую гибель людям, огромный вред геологическому производству, бесполезную затрату огромных средств и т.д.».

Отклик на Старой площади письмо В.М. Крейтера нашло. Как явствует из архивных документов Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, ныне хранящихся в фондах Российского государственного архива социально-политических исследований (бывший партийный архив), это обращение во власть маститого ученого подвигло КПК завести на Шестакову персональное дело «О недостойном поведении бывшего корреспондента газеты "Правда" Шестаковой А.Ф.».

Дела КПК для просмотра исследователям, как правило, не выдаются, поскольку в каждом из них содержится информация, подпадающая под понятие «личной тайны», а ознакомление с нею может быть недобросовестно использовано в ущерб родственникам фигурантов этих дел. Однако архивную справку от 31.03.2003, за подписью директора РГАСПИ К.М. Андерсона и научного сотрудника И.Г. Тер-Габриэлян, в тексте которой не присутствует элемент «личной тайны», автор получил.

Рассмотрев результаты проверки сведений, содержащихся в заявлении Крейтера, КПК принял решение «исключить Шестакову А.Ф. из членов КПСС за предоставление в партийные органы клеветнических материалов на работников Министерства геологии и Академии наук СССР». Произошло это 26 октября 1956 г. Шестакова наказание не приняла и дважды, в 1971 и 1976 гг., апеллировала к XXIV и XXV съездам КПСС. Ее апелляции, соответственно, 19 октября 1971 г. и 19 ноября 1976 г., были отклонены. Как сформулировано в документах КПК, Комитет «не нашел оснований для восстановления ее в рядах КПСС».⁷¹⁾

В главе 3 уже упоминалось о письме четырех ведущих научных сотрудников ИГН АН СССР — академиков А.Г. Бетехтина, Д.С. Коржинского, Н.М. Страхова и Н.С. Шатского — в адрес первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, в котором они сформулировали свое видение происшедшего в отечественной геологии, и в Институте прежде всего. Немалую долю вины в том, что «Институт геологических наук, как высшее научное учреждение в СССР, потерял свое значение», они возложили персонально на К.А. Власова, занявшего после 1949 года ключевые позиции в секретариате Президиума АН СССР. Его грубые ошибки в администрировании, жестко констатировали они, привели в итоге к антагонизму «между ним и геологической общественностью» (см. приложение 3).

Примечания к главе 6

¹⁾ Следственное дело Р28 Ю.М. Шейнманна, л. 434-448. Свое прошение писать он начал в день похорон вождя, не представляя, естественно, себе ожидавших страну последовавших событий, и завершил за два дня до обнародования решения о прекращении «дела врачей» и освобождении его фигурантов. Из ЦК КПСС письмо направили в Прокуратуру СССР, где его получение зарегистрировано 15.06.1953.

²⁾ Из заключительной части письма Ю.М. Шейнманна: «Я долго молчал. Потому что не верил, чтобы после вторично записанного в протоколах можно было поверить мне. Но молчать не стало сил — это похоже на преступление. Особенно после смерти великого Сталина. Да и не было моральных сил, чтобы написать. Такое письмо нелегко дается и пишется неделями».^{*)}

^{*)} Там же, л. 445 оборотный — 446.

³⁾ Там же, л. 429. Шейнманн одним из первых обосновал вероятность находки в Вост. Сибири полей алмазонасных кимберлитовых трубок. Записки с обоснованием своего прогноза он, уже будучи осужденным, написал и передал в распоряжение Дальстроя МВД СССР, где отбывал назначенный ему срок, в апреле 1951 и феврале 1953 гг.^{*)}

^{*)} Сб. «Юрий Михайлович Шейнманн. Жизнь, отданная науке». Москва, изд-во ОИФЗ РАН, 2001, т. 2, с. 151-156.

⁴⁾ Следственное дело Р24226 К.С. Филатова, л. 438-449.

⁵⁾ Речь идет об отзыве старшего научного сотрудника Зап.-Сибирского филиала АН СССР доктора геол.-минер. наук Б.Ф. Сперанского. В сборнике «Репрессированные геологи» упомянуто, что при аресте 14.05.1949 Когана у него дома «обнаружен отчет уже арестованного Б.Ф. Сперанского».^{*)} Тут две неточности. Когана арестовали 11.05.1949, одновременно со Сперанским, а обнаруженный отчет был его отчетом, на который имелся отзыв последнего.

^{*)} «Репрессированные геологи», изд-е 3-е. Москва — С.-Петербург, 1999, с. 156.

⁶⁾ Следственное дело Р24296 Н.Я. Когана, л. 295.

⁷⁾ Имеются сведения, что скончался Коган, когда шел в строю заключенных на работу.^{*)}

^{*)} «Репрессированные геологи», с. 157.

⁸⁾ Следственное дело Р24300 Б.Ф. Сперанского, л. 461, 462. В унисон Сперанскому тогда же, 28.07.1952, ушла в Москву жалоба от Г.М. Скуратова.^{*)} С той лишь разницей, что первый адресовал ее в МГБ СССР, а второй, будучи до ареста членом партии, — в ЦК ВКП(б). Совпадение не случайное; оба хорошо знали друг друга по работе и оба оказались на Колыме в соседних лагерных пунктах — ОЛП6 и ОЛП7, то есть без сомнения контактировали друг с другом. Соответственно, договорившись между собою, первый шаг к освобождению сделали тогда, когда у подельников их такая мысль еще не возникала.

^{*)} Следственное дело Р24228 Г.М. Скуратова, л. 424-437.

⁹⁾ Там же, л. 468.

¹⁰⁾ Там же, л. 471-482.

¹¹⁾ Там же, л. 483-485. О том же в 1955 г. писал в адрес Н.С. Хрущева В.М. Крейтер, настаивая на личной ответственности А.Ф. Шестаковой в том числе и за «многие сотни миллионов рублей, бесцельно и

безответственно растроченные Енисейстроем», который пять лет направлял «огромнейшие средства... на "ликвидацию последствий" никогда не существовавшего вредительства».^{*)}

^{*)} Копия заявления В.М. Крейтера хранится в его семье и нами получена от И.В. Крейтер, дочери ученого (см. приложение 5).

¹²⁾ Дату его смерти установить не удалось. Некролог, от имени Горно-геологического института, был опубликован в новосибирском геологическом журнале, подписанном к печати 26.04.1957.^{*)} В нем, однако, отсутствует даже год кончины, что представляется очевидным нонсенсом. По цензурным требованиям того времени в некрологе ни словом не упомянуто о пребывании Сперанского в заключении в 1949-1954 гг., но зато с пафосом рассказывается о его активном участии в революционных событиях 1905 г., за что был осужден на 10 лет каторги; освобожден он в феврале 1917 г., «будучи тяжело больным человеком».^{**)}

^{*)} Известия восточных филиалов Академии наук СССР. Новосибирск, 1957, № 3, с. 138, 139.

^{**)} Не намекает ли здесь непоименованный составитель некролога на совсем иное освобождение — 37 лет спустя?..

¹³⁾ Н.П. Якушева прожила три года заключения мужа на Колыме там же, в поселке Зырянка Средне-Колымского района Магаданской обл. Письмо на имя Л.П. Берии направила 10.04.1953,^{*)} менее чем через неделю после оповещения об освобождении арестованных врачей. Сам Вячеслав Вячеславович обратился в Прокуратуру СССР в июне 1953 г.^{**)}

^{*)} Следственное дело РЗ В.В. Богацкого, л. 465, 466.

^{**)} Там же, л. 472.

¹⁴⁾ Следственное дело Р24303 В.А. Хахлова, л. 439, 440.

¹⁵⁾ Неточность: передовица «Правды», под заголовком «Советская социалистическая законность неприкосновенна», опубликована 06.04.1953. В ней дополнительно обнародованы фамилии врачей, арестованных по тому же делу, но в первом сообщении от 13.01.1953 не упомянутых, а также вся вина за произошедшее возложена на заместителя министра МГБ СССР генерал-майора М.Д. Рюмина; последний попал за решетку еще 17.03.1953, то есть восемь дней спустя после похорон Сталина.

¹⁶⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, т. 2, л. 298, 299.

¹⁷⁾ Следственное дело Р24301 А.Я. Булыньникова, л. 381.

¹⁸⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 194 с оборотом.

¹⁹⁾ Там же, л. 345-350.

²⁰⁾ Там же, л. 345, 348.

²¹⁾ Там же, л. 349. Как поведала автору дочь Владимира Михайловича И.В. Крейтер, отец после возвращения домой говорил, что подписывал все, что ему подсовывали следователи; иначе выжить там было невозможно. Смерть акад. И.Ф. Григорьева в лазарете Бутырской тюрьмы, после отказа его подписать предъявленное обвинительное заключение (см. главу 4), лишь подтвердила слова Крейтера.

²²⁾ Следственное дело РЗ В.В. Богацкого, л. 472. Истинность этого заявления однозначно подтверждается архивными записями в протоколах допросов Богацкого, в том числе и календарными датами соответствующих документов. Проиллюстрируем это утверждение необходимыми для того выписками.

Из протокола допроса от 18.05.1949, который вел подполковник Коноплев: «В 1935 г. вы были арестованы органами НКВД... Если бы не проводили антисоветской агитации, вас не осудили бы на пять лет ИТЛ. — ... В антисоветском духе я не воспитывался. Врагом советской власти не был и не являюсь».^{*)}

Из протокола допроса от 08.07.1949, который вел майор Остапшин:

«За что раньше арестовывались? — Впервые был арестован за антисоветскую агитацию и за свои преступления получил пять лет. — ... подрывной работой вы занимаетесь давно. Не правда ли? — Отрицать не могу. Уже в 1934 г. полностью находился на антисоветских позициях...»^{**)}

^{*)} Там же, л. 19-20.

^{**)} Там же, л. 52-60

²³⁾ Следственное дело Р24294 М.И. Кучина, л. 429 оборотный.

²⁴⁾ Следственное дело Р24230 В.М. Крейтера, т. 2, л. 195, 196.

²⁵⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, т. 2, л. 351-354.

²⁶⁾ Я.С. Эдельштейн скончался 12.01.1951 в возрасте 82-х лет при этапировании в Магадан, где ему назначалось отбывать наказание.

²⁷⁾ Это было обычной практикой в те времена. Предписания рассылались Главлитом по библиотекам страны и невыполнение требования грозило слушникам серьезными неприятностями, вплоть до судебного преследования. Подобное предписание пришло и в Московский геолого-разведочный институт, в соответствии с которым следовало уничтожить все имевшиеся в библиотеке института экземпляры недавно выпущенного учебника В.М. Крейтера.^{*)} Заведующая библиотекой (не помню фамилии) на свой страх и риск запрятала книги в укромное место, сохранив их тем самым от огня. К слову, в каталоге фундаментальной библиотеки ИГЕМа первое издание книги не числится, то есть сберечь его там не удалось.

^{*)} В.М. Крейтер. Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых. Учебник для вузов. Москва, Госгеолтехиздат, 1947.

²⁸⁾ Следственное дело Р24206 Я. С. Эдельштейна, л. 250-252.

- ²⁹⁾ Сухановская следственная тюрьма МГБ СССР близ Новогиреева в Подмоскowie, располагавшаяся в бывшем монастыре и славившаяся наиболее жестокими условиями содержания.
- ³⁰⁾ Упомянутые в главе 4 американские исследователи Дж. Брент и В. Наумов, которые досконально ознакомились в архиве ФСБ РФ со следственными материалами по «делу врачей», начатого подготовкой, вослед «Красноярскому делу», с лета 1951 г. и вплоть до кончины Сталина в марте 1953 г., так определили подспудную задачу очных ставок в практике дознаний, проводившихся в МГБ СССР: «... очная ставка — метод, считавшийся долгие годы безотказным в системе советской безопасности,... чтобы выявить "правду", а фактически для того, чтобы противники оклеветали друг друга».^{*)}
- ^{*)} Дж. Брент, В. Наумов. Последнее дело Сталина. Москва, изд-во «Проспект», 2004, с. 152.
- ³¹⁾ Следственное дело P24208 А.Г. Вологодина, т. 2, л. 307-318.
- ³²⁾ Следственное дело P24227 М.М. Тетяева, т. 2, л. 323-325.
- ³³⁾ Следственное дело P24303 В.А. Хахлова, л. 450-455.
- ³⁴⁾ Следственное дело P24301, А.Я. Булыникова, л. 383, 384.
- ³⁵⁾ Центральный архив ФСБ РФ, фонд 66, опись 1, ед. хр. 1587, л. 154 с оборотом.
- ³⁶⁾ Следственное дело P24303 В.А. Хахлова, л. 438.
- ³⁷⁾ Уместно остановиться особо на личности И.А. Серова. В 1944 г. он возглавлял руководство массовыми депортациями малых народов Сев. Кавказа и крымских татар; за успешное проведение операции награжден орденами Суворова 1-й степени и Красного Знамени. В июне 1945 — ноябре 1946 — заместитель главнокомандующего Советской военной администрации Германии, откуда для личных целей вагонами отправлял в Москву разного рода ценности, от тряпок и мебели до музейных раритетов. После смерти Сталина и падения Берии сохранил свой пост 1-го заместителя министра МВД СССР, а в марте 1954 г. стал первым председателем вновь созданного КГБ СССР. После поимки в 1963 г. оказавшегося завербованным шпионом полковника Главного разведывательного управления О.В. Пеньковского снят со всех постов, понижен в звании до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза, а 09.04.1965 исключен из КПСС «за нарушение социалистической законности и использование служебного положения в личных целях».^{*)}
- ^{*)} К.А. Залесский. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, изд-во «Вече», 2000, с. 411, 412.
- ³⁸⁾ Следственное дело P24303 В.А. Хахлова, л. 441-445.
- ³⁹⁾ Там же, л. 447.
- ⁴⁰⁾ Там же, л. 457.
- ⁴¹⁾ К.А. Залесский. Империя Сталина,... с. 247.
- ⁴²⁾ А.Вайда. Кино и остальной мир. Москва, изд-во «Вагриус», 2005, с.
- ⁴³⁾ 16.09.1951 с просьбой о пересмотре приговора обратилась к Сталину и, параллельно к министру МГБ СССР, В.А. Баландина, жена ученого.^{*)}
- ^{*)} Следственное дело P24199 А.А. Баландина, л. 154-157.
- ⁴⁴⁾ В годы горбачевской перестройки полковник А. Хват был «прославлен» средствами массовой информации за активное участие в 1940 г. в осуждении великого генетика академика Н.И. Вавилова, скончавшегося 26 января 1943 г. от голода в камере саратовской тюрьмы.
- ⁴⁵⁾ Следственное дело P24199 А.А. Баландина, л. 187-189.
- ⁴⁶⁾ Там же, л. 190.
- ⁴⁷⁾ В мае 1953 г. был реабилитирован не один Баландин. Тогда же, в мае, вышли на свободу осужденные весной 1946 г., по сфабрикованному Сталиным делу о вредительстве в авиации, министр авиационной промышленности СССР А.И. Шахурин, командующий Военно-воздушными силами Советской Армии главный маршал авиации А.А. Новиков и еще пять человек, включая двух заведующих отделами управления кадров ЦК ВКП(б), а Г.М. Маленков, курировавший авиационную промышленность, лишился должности руководителя Секретариата ЦК. Освобождены они были по личному указанию Л.П. Берии.^{*)} Возможно вопрос о немедленном освобождении Баландина, после получения ходатайства от Н.Д. Зелинского, также оперативно решил непосредственно Берия.^{**)} Тем более что в 1939 г. Баландин вышел на свободу с санкции того же Берии, сменившего на посту главы НКВД СССР Н.И. Ежова; в пропагандистских целях тогда были освобождены из лагерей 223600 и из колоний и поселений 103800 (включая Баландина) человек.^{***)}
- ^{*)} К.А. Залесский. Империя Сталина,... с. 488.
- ^{**)} Уместно напомнить, что сообщение об освобождении врачей было опубликовано в прессе 04.04.1953 под шапкой «От Министерства внутренних дел». Это определение без обиняков подчеркивало личную инициативу Берии в прекращении дела, что соответствовало действительности и являлось одним из эпизодов начавшейся подковерной борьбы за власть в постсталинском Советском Союзе.
- ^{***)} Залесский, с. 56.
- ⁴⁸⁾ Следственное дело P24303 В.А. Хахлова, л. 457.
- ⁴⁹⁾ Следственное дело P24228 Г.М. Скуратова, л. 453.
- ⁵⁰⁾ Следственное дело P28 Ю.М. Шейнманна, л. 459.

⁵¹⁾ Полтора года спустя, 01.08.1955, решением Комиссии партконтроля при ЦК КПСС А.П. Вавилов был исключен из партии. В вину ему было поставлено, что «санкционировал арест 23^{*)} крупных ученых-геологов... по обвинению "во вредительстве"... Теперь установлено, что указанное дело было сфабриковано работниками МГБ. Верховный Суд СССР прекратил дело за отсутствием состава преступления». ^{**) В} общем-то в данном случае заместитель Генерального прокурора оказался на положении хрестоматийного стрелочника, потому что аресты геологов проводились (а прокурорская санкция на арест, как правило, появлялась на день-два позднее даты ареста) не «по справкам МГБ», как указано в записке КПК от 01.08.1955, а по прямому указанию Политбюро ЦК (см. главу 2).

^{*)} Описка; арестовано было в указанный в постановлении КПК срок 28 геологов.

^{**) Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956 (под общей редакцией акад. А.Н. Яковлева). Москва, 2000, с. 245.}

⁵²⁾ Следственное дело Р24213 М.П. Русакова, л. 356-359.

⁵³⁾ Следственное дело Р24301 А.Я. Булыникова, л. 406-412.

⁵⁴⁾ Следственное дело Р24295 Б.К. Лихарева, л. 387-389.

⁵⁵⁾ Следственное дело Р24303 В.А. Хахлова, л. 491-493.

⁵⁶⁾ Следственное дело Р24295 Б.К. Лихарева, л. 390-393.

⁵⁷⁾ Скорее всего, трое перечисленных томичей, а также ленинградец В.Н. Доминиковский, проводивший в том же 1930 г., под руководством В.С. Домарева, геологические исследования на Юлинском руднике, оказались в первой группе арестантов по «Красноярскому делу» явно с подачи А.Ф. Шестаковой, находившейся во второй половине 40-х гг. в постоянном контакте с И.Г. Прохоровым. Пятеро других, взятых одновременно с поименованными, рангом своим существенно выше их: два академика Баландин и Григорьев, член-корреспондент Вологдин, один из самых маститых геологов страны Эдельштейн и главный геолог крупной экспедиции треста «Аэрогеология» Шейнманн.

⁵⁸⁾ Следственное дело Р24219 В.Д. Томашпольская, л. 234-239.

⁵⁹⁾ Там же, л. 168, 269, 271.

⁶⁰⁾ По существовавшим в МГБ СССР правилам для фамилии Сталина в машинописном тексте оставался проем, в который она вписывалась от руки особо уполномоченным на то лицом.

⁶¹⁾ Следственное дело Р24219 В.Д. Томашпольская, л. 243-247.

⁶²⁾ Там же, л. 256, 257.

⁶³⁾ Там же, л. 278-282.

⁶⁴⁾ Следственное дело Р33142 Ю.Ф. Погоня-Стефановича, л. 210-213, 322, 323.

⁶⁵⁾ Следственное дело Р24302 Л.И. Шаманского, л. 215-219.

⁶⁶⁾ Этот номер соответствует сегодняшнему номеру Р24302, под которым дело хранится в архиве ФСБ РФ. Буква «Р» указывает на реабилитацию фигуранта соответствующего дела, а гриф «ОС» означал, что соответствующее дело относится к числу особо секретных.

⁶⁷⁾ Следственное дело Р24302 Л.И. Шаманского, л. 220.

⁶⁸⁾ Письмо И.Л. Шаманского и связанная с ним юридическая документация прошита в следственном деле Р24302 после л. 229, без нумерации листов.

⁶⁹⁾ Следственное дело Я.С. Эдельштейна Р24206, л. 275.

⁷⁰⁾ В доме № 19 по Староконюшенному переулку.

⁷¹⁾ РГАСПИ, фонд 589, опись 3, ед. хр. 7599, т. 2, л. 317; т. 3, л. 125, 149.

Приложение 1

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «ПРАВДЫ» тов. ПОСПЕЛОВУ П.Н.
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЕЗДКИ В
КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ С 25.IX.47 г. ПО 2.II.1948 г.

Представляю на Ваше рассмотрение составленный мною акт о найденных 5-6 октября 1947 г. на территории Минусинского музея преступно спрятанных от государства коллекций и проб, являющихся результатом больших геолого-разведочных работ на юге Красноярского края, когда здесь предполагалось во второй пятилетке крупное промышленное строительство, долженствовавшее завершить последнее звено в решении Урало-Кузнецкой проблемы.

Подозрение у меня вызвал и сотрудник Южно-Енисейской экспедиции АН СССР томский геолог Н. Мартьянов, внук основателя Минусинского музея. Он так себя странно вел, когда я нашла спрятанные ящики с геологическими коллекциями, что я, забыв о том, что только журналистка, приняла решение немедленно взять эти ящики под замок и кроме того еще и опечатать. У секретаря Минусинского горкома партии т. Кондрашова это мое решение вызвало улыбку. Возможно он и не улыбался бы, если бы слышал тирады Мартьянова, обращенные ко мне в подвале 06.X.1947 г. Понимаю ли я, корреспондент «Правды», какое страшное преступление обнаружила. Что всюду ищут радиоактивные руды, сидят в музеях над образцами под витринами, а к таким вот старым ящикам, какие я только что нашла, и не подумали прикоснуться. По ряду причин я тирады Мартьянова «замяла» и даже сердито выставила его из подвала и со двора музея. Может на меня из-за этого из СОПСа АН будут Вам, как это было по иркутской конференции, жаловаться, то я прошу учесть, что иначе поступить не могла. Уж со слишком нездоровым любопытством шнырял «научный сотрудник» по ящикам, которые он не раз видел, но помалкивал, пока их наконец скандально не обнаружила «Правда». Именно такой упрек этому Мартьянову директор музея тов. Маркова и бросила в глаза в моем присутствии 06.X.47 г., обозлившись на его притворное удивление. Она сказала ему буквально следующее: «Чего вы теперь ахаете и сожалеете, что раньше не видели этих ящиков, таких ценных, как вы теперь говорите, для государства и для вашей научной работы! А сколько раз вы в музее были, мимо ящиков этих ходили и хоть бы раз, как образованный геолог, сказали мне, необразованной в геологии, что эти бесхозные ящики — ценность для государства. Бессовестные вы люди!»

25.II.1948 г. А. Шестакова, корр. «Правды».

СПРАВКА

Сотни ящиков с кернами и образцами проведенных в 1929-33 гг. широких поисковых геолого-разведочных работ на юге Красноярского края и в Туве были найдены ровно год назад лично мною 5-6 октября 1947 года в совершенно беспризорном состоянии и в подозрительно замаскированном виде. Так как много ящиков находилось в разных местах двора под открытым небом и в совершенно незащищенном виде от хищений, то по моему указанию директору музея тов. Марковой Т.Ф., как члену партии, все указанные ящики при нашей с ней личном участии группой комсомольцев были перенесены в подвал № 1.

При переносе, ввиду ветхости некоторых ящиков, а также потому, что в них уже кто-то не раз лазил, из ящиков падали отдельные образцы, которые лично мною подбирались и сносились в пустые лотки в подвал № 1. В числе выпавших образцов был мною подобран и образец № 23. В октябре 1947 года я лично не знала еще, как выглядят в натуре (в природной окраске) богатые альбитовые руды¹⁾ типа тююмунита, и мне в тот день не совсем был понятен инцидент, который произошел в подвале № 1, куда я принесла и положила на лоток образец № 23. Инцидент этот заключался в следующем:

когда я начала переноску образцов Юлинской ГРП, Нефелиновой партии, а также Минусинской партии по поискам редких элементов (все это было странно замаскировано разным хламом на открытой веранде здания отдела фондов), на двор музея явился геолог Томского не то университета, не то института (точно не знаю) некто Мартьянов, внук основателя Минусинского музея. Этот геолог в 30-32 гг. работал старшим коллектором в Хакасско-Минусинской геолого-разведочной базе Наркомтяжпрома Союза, а затем работал на разведке Таракского монацитового месторождения и, судя по всему, прекрасно знал образцы альбитовых руд. В 1948 г. он работал в Южно-Енисейской экспедиции СОПСА Академии наук СССР по поискам углей.

Когда этот Мартьянов увидел, что я подняла образец № 23, он чуть не выхватил у меня из рук, и я была вынуждена завернуть находку в полужакетку. Тут же я спустилась в подвал № 1 и туда же последовал по пятам за мной и Мартьянов. В страшно возбужденном состоянии он обратился ко мне с таким вопросом: «Вы, кажется, специальный корреспондент "Правды"». Я ответила утвердительно. После этого был задан второй, не менее странный вопрос: «Вы представляете, какое вы сейчас обнаружили ужасное преступление?» Откровенно говоря, я сначала не совсем поняла, в каком направлении ведет речь Мартьянов, и спокойно ответила ему: «Конечно понимаю, так как трудно найти еще более яркий пример бесхозяйственного и некультурного отношения к результатам работы, на которые были затрачены громадные государственные средства».

В ответ я услышала от Мартьянова такую тираду, которая заставила меня через 20 минут пригласить на территорию музея и, в частности, в подвал № 1, секретаря Минусинского горкома тов. Кондрашова, которому я и высказала, что немедленно опечатаваю данные подвалы (№ 1 и 2) и прошу его, как партийного руководителя города, взять под партийную охрану перенесенные сюда, в подвал № 1, а также и находившиеся в странном подвале № 2 (ход туда был кем-то замурован) ящики с образцами и кернами, ввиду того, что здесь, видимо, имеет место какое-то очень серьезное государственное преступление.

Тирада геолога Мартьянова почти буквально заключалась в следующем: «Сейчас всюду ищут радиоактивные руды. Образцы их искали и на витринах Минусинского музея им. Мартьянова. Сидели, мол, здесь, измеряли аппаратами, а в подвалы и к старым ящикам, которые вы сейчас обнаружили, даже и не подумали прикоснуться. Теперь вы понимаете, что вы обнаружили?» Я ответила, что не в курсе таких специальных работ и попросила его удалиться из подвала, поскольку он никакого отношения к этой находке не имеет. Эта моя просьба не подействовала на Мартьянова. С нездоровым любопытством он стал шнырять по ящикам, после чего я уже грубовато сказала ему, что если он не покинет сейчас же подвал, я буду вынуждена пригласить охрану из милиции.

Когда вскоре пришел секретарь Минусинского горкома партии тов. Кондрешов, я перед разговором с ним в подвале предварительно посмотрела, нет ли кого на лестнице. На лестнице в подвал никого не было, однако, когда я минут через пять снова решила проверить, то увидела, что Мартьянов стоит на приступках и делает вид, что читает какую-то найденную старую этикетку. Я грубо, несмотря на неудовольствие тов. Кондрашова, попросила Мартьянова немедленно оставить не только лестницу подвала, но и территорию музея, сказав ему, что хотя музей и был основан его дедом, но не является семейной собственностью, и надо это понимать.

В силу всего вышеизложенного, образец № 23, как лично найденный мною при указанных выше особых обстоятельствах, был доставлен лично первому секретарю крайкома партии тов. Аристову, у которого он и хранился в здании крайкома партии в личном несгораемом шкафу, и был доставлен в Москву в марте 1949 г. в личном его вагоне, как вещественное доказательство, помогающее раскрыть государственное преступление, творившееся на территории Красноярского края вредителями из геологической службы и Академии наук СССР.

В заключение справки к истории находки образца № 23 считаю необходимым отметить такую деталь — один из сыновей основателя Минусинского музея, а именно Н. Мартьянов, разведчик царской армии, после революции не захотел остаться в России и уехал в Америку, откуда до революции несколько раз обращались с предложениями купить Минусинский музей для Америки. Среди коммунистов в Красноярске мне довелось слышать, что этот Мартьянов сопровождал по Сибири какую-то американскую делегацию во время Отечественной войны в 1943-44 гг.

Подпись председателя комиссии,
специального корреспондента
«Правды» по Красноярскому краю

(А. Шестакова)

Красноярск-Москва, октябрь 1948 г. — март 1949 г.
(Есть фотографии обр. № 23 в двух плоскостях).

Из фондов музея Томского университета
(получено А.Д. Бабанским)

¹⁾ Так в 1949 г. в геологических отчетах и других документах шифровались урановые руды

Приложение 2

Письмо президента АН СССР С.И. Вавилова и главного ученого секретаря Президиума АН СССР А.В. Топчиева председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину от 20.05.1949, № СР—326 326сс.

В связи с разоблачением врага народа бывшего директора Института геологических наук АН СССР И.Ф. Григорьева и Постановлением Совета Министров СССР от 11 апреля 1949 г. № 1409-506сс, Президиумом Академии Наук СССР была создана комиссия для обследования научной деятельности и состояния кадров Института геологических наук АН СССР.

В результате работы этой комиссии установлено, что вражеские антигосударственные действия бывшего директора Института Григорьева, при попустительстве членов дирекции С.А. Кашина, Н.С. Шатского и А.А. Саукова и Бюро Отделения геолого-географических наук (акад. А.Н. Заварицкий) привели к развалу крупного центра отечественной геологической науки, чем был нанесен большой ущерб советской геологии и народному хозяйству страны. В работе Института решающую роль играли личные интересы отдельных ученых, а не запросы народного хозяйства.

Не выдвинув и не разрешив ни одной крупной научной проблемы, важной для государства, руководство Института отводило его основные научные силы от решения важнейших задач, распыляло средства и кадры на многочисленные неактуальные работы и срывало и тормозило выполнение заданий Правительства, направленных на расширение минерально-сырьевых ресурсов Советского Союза.

По количеству высококвалифицированных научных сотрудников Институт является крупнейшим научным центром СССР. На 10.05.1949 г. в Институте геологических наук работали: 3 академика, 12 членов-корреспондентов АН СССР, 48 докторов наук, 88 кандидатов и 97 младших научных сотрудников.

Стоявший в течение ряда лет во главе руководства Института враг народа Григорьев засорил Институт людьми, сомнительными в политическом и деловом отношении.

Выборы геологов в состав академиков и членов-корреспондентов АН направлялись таким образом, чтобы среди этой высшей категории научных сил Института не оказалось ни одного члена ВКП(б). Совершенно недостаточной является партийная прослойка среди докторов наук и научных сотрудников Института.

В Институте много работников чуждого социального происхождения и лиц, бывших на временно оккупированных немцами территории.

Институт геологических наук оторван от решений важнейших вопросов народного хозяйства и не развернул разработку научных основ расширения железорудной базы СССР, базы цветных и редких металлов, запасов нефти, угля и других полезных ископаемых. В Институте проводилась антигосударственная практика отрыва научно-исследовательских работ от решения важнейших народно-хозяйственных задач.

Планы работ Института характеризуются искусственно раздутой многотемностью, причем большинство тем не связаны между собой и не имеют целеустремленности. Подобная вредная практика организации работы привела к отвлечению крупных научных сил Института от решения проблем, имеющих важное значение для народного хозяйства страны.

Наиболее квалифицированные геологи-академики и члены-корреспонденты, которые могли бы принести большую пользу народному хозяйству, ушли в стороны от важной государственной тематики и замкнулись в узкие теоретические исследования.

Дирекция Института, возглавлявшаяся врагом народа Григорьевым, встала на путь срыва важнейших заданий Правительства. Так, например, дирекция Института пыталась сорвать работы Среднеазиатской экспедиции по изучению месторождений урана, тория и др. редких элементов, работы по изучению газоносности каменноугольных месторождений, изучение железорудных месторождений на Приполярном Урале и др.

Руководство Института всячески тормозило развитие наиболее прогрессивных отечественных школ и направлений, связанных с именами выдающихся советских ученых: В.И. Вернадского — в области геохимии и минералогии, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга и Д.С. Белянкина — в области петрографии, А.Д. Архангельского и И.М. Губкина — в области геологии и др. Общая обстановка в Институте была весьма тяжелой, критика не допускалась и обычно пресекалась в самой грубой форме, как бывшим директором Института И.Ф. Григорьевым, так и его заместителем С.А. Кашиным.

Взаимоотношения Института с Министерством геологии СССР носили не деловой характер; они подменялись личными связями б. директора Института Григорьева и его заместителя Кашина с б. министром геологии И.И. Малышевым. Министерство геологии не поставило перед Институтом ни одной крупной проблемы.

В итоге, несмотря на наличие крупных научных сил, Институт в целом не оправдал требований, которые к нему были предъявлены при его организации и не обеспечил решение наиболее актуальных задач, связанных с изучением и расширением минерально-сырьевой базы СССР. Основные научные кадры Института на длительный период времени были искусственно выключены из работ важнейшего государственного значения.

Президиум Академии Наук осуществляет в настоящий момент мероприятия, направленные на быстрое исправление последствий того весьма серьезного ущерба, который нанесен Институту его бывшим директором Григорьевым, и на коренную перестройку всей работы Института:

1. Постановлением закрытого заседания Президиума АН от 12 мая с.г. сняты с работы заместители директора Института по научной части доктор геолого-минералогических наук С.А. Кашин, член-корреспондент Н.С. Шатский и профессор А.А. Сауков.

2. И.о. директора Института геологических наук назначен профессор, доктор геолого-минералогических наук Варенцев М.И. и заместителем директора Института доктор геолого-минералогических наук Власов К.А.

3. Новое руководство Института и Управление кадров Президиума АН в месячный срок должны пересмотреть состав кадров Института с целью освобождения от работы в Институте лиц, не внушающих политического доверия и не соответствующих своему назначению по деловым качествам.

4. Новое руководство Института и Бюро Отделения геолого-географических наук срочно пересматривают проблемно-тематический план Института на 1949 год и направление всей его деятельности. Согласованный с Госпланом Союза СССР и Министерством геологии СССР новый план Института будет рассмотрен и утвержден Президиумом АН СССР не позднее 1 июля с.г.

5. Производится ревизия отчетов, коллекций и других материалов экспедиций, возглавлявшихся Григорьевым, в целях возможного выявления скрытых им материалов по оценке месторождений полезных ископаемых.

6. Бюро Отделений геолого-географических наук и новому руководству Института Президиумом поручено подготовить предложения о реорганизации Института и о дальнейшем развитии его научной деятельности.

Случаи отсутствия государственного планирования научных работ, отрыва от интересов народного хозяйства, замкнутости отдельных ученых в тематику узко личного значения имеются в той или иной степени и в других учреждениях АН СССР. В целях борьбы с подобными явлениями и мобилизации научной общественности на улучшение всей деятельности Академии Президиум просит Вас разрешить провести в мае с.г. обсуждение на закрытых заседаниях Ученых советов институтов Академии Наук постановления Президиума АН СССР от 12 мая с.г.

Российский государственный архив социально-политических исследований (РГАСПИ), фонд 558, опись 11, ед. хр. 158, л. 92-96.

Приложение 3

В ЦК КПСС Н.С. ХРУЩЕВУ от академиков А.Г. Бетехтина, Д.С. Коржинского, Н.М.Страхова и Н.С. Шатского.

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Мы вынуждены обратить внимание на крайне неблагоприятное положение в Институте геологических наук и в Отделении геолого-географических наук (ОГГН) АН СССР, создавшееся за последние годы.

Дело в том, что, начиная с 1949 г., когда деятельность прежней Дирекции Института, при активном участии К.А. Власова и др., была объявлена вредительской, а сам Директор, акад. И.Ф. Григорьев — врагом народа, положение в Институте резко изменилось: 1) в тематический план Института было включено много тем второстепенного значения, которые с успехом могли бы быть выполнены в отраслевых научно-исследовательских институтах министерств; 2) в связи с этим штат Института увеличился почти в три раза, главным образом за счет малоквалифицированных работников, а часть высококвалифицированных сотрудников, докторов наук (А.А. Якжин, С.А. Кашин, Ф.И. Вольфсон и др.) была несправедливо отчислена из Института; 3) были ликвидированы некоторые направления, в частности в Рудном Отделе и т.д.

Все это привело к тому, что Институт геологических наук, как высшее научное учреждение в СССР, потерял свое значение. Благодаря резкому переуплотнению рабочей площади создались невозможные условия для творческой научной работы в Институте. Руководство со стороны Дирекции Института и ОГГН приняло явно бюрократический характер.

Год тому назад лица, обвинявшиеся во вредительстве, были полностью реабилитированы. Казалось бы, это обязывало Президиум пересмотреть свои действия по отношению к Институту геологических наук. Однако, К.А. Власов, пользуясь поддержкой со стороны Гл. ученого секретаря Президиума А.В. Топчиева, несмотря на сигналы со стороны академиков и парторганизации Института, продолжает свою прежнюю политику, оказывая давление на ОГГН, назначая вопреки уставу по своему усмотрению заместителей академика-секретаря ОГГН и т.д.

Мы полагаем, что наступил момент, когда следует упразднить опеку над ОГГН со стороны К.А. Власова, особенно теперь, когда Отделения наук переведены непосредственно в Президиум АН СССР. К.А. Власов, являясь в сущности дилетантом в области геологии, слабо знаком с практическими задачами производственных организаций. Этим объясняются его ошибки на административном посту в секретариате Президиума и создавшийся антагонизм между ним и геологической общественностью.

Мы просим Вам, Никита Сергеевич, оказать содействие в коренной реорганизации Института геологических наук и ОГГН АН СССР, для чего необходимо очистить тематику Института от тем второстепенного значения, передать сотрудников, мало способных к научно-исследовательским работам, в производственные организации, укрепить состав ОГГН и создать условия для целеустремленного творческого развития геологических наук в Академии в целях укрепления оборонной мощи нашей Родины и достижения новых успехов в строительстве коммунизма.

Аналогичное письмо мы направили Председателю Совета Министров СССР Н.А. БУЛГАНИНУ.

Академик А.Г. Бетехтин
Академик Д.С. Коржинский
Академик Н.М. Страхов
Академик Н.С. Шатский

9 апреля 1955 г.

Российский государственный архив новейшей истории, фонд 5, опись 17, ед. хр. 513, л. 85, 86.

На отдельном листе — автограф секретаря ЦК КПСС П.Н.Поспелова: Товарищу Румянцеву А.М.¹⁾ 12.IV.55
Там же, л. 84.

¹⁾ А.М. Румянцев — заведующий Отделом науки и культуры ЦК КПСС.

Приложение 4

Проект постановления собрания парторганизации ВСЕГЕИ; даты нет, но на последнем листе — отметка машинистки: «Отпечатано в 4 экз., 27.10.1949».

Заслушав доклад директора ВСЕГЕИ т. Нестерова Л.Я. о деятельности Института в свете решений Совета Министров СССР от 11.04.1949,¹⁾ партийное собрание отмечает, что в этих решениях с предельной ясностью вскрыта вредительская деятельность группы старых специалистов-геологов врагов народа Эдельштейна, Вологодина, Григорьева и др., которые в течение многих лет занимали ведущее положение в Институте.

Враги народа Эдельштейн, Лихарев и др., работая в Институте более 30 лет, свою вредительскую деятельность направляли по линии ослабления экономической мощи страны, уводили геолого-разведочную службу в сторону от решения коренных задач в деле расширения минерально-сырьевой базы и всячески тормозили рост и развитие молодых кадров, преданных нашей Родине. Благодаря политической слепоте и беспечности со стороны парторганизации и руководства Института они занимали монопольное положение и свободно творили свои гнусные дела.

Парторганизация Института в течение ряда лет не проявила должной бдительности и не только не вскрыло их вредительскую деятельность, а наоборот — во многих случаях считая их «золотым фондом», некритически оценивала работу ныне разоблаченных врагов народа и создавала им незаслуженный авторитет.

Партбюро Института не подняло на должный уровень внутривнутрипартийную и идеологическую работу, не развернуло большевистской критики, не воспитало чувства бдительности и не вело действительной политико-воспитательной работы среди коммунистов и ведущей части беспартийных специалистов, следствием чего явились политическая беспечность и близорукость как среди членов партии, так в особенности в партбюро и прежнем руководстве Института, не сумевших вскрыть преступную деятельность врагов народа...

...Парторганизация и руководство Института не сумели организовать действенного контроля и принципиальной критики законченных работ, в результате чего значительная часть отчетов принималась формально, считаясь с положением и «авторитетом» того или иного специалиста (работы Дзенс-Литовского, Бер²⁾ и др.)...

В летний период 1949 г., после разоблачения врагов народа Эдельштейна, Лихарева и Верещагина, партбюро не сумело оценить всей серьезности создавшегося положения в Институте, не мобилизовало коммунистов на вскрытие и ликвидацию последствий вредительства...

ЦАИПД, фонд 2212, опись 3, ед. хр. 12, л. 77-80.

¹⁾ Постановление СМ СССР № 1409-506сс от 11.04.1949; текст его ныне хранится в Архиве Президента РФ.

²⁾ А.И. Дзенс-Литовский — ведущий специалист по галогенным отложениям СССР, А.Г. Бер — специалист по верхнемезозойским и палеоген-неогеновым осадкам южных отрогов Урала и Тургайского прогиба в Сев. Казахстане.

Приложение 5

Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н.С. Хрущеву

В 1949 году при помощи клеветы и использования недостойных лиц бывший сотрудник газеты «Правда» Шестакова Анастасия Федоровна сумела обвинить в глазах Берии и Абакумова и посадить за решетку 27 геологов, в том числе 4 академиков и членов-корреспондентов АН СССР и 10 профессоров — докторов геолого-минералогических наук.¹⁾

Все эти лица безвинно отбыли 5 лет наказания, из них умерло в тюрьмах и лагерях 6 человек, в том числе академик И.Ф. Григорьев, профессора Котульский В.К., Эдельштейн Я.С. и Шаманский Л.И.²⁾

Оставшиеся в живых, равно как и погибшие в тюрьмах и лагерях, геологи полностью реабилитированы решением Верховного Суда СССР от 31 марта 1954 года.

Шестакова несет огромную долю ответственности не только за тюремное заключение и смерть геологов, но и за многие сотни миллионов рублей, бесцельно и безответственно растраченные Енисейстроем, за несправедливую пощечину тысячам геологов, которые учились и работали по книгам репрессированных профессоров. Она отвечает и за то, что 5 лет огромнейшие средства направлялись на «ликвидацию последствий» никогда не существовавшего вредительства.

Эта матерая клеветница, которая еще в январе 1953 года приходила в г. Красноярск в лагерь посмотреть, по ее выражению, «своих арестантов», живет до сих пор в доме ЦК КПСС и практически остается безнаказанной.

Полная безнаказанность Шестаковой А.Ф. и своеобразная «неприкосновенность ее личности» удивляет и оскорбляет геологическую общественность. Нам совершенно не ясно, почему Шестакова до сих пор не ответила за свою изощренную клевету, принесшую гибель людей, огромный вред геологическому производству, бесполезную затрату огромных средств и т.д.

Поэтому мы обращаемся именно к Вам, Никита Сергеевич, так как мы убеждены в Вашей справедливости и умении быстро обнаружить истинных виновников.

Доктор геолого-минералогических наук
профессор Минцветметзолото Крейтер В.М.

¹⁾ Имеются в виду академики А.А. Баландин, И.Ф. Григорьев и М.П. Русаков, член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин, профессора И.К. Баженов, А.Я. Булытников, В.К. Котульский, В.М. Крейтер, М.П. Кучин, Б.К. Лихарев, М.М. Тетяев, В.А. Хахлов, Л.И. Шаманский, Ф.Н. Шахов и Я.С. Эдельштейн (см. также табл. 1 в главе 2).

²⁾ Помимо названных скончались в заключении также П.И. Дмуховский и Н.Я. Коган.

Копия настоящего письма предоставлена для публикации дочерью Владимира Михайловича Крейтера И.В.Крейтер. По полученным от нее сведениям, отец направил это письмо адресату в 1955 году.

Приложение 6

Из переписки между Национальной академией наук США и лауреатом премии имени Уолкотта членом-корреспондентом АН СССР А.Г. Вологдиным.

I

Секретарь по иностранным делам Национальной академии наук (НАН) США Д.В. Бронк профессору А.Г. Вологдину, от 15.05.1947.

Мне доставляет удовольствие сообщить Вам, что Национальная Академия Наук утвердила на бизнес-сессии 28 апреля 1947 г. рекомендацию Совета Попечителей Фонда Чарлза Дуллитла Уолкотта, что медаль Ч.Д. Уолкотта за 1947г., с полагающейся премией, должна быть присуждена Вам в знак признания Ваших выдающихся работ по кембрийской и докембрийской фауне Советского Союза.

Фонд Уолкотта был учрежден миссис Мери В. Уолкотт в апреле 1928 г. с целью стимулирования поисков и изучения следов жизни в докембрии и кембрии и ее истории на всей территории Земли, с присуждением медали каждые пять лет, начиная с 1932 г.

Вручение медали может состояться либо на осенней сессии, которая состоится 17-19 ноября 1947 г., либо на следующем годичном заседании, которое назначено на 26-28 апреля 1948 г. Члены Академии надеются, что Вы сможете лично прибыть для получения медали.

Копия данного уведомления посылается Вашему Правительству по официальным каналам.

II

Член-корреспондент АН СССР А.Г. Вологдин секретарю по иностранным делам НАН США Д.В. Бронку, от 24.08.1947.

По получению Вашего любезного письма, в котором Вы сообщили о присуждении мне медали Уолкотта и премии Национальной Академии Наук США, я незамедлительно проинформировал Вас об искренней признательности за оказанную мне высокую честь. Надеюсь, Вы своевременно получили мой ответ.

Недавно я был повторно оповещен об этом важнейшем в моей жизни событии в письме от Президента Комитета Фонда Уолкотта проф. докт. К.О. Денбара, в котором он поздравил меня и просил сообщить мой точный адрес. Это письмо было послано в мой прежний институт — Всесоюзный Геологический институт в Ленинграде. Я немедленно отправил ответ д-ру Денбару в Йельский Университет, Нью-Хейвен.

В последние дни я консультировался с врачами, наблюдающими за моим здоровьем, по поводу моего визита в Америку этой осенью или будущей весной, но они не поддержали моего желания поехать туда. Мои многочисленные экспедиции в горные районы Сибири и Центральной Азии, требовавшие частых подъемов на большие высоты, привели к развитию тяжелой легочной эмфиземы и бронхиальной астмы. Недавно я приступил к прохождению курса регулярного лечения, и врачи возражают против моих путешествий в предстоящие год-два, особенно таких дальних поездок, как в Вашингтон, за океан. Тем самым я вынужден официально информировать Вас, что, к сожалению, не смогу приехать в США.

Архив НАН США. Документы предоставлены осенью 2003 г. президентом НАН Брюсом Альбертсом находившемуся в Вашингтоне вице-президенту РАН Н.П. Лаверову; перевод с английского.

Приложение 7

Сводный пофамильный список геологов, так или иначе упоминавшихся во время допросов (по протоколам 11-ти следственных дел,¹⁾ лично просмотренных автором полностью).

Амирасланов А.А.	Меркулов А.И.
Анкилович С.Г.	Наливкин Д.В.
Багратуни Е.Г.	Нехорошев В.П.
Бетехтин А.Г.	Николаев В.А.
Боговаров Н.А.	Обручев В.А.
Болдырев А.К.	Падалка Г.Л.
Бричкин А.В.	Падуров Н.Н.
Гапеев А.А.	Паффенгольц К.Н.
Глазковский В.А.	Пахомов П.И.
Годовиков В.Н.	Салье Е.
Грушевой В.Г.	Сатпаев К.И.
Елисеев Н.А.	Сирин Н.А.
Заварицкий А.Н.	Смирнов С.С.
Звонарев И.Н.	Степанов П.И.
Иванов С.Н.	Татаринев П.М.
Кордилов А.А.	Усов М.А.
Коровкин М.К.	Чернявский
Королев А.В.	Яворский В.И.
Криштофович А.Н.	Яговин И.С.
Кузьмин А.М.	Яковлев С.А.

¹⁾ Следственные дела: И.К. Баженова, Р24297; В.В. Богацкого, Р3; А.Г. Вологодина, Р24208; И.Ф. Григорьева, Р24216; В.Н. Доминиковского, Р24207; В.К. Котульского, Р24229; В.М. Крейтера, Р24230; Б.К. Лихарева, Р24295; М.П. Русакова, Р24213; В.А. Хахлова, Р24303; Я.С. Эдельштейна, Р24206.

Список сокращений.

АВП РФ	Архив внешней политики РФ
АН СССР	Академия наук СССР
ВИМС	Всесоюзный институт минерального сырья, Москва
ВКЗ	Всесоюзная комиссия по запасам
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСЕГЕИ	Всесоюзный геологический институт, Ленинград
Геолком	Геологический комитет, С.-Петербург—Петроград
ГК ВКП(б)	Городской комитет ВКП(б)
ГКЗ	Государственная комиссия по запасам
ГУЛАГ	Главное управление исправительно-трудовыми лагерями НКВД-МВД СССР
ДВФАН СССР	Дальневосточный филиал Академии наук СССР
ЗСГУ	Западно-Сибирское геологическое управление
ИГЕМ РАН	Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН
ИГН АН СССР	Институт геологических наук АН СССР
ИТЛ	Исправительно-трудовые лагеря
КГБ СССР	Комитет государственной безопасности СССР
КГУ	Красноярское геологическое управление
КПЧ	Контрольно-политическая часть при ИТЛ
МВД СССР	Министерство внутренних дел СССР
МГБ СССР	Министерство государственной безопасности СССР
МГК	Международный геологический конгресс
МГК ВКП(б) — КПСС	Московский городской комитет ВКП(б) — КПСС
МГРИ	Московский геолого-разведочный институт
Мингео СССР	Министерство геологии СССР
Минцветмет СССР	Министерство цветной металлургии СССР
МИД СССР	Министерство иностранных дел СССР
МИЦМЗ	Московский институт цветных металлов и золота
НАН США	Национальная академия наук Соединенных Штатов Америки
НИИ	Научно-исследовательский институт
НКВД СССР	Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОГГН АН СССР	Отделение геолого-географических наук АН СССР
ОСО	Особое Совещание при министре МГБ СССР
РАН	Российская академия наук
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории, Москва
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политических исследований, Москва
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	Российская Федерация
СМ СССР	Совет министров СССР
СНК СССР	Совет народных комиссаров СССР
СССР	Союз Советский Социалистических Республик
УК РСФСР	Уголовный кодекс РСФСР
УМГБ-НКВД	Управление МГБ-НКВД СССР
УПК РСФСР	Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР
ФСБ РФ	Федеральная служба безопасности РФ

ЦАИПС	Центральный архив историко-политических исследований, С.-Петербург
ЦАОДМ	Центральный архив общественных движений Москвы
ЦК ВКП(б)	Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК КПСС	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза